

CULTURE of

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ

RENAISSANCE

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА
XV – СЕРЕДИНЫ XVII в.

контакты и взаимное восприятие

Российская академия наук

Научный совет «История мировой культуры»

Комиссия по культуре Возрождения

CULTURE of
с е р и я
КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ
RENAISSANCE

основана в 2003 году

Редколлегия:

доктор филологических наук М. Л. Андреев

доктор исторических наук Л. М. Брагина

кандидат исторических наук В. М. Володарский

доктор искусствоведения В. Д. Дажина

доктор исторических наук О. В. Дмитриева

кандидат исторических наук А. В. Доронин

доктор исторических наук О. Ф. Кудрявцев

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XV – СЕРЕДИНЫ XVII в. *контакты и взаимное восприятие*

Ответственный редактор О. Ф. Кудрявцев

М О С К В А
2 0 1 3

УДК 7.033/.035
ББК 85.1
Е24

Утверждено к печати Научным советом РАН «История мировой культуры»

Рецензент — кандидат исторических наук Т. Д. Стецюра

Е24 Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. — М. : Политическая энциклопедия, 2013. — 335 с. : ил. — (Культура Возрождения).

ISBN 978-5-8243-1829-6

Сборник составлен в основном по материалам международной научной конференции, прошедшей в Москве 17–18 октября 2011 г. Большое внимание авторы уделили тому, как европейская ренессансная культура воспринимала открываемый ею русский мир и как, в свою очередь, в России описывали и оценивали то, что находили на Западе. Значительное место в статьях сборника занимает исследование русско-европейских контактов в области религиозной и философской мысли, науки и искусства, отразившихся в памятниках литературы и художественных произведениях.

Книга иллюстрирована работами мастеров искусства XV–XVII вв.

Издание адресовано всем интересующимся отечественной средневековой и европейской ренессансной культурой.

УДК 7.033/.035
ББК 85.1

ISBN 978-5-8243-1829-6

© Кудрявцев О. Ф., составление, 2013

© Коллектив авторов, 2013

© Политическая энциклопедия, 2013

ЕВРОПА КАК «ЗАПАД» В РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСПРИЯТИИ

Л. А. Черная

В обыденной речи, а также в самых разнообразных источниках средневековой России вплоть до конца XVII столетия под Западом подразумевали Западную Европу в целом, порой Рим или Ватикан с папой римским. Если говорить о восприятии русскими Европы в Средневековье, конечно же, речь должна идти не о географической Европе, а о некоей религиозно-культурной общности европейских народов, воспринимаемой и обозначаемой русскими как Запад. Нельзя не согласиться с Й. Хейзингой, писавшим, что «термин Запад обретает смысл тогда, когда мы понимаем под ним латинское христианство, постепенно отдалявшееся в раннем Средневековье от тех стран, которые не считали Рим основанием христианской Церкви. Группу западных стран, признававших духовную власть Рима, можно в определенной степени рассматривать как единое целое»¹. В связи с этим встает ряд вопросов, среди которых на первом месте вопросы о времени возникновения в русской традиции этого обозначения и о содержании, в него вкладываемом на протяжении XI–XVII вв.

Несмотря на ряд исследований, посвященных контактам, восприятию, описанию взаимоотношений России и Запада², эволюция данного понятия не была предметом специального анализа. Для историков Русской Церкви по-прежнему звучит аксиомой утверждение, что, «будучи под влиянием греческой церкви, русская церковь уже а priori составляла себе представление о латинстве. По рассказам и источникам греческим она знала, что учение латинян развращено и что сами латиняне народ негодный. Русская церковь не только приняла это представление о латинстве в первое время, но и удержала такой взгляд надолго»³. Создается впечатление, что едва ли не с момента принятия христианства из Византии Древняя Русь стала именовать Европу латинским Западом. А между тем Европа и Запад далеко не сразу стали синонимами в русском восприятии. Кроме того, крайне интересно проследить, когда и по каким причинам Европа перестала именоваться латинским Западом, а Россия начала именоваться «Российской Европией». Следует также прояснить, какой Запад фигурировал в русских источниках на протяжении XI–XVI вв., что вкладывали древнерусские авторы в это понятие, существо-

вал ли некий «образ» Запада до переходного периода к Новому времени или нет и что произошло с ним в XVII столетии?

Избранная нами тема может быть раскрыта на основе весьма широкого круга источников (литературных, документально-исторических, научных, дипломатических, деловых и др.), но наиболее развернуто она представлена, разумеется, в полемической литературе православного Востока с католическим Западом.

Домонгольская Русь, по наблюдениям Д. С. Лихачева, ориентировалась более всего на ось Север — Юг, соответствующую пути «из варяг в греки», и эта вертикаль была жизненно важнее горизонтали Восток — Запад. Значимость ее в реальной действительности, заключавшаяся в том, что вся жизнь первых веков русского государства концентрировалась по рекам и волокам пути «из варяг в греки», по которому шли и завоеватели, и купцы, однако, не мешала формированию мифологической оси мира, опирающейся на христианский Восток. Хотя в Библии Запад упоминается исключительно с географической точки зрения, например: «Солнце знает свой Запад» (Пс. 103.19), «...как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши» (Пс. 102.12), «собрал от стран, от востока и запада» (Пс. 106.3), «от западного предела до восточного» (Иез. 45.7), «западный предел составляет великое море» (И. Наз. 15.11), «это будет у вас граница к западу» (Чис. 34.6) и многое другое — мифологическое сознание отвело Западу негативную роль. Запад стал местом нахождения Ада и был противопоставлен Востоку как месту нахождения Рая. В апокрифической литературе, словах и поучениях Кирилла Туровского, послании новгородского архиепископа Василия и других ранних древнерусских памятниках он мыслится противоположным позитивному Востоку (Раю, Добру, Свету) и олицетворяет Ад, Зло, Тьму. Так, например, в апокрифическом «Слове о всей твари» конкретизировалось местонахождение Рая и Ада, называемого «муки»: «...за акияном же есть земля, на ней же рай и муки. Посреди же земля, на ней же пропасть глубока... течет река»⁴. Кирилл Туровский в XII в. пишет, как о хорошо известном: «Мука далече мира есть на Западе»⁵. В более позднем «Послании» (XIV в.) новгородского архиепископа Василия Федору Тверскому о рае доказывалось существование Рая на Востоке, а Ада на Западе. Во-первых, автор ссылаясь на авторитет Иоанна Златоуста: «О тех двою месту великий Иван Златоустый рече: Насади Бог рай на востоце, а на западе — муки уготова». Во-вторых, он указывал на жителей Новгорода, ставших «видами», то есть видевшими своими глазами этот самый Ад на «Дышащем» (Белом) море: «червь неусыпающий, и скрежеть зубный, и река молненная Моргъ, и что вода ходить в преисподняя и паки исходить 3-жды днемь»⁶. Причем главным, по мнению Василия Новгородского, было второе доказательство существования Ада, поскольку оно позволяло ему говорить о том, что если не погиб Ад и его можно видеть простым смертным людям, то не погиб и Рай, и он есть физически, его можно

найти, он не только «мысленный», но и реально существующий. Любопытно то, что Ад, долженствующий быть на Западе, оказывается у Василия на Севере (Белое море). Объяснение этому смещению Запада и Севера находим во многих домонгольских русских произведениях. Дело в том, что библейская ориентация сторон света, определяющая Иерусалим на Востоке, накладывалась на реальное нахождение Иерусалима на Юге по отношению к Киевской Руси. Кроме того, библейский рассказ о разделении Земли между сыновьями Ноя, расширенный в «Хронике» Георгия Амартола перечислением трех сторон света, доставшихся Симу, Хаму и Иафету (Восток, Юг, Север), пополнился в русской «Повести временных лет» немаловажной деталью, уточняющей, что кроме Севера («полунощной страны») Иафет получил еще и Запад («западных страны»). А. С. Демин предполагает, что Запад появился в рассказе либо в 1113 г. по воле создателя летописи, монаха Киево-Печерской лавры Нестора, либо еще в болгарской вставке в «Хронику» Амартола⁷. Так или иначе, но Запад невольно становится связанным с Севером, словно совпадая с ним, как одна общая земля.

Смещение Запада и Севера встречается в некоторых древнерусских источниках; прежде всего в уже упоминавшемся «Послании» новгородского архиепископа Василия о земном Рае мирно сосуществуют два как бы взаимоисключающих определения местонахождения Ада: одно на Западе, другое — на Белом море, на Севере. Восприятие Юга как Востока и Севера как Запада было распространено в древнерусских миниатюрах вплоть до середины XVI столетия, в частности в иллюстрациях рассказов с указанием сторон света в Лицевом летописном своде⁸. Возвращаясь к «Повести временных лет», нельзя не согласиться с мнением А. С. Демина, что включение Запада в рассказ о разделении мира между сыновьями Ноя могло быть продиктовано стремлением дать завершенную картину в соответствии с «географической системой понятий», и то, что его поставили в один ряд с другими сторонами света, говорит об индифферентном отношении к Западу со стороны русских летописцев⁹. Немаркированность географического Запада дополнялась в дохристианский период еще и тем, что он никак не ассоциировался ни с Западной Европой в целом, ни с Римом как центром западного мира в частности.

Принятие Русью христианства вовлекло в орбиту особого интереса неопитов не только Царьград (Константинополь), но и Рим. Именно Рим повернул осевую вертикальную ориентацию русских (Север — Юг вдоль пути «из варяг в греки») в сторону Европы, наметив центрическую композицию христианской картины мира. Рим как колыбель христианства, кладезь веры, из которого черпает весь христианский люд, был оценен уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.). Он поставил его впереди «благоверной земли Греческой», сиречь Византии, он назвал Константина Великого крестителем не только греков, но и римлян, по примеру которого и киевский князь Владимир Русь «Богу покори». Но при этом митрополит Иларион предлагал линию

преемственности веры, не исходящую из Рима, а берущую начало на Востоке: Иерусалим — Константинополь («новый Иерусалим») — Киев¹⁰.

Величие Рима как центра христианского мира исповедовали произведения южных и западных славян, известные на Руси, такие, как моравское «Слово на Рождество Христово», «Похвала Клименту Римскому» Климента Охридского, «Чтение на крещение Господне», «Житие Мефодия Моравского» и др. Из них на русскую почву попала идея преемственности веры, передачи христианского вероучения по цепочке из одного источника — Рима: «...от Рима в Херсон, от Херсона в нашу Рускую страну...»¹¹

После схизмы 1054 г., разделившей католическую и православную церкви, отношение к Риму эволюционировало от уважительно-отстраненного до агрессивно-отрицательного. Параллельно с этим шел и процесс слияния понятий католического Рима и Запада вплоть до их взаимозаменяемости. Появляется Запад не в географическом, а в историко-культурном смысле, как некая конфессиональная целостность. До этой роковой черты «Повесть временных лет» ставит Рим на первое место среди христианских стран, перед Царьградом, после же разделения церквей появляется тот самый «Запад», под которым подразумевается латинский мир, противопоставляемый восточному греческому миру. Но происходит это далеко не сразу.

Слияние Запада и латинства начинается с XI в., но идет медленно и постепенно. Так, в «Службе 9 мая на перенесение мощей св. Николая Архиепископа Мир-Ликийского Чудотворца из Мир в Бар град», приписываемой Ефрему, епископу Переяславскому, указание «в Риме» заменяется на словосочетание «в латинех». В «Повести временных лет» встречается уточнение «немцы от Рима» и «римляне, немцы». Антилатинские сочинения, берущие начало в византийской традиции еще в IX в. («Слово о тайноводстве Св. Духа», «Окружное послание» патриарха Константинопольского Фотия), примкнули к этой полемике вслед за произведениями Петра Антиохийского, Феофилакта Болгарского и др. В «Слове Феодосия Печерского о вере крестьянской и латыньской» проводилось четкое размежевание между восточной и западной церквями: «Вере же латыньстей не прелучайте, ни обычая их держати, и комканья их бегати, и всякого ученья их бегати, и норова их гнушати, и блюсти своих дочерей — не давати за них, ни у них поимати, ни брататися, ни поклонити, ни целовати его, ни с ним из единого судна ясти, ни пити, ни брашна их приимати; тем же паки у нас просящим Бога ради ясти и пити — дати им, но в их суде, аще ли не будет у них судна, в своем дати, потом, измывши, дати молитву, зане же неправо веруют и нечисто живут»¹². Однако в этом произведении нет еще Рима-Запада и тем более Европы-Запада. Примерно в то же время появляется на Руси «Стязание с латиною» киевского митрополита Георгия (1052–1079), в котором кроме церковных расхождений говорится и о связи папы римского с Германской империей. Попытки католического престола подчинить себе православных

патриархов, неоднократно совершавшиеся на протяжении второй половины XI—XII в., обостряли растущее напряжение. Одна из таких попыток состоялась в ноябре 1112 г., когда папа Пасхалий II направил византийскому императору Алексею Комнину большое послание, призывая к единению Церквей на основе признания православным Востоком примата римского престола и подчинения ему. Возможно, в связи с этим папским обращением киевский митрополит Никифор (1104–1121) написал «Послание к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава», излагая в двадцати пунктах причины разделения западной и восточной Церквей.

Таким образом, судя по древнерусским источникам, в XI–XIII вв. печать испорченности легла в основном на «латинскую веру», а Рим еще мыслился колыбелью христианства, а не местом папского престола по преимуществу. Еще не наблюдается объединения в русском восприятии всех католических стран в некое религиозно-языковое целое — Запад. Однако начало противостоянию католичества и православия уже положено, и на протяжении XIV–XV вв. оно становится все более острым. Латинский язык как язык еретиков на многие столетия попадает в опалу, вплоть до переходной эпохи от Средневековья к Новому времени — с XVII в. до начала XVIII в.

Падение Константинополя в 1453 г. под ударами турок, когда страны с православным исповеданием оказались без своего векового лидера — Византии, повлекло за собой поиск нового оплота для приверженцев «истинной веры». Появившиеся тогда концепции «Тырново — третий Рим», «Москва — третий Рим», а возможно, и «Новгород — третий Рим» (в «Сказании о новгородском белом клобуке») закрепляли в русской культуре идею изоляции православного Востока и отвержения «поврежденного» Рима. «Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не бывать...» — вот историософия старца Филофея, автора версии о Москве — третьем Риме. Первый Рим в русском восприятии стал полностью падшим, поскольку «стратил веру». Все чаще выражения «латинский Рим», «Рим с папою» заменяют понятие о Европе и сближаются с понятием Запада.

Постепенно сложилась антитеза: Русь — Восток, Европа — Запад. Эта антитеза стала окончательно очевидной на Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. Тот факт, что Русь вошла в «восточные страны», виден, например, из «Слова избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго сбора латыньскаго, и о извержении Сидора Прелестнаго, и о поставлении в Русской земли митрополитов, по сим же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси» (1461–1462), в котором византийский император Иоанн, участвовавший в заключении унии, якобы так охарактеризовал Русь папе римскому: «Восточнии земли суть руции и большее православие и вышнее христианство Белые Руси, в них же есть государь великий брат мой Василий Васильевич, ему же восточнии царие прислухают и велиции князя с землями служат ему»¹³. Во второй половине

XVI в. папа римский предлагал Ивану Грозному принять титул «царь Востока»¹⁴, но последний проигнорировал это предложение. К концу XV в. латыняне и православные, папешники и православные уже легко заменялись антитезой «Запад — Восток» (иногда употреблялся «заход» как синоним запада). Однако второй брак Ивана III с Софьей Палеолог отчасти внес коррективы в однозначно негативное наименование Европы и Рима Западом: хотя Софья подчеркнуто именуется «православной царевной», вступившей в брак с Иваном III, но в рассказе Никоновской летописи о событиях 1472 г. мы не встречаем ставшего уже нарицательным Рима-Запада, а только «великий град Рим» или «папу», оказывающих самую высокую честь русскому великому князю и приславших чрезвычайно богатые «поминки»-дары¹⁵. Иван III отказался выдавать своих дочерей за немецких курфюрстов и маркграфов, аргументируя свой отказ тем, что московский великий князь «многим землям государь великий» и его предки были «в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии, так как же такому великому государю выдать свою дочь за маркграфа?»¹⁶. Отсюда четкое размежевание Рима с папой и Византии с римскими императорами.

В XVI в. продолжал нарастать антагонизм между православием и католичеством. Летописи постоянно возвращались к вопросам схизмы 1054 г. и опровержения латинской ереси¹⁷. Москва как третий Рим неоднократно отвергала попытки первого Рима прийти к соглашению и вступить в унию.

К началу XVII в. в русском религиозном сознании мир был окончательно поделен на две части — Восток и Запад, причем Восток приравнивался по значимости ко «всей Вселенной», а Запад занимал Европу, населенную «папешниками» и «латынянами». Каждому русскому предстояло дать четкий ответ на вопрос, с кем он: «О чесом ты подвизашася и с кем единомудрьствоваша в вере, с патриархи ли и со всею вселенною, или с западом и с папою?»¹⁸ Вопрос стоял «или — или», третьего было не дано. Два разных мира, два несовместимых языка: «...я с тобою говорю от Востока, а ты со мною — от Запада...»¹⁹ В 1640-е гг. в опубликованных Печатным двором «Кирилловой книге» и «Книге о вере» проводилась мысль, что, по всем признакам, папа римский является «наивысшим предтечей Антихриста», если не самим Антихристом, который должен появиться с Запада. Во второй половине XVII в. обострилась борьба против латыни как языка еретиков-западников...

Но в этом конфессиональном негативизме именно в XVII столетии начал вырисовываться образ мира, в котором Западу отводилось уже совсем иное место и придавалось совсем другое значение. Совершенно отчетливо наметился тот поворот к Западу-Европе, который привел к реформам Петра Великого.

Негативное отношение к Западу как оплоту католичества и папы («папешники») не мешало, однако, приглашению ко двору великого князя, а затем и русского царя западных специалистов — врачей, архитекторов, меха-

ников, военных... Общеизвестно их участие в строительстве соборов, стен и башен Московского Кремля, создании первых в России часовых механизмов, передаче военного опыта европейских армий, не говоря уже о большой переводческой работе с иностранных языков на русский в Посольском приказе и других государственных учреждениях. Число их на протяжении XV–XVI вв. постоянно росло, и в 1624 г. был создан особый Иноземский приказ, ведавший иностранцами, поступившими на службу в Россию. Иностранным специалистам платили в несколько раз больше, чем русским, но это не компенсировало изоляции, в которой они оказывались по конфессиональному принципу. Русское правительство и церковь следили за сокращением контактов иноверцев с православными: русским, поступившим на службу к иностранцам, запрещалось принимать их веру, посещать их храмы, которые время от времени запрещалось строить; иностранцы не допускались в православные соборы и церкви наравне с «погаными»; после общения с европейцами русские цари мыли руки точно так же, как после общения с язычниками, и т. п. Селились иностранцы отдельно в иноземных слободах, первая из которых появилась в Москве в первой трети XVI в.; в первой половине XVII столетия их насчитывалось шесть, а в 1671 г. все слободы были сведены в одну — Немецкую — на реке Яузе. Московский церковный собор 1620 г. даже принял постановление, что иноземцы-католики должны перекрещиваться в православие, если они хотят жить в России. Но патриарх Антиохийский Макарий в 1655–1656 гг. сообщил членам очередного церковного собора, что он ни в коем случае не может согласиться с перекрещиванием латинян, так как они имеют священство, признают семь таинств, почитают святые мощи и иконы и истинно крещены во имя Отца и Сына и Святого Духа; перекрещивать их означало бы противоречить Символу веры, который исповедует единое крещение. Решением собора перекрещивание латинян было отменено. Католики наряду с представителями других конфессий, в особенности католики-поляки, наводнили Москву после Смутного времени.

Смута заставила русских людей пересмотреть старые критерии восприятия и оценки действительности вообще, параллельно со сверхчувственным средневековым мировосприятием обратиться и к чувственному опыту, проверенному доводами разума, что не могло не отразиться и на отношении к Европе как к Западу²⁰. Вступив в переходный период от Средневековья к Новому времени, начавшийся после Смуты и протянувшийся до середины XVIII в., Россия по крупицам лепила новый образ Запада как идеальный образец культуры вообще, как образец для подражания. Конечно, далеко не все в стране принимали это, недаром же глава старообрядчества, знаменитый протопоп Аввакум восклицал: «О, бедная Русь! Чегой-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!»²¹ Борьба «западников» и «восточников» затрагивала самые разные области. Прежде всего разгорелась полемика о допустимости латинского языка в планируемую Славяно-греко-латинскую

академию и в другие учебные заведения. Следующий мощный круг полемических сочинений возник вокруг западной — «светловидной и живоподобной» — манеры письма иконописцев и появившихся в стране первых живописцев. Обострились и сугубо конфессиональные споры, к примеру, прения по поводу «хлебопоклонной ереси», связанной с обрядовыми расхождениями католиков и православных по догмату пресуществления святых даров во время таинства евхаристии. Наконец, Запад заявлял о своем присутствии в Москве толпами молодых модников, носивших польское платье и бривших бороды, что вызывало яростные проклятия и старообрядцев, и представителей никоновской реформированной церкви. В это бурное время Россия со всей силой почувствовала свое «евразийское положение между двумя полюсами» — Западом и Востоком, между которыми, по словам Германа Гессе, «и раскачивается жизнь».

Оправдание Запада началось с признания за ним права на существование как мира науки — так называемой внешней мудрости, не связанной с религией, а потому и не противостоящей православию. Русские книжники сняли табу с западной литературы, упирая на то, что она не содержит религиозных догматов, а посему ее надо читать «не для верования, а для ведения». Но сам факт выделения светской области в литературе был неприемлем для традиционалистов, считавших, что нет ничего, что было бы вне веры, что не касалось бы религиозных представлений. Они предупреждали вслед за украинскими ревнителями старины, уже столкнувшимися с влиянием Запада: «Егда есте на латинскую и мирскую мудрость ся полакомили, тогда есте и благочестие стратили, и ереси породили»²². «Мирская мудрость» начиналась с «поганских учителей» — «Аристотелей, Платонов и других им подобных... комидийников»²³. Призыв читать только церковно-православную продукцию, а не мирских мудрецов звучал в книжных предисловиях, в особенности в богослужебной и церковно-учительной литературе, например, в предисловии к первому в России изданию Библии (1663), «Типикону» (1682) и др. Западные книги подвергались проклятью в поучениях церковных иерархов, вводились в состав запрещенных книг, осуждались церковными соборами. Считалось, что проводниками «мирской ереси» являются переводы с латыни и польского языка, идущие с Украины. Так, о вреде переводов с польского доносил патриарху Адриану известный в свое время церковный писатель, монах Чудова монастыря Евфимий: «А овии полских книг бредни преводят на славенский язык, и тем людие прелщаются... Едва сыщется без плевела еретического и едина книга тех полских книг, и лучшия их глаголемыя Обеды, яже ис полских преведены, те не без душетлительныя отравы латинскаго зломудрия и новшества»²⁴.

Защитники Запада строили свою аргументацию на том основании, что переводные книги не касаются вопросов вероисповедания, что они являются собой книги второго сорта («иные, а не святые», по выражению Симеона

Полоцкого), нужные «на потребу», то есть для удовлетворения всяких житейских нужд, познания реальной жизни, какого-либо дела²⁵. Николай Спафарий, Юрий Крижанич и другие в той или иной степени и в разной форме поддерживали идею распространения светских книг для «ведения всех вещей». Переводчики Посольского приказа одно за другим перелагали западноевропейские светские издания, начиная с польских хроник и кончая баснями Эзопа (Федор Гозвинский, 1617). По приказу самого царя Алексея Михайловича в 1676 г. был сделан перевод польского издания 1633 г. «Великое Зерцало», включавшего около 850 рассказов, основанных на католических авторитетах, сочинениях Петра Скарги, бродячих сюжетах и повестях (переводчики Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гудайский).

Во второй половине XVII в. в России появилось много поклонников мирской книги. Об этом свидетельствуют и число рукописных копий светских произведений, и обличения их противников. Вот, например, как это делал монах Феофан в 1688 г. в предисловии к переводу книги «Дезидерий, или Стезя к любви Божией и к совершенству жития христианского»: «Дажь, Боже, христианом всем паче таковых книг любити, а не суесловия, зверинцы и басни, паче же вредная и пагубная писания человекв плотских мирских или еретиков развращенных... их же неции не хотят из рук испустити»²⁶. Влечение к светскому научному и занимательному чтению было столь сильным, что постепенно вызревала мысль о примирении с ним. Димитрий Ростовский включил в свои Четьи-Минеи «мирские истории, мирян ради, понеже обычай есть миряном упражняться в мирских повестех паче, неже в духовных»²⁷. В сокращенном издании «Акафистов» говорилось: «...ведая, яко не всякому довлеет время человеку, мирския ради суеты, работы же и трудов всегда приносить многия и долгия молитвы... избрахом от седмичных акафистов четыре»²⁸.

Оправдательная тактика проводников Запада прекратилась вместе с эпохой Петра Великого, поставившего задачу сделать страну «Российской Европией»²⁹. Среди различных средств европеизации книге отводилось важнейшее место, о чем свидетельствуют указы Петра I о заведении новых типографий, нацеленных на издание светских книг, переводе западноевропейской военной, учебной, научной литературы, внедрении латинского языка в образовательные учреждения и т. п. Гражданские типографии Ильи Копиевского и Яна Тессинга в Амстердаме, Василия Киприанова в Москве, Санкт-Петербургская типография, созданная в 1711 г., типографии Академии наук, Кадетского шляхетного корпуса и др. наводнили страну разнообразной книжной продукцией Запада. По этим изданиям и формировался облик Запада как единой цивилизации, к которой должна примкнуть Россия. Появился и специальный термин, адекватно отражавший понятие западноевропейской цивилизованности в глазах людей того времени, — «политичность».

Образ Запада в русской культуре начала XVIII столетия постоянно связывался с политичностью европейских государств, их монархов и правительств, а также кавалеров и дам, их населяющих. Содержание, вкладываемое в это понятие, разъясняли многие писатели петровского времени. В него входили прежде всего образованность, просвещенность, служение идее «общего блага» и «всенародной пользы», «гражданство», деятельный активный образ жизни, эстетизация быта. Примеры поведения политических государей анализировались в переводе 1721 г. Симона Кохановского с латинского языка «Увещания и приклады политическия» голландского филолога Юста Липсия. Еще в конце XVII в. был сделан первый перевод с латыни книги испанского дипломата Диего де Сааведра Фахардо «Изображение христиано-политичного властелина», повторенный затем в 1710 г. по приказу Петра I. Сохранился рукописный перевод, датируемый 1709 г., сочинения кардинала Джулио Мазарини «Краткая книжица политических обхождений». Известны и другие переводы, содержавшие описания политических государств и их политических граждан, самыми популярными из которых стали произведения Самуила Пуфендорфа («О должности человека и гражданина», 1726; «Введение в историю европейскую», 1718), Ф. Фенелона («Похождения Телемака» в переводе 1724 г. А. Ф. Хрущева, до 1747 г. ходившие в рукописных списках), Эразма Роттердамского («Златая книжица о гождении нравов» в переводе 1718 г. И. Г. Паузе, пополнившая «Юности честное зерцало»), а также Х. Г. фон Бесселя («Политического счастья ковач»).

В записках о своем путешествии по Европе Петр Андреевич Толстой, давая оценку увиденному, неоднократно употреблял этот термин, поскольку для него основной характеристикой западноевропейских стран являлась их «политичность». В панегирическом слове по поводу Полтавской победы — «Политиколепном апофеосисе» 1709 г. и о России говорилось уже как о «политичном государстве». Петр Шафиров в «Рассуждении, какие законные причины... к начатию войны...» назвал Россию «политизованным государством», имея в виду, что она вошла в состав западных держав. Он указывал, что всего несколько десятков лет назад «...о Российском народе и государстве тако в других европейских государствах разсуждали и писали, как о Индийских и Персидских и других народах, которые с Европою кроме некоторого купечества никакого сообщества не имеют, тако и об оном... никакой рефлексии и разсуждения не имели: но оной и в числе Европейских народов мало причитали...». После завоеваний и преобразований Петра Великого Россия, наконец, заняла подобающее ей место в Европе: «Ныне никакое дело ниже во отдаленных краях Европейских не чинится, к которому б или о его царского величества приязни и союзе не старались...»³¹.

Открытие человека как субъекта бытия заставило любое явление действительности как объект соотносить с ним, как бы примеряя к человеку. Отсюда мысль о том, что в политичном государстве должны жить соответствующие кавалеры и дамы. Политичным обхождениям обучали преподаватели

Славяно-греко-латинской академии, по признанию ее префекта Иосифа Туробойского, «не токмо в божественных писаниях, но и в мирских историях, и всяких политичных обыкновениях Российских юнош наставляти нас повелено есть»³². Образцы политичного кавалера давали сам царь, изображавшийся таковым на Триумфальных арках, герои петровских повестей (матрос Василий из «Повести о матросе Василии Кориотском», Александр из «Повести о кавалере Александре», безымянный герой из «Повести о шляхетском сыне») и др. По наблюдениям Б. И. Краснобаева, «героев петровских повестей резко отличает от большинства людей средневековой культуры... их отношение к Европе, к европейской культуре. Замечательно, что они не противопоставляют Россию Европе, вернее, не отделяют ее от Европы»³³. Политичными, воспитанными на европейский лад, считали современники А. А. Матвеева, А. Кантемира, Д. М. Голицына и некоторых других аристократов. Конечно, русское дворянство во многом поверхностно и чисто внешне усвоило тип человека Запада, подражая в одежде, быту, этикете, ассамблеях и других развлечениях политичному кавалеру, однако хотя и медленно, но шел процесс и более глубокого, внутреннего усвоения нового идеала, что проявлялось в тяге к науке, образованию, смене ценностных ориентиров в общественной жизни, новом взгляде на любовь и отношение к женщине, увлечении литературой, искусством, музыкой, театром.

Новая столица России строилась как западный город. Голландские каналы, итальянские площади, французский интерьер дворцов и т. п. должны были, по замыслу Петра Великого, убедить иностранцев в том, что появилось восьмое чудо света — европейский город посреди болот. По заказу царя был написан и опубликован на немецком, а затем на английском и французском языках специальный трактат, рассказывающий о Санкт-Петербурге³⁴. Лейт-мотивом иностранных описаний Северной Пальмиры стали слова «едва ли уступает...», с помощью которых новая столица сравнивалась с европейскими центрами. Император стремился сделать образ Запада зримым в своей насквозь политичной «Российской Европии»...

Определенная мифологизация Запада через понятие политичности была следствием работы принципа новизны в культуре переходной эпохи, когда поиски нового прежде всего шли в Западной Европе. Идеализация нового как такового в противовес старине, ассоциируемой со всем своим, русским и домашним, и привела к созданию некоего обобщенного образа Запада, в котором соединилось все позитивное и отсутствовали негативные черты и характеристики. Мифологизированный Запад стал образцом для подражания, школой цивилизованного бытия, собранием идеальных человеческих типов. Это был, конечно же, искаженный, но цельный и привлекательный образ, повлиявший на формирование не одного поколения российских дворян, стремившихся, по словам В. О. Ключевского, «не будучи европейцами по рождению, стать ими...»³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хейзинга Й. Тени заката. Человек и культура. Затемненный мир / сост., пер. и предисл. Д. В. Сильвестрова.; коммент. Д. Э. Харитоновича. СПб., 2010. С. 224.

² Алтатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980; Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996; Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996; Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2000. № 1. С. 86–94; Малинин В. А. Русь и Запад. Калуга, 2000; Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. с фр. А. Поповой. СПб., 2007; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004; и др.

³ Синайский А., свящ. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу (католицизму) (X–XV вв.) Церковно-исторический очерк. СПб., 1899. С. 11. См. также: Синайский А. Разбор мнений о католицизме Древней России (X–XV вв.). Историко-критический очерк. СПб., 1899; Попов А. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. Интерес к теме противостояния католицизма и православия особенно возрос в последнее время. См.: Церковь и общество. Диалог русского православия и римского католицизма глазами ученых / под ред. Ж.-И. Кальвеза и А. А. Красикова. М., 2001; Фрис В. Православие и католицизм. Противоположность или взаимодополнение? Брюссель, 1992; Суттнер Э. Х. Исторические этапы взаимных отношений Церквей Востока и Запада / пер. с нем. О. Акимовой. М., 1998; Он же. Христианство Востока и Запада в поисках зримого проявления единства / пер. с нем. О. Величко. М., 2004; Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.) / пер. Д. Буланина. СПб., 2010; Голованов С., свящ. Католицизм и Россия (Исторический очерк). СПб., 1998; Чатицкий Б., свящ. История церкви в России. СПб., 2000.

⁴ См.: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 350.

⁵ См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 341.

⁶ ПЛДР. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 44.

⁷ Демин А. С. Повесть временных лет // Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 100.

⁸ См.: Черный В. Д. Некоторые особенности обозначения исторической среды в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века (география, топография, архитектура) // Государственные музеи Московского Кремля. Новые атрибуции. М., 1987. Вып. 5. С. 68–78.

⁹ Демин А. С. Указ. соч. С. 101–102.

¹⁰ См.: Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994. С. 90.

¹¹ Демин А. С. Слово о Законе и Благодати Илариона // Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 9.

¹² Цит. по: Кириллин В. М. «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 56. Следует иметь в виду, что ряд исследователей (Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов, И. А. Яцимирский и др.) приписывали это послание Феодосию Греку (XII в.), а не Феодосию Печерскому (XI в.). См.: Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 31–33.

¹³ Попов А. Указ. соч. С. 364.

¹⁴ См.: Алтатов М. А. Указ. соч. С. 165.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 151. Кстати, в том же томе Никоновской летописи фигурирует и корректно-безличное наименование Европы как части света «Европией» (Там же. С. 76).

¹⁶ Рогожин Н. М. Диалог вероисповеданий в дипломатии средневековой России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 15.

- ¹⁷ См.: ПСРЛ. Т. XII. С. 54 и др. См. также: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой. М., 1983.
- ¹⁸ ААЭ. Т. 3. № 480.
- ¹⁹ ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 130–145.
- ²⁰ Подробнее см.: *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999.
- ²¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1929. С. 136.
- ²² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863. Т. 2. С. 210.
- ²³ Там же. С. 225.
- ²⁴ РНБ. Древлехранилище. Погодинское собр. № 1559. Л. 81–81 об.
- ²⁵ Подробнее см.: *Панченко А. М.* Слово и знание в эстетике Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 237–239.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 381. № 420. Л. 8.
- ²⁷ Цит. по кн.: *Шляпкин И. А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. Примеч. С. 96–97.
- ²⁸ Акафисты Пресвятой Богородице. Киев, 1709. Л. 2.
- ²⁹ Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965.
- ³¹ *Шафиров П.* Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против короля Карла XII Шведского в 1700 году имел. СПб., 1717. С. 2, 6.
- ³² Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя неправедному хищению, пленителя и покорителя прегордого льва свейского, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. М., 1704. С. 8.
- ³³ *Краснобаев Б. И.* Основные черты новой русской культуры // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 107.
- ³⁴ См.: *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 7–12.
- ³⁵ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1995. Т. 5. С. 125.

ТРИ ГРАДА ИСИДОРА КИЕВСКОГО: ВИЗАНТИЙСКИЙ ГУМАНИСТ МЕЖДУ МОСКВОЙ И РИМОМ

С. В. Соловьев

В сокровищнице собора Святого Петра в Риме хранится священная реликвия — далматика Карла Великого (*ил. 1*). По преданию, именно в ней Карл Великий принимал корону Священной Римской империи из рук папы Льва II в 800 г. и служил в соборе как диакон. Две развернутые композиции — «Страшный Суд» и «Преображение», украшающие священническое одеяние, по художественному уровню и технике исполнения относятся к выдающимся образцам средневекового шитья¹. Впрочем, еще до реставрационных экспертиз и научных исследований далматики (если быть точным, речь идет о саккосе) было очевидно, что она более позднего происхождения и создана в византийских мастерских. До сих пор идут споры о датировке (от IX до XII в.) и месте появления шедевра.

Не вдаваясь в сложные перипетии этих споров, отметим один момент в истории далматики Карла Великого, актуальный для нашей темы. Ее появление в Риме непосредственно связано с Исидором Киевским: как свидетельствуют документы Ватикана, в 1441 г. Исидор преподнес реликвию папе Евгению IV как будущему спасителю Востока и объединителю христианского мира. Это был один из тех символических жестов, с помощью которых Византия пыталась воодушевить католических правителей на борьбу с турецкой угрозой.

Не исключено, что изначально византийский дар предназначался императору Сигизмунду, перед которым Исидор выступил с панегирической речью в 1434 г. до открытия Базельского собора². Посол византийского императора ратовал за воссоединение церквей посредством императорской власти и призывал на борьбу с «неверными», «варварами». Однако Сигизмунд умер, так и не возглавив антитурецкую кампанию.

Подобная «священная дипломатия» (торговля почестями и константинопольскими реликвиями) сильнее разжигала огонь недовольства в стане противников унии. Но, сделав твердый выбор в пользу Рима, Исидор шел на эти меры сознательно и решительно. Именно эта решительность поныне не дает покоя апологетам русской автокефалии. Одна из ключевых фигур, определяющих отношения России и Запада в период Раннего Возрождения, оказа-

лась одновременно и самым «слабым звеном»: откровенно прокатолические поступки византийского ставленника на русскую кафедру делали из него *persona non grata* не только в рядах церковных иерархов, но и в целом на культурной карте Московии. Из одного исследования в другое кочует примерно один и тот же круг вопросов. Почему митрополит Киевский оказался в стане ревностных униатов, предпочтя православной митре кардинальскую шапку? Отчего не обратился свой взор на Москву как на спасительницу Царьграда? Отчего не пожелал украсить высокочтимым облачением фигуру Василия II?

Разумеется, проще объяснить поступки Исидора так, как это делали отвернувшиеся от него православные подданные, — «дьявольским наущением». Но по мере детального знакомства с биографией митрополита Киевского и в особенности с его произведениями, почти не изученными в российской историографии, вырисовывается более сложная картина жизненного выбора. Для ее прояснения, на наш взгляд, важно очертить мировоззренческие координаты византийца, определившие место и значимость для него трех центров христианского мира — Константинополя, Москвы и Рима.

То, что Исидор много и интенсивно перемещается между тремя столицами, продиктовано не только его дипломатической службой и пастырскими обязанностями. Оказываясь в том или ином городе, он утверждался в своих духовных ценностях и по мере сил утверждал их. Насколько эти ценности были созвучны времени и месту — это уже другой вопрос.

Как раз умение Исидора оказаться в нужное время в нужном месте больше всего поражает всех, кто знакомится с его биографией³. Он был свидетелем и непосредственным участником важнейших событий рубежа эпох: итальянский Ренессанс, церковные соборы, возвышение Московской Руси, падение Константинополя... Если бы Исидор Киевский написал воспоминания (что-то подобное «Комментариям» Энеа Сильвио Пикколомини), это была бы одна из самых захватывающих книг о XV столетии. Выходец из пелопоннесского городка Моневавсия стал одной из знаковых культурных и политических фигур византийской столицы, затем — митрополитом Киевским и всея Руси, наконец, кардиналом, епископом Сабини и Рутении (Руси) в Риме, участвовал в конклавах и всех тайных переговорах Ватикана; он претендовал на трон патриарха и папы римского, перенес рабство на родине и новый карьерный взлет в лоне католицизма.

Тем более удивительно, что личность и труды Исидора Киевского до сих пор не нашли достойного освещения. В западной историографии он предстает лишь как один из активных участников Ферраро-Флорентийского собора и непосредственный свидетель падения Константинополя⁴; в отечественной — как неудавшийся ставленник на патриарший престол, униат, чье отступничество ускорило процесс автокефалии русской православной церкви⁵. До сих пор совершенно непонятно, с какой «стороны» нужно подходить к этой сложной и неоднозначной персоне: с «московской», где он со своими идеями

претерпел отвержение и унижение, или с «римской», где ему была уготована кардинальская карьера с казенной рутинной в момент расцвета свободных гуманистических штудий.

Негативная оценка деятельности митрополита Исидора наложила отпечаток на весь его образ и сохранившиеся сочинения. Если судить по филиппикам в адрес униата, в лоне византийского православия он изначально представлял волка в овечьей шкуре, а его назначение в Москву (1435) продиктовано исключительно политическими мотивами, не имевшими ничего общего с духовными интересами грека.

Между тем о славянах и Руси Исидор знал задолго до своего поставления митрополитом: монастырь Архистратига Михаила в Монеувасии, монахом которого он являлся до конца 1420-х гг., имел постоянные контакты со славянским миром⁶. В определенный момент Исидор даже считался серьезным «специалистом» по славянскому вопросу⁷. В период тяжбы Монеувасийской митрополии с Коринфом по вопросу церковной принадлежности полуострова Майна (1428–1429) он готовит историческую справку о славянской колонизации Пелопоннеса⁸.

Нельзя отрицать тот факт, что Исидор достиг высот церковной карьеры не за счет славянских штудий, а благодаря близости к византийскому императорскому двору. В начале 1430-х гг. он уже игумен одного из самых важных и почитаемых монастырей Константинополя — обители св. Димитрия Солунского⁹. Монастырь, чрезвычайно ценимый русскими паломниками, изначально находился под покровительством рода Палеологов. Главенство в нем по статусу делало игумена императорским доверенным лицом. Исидор, стоит заметить, со всей истовостью выполнял придворные обязанности: он писал панегирики императорам, был их летописцем и адвокатом¹⁰.

Почему монеувасийский монах оказался обласкан в столице и введен в самый ближний круг Мануила II Палеолога? Ответ на этот вопрос лежит не только в области дворцовых и политических интриг. Дело в духовных стремлениях Исидора, в его образовании и литературных интересах. Будущий митрополит получил блестящее образование в Константинополе, восприняв все лучшее, что могла дать византийская культура в момент своего предзакатного сияния. Учился ли он непосредственно у Мануила Хризолора, прославившегося преподаванием греческого языка в Италии, доподлинно неизвестно. Но вполне достоверно, что он посещал Мистру и слушал интеллектуального гуру своей эпохи Гемиста Плифона. Именно в Мистре в 1411 г. он произнес речь Мануила II Палеолога «На смерть возлюбленного брата Теодора» (император не смог лично присутствовать), предварительно переписав и откорректировав ее не менее семи раз (*ил. 2*)¹¹. Слава копииста Исидора Монеувасийского была не меньше его авторитета в риторике. При изучении всех важнейших манускриптов императора обнаруживается «Исидорова рука» в самых важных сочинениях¹².

К тому времени, когда Исидор был назначен настоятелем первостатейного столичного монастыря, он уже входил в ученый круг риторов, поклонников античности и изящной словесности. Об этом ярко свидетельствует его корреспонденция. «Перед нами предстает человек, которого без всяких сомнений можно отнести к интеллектуальному кругу, и аргументом в пользу этого могут стать, прежде всего, эпистолярные сочинения Исидора, составленные в лучших традициях византийской риторики... Любовь к слову, вкус к утонченной речи, приверженность к изысканному стилю отличают Исидора как эпистолографа, который не только сам владел искусством составления риторически безукоризненных эпистол, но и ценил подобное мастерство своих корреспондентов»¹³.

Византийских интеллектуалов при дворе Мануила II по их интересам, стилю мысли и жизни нередко сравнивают с сообществом итальянских гуманистов¹⁴. Сравнение это тем более оправдано, что они поддерживали довольно тесные отношения с западными коллегами, находя единые точки поверх религиозных и политических разногласий. Так и Исидор, проведенный молодые годы между космополитичными Константинополем и Мистрой, имел самые тесные дружеские контакты с Гуарино да Верона, Франческо Филельфо, Амброджо Траверсари, Джованни Ауриспой, Леонардо Джустиниани, а через них и с другими итальянскими гуманистами. Вилем Регель, опубликовавший переписку Исидора с Гуарино, вынужден был отметить: «Письма с определенностью показывают, что интересы византийца были всецело направлены на античность»¹⁵. Эти два письма следует рассмотреть подробнее.

Переписка Исидора и Гуарино, начавшаяся в 1415 г., зиждется не только на дружественных чувствах, оставшихся после учебы итальянского гуманиста в Константинополе (1404–1410), они оба охвачены страстью к поиску редких кодексов и возрождению классического слога. Мы читаем в первом письме Исидора, что он уже послал в Италию «Анабасис» и выдержки из «Домостроя» Ксенофонта, а также обещает отправить Лукиана и Афиней¹⁶. Игумен расточает хвалы по поводу глубоких познаний Гуарино в греческом и латинском языках. Здесь же рассуждение о том, что язык Цицерона, ценимый итальянцами, очень близок языку Аристида и Демосфена¹⁷. После прочтения второго письма можно полностью согласиться с Регелем, что, в отличие от круга византийских церковных иерархов своего времени, Исидор предпочитает цитировать не псалмы, а строки Гомера или Софокла, рассуждать не о теологических проблемах, а об эlegantности древнеримской риторики.

Именно тогда, судя по всему, рождается и находит первое выражение идея единства христианских Запада и Востока, ставшая пружиной всех действий будущего митрополита, единства в первую очередь культурного и эстетического, основанного на эллинском наследии. Вместе с тем Исидорово западничество не было следствием преклонения перед Римом и уничтожения Константинополя. Наоборот, превосходство и величие византийской столич-

цы являлись для императорского ратора столь же непререкаемым фактом, как и единство классических корней ромеев и латинян. Отсюда пламенный, истовый патриотизм Исидора, пронизывающий его писания и поступки.

В начале XV столетия возникает внушительный свод панегириков византийской столице. Используя в качестве образца «Похвалу Риму» Элия Аристида, придворные ораторы превозносили Константинополь по тем же критериям: за разумное устройство, мощь стен, славную историю, красоту храмов... (ил. 3). Многочисленные славословия в адрес царского города, переходящие все возможные пределы преувеличений и допущений, нередко вызывали обратную реакцию современников. Скептики поминали фразу Димитрия Кидониса: «Прославление отечественного является тайным прикрытием зависти». Однако за полвека до гибели «прекраснейшего из городов» все с большим нажимом и частотой повторяется один чрезвычайно важный мотив: Константинополь выступает как Новый Рим. Наиболее ярко и масштабно эту идею провел наставник Исидора Мануил Хризолор в знаменитом письме «Сравнение Старого и Нового Рима»¹⁸. В самом расцвете риторской карьеры в 1429 г. Исидор повторил практически все аргументы учителя в начале пространной речи в честь Мануила II, которую он преподнес новому императору Иоанну VIII Палеологу. Больше половины выступления посвящено не столько императору, сколько описанию красот и преимуществ Нового Рима¹⁹.

Почему в момент, когда жизнь Константинополя висела на волоске, византийские литераторы не устают восхвалять его величие? Ответ на этот вопрос дает не только психологическая теория «компенсации». Практически во всех панегириках с очевидностью прослеживается важная мысль: глубинное и актуальное родство Византии с западным христианским миром. Так, в описании важнейших деяний покровителя Исидор особое внимание уделяет путешествию Мануила II по Европе. В поисках спасения взоры интеллектуальной элиты были направлены к латинскому Риму как к первообразу священного города. И сквозная тема восхвалений была крепко связана с интуитивно ощущаемой возможностью безвозвратной утраты — потерять творение, к которому христианский мир шел через века античности.

В этом месте приходится сделать принципиальное замечание. Мысль об общности двух «римских» культур, истово поддерживаемая Исидором, в системе его взглядов не отменяла, но, напротив, усиливала имперскую идею. В его глазах Константинополь оставался не только городом императора, верховной власти государства и церкви, но и средоточием всех земель и культур под властью ромеев. Византийская столица выступала венцом как античной, так и в целом христианской культуры. Империя мыслилась будущим русским митрополитом в категориях центробежности — все стремится в Константинополь и находит здесь высшее воплощение.

Об имперском мировоззрении Исидора стоит помнить в оценках его московского путешествия и всех действий в славянской митрополии. Как из-

вестно, скоропостижное и неожиданное для русского князя назначение императорского секретаря и игумена монастыря Св. Димитрия митрополитом Киевским с первого момента имело стратегическую цель: обеспечить императорской партии перевес на готовящемся униатском соборе. Изначально Исидор понимал и полностью оправдывал возложенную миссию. Именно поэтому в его отношении к новой епархии нет ни особого интереса, ни пастырского или миссионерского пафоса. В Москву Исидор Киевский направлялся с мыслью о Константинополе. Это очень точно подмечает и русский летописец, который пишет, что вновь прибывший в начале апреля 1437 г. митрополит «от пръваго дне начят тѣшатися к соборному путя шествию»²⁰.

Попытки отыскать какие-либо сочинения или заметки главы русской церкви, где бы описывалось его отношение к Руси, как и желание обнаружить полемические писания против его московских гонителей наталкивались лишь на пометки на полях или на обрывки географических и исторических сведений о славянах (*ил. 4*). Доподлинно даже неизвестно, владел ли Исидор русским языком и пытался ли вести диалог с московским клиром. Не случайно один из хулителей униата впоследствии описывал его действия как ставленника, не намеренного считаться с паствой. Симеон Суздальский, выступая против Исидора, приводит слова униата, обращенные якобы к Евгению IV. По выражению Симеона, Исидор обещал «и христианство все отгреческа веры в латинство приведу, и в Рим приведу их к тебе и дары те принесут, и в Царьград не пойдут»²¹. Примечательна иерархия городов у русского книжника: вместо того, чтобы вести православных в Константинополь, Исидор ведет их в Рим.

На практике, конечно, так и случилось: пробыв не более трех месяцев в Москве, Исидор Киевский с сопровождением в сотню человек срочно отправляется на Ферраро-Флорентийский собор (*ил. 6*). При этом идея Рима как первообраза Константинополя, уже заявляемая Исидором в посланиях перед Базельским собором, теперь имеет для него первостатейное значение.

Роль Исидора на итальянском соборе, куда он прибыл в октябре 1438 г., хорошо изучена. Он встал на сторону Виссариона Никейского, стремившегося всеми возможными способами сгладить противоречия с католиками и объединить церкви ради политической и военной помощи Византии. Впрочем, здесь есть свои нюансы. Исидора Киевского нельзя воспринимать как пассивного сторонника императорской партии. Немаловажно, что в теоретических прениях по *filioque* Исидор выступал на стороне Марка Эфесского (то есть против католического взгляда). Если же верить отнюдь не благосклонно настроенному к униатам хронисту Сирополосу, переход Исидора в прокатолический стан случился в тот момент, когда надо было выбирать: либо возвращаться назад в Константинополь, либо идти на компромисс. И вот тогда хранивший молчание Исидор произнес фразу, на наш взгляд, невероятно характерную для его мировосприятия. 30 марта 1439 г., в понедельник, он сказал: «Подобает нам духовно и телесно соединиться [с латинянами], чем, ни-

чего не добившись, возвратиться. Возвратиться, конечно, можно; но как мы собираемся возвратиться, куда, когда — я не знаю»²².

О том, что выбор позиции был для Исидора продуманным и сознательным, свидетельствует и речь, написанная митрополитом Киевским на соборе по-гречески и названная впоследствии «О мире и любви». Ее относительно недавняя публикация открыла нам не только изощренного ритора и политика, но и мыслителя, чьи идеи еще предстоит оценить по достоинству²³.

Выступление Исидора готовилось с явным прицелом вдохновить греческую делегацию и в конце концов подвинуть оба лагеря на конструктивный диалог. Византиец отдает себе отчет, что противоречия глубоки и в рамках религиозных споров непреодолимы. В этой ситуации он пытается найти первоосновы, безусловные ценности, без которых немислимо не только христианское, но и общечеловеческое общежитие. Таковыми ценностями и основами выступают мир (согласие) и любовь. «Мир — это великое дело и великое слово, — заявляет Исидор. — Божественный мир объемлет и земной, не только духовный, но и плотский круг вещей. Он воздвигает города, управляет народами, дает прирост царствам. Он высшее мерило домоустройства. Да стоит ли много расточать слова! Ведь он податель всего наилучшего. И как может быть иначе, если сам Спаситель дар веры утверждал не через чудеса или силу или даже факт творения, но через мир и любовь, когда говорил: “Я есть мир, я есть истина”»²⁴.

Далее две важнейшие категории общечеловеческой этики варьируются в примерах, исполненных риторического блеска и неподдельного пафоса. Показательно, что Исидор использует в качестве подкрепляющих доводов лишь две цитаты из Священного писания и совершенно избегает античных авторов. Однако вся направленность речи, строй аргументов и картин носят очевидный светский, гуманистический характер. Вот один из самых ярких пассажей Исидора: «Кроме того, даже если не было бы евангельского и священного наставления, нам предписанного, любовь происходит от самой нашей природы, она всегда была и есть в нашей природе, когда говорят об общительности и взаимодействии, или то, что (называется) государственностью. От себя добавлю еще: почти все и всегда нуждаются друг в друге. И конечно, из этой высшей добродетели (любви) возникают плоды всяческого благородства, правильный образ жизни, даруются и умножаются разнообразные блага»²⁵. Взгляд Исидора на «происхождение» и утверждение любви в человеческом обществе согласуется с тем, что пишут об этом чувстве и этическом императиве итальянские гуманисты. Но точно так же вся система Исидоровых тезисов опирается на раннехристианскую апологетику мира и согласия — от Климента Римского («Послание к Коринфянам») до Амвросия Медиоланского.

Среди всех примеров и риторических описаний, подтверждающих действие законов мира и согласия, у Исидора особенно выделяются метафоры градостроительства. Как убежденный «урбанист» XV столетия Исидор оце-

нивает прогресс в категориях городского процветания. Так, для показа положительного эффекта, производимого миром и согласием среди граждан, ритор прибегает к картине возвышения города. И, наоборот, рисует картины увядания и упадка городского хозяйства в тот момент, когда отстаиваемые им ценности забываются и отвергаются. Самого Христа он называет «великим архитектором» (*megas architecton*), который распределяет награды радельным строителям общего здания. В конце концов, и сам собор он видит как закладку фундамента для этого духовного домостроительства: «Нашим единодушным согласием — каковое, конечно, от Господа — мы воздвигаем основание (для дальнейшего строительства единства), а также непрестанно взываем к Господу, подателю всяческой благодати, о всеобщем мире и чтобы утвердил он его искренним, долгим и нерушимым, каковые добродетели тоже от Всевышнего исходят и вновь с плодами, от них рождающимися, к нему возвращаются»²⁶.

Как представляется, дальнейшая судьба Исидора (провал униатской проповеди и скорое бегство из Москвы) стала горьким ответом на его этическую и эстетическую утопию. В глазах русской паствы Исидор не только присоединился к латинянам, но и предал родину — Константинополь. Именно к граду Константина как оплоту православной веры апеллирует Василий II, оправдывая свой отказ от римского ставленника. Для московского государя вера еще четко соотнесена с географическими координатами, имеет родовую окраску: быть патриотом и одновременно отступить от исповедания отцов столь же немыслимо, как оказаться «без роду-племени». Но именно такой шаг, в глазах русского клира, предлагает Исидор. Духовная география московской паствы имела четко означенные координаты: новый митрополит явился из Царьграда — его необходимо принять по вере отцов (хотя было немало причин устроить обструкцию), но если в прямом и переносном смысле пришел с распоряжениями из Рима (а этот путь, как известно, был описан сразу тремя русскими хронистами) — стало быть, заражен бациллой латинства.

Стоит ли удивляться тому, что все усилия Исидора по возведению единого «града Божия» поверх национальных и географических границ остались непонятыми и непринятыми.

Как уже говорилось, ни в свой первый приезд на Русь, ни по возвращении в Москву в 1441 г. уже в качестве кардинала и папского легата Исидор не оставил каких-либо свидетельств, говорящих о его отношении к русской митрополии. Однако здесь имеет смысл привести раннее послание Исидора, найденное Регелем среди других «гуманистических» произведений византийца. Речь идет о письме, адресованном другу и соратнику Фотию, на тот момент митрополиту Киевскому (1410–1431). Есть основания полагать, что оно было написано тогда же, когда и письма к Гуарино, то есть около 1415 г.²⁷ В самом начале письма Исидор сокрушается о невозможности лично пообщаться с любезным другом и перечисляет достоинства митрополита,

о которых он всегда помнит. Главное среди них — миролюбие. Об этом говорят и сведения, дошедшие до Исидора из Руси. Фотий-миротворец, по версии автора, смог урезонить противников московского князя, которые укрылись в лагере татар, чтобы выступить против законного правителя. Исидор восхваляет бесстрашие и самоотверженность митрополита, который зимой отправился к татарам и «не только предотвратил завоевательный поход, но и способствовал освобождению пленников». Так описывается борьба Василия I с нижегородским князем Даниилом, использовавшим в своих интересах татарские набеги.

Очевидно, что Исидор знал о событиях во Владимирских землях понаслышке, до него доходили известия о злоключениях Фотия во Владимире, но, что же точно произошло (нападение Даниила на город и бегство митрополита ради спасения жизни и кафедры), константинопольский игумен не знал. Как бы то ни было, письмо дает основание, по меньшей мере, для двух важных заключений. Во-первых, об интересе Исидора к Руси в тот момент, когда о его назначении не было и речи. Во-вторых, о его идеале церковного, общественного деятеля. Самоотверженность в деле спасения отечества, готовность идти на любой диалог и даже на отказ от своих убеждений ради общего дела, ради сплочения перед внешним врагом.

Сам Исидор пытался соответствовать этому идеалу два раза: первый раз, когда с амвона московского Успенского собора провозглашал унию и воздавал почести папе римскому (1441), второй, когда то же самое проделывал в Софии Константинопольской в момент турецкой осады (1452). В обоих случаях все закончилось плачевно: пленением и поспешным бегством.

«Между тем потребовалось шесть месяцев одинокого путешествия, когда я в октябре 26 числа, наконец, с невероятным трудом достиг несчастнейший (*infelicissimam*) город Константинополь, обнаружив его запертым и окруженным со всех сторон неприятельским войском»²⁸. Так Исидор начинает свое повествование о последней и трагической встрече с любимой столицей. Послание, написанное через два месяца после падения Константинополя, было адресовано Виссариону Никейскому, способному понять всю глубину горя и ужаса, постигших автора. После бегства из тюремного плена в России и скитаний по Восточной Европе кардинал Исидор покинул комфортный Рим, испросив у Николая V должность легата, для того чтобы срочно привести к спасительному экуменизму осажденную византийскую столицу.

В этом стремлении оставить Вечный город ради города Константина проявилась еще одна из характерных черт бывшего митрополита. Он не только не замечает Москвы, но игнорирует и Рим. В отличие от своего покровителя и наставника Мануила Хризолора, жадно вглядывавшегося в древнеримские монументы (о чем свидетельствуют письма, посвященные красоте города Петра), Исидор лишен этого чувства физической и духовной сопричастности Риму. И Москва, и Рим — лишь мосты, ведущие в Константинополь.

В письме к Виссариону, находившему тогда в Болонье, Исидор пытается запечатлеть город в виде святого мученика, принявшего смерть от варваров. Он сосредоточивает внимание как будто на второстепенных вещах: подробно описывает, у каких стен и через какие ворота турки пытались прорвать оборону (особенно жестокую битву хроникер отмечает у ворот Св. Романа). Очевидно, ему не было нужды рассказывать соотечественнику о самом городе. Лишь в конце письма (когда завоеватели добрались до «сердца» столицы) даются душераздирающие картины святотатства: «Как только появилась возможность, они (турки) взломали двери Великой Церкви, некогда именуемой Святой Софией, а теперь превращенной в мечеть. Совершали всяческие беззакония над статуями, иконами, образами Христа, изображениями святых мужей и жен. Поднимались в безумии своем на амвоны и алтари, насмехаясь над христианской верой и обрядами и вознося хвалы Магомету... Открывали ризницы и выбрасывали святыни и мощи как ненужный хлам»²⁹. Исидор полагает, что теперь этот город стоит называть «не Константинополь, но Туркополь».

Сохранилось письмо одного из приближенных Исидору клириков, описывающее его плен и спасение от турок³⁰. Скорее всего, это послание было инспирировано самим героем битв. В нем сообщается о нескончаемых бедствиях, постигших Исидора летом 1453 г.: пленение, близость к смерти, ночные скитания по разрушенной Пере, чудесное избавление от преследователей (когда тело некоего монаха было принято за тело Исидора), бегство на греческие острова с постоянным страхом быть узнанным и казненным.

Наконец, через полтора года (1454) Исидор достигает Рима, окончательно становясь подданным папского престола (*ил.* 5). Он ревностно выполняет все обязанности, налагаемые на него должностями апостольского администратора и декана коллегии кардиналов. Между тем духовные интересы митрополита Киевского концентрируются вокруг занятий круга Виссариона. Он становится постоянным членом философско-литературного сообщества, собиравшегося в доме Виссариона на Via Appia (фактически за пределами города, вне его стен (*ил.* 7)). И главное свое призвание Исидор находит в антитурецкой пропаганде, он пишет несколько писем и трактатов, посвященных падению Константинополя, призывая западных правителей к крестовому походу. Эти послания — одна из вершин его литературной работы — проникнуты искренним чувством боли и негодования³¹.

После многочисленных панегириков Константинополю начала XV в. Исидор открывает традицию оплакивания города: «Итак, град Константинополь умер и не подает признаков жизни. Точно так же, в тот же час был разрушен и город с названием Пера, каковой турками захвачен и управляется, стены которого снесены до земли, а граждане низведены до крайних степеней рабства...»³² Он перечисляет для западного читателя основные красоты города, которые разрушили завоеватели, отмечает бесчисленные людские потери

и жестокость врагов: «Ни один житель из находившихся внутри не спасся, ни латинянин, ни грек, ни армянин, ни еврей, ни кто-либо еще; с первого часа штурма и до середины дня весь город был оставлен голым, необитаемым, разрушенным и опустошенным. Все эти деяния я видел собственными глазами, перенеся все злоключения с гражданами Константинополя, но, по мановению руки Божьей, был спасен, словно Иов из чрева китова»³³.

Еще один важный мотив во всех посланиях Исидора, касающихся Константинополя, — образ Мехмеда Завоевателя. В Исидоровых описаниях он выступает как альтер-эго идеального правителя, призванное не строить, но разрушать. Однако главное, что не приемлет гуманист, — бесчеловечность и нетерпимость мусульманина: «Он же (Мехмед) питает такую ненависть, гнев и озлобление против христиан, что смотрит на христианина так, словно перед ним некто обезображенный и грязный, кого он буквально отскабливает и отмывает своим взглядом»³⁴.

Та истовость, с которой Исидор писал воспоминания о падении Константинополя, постоянные призывы к организации похода против турок, попытки донести до западных правителей мысль о столкновении двух цивилизаций заставляют вспомнить древнеримского сенатора с его *Carthago delenda est*. Правда, призывы эти тонули в многословии, во множестве риторических ухищрений и аллюзий.

Оказавшись на перепутье между тремя столицами — Константинополем, Римом и Москвой, он волею судеб обрел родину не в конкретном городе, а в гуманистической *politia literaria*, в республике риториков и философов. В этом, собственно, и была главная трагедия и одновременно спасение византийского гуманиста.

На этом можно было бы завершить пунктирный обзор идей и сочинений Исидора Киевского, связанных с тремя городами, важнейшими культурными и политическими центрами XV в. Однако не хотелось бы заканчивать в том же ключе, в каком обычно заканчивают все материалы, посвященные неудавшемуся митрополиту: недоумением, сожалением или даже разочарованием от личности, оказавшейся между разных миров, оставшейся без роду-племени. Слишком часто и настойчиво в российской историографии Исидору предъявлялся моральный счет вместе с обвинениями в конформизме и вероотступничестве. Но стоит посмотреть на ситуацию в прямом смысле слова с другой стороны.

Чуть более чем за два десятка лет до приезда Исидора в Москву его соратника по риторическим трудам и старшего наставника Мануила Хризолора с триумфом встречали во Флоренции³⁵. С него начинают отсчет гуманистического освоения греческого языка и литературы. От политиков до ученых, все восхваляли мудрость и глубину Хризолоровых познаний. Семена, посеянные греческими лекциями византийца, дали обильные всходы в последующие десятилетия, приведя к расцвету словесности, философии, естествознания. Эрудиция и духовный потенциал Исидора были ничуть не меньше.

Но в Москве они оказались невостребованными. Гуманистический склад личности митрополита не привлекал, а раздражал и отталкивал русскую церковную и светскую элиту. И здесь уже приходится говорить не только о трагедии гуманитария, оторвавшегося от корней, но и об «упущенной выгоде» тех, кому надлежало стать его паствой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Alford M.* Needlework as Art. London, 1887. P. 183; *Talbot Rice D.* Art of Byzantine Era. London, 1963. P. 123, 263.

² *Пашкин Н. Г.* Сигизмунд Люксембург: германский император в византийском панегирике // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 383–388.

³ Среди последних работ на русском языке выделяется обзорная статья, посвященная биографии Исидора в связи с церковной унией, см.: *Акишин С. Ю.* Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* 2011. Вып. 1. С. 70–101.

⁴ *Gill J.* Personalities of the Council of Florence and other essays. Oxford, 1964. P. 64–78.

⁵ *Пирлинг П.* Россия и папский престол. Кн. 1. Русские и Флорентийский собор. М., 1912. С. 48–142.

⁶ *Vitalien L.* Isidore de Kiev et la métropole de Monembasie // *Revue des études byzantines.* 1959. Vol. 17. P. 151.

⁷ Собирая сведения о принятии христианства славянскими народами, Исидор переводит выписки о крещении Руси при кн. Владимире из русской летописи (*Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica // *Византийский временник.* 1991. Т. 52. С. 151–160.

⁸ О тяжбе Монеувасийской митрополии с Коринфом по вопросу церковной принадлежности полуострова Майна (1428–1429) см.: *Kalligas H.* Byzantine Monemvasia. The Sources. Monemvasia, 1990. P. 179–182.

⁹ О монастыре и его значении в культуре Константинополя см.: *Janin R.* Le siège de Constantinople et le Patriarcat Oecuménique. Т. III: Les églises et les monasteries. Paris, 1969 (La Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin). P. 92–94; *Michaelis Palaeologi de vita sua.* Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю Св. Димитрия // *Христианское чтение.* 1885. № 12. С. 529–579.

¹⁰ *Polemis I. D.* Two praises of the emperor Manuel II Palaiologos. Problems of authorship // *BZ.* 2010. Bd. 103. S. 707–710.

¹¹ Речь Мануила II на смерть брата Теодора составлена в 1407 г. Переписана и произнесена Исидором. Тот факт, что после редактуры она была послана Мануилу Хризолору, говорит о важности для Исидора мнения наставника. *Manuel II Palaeologus.* Funeral Oration for His Brother Theodore / ed. J. Chrysostomides. Thessaloniki, 1985. (CFHB; 26).

¹² Интереснейший и подробный обзор «сотрудничества» императора и его приближенного «редактора», переписавшего и исправившего даже «Исповедь» Мануила II, см.: *Dendrinis C.* Co-operation and friendship among Byzantine scholars in the circle of Emperor Manuel II Palaeologus (1391–1425) as reflected in their autograph manuscripts // *Unlocking the Potential of Texts: Interdisciplinary Perspectives of Medieval Greek.* Cambridge, 2006. P. 1–16.

¹³ *Куц Т. В.* Исидор Киевский как эпистолограф // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 377–378.

¹⁴ *Аверинцев С. С.* Период Палеологов и конец Византийской цивилизации // *История всемирной литературы.* Т. 3. М., 1985. С. 32–41.

¹⁵ *Analecta Byzantino-Russica* / ed. W. Regel. Petropoli, 1891. P. XLV.

¹⁶ *Ibid.* P. 59–60.

¹⁷ *Analecta Byzantino-Russica*. P. 61–62.

¹⁸ Константинополь в сравнении с Римом: Взгляд Мануила Хризолоры / пер. и коммент. И. П. Медведева // *Византийский временник*. 2005. Вып. 66 (89). С. 317–333; *Соловьев С. В.* Слава Рима глазами византийца // *Искусство христианского мира*. М., 2001. Вып. V. С. 126–134.

¹⁹ *Polemis I. D.* Op. cit. P. 707–710.

²⁰ Цит. по: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. СПб., 2009. С. 81. Детальное исследование О. А. Абеленцевой (глава «Митрополит Исидор и отношение к Флорентийской унии в Москве», с. 80–145) избавляет нас от описания перипетий Исидора в попытках утвердить унию в своей митрополии. Остается только констатировать факт, что здесь мы слышим лишь голос его противников, то есть аргументы в споре с униатом, как и сообщения о московских событиях, при полном молчании византийца и кардинала черпаются у княжеских летописцев.

²¹ *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 80.

²² *Sessio nona Florentiae // Actorum graecorum concilii Florentini* / ed. J. Gill. Roma, 1953. P. 399.

²³ *Gill J.* Isidore Metropolitan of Kiev and All Russia “On Peace and Love” // *Orientalia Christiana Periodica*. 1967. Vol. 33. P. 370–379. До сих пор нет единого мнения, произносил ли Исидор заготовленное выступление на соборе, но совершенно точно с ним были знакомы его единомышленники как с православной, так и с католической стороны.

²⁴ *Ibid.* P. 374.

²⁵ *Ibid.* P. 376.

²⁶ *Ibid.* P. 372.

²⁷ *Analecta Byzantino-Russica*. P. 21–22.

²⁸ *Pertusi A.* La caduta di Constantinopoli I. La testimonianza dei contemporanei. Verona, 1976. P. 68.

²⁹ *Ibid.* P. 77.

³⁰ *Ibid.* P. 112–119.

³¹ *Ibid.* P. 58–111.

³² *Ibid.* P. 84.

³³ *Ibid.* P. 84.

³⁴ *Ibid.* P. 83. Раньше, нежели папа Пий II в своем знаменитом послании Мехмеду, Исидор Киевский озвучил важную мысль о единстве европейской цивилизации перед лицом мусульманского завоевания.

³⁵ *Соловьев С. В.* Мануил Хризолор и гуманистический идеал образованности // *Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков*. Иваново, 1995. С. 34–42; *Рязанов П. А.* Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хризолора // *Вестник ННГУ. Нижний Новгород*, 2007. С. 207–213; *Иванова Ю. В.* Греки в Италии // *История литературы Италии*. М., 2007. Т. II. Кн. I. С. 66–100.

ЗАПАДНЫЕ ИЗВЕСТИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в. О РУСИ

О. Ф. Кудрявцев

В Европе первой половины XV в. о Руси знали немногим более, чем в XIV в. И это выглядит странно, ибо в течение XIV — начала XV в. значительная часть русских земель вошла в состав Короны Польской и Великого Княжества Литовского, правители которого в 1385 г., после заключения Кревской унии с Польшей, приняли католичество и обнаружили деятельное стремление приобщить свои земли и своих подданных к западнокатолическому, латинскому миру. Широкими были в первой половине XV в. торговые контакты русских земель с Европой, в особенности Новгорода и Пскова с ганзейскими городами, странами Балтийского и Северного морей. Наконец, русские посольства бывали в Европе и по религиозным делам: посетили церковный собор в Констанце (1414–1418), огромная делегация приняла участие в деятельности Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) по объединению церквей. Но и это мало отразилось на осведомленности европейцев о Руси. Те новые сведения о ней, которые им удавалось добыть и зафиксировать письменно, в частности первое систематическое описание Новгорода у Гильберта де Ланноа, были достоянием очень тесного круга тех, кто имел доступ к подобного рода трудам. В широком же ходу оставались старые средневековые хроники и особенно мемуары Марко Поло, которые уже не отражали изменившиеся в XV в. реалии русской жизни.

Отчеты о путешествиях Иоганна Шильтбергера и Перо Тафура

Хорошо, если в Европе знали, что есть такая страна Русь. Могло быть известно также, что Русь, или «королевство Русь», «платит дань татарскому королю», как писал в своем отчете о путешествиях Иоганн Шильтбергер, после своего пленения османами в битве при Никополе (1396) посетивший в течение тридцати двух лет (до 1427 г.) ряд стран Ближнего, Среднего Востока и Центральной Азии¹. Или что это очень протяженная страна, делящаяся на несколько крупных частей; одну из них поминает Шильтбергер, который, возвращаясь домой, «прибыл... в другой город, называемый по-немецки Лемберг

[Львов. — О. К.], главный город в Малой Белой Руси»². Из этих слов вытекает, что была известна или, по крайней мере, подразумевалась еще и Великая Русь³.

Как видим, получить представление о Руси из этого источника крайне проблематично. В рукописях произведение Шильтбергера имело некоторый круг распространения, если уже в 1475 г. его напечатали типографским способом в Аугсбурге⁴. Но заслуживает внимания то, что из этого раннего издания были исключены слова о даннической зависимости Руси от татар, по-видимому, по той причине, что более не отражали новые политические реалии, сложившиеся на Востоке Европы.

Несколько беглых упоминаний о Руси и русских содержится в сочинениях кастильского дворянина Перо Тафура «Странствия и путешествия», составленных между 1453 и 1454 гг. из дневниковых записей его поездки 1436–1439 гг. по странам Средиземноморья и Европы. В частности, Русь, наряду с Литвой, он целиком относил к владениям «герцога Витовта»⁵. В другом месте Тафур, опираясь, по-видимому, на широко распространенную и давнюю — об этом писал еще Марко Поло⁶ — молву, говорил о великой красоте русских (*los roxos de aquella parte les viene ser fermosos*), так что «многие французы», возвращаясь из крестового похода через Русь, будто бы «оставались и женились там»⁷. Еще раз русские упомянуты среди народов, представителей коих, согласно папской булле, *христианам* дозволено «покупать и вечно держать на правах пленников» (!), дабы они «не попадали в руки мавров и не отрекались от веры»⁸ (речь идет о работоторговле генуэзцев и венецианцев в Причерноморье). Все эти содержащиеся в книге Тафура, которая увидела свет только в XIX в., сведения о Руси, случайные и отрывочные, никоим образом не могли способствовать знакомству с ней Запада.

«Хроника Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя

Данные нотариуса Констанцкого собора Ульриха фон Рихенталя⁹ о русских участниках этого мероприятия (их привлекли в расчете на заключение локальной унии между православной церковью Западной Руси и Римом¹⁰) несколько полнее, хотя носят отрывочный и подчас недостоверный характер. Так, он говорит, что в 1418 г. на собор вместе с Киевским митрополитом Григорием Цамблаком (*der hochwirdig herr und ertzbischoff, herr Jerg ertzbischoff Kyfionensis*) приехало представительное посольство, включавшее в себя восемь (в другом месте — пять) епископов, но, скорее всего, епископов с ним вовсе не было, а сопровождали его священники¹¹. Далее Рихенталь упоминает «двух герцогов греческого исповедания», а именно «герцога Смоленского, герцога Красной Руси», которые присутствовали на богослужении, устроенном митрополитом, вместе «с более чем тремя сотнями человек их веры»¹². Первый из них, смоленский князь по имени Федор

(как выясняется из других мест «Хроники» Рихенталя¹³), скорее всего, был из окружения римского короля Сигизмунда Люксембургского и находился в неприязненных отношениях с Витовтом, которого представляла делегация Великого княжества Литовского¹⁴; вторым, то есть князем Красной, или Червонной, Руси, мог быть князь Федор Острожский, на собор прибывший, скорее всего, с митрополитом Киевским¹⁵; в списке Рихенталя указан еще один представитель православной знати, некий «герцог Павел из Правой Руси, находящийся в подчинении у Витовта»¹⁶.

Затем Рихенталь приводит большой перечень русских городов, входивших в состав короны Польской и Великого княжества Литовского и приславших на собор в Констанце своих посланцев (по-видимому, не только православного, но и католического исповеданий). Не все приводимые им названия можно соотнести с известными западнорусскими городами. Поэтому список городов ниже дается на языке оригинала: в тех же случаях, когда для перевода их имен есть более или менее надежные основания, русские эквиваленты указываются в скобках: «Эти города также были представлены в Констанце посольствами: Lutz (Луцк). Krimnitz (Кременец). Brissg (Брынск). Plon. Kump (Киев). Camnitz (Каменец). Clingenburg (Звенигород). Kottogy. Resch. Lantz-hüt. Sperburgsi. Jerassla (Ярославль). Will. Wittoffschgy (Витебск). Smalergsi. Brantzog (Брянск). Starabub (Стародуб). In der Rodoly (в Подолии): Bregla. Dalmatsch (Галич). Brantzeg (Брацлав). In Rüssen (на Руси): Primisil (Пепемышль). Wischna (Вишня). Gredik. Lamberg (Львов). Sogul (Соколь). Cossgy. Brissgia. Gross Brantzgi. Butten. Klainargi. Grossargi. Buchur. Samber (Самбор). Sanack (Санок). Krossen (Красен). Rossnouw. Trochen. Bitsch. Fulnegg (Владимир Волынский)». Ряд названий из списка Рихенталя соотнести с какими-либо другими городами польско-литовской Руси не удастся, хотя нет сомнения, что со слов посланцев этих неустановленных городов секретарь собора записал так, как мог услышать, их наименования¹⁷.

Обращает на себя внимание, что весь список делится на три части: в первой без разбору даются наименования городов самых разных областей — Волины, Галиции, Подолии, Киевской, Черниговской и других западнорусских земель; далее выделены три города «Подолии» и отдельно перечислены города «Руси», к которой автор в данном случае, судя по указанным им названиям, относит расположенные на крайнем юго-западе русские территории. И еще нужно заметить, что на той же странице, где речь идет о русских городах, указан и Смоленск (Schmolentzgi), однако среди населенных пунктов Малой Валахии (minder Walachy). Не исключено, что и к русским были причислены некоторые города других стран, не случайно в их транскрипции невозможно узнать какое-то русское название.

В других местах своей «Хроники» Русь, или «Русскую землю», Рихенталь подразделяет на «Правую Русь, Красную Русь, Белую Русь»; сразу за ними он называет «землю и город Великий Новгород», поясняя, что в нем

исповедуют христианство¹⁸. Точно локализовать три указанных Рихенталем части Руси — Правую, Красную (Червонную), Белую — вряд ли возможно, да автор и не ставил перед собой такую цель, ибо он — не космограф, а хронист. Чаще всего Белой Русью Рихенталь именует Смоленск, то есть Смоленскую землю¹⁹, хотя в одном месте он Смоленск относит к Красной Руси²⁰. Но это, скорее всего, по недоразумению или недосмотру, потому что в других случаях Смоленск и Красная Русь — это разные области страны. Белая Русь выступает у Рихенталья как предел, до которого простирается в одном случае Европа²¹, в другом — владения Витовта, великого князя Литовского и, соответственно, церковная юрисдикция митрополита Киевского Григория Цамблака²².

Что касается Красной, или Червонной, Руси, то ее именем, скорее всего, обозначались города и территории современного запада Украины, по русской средневековой истории известные как «Червенские города». А вот «Правую Русь», которой владел «герцог Павел», отнести к какой-либо исторической русской территории не представляется возможным; предположение Ю. К. Бегунова о том, что перечисление частей Руси — Правая Русь, Красная Русь, Белая Русь — давалось у Рихенталья строго с юга на север и что герцог (или князь) Павел владел землями в современной Белоруссии²³, ничем нельзя подтвердить, и оно никак не согласуется с тем, что названная второй «Красная Русь» находится южнее Белоруссии, если все же согласиться с тем, что Белоруссия обозначена как «Правая Русь» и дана в перечне первой.

Рихенталь трижды упоминает Великий Новгород²⁴, но нет никакой уверенности, что он рассматривает его как часть Руси. По его словам, «за Русью лежат два города, один называется Великий Новгород; это самостоятельный город и выбирает [себе. — О. К.] герцога, как венецианцы; и много в нем серебра, драгоценного камня и соболя»²⁵. Сведения о Новгороде хотя и скудные, но в общем и целом достоверные — Новгород в тот период являлся действительно независимым политическим образованием, власти его, как и в Венеции, были выборными²⁶, впрочем, не ясно, кого подразумевал Рихенталь (или сообщавшие ему сведения посланцы этого города) под «герцогом», то ли князя, которого новгородцы по своему усмотрению призывали, то ли посадника, выбираемого ими из своей среды на срок; следует с доверием отнестись и к указанным богатствам Новгорода, пусть даже не уточнено, что они не добывались в его округе, а скапливались в нем как в крупнейшем торговом центре. Впрочем, в другой редакции «Хроники» Рихенталья, опубликованной в 1483 г., сказано яснее — новгородцы выбирают себе главу из своей среды, таким образом, речь идет все-таки о посаднике; добавлено еще, что город очень богат серебром и всяким добром и имеет выход в море, а это значит — город торговый; наконец, сообщается, что цель новгородского посольства — обсуждение вопросов веры²⁷.

Другой город, описываемый Рихенталем после Новгорода, «зывается у Золотой Старухи. Они [его обитатели. — О. К.] поклоняются Золотой Ста-

рой Бабе. Это царство досталось одной старой вдове. Она наделила эту землю всякими благами. И они [жители. — *О. К.*] выбирают из своей среды господина, а занятия их [добыча. — *О. К.*] соболя, птицы и мяса»²⁸. В немецком тексте «Хроники» Рихенталья название города «у Золотой Старухи» дается почему-то по-латыни: «ad Auream Vettullam». Далее идет речь о поклонении обитателей этого города некой «Золотой Старой Бабе» (*guldin alt wib*), причем не уточняется, как и конкретно чему они поклоняются — изваянию, рисунку или изображению в красках или просто ее имени. Следует затем рассказ о старой вдове, всячески облагодетельствовавшей этот край, обитатели которого имеют, как и новгородцы, выборную власть и живут охотой. Это, похоже, первое упоминание в трудах западных авторов о почитании населением современного северо-востока Европы некоей Золотой Бабы, однако по тексту Рихенталья нельзя с определенностью заключить, что оно поклонялось именно сделанному из золота кумиру, о котором часто будут сообщать описатели России XVI в.

Рассказ о городе «у Золотой Старухи» и почитании его обитателями некоей «Золотой Старой Бабы» Рихенталь мог записать, скорее всего, со слов новгородских послов, хотя вопрос, насколько достоверно он передал их сообщение, остается открытым. В русских письменных документах сведения о поклонении жителей Севера Золотой бабе появляются в Московском летописном своде начала XVI в., отразившиеся в младшей редакции Софийской первой летописи, в которой под 1398 г. сказано о христианском просветителе Стефане Пермском: «Се бо блаженный епископ Степан, Божий человек, живяще посред неверных человек, ни Бога знающих, ни закона вѣдающих, молящихся идолом, огню и воде и камню, и Золотой бабе, и кудесником, и вѣлхвом, и древью. А се живыщеим около Перьми имена местом и странам и землям иноязычным: Двиняне, Устюжане, Вельжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лопь, Корьла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль Чюсовая...»²⁹. Русская летопись начала XVI в. зафиксировала, по-видимому, широко известное на Руси устное предание гораздо более раннего времени о языческом кумире в виде Золотой бабы, возникшее не позже рубежа XIV–XV вв. Из приведенного в летописи списка северных народностей, придерживающихся языческих верований, невозможно понять, какой именно поклонялся Золотой бабе. Не исключено, что о ней сообщали еще исландские саги под именем Йомали, женского божества, которому жители Биармии, то есть Подвинья, Вятской и Пермской земель³⁰, приносили жертвоприношения золотом и серебром, хотя, согласно другой точке зрения, Золотая баба — это вогульская богиня Куальтыгьсан-торум, покровительница женской плодовитости и охоты³¹. Следует отметить, что в редакции первого печатного издания «Хроники» Рихенталья (Аугсбург, 1483) фрагмент о Золотой бабе опущен, поэтому, скорее

всего, широкую известность в Европе сведения о ней получили после публикации «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского (1517) и в версии, которую давал этот автор³².

Еще один немаловажный аспект идентификации жителей Руси в «Хронике» Ульриха фон Рихенталья — их конфессиональная принадлежность. В одном месте, ведя речь о посольствах Витовта из Литвы, из Валахий, от турок, от герцога из Белой Руси (здесь, скорее всего, Смоленска) и из других стран Восточной Европы, он говорит, что большинство их состава было язычниками, часть — схизматиками, часть держалась магометанской веры³³. Надо думать, что под схизматиками, то есть православными христианами, он имел в виду прежде всего «герцога из Белой Руси» и его сопровождение. Архиепископа Киевского и, соответственно, всю его паству — русских подданных Витовта, великого князя Литовского — Рихенталь также отнес к православному миру: «И находится его [Григория Цамблака] архиепископство между греческими [то есть держащимися греческой, или православной, веры. — О. К.]»³⁴. Что касается Новгорода, который, по Рихенталю, возможно, и не являлся Русью, то в одном случае он вместе с другими ее частями признан страной христианской³⁵, в другом — недвусмысленно введен в число языческих городов и государств: «И с ним [киевским митрополитом. — О. К.] пришло много господ и посланцев от языческих господ, от царя султана, от великого хана, от короля Аравии, от города Велико-го Новгорода и от других больших языческих городов и господ»³⁶.

Как видим, упоминание Руси на страницах «Хроники» Рихенталья встречается довольно часто, но составить по ним сколько-нибудь ясное представление о ней невозможно: указаны три части Руси, но их местонахождение можно представить по-разному, и оно не определяется — точно так же, как и ее городов, впечатляющий перечень которых приведен хронистом; верховным ее правителем назван Витовт, великий князь Литовский, хотя часть указанных территорий и городов находилась под властью короны Польской; о другой Руси, расположенной восточнее, нет даже упоминания; о Новгороде сказано немного подробнее, но непонятно, он и его владения — часть Руси или находятся за ее пределами; относя русских к православному миру, хронист путается с религиозной принадлежностью новгородцев.

«Хроника» Рихенталья, составленная в 20–30-е гг. XV в. по его записям, дневникам и воспоминаниям о Констанцском соборе, имела некоторый круг распространения; сохранилось не менее девяти ее рукописей³⁷. Но к моменту выхода в свет в 1483 г. в Аугсбурге одной из ее редакций все, что можно было почерпнуть в ней о Руси, совершенно устарело и не могло дать надежной информации об этой стране.

Логично было бы ожидать, что какие-то сведения о Руси будут зафиксированы теми, кто обязательно должен был проявлять к стране повышенный интерес в силу, скажем, деловых торговых связей с ней; прежде всего речь может идти о ближайших соседях Руси, а также о ганзейском купечестве, имевшем свое представительство в Новгороде, подолгу там находившемся и

владевшем русским языком³⁸. Однако никаких сведений о ней ни те, ни другие не оставили. Старый русский историк объясняет такое молчание просто и, по сути, верно: «Из Пруссии и Литвы пробирались иногда рыцари и торговцы на Волхов; но по безграмотности, малограмотности или нелюбознательности они не вели записок»³⁹. Действительно, в отличие от итальянского, преимущественно флорентийского купечества, с середины XIV и в XV в. составляющего для воспитания и нужд своего потомства «Записные книжки», «Хроники», хозяйственные и моральные наставления и прочие сочинения, посвященные прежде всего событиям личной и семейной истории, навыкам и секретам делового поведения, урокам пережитого (включая посещение чужих земель и народов) и опыту, почерпнутому у других людей или из чтения заслуживающих доверия авторов⁴⁰, ганзейцы в силу уровня своего культурного развития к тому времени еще не подошли к созданию подобной литературы. Кроме того, по мнению Ст. Мунда, писать о Руси, которую они все близко знали (речь, конечно, могла идти о северо-западе страны), в их глазах должно было выглядеть занятием ненужным, бессмысленным, а то и просто опрометчивым, так как их сведения, добытые долгим и тяжелым трудом, благодаря их же запискам сделались бы достоянием торговых конкурентов; и вообще купечеству привычней было заниматься ведением приходно-расходных книг, нежели сочинением мемуаров⁴¹.

Мемуары Гильбера де Ланноа

О мемуарах стоит сказать отдельно: обращение к такому жанру литературы считалось предосудительным не только для купцов, но и для людей любого звания и состояния. Свидетельством тому по счастью уцелевшие записки автобиографического характера бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа, для нас особенно ценные тем, что в них впервые в европейской литературе дано целостное и в некоторых случаях детализированное описание Северо-Западной Руси — городов Новгорода и Пскова⁴², их природных условий, экономики, социальных отношений, политического режима, религии, нравов и внешнего вида их жителей, военной мощи и оборонительных сооружений.

1. Боязнь «суетной славы»: мотивы посмертной публикации мемуаров

«Великая любовь, которую в свое время я питал к премудрому, благородному и доблестному рыцарю мессире Гильберу де Ланноа, советнику и камергеру моего досточтимого господина сиятельного герцога Филиппа Бургундского, коменданту его замка к Эклюзе и [кавалеру] ордена Золотого Руна, владельцу Виллерваля и Санта (да простит его Бог!), при коем я был смиренным капелланом, побуждает меня собрать в этом трактате его путе-

шества и высокие деяния — не все, но только те, которые после его кончины я обнаружил записанные его рукой. Ибо пока он был жив, он никогда не дозволил бы и не пожелал бы предать их памяти [потомства] из опасения, чтобы они каким-либо образом не обернулись для него суетной славой (*de peure que par aulcune façon ne lui eust tourné à vaine gloire*). Возможно также, что те люди, которые отважатся путешествовать вооруженными или иным образом, почерпнут из них [сведения], а те, которые не дерзнут на это, читая их, будут сопереживать [тому, что в них рассказано]»⁴³. За этим указанием скромного капеллана на боязнь «премудрого, благородного и доблестного рыцаря» публиковать свои автобиографические заметки, то есть ими увековечить память о себе, определенно обозначено его стремление не нарушать строгие нормы средневековой христианской морали, запрещавшей человеку без достаточных на то оснований вести о себе речь, дабы в погоне за «суетной славой» не впасть в грех гордыни, гибельный для души⁴⁴. Об этом запрете привлекать внимание к собственному «я» писали и прославленные мыслители, такие, как Фома Аквинский, Данте, и смиренный монах-францисканец Салимбене де Адам (Пармский), получивший широчайшую известность в новейшее время благодаря находке неполного экземпляра его «Хроники». Впрочем, предусматривались и уважительные поводы, когда автор, не рискуя впасть в грех гордыни, имел право рассказать о себе, например, чтобы восстановить свое доброе имя, кем-либо незаслуженно обогнанное, указать людям путь к добродетели и т. п.⁴⁵ Надо заметить, что капеллан, выступивший составителем и, возможно, редактором записей Гильбера де Ланноа, обозначил две подобные оправдательные для его патрона причины: познавательная роль этих мемуаров для тех, кто намеревается путешествовать, и воспитательная для обычных читателей. Таким образом, опасные последствия для души рыцаря, его обвинения в греховных намерениях — даже при том, что не он являлся публикатором собственных записей, — были заботливо отведены.

2. Жизненный путь. Сочинения

Выходец из знатного дворянского рода графств Фландрии и Геннегау (Эно), сеньор Санта, Виллерваля, Тронкена, Бомона и Варньи, один из первых кавалеров ордена Золотого Руна (1430), Гильбер де Ланноа (1386–1462) представлял собой нередкий для XV в. тип много странствующего, кочевого, не лишённого авантюрной складки рыцаря⁴⁶, по разным поводам, а то и просто из желания «повидать мир» (*v'voir monde*)⁴⁷, предпринимавшего путешествия по всей известной тогда Европе, Переднему Востоку и Северной Африке. Храня верность идеалам своего времени и сословия, он стремился служить всем, чем был способен, своим господам — как небесному, так и земным. Первый боевой опыт, будучи еще совсем юным, состоя в звании оруженосца, Гильбер де Ланноа приобрел в английских походах отряда графа Сен-Поля в 1399 г. и

отряда графа де ла Марш в 1401 г., выступив в поддержку короля Ричарда II против Генриха Ланкастера; в 1408 г. он помог графу Эно подавить мятеж горожан Льежа; на стороне своего нового сюзерена (с 1412 г.) герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного он участвовал в битвах с англичанами (в знаменитом сражении при Азенкуре 1415 г. попал в плен и едва не лишился жизни) и с арманьяками, а затем вместе с его преемником Филиппом Добрым, вошедшим в союз с английским королем Генрихом V, — в осаде Монтре и Мелена (1421); по поручению своих государей он правил многочисленные посольства: в 1421–1423 гг. в Пруссию, Литву, Польшу, Молдавию, Крым, Константинополь, Египет, Сирию, Палестину в целях оповестить о новом мирном договоре между Францией и Англией (Труа, 1420) и вести пропаганду крестового похода против мусульман; в 1429 и 1442 гг. в Германию, в 1430 г. в Шотландию, в 1446 г. в страны Средиземного моря (Арагон, Венеция, Рим, Неаполь, Родос, Кипр, Яффа, Корфу), в 1433 г. на собор римско-католической церкви в Базеле; занимал административные должности (с 1416 г. губернатор Эклюза, совр. — Слейс; с 1426 г. — Роттердама), выполнял придворные обязанности чашника, а затем камергера и советника; по его инициативе в 1446 г. герцогом был учрежден для Бургундии Большой Совет, постоянно действующий орган для ведения административных и финансовых дел.

Желанием угодить Богу — господину небесному — объясняются большой ряд паломничеств к святым местам, совершенных Гильбером де Ланноа (в 1403–1404, 1421 и 1446 гг. в Святую Землю, в 1414 и 1430 гг. к Святому Патрикию в Шотландию, дважды к Святому Якову Компостельскому (1408 и 1436 гг.), в 1450 г. в Рим для празднования юбилейного года), участие в борьбе с «неверными», к коим относились мусульмане и почему-то (?) литовцы, «схизматики», то есть православные, и «еретики»-гуситы и виклефиты, а также дипломатическая подготовка крестовых походов, осуществлявшаяся бургундским рыцарем в 1421–1423 и в 1446 гг. Движимый благочестивыми помыслами, де Ланноа в 1407–1410 гг. воевал вместе с испанскими христианами против мусульман Гранадского эмирата; в 1413 г. те же мотивы побудили его выступить на стороне Тевтонского ордена, напавшего на единоверных ему короля Польского и герцога Померанского под тем предлогом, что они состояли в союзе с Литвой, страной, хотя и к тому времени уже католической, но рассматривавшейся как сарацинская⁴⁸.

Кроме двух сочинений на темы морали и политики — «Воспитание юноги государя» (не ранее 1439 г.) и «Отцовские наставления»⁴⁹, в коих представлены образы правителя и рыцаря, соответствующие идеалам феодально-аристократических кругов позднего средневековья, и записок политического характера (avis), посвященных, в частности, борьбе с гуситами (1428)⁵⁰, — после Гильбера де Ланноа остались также его мемуары «Путешествия и посольства», в которые в качестве самостоятельной части включено «Паломничество в Сирию и Египет», созданное к 1423 г.⁵¹

Если относительно «Паломничества в Сирию и Египет» есть свидетельства самого Гильбера де Ланноа, что в Александрии Египетской после посещения места мученичества Св. Екатерины (1422) он начал вести запись этого странствия, составившую книгу, один экземпляр которой он преподнес английскому королю Генриху V, а другой — герцогу Бургундскому⁵², то никакими точными, бесспорными указаниями о порядке работы над его основными мемуарами — «Путешествия и посольства» — мы не располагаем. Высказывалось мнение, что к ним он приступил в конце своей жизни, перестав ездить в чужие страны⁵³. Допускалось также, что де Ланноа писал свои заметки «или во время своих путешествий, или сейчас после их совершения еще на свежую память», хотя, по догадке Студента Емельянова, которая выглядит вполне убедительно, «многое было записано им во время самих путешествий, впоследствии же — и это, вероятнее всего, случилось в старости... — он дополнял и приводил в порядок свои мемуары»⁵⁴. От путешествий у него действительно должны были оставаться очень короткие, хотя бы в несколько слов, заметки, в основном названия стран, рек, населенных пунктов и обязательно расстояний между ними; со временем он мог их дополнить отложившимися в памяти впечатлениями. Когда он начал это делать, точно установить невозможно. Но вот в записи о 1416 г. у де Ланноа сказано, тогда «по возвращении из плена [в Англии. — О. К.] я [Гильбер де Ланноа. — О. К.] отправился к господину герцогу Иоанну Бургундскому, который пожаловал мне в капитанство замок Эклюз (l'Ecluse), коим, по милости Божьей, я управлял тридцать лет»⁵⁵. Значит, цитированная запись сделана в 1446 г., то есть в это время де Ланноа уже вел работу над своими мемуарами. Составлены они на французском языке, хотя в тексте встречаются фламандские слова, а также специальные термины из других языков, в частности из русского, эквивалента которым на французском он, по-видимому, не мог найти.

Мемуары де Ланноа «Путешествия и посольства» почти не имели распространения. Сохранились лишь две их рукописи, одна находится в Королевской библиотеке в Брюсселе, переписанная рукой уже упомянутого капеллана отца Жана к началу мая 1465 г., вторая — в частной коллекции и датируется XVI в.⁵⁶ Лишь в первой половине XIX в. усилиями ученых они были извлечены на свет и опубликованы⁵⁷. В силу этого их данные о русских землях не получили в Европе XV–XVI вв. известности. А они уникальны и резко выделяются по сравнению с тем, что и как писал де Ланноа о других виденных им странах, полнотой, систематичностью и каким-то особым вниманием к русской жизни и природе. Одной экзотикой такой интерес объяснить нельзя, де Ланноа посетил не менее диковинные для европейца края — Египет, Палестину, Крым, Балканы и Малую Азию, Испанию, — но не оставил о них описаний, подобных рассказу о Руси, в особенности о Новгороде и Пскове. Трудно сказать, кому предназначал де Ланноа свое описание Руси, вряд ли ливонским рыцарям, жившим с нею по соседству и так или иначе ее знавшим, хотя какую-то заинтересованность в посещении им земель Северо-Западной Руси они, вне всякого сомнения, имели.

3. Участие в военных предприятиях Тевтонского ордена в Прибалтике 1413–1414 гг.

Что заставило де Ланноа, рыцаря, находившего применение своему оружию и у себя на родине, и в Англии, и в Испании, предпринять далекий и очень небезопасный путь по Северному морю, обогнуть Ютландию, дабы выказывать воинскую доблесть на берегах Балтики? Как всякий представитель своей эпохи, де Ланноа имел в виду прежде всего обеспечить спасение своей души; а самый прямой путь к этому для человека его звания и рода занятий — это участие в крестовых походах, битвах с язычниками и иноверцами. «Война с неверными, — по справедливому замечанию Студента Емельянова, — по понятиям того времени, представлялась делом душеспасительным, и она легко привлекала к себе Гильбера де Ланноа, отличавшегося рыцарскими наклонностями и религиозным чувством, так как она предоставляла возможность удовлетворения и того, и другого»⁵⁸. Де Ланноа мог также рассчитывать участием в подобного рода предприятиях приумножить свою воинскую славу и стяжать звание рыцаря, что ему в действительности и удалось.

Итак, весной 1413 г. Гильбер де Ланноа, по его признанию, «отправился в Пруссию, чтобы в составе армии, созданной прусскими рыцарями, выступить против неверных (*contre les mescréans*)»⁵⁹. Речь шла о походе Тевтонского ордена против герцога Померании и поляков, которых, хотя они, как и сам де Ланноа, были католиками, он назвал «неверными». Орден, ведя тяжелую для него войну с поляками и литовцами (так называемую Великую войну), важнейшим эпизодом которой была Грюнвальдская битва 1410 г., завершившаяся страшным поражением крестоносного войска, воззвал о помощи к европейским рыцарям. Созданный для христианизации язычников, орден, чтобы доказать свою легитимность в качестве защитника истинной религии, должен был скомпрометировать единоверных ему соседей, с которыми был в постоянной вражде, обвинениями в неверии и нечестии. В католическом мире не догадывались, что после 1385 г., начала крещения Литвы, существование ордена потеряло всякий смысл и что он эксплуатирует невежество западных рыцарей, привлекая их к походам, цель которых состояла уже не в том, чтобы кого-то крестить, а в том, чтобы расширить его владения или удержать их⁶⁰.

Выбор Пруссии для Гильбера де Ланноа, поучаствовавшего уже в крестоносных войнах против мавров в Испании (1407–1410 гг.), был не случаен. По сложившейся в XIV в. традиции графы Эно (Геннегау), вассалами которых была семья де Ланноа, многократно отправляли своих сыновей на берега юго-восточной Балтики, чтобы те сражались в рядах тевтонских рыцарей⁶¹. Более того, с начала XIV в., по наблюдению А. Бертрана, хотя бы одна поездка с военными целями в Пруссию для многих молодых отпрысков европейской знати, обладавших для этого необходимыми материальными ресурсами, считалась совершенно обязательной. В Пруссии побывали старший брат Гильбе-

ра Гуго, сенешаль графства Эно Жан де Веркен (Jean de Werchin), у которого в юности Гильбер служил оруженосцем, шурин Гильбера Жан де Рубэ (Jean de Roubaix)⁶² в числе других представителей европейского дворянства⁶³, стремившихся послужить вере благочестивыми подвигами на поле брани в Восточной Прибалтике. Так что у Гильбера де Ланноа были убедительные примеры его господ и близких ему людей, избравших Пруссию в качестве места, где ратными трудами они надеялись стяжать спасение своей души⁶⁴.

Прибыв в Пруссию, де Ланноа с тамошними рыцарями принял участие в летнем походе (*rèse*, или *reise*), а вернее, в набеге «на Польского короля и герцога Померанского, которые оказывали помощь сарацинам (*qui favorisoient les Sarrasins*)»⁶⁵. Именем «сарацин» необязательно назывались мусульмане; де Ланноа, несомненно, имел в виду литовцев⁶⁶. Его сообщение о летнем походе 1413 г. тем важнее, что об этом военном предприятии тевтонских рыцарей умалчивают другие источники⁶⁷; совершив его, рыцари нарушили перемирие⁶⁸. Поход длился недолго: вначале рыцари вторглись в Померанию, которую грабили четыре дня, разорив будто бы пятьдесят селений и «захватив множество скота в добычу»; затем тевтонцы оказались на территории Мазовецкого княжества, то есть собственно Польши, и там осадили город, который взять не смогли, потеряв при этом много людей убитыми. Сам де Ланноа был серьезно ранен стрелой в руку, но зато получил посвящение в рыцари⁶⁹.

На этом, собственно, военные приключения де Ланноа завершились. Правда, он попытался еще повоевать и на стороне ливонских рыцарей, состоявших в зависимости от тевтонцев, но планировавшийся ими зимний поход (*la reise d'yver*) не состоялся⁷⁰. Непонятно, на кого они собирались нападать, то ли на Новгород или Псков, с которыми, впрочем, в то время у них были мирные отношения⁷¹, то ли на литовцев⁷².

4. Поездка в Новгород и Псков зимой 1413–1414 гг.

И вот тут-то, в Ливонии, не найдя себе занятия, подвижный, надо думать, столь характерным для него желанием «повидать мир», де Ланноа решается «предпринять поездку в Новгород Великий на Руси». Правда, если эта поездка только личная инициатива де Ланноа, то почему понадобилось содействие магистра Ливонского ордена (в то время — Конрада фон Фитингоффа) для ее осуществления⁷³ и почему — что важнее — он пошел на «переодевание» и, по его собственному признанию, явился «под видом купца» (*en guise de marchand*)⁷⁴? Хотя об этом «переодевании» сказано в том месте, где речь идет о переезде из Новгорода в Псков, скорее всего, в роли купца де Ланноа появился уже в Новгороде, ибо, во-первых, непонятно, зачем такой «маскарад» понадобился ему только во Пскове, а во-вторых, поскольку в Новгороде его пребывание имело публичный характер и получило самую широкую

огласку, то в Пскове перемена им личины могла быть легко замечена, что для него имело бы неприятные или даже плачевные последствия.

Итак, в русских городах де Ланноа предстал купцом, хотя для него, только что возведенного в рыцари отпрыска знатного семейства, это означало сознательное, добровольное, пусть и временное, понижение социального статуса, чего он не должен был допускать. Кроме того, по сути, речь шла об обмане, который можно было квалифицировать как самозванство, присвоение чужого имени и состояния, что считалось противным не только человеческим, но и божественным законам. Значит, у де Ланноа были какие-то очень важные причины пойти на сокрытие своего истинного положения в обществе и рода занятий. Конечно, в качестве купца ему было гораздо легче попасть в торговые города Новгород и Псков, тогда как рыцарю, приехавшему служить немецким крестоносцам, с которыми этим городам нередко случалось воевать, и неизвестно зачем пожелавшему их посетить, они вполне могли и не открыть свои ворота. Здесь уместно в виде предположения задаться вопросом, не выполнял ли де Ланноа какую-то секретную миссию, дипломатического или военного характера? И такую цель его поездки нужно признать вполне вероятной, а что касается военной, или разведывательной, миссии, то она была возложена на него скорее всего. Особенно учитывая внимание, которое де Ланноа проявлял к оборонительным сооружениям русских городов и их вооруженным силам. Именно подобного рода цель, то есть помощь крестоносцам, этим, как считалось на Западе, преданным воителям за веру Христову, могла служить достаточным основанием, чтобы оправдать такой недостойный, преступный и богопротивный поступок бургундского рыцаря, как его переодевание в купца. И, похоже, поэтому де Ланноа получил содействие ливонского магистра, который, надо думать, помог ему принять купеческий вид (де Ланноа, вполне понятно, не располагал ни платьем, ни товаром, которые подобает иметь купцу). Следует добавить, что для ливонских рыцарей де Ланноа был счастливой находкой: в 1413 г. он едва появился в Восточной Прибалтике, не участвовал в войнах ордена с соседями и, следовательно, не был им известен, говорил по-французски и, возможно, по-фламандски и тем самым сильно отличался по языку от ливонских немцев, так что его можно было выдать за чужеземца, прибывшего издалека с торговыми целями, и доверить деликатные поручения посреднического или разведывательного характера. Но даже если этих заданий и не было, поделиться наблюдениями о положении дел и оценкой военной силы двух русских городов с ливонскими рыцарями, на стороне которых де Ланноа приехал воевать, он, вне всякого сомнения, был должен.

Итак, в начале зимы 1413 г. де Ланноа из Риги отправился в северо-восточном направлении, миновал несколько командорств и замков и около г. Нарвы, переправившись через одноименную реку, «вступил в страну русскую», ибо «эта река разделяет земли Ливонии и земли Руси, принадлежащие господам Новгорода Великого»⁷⁵. Сразу надо заметить, что, в отличие

от Ульриха фон Рихенталя, своего современника, де Ланноа вполне определенно рассматривает Новгород и его владения как Русь, русскую землю и постоянно это акцентирует в своем повествовании о нем.

Его путешествие по Руси проходило в саях (он их называет нижненемецким словом *sledes*⁷⁶), в которые он сел, как только оказался на русской территории, «по причине великого снега и холода». Недалеко от ливонского г. Нарвы он нашел русский замок Низлот (он же: Нейшлосс, *Nyeuslot*; русское название — Новый Городок, или Сыренск) и, продвигаясь по «пустынным местностям, изобилующим лесами, озерами, реками», минуя селения и замки, достиг Новгорода Великого. Воображение путешественника, нашедшего в удаленной и мало пригодной для жизни пустынной местности огромный город, было, несомненно, поражено: «Новгород Великий — на диво большой город (*est la ville de la grant Noegarde merveilleusement grant ville*), — писал де Ланноа, — расположенный на громадной равнине в окружении обширных лесов, в низине, среди вод и болот; и по середине этого города течет очень большая река, называемая Волхов»⁷⁷. Это замечание об удивительной величине Новгорода, высказанное человеком, незадолго перед тем побывавшим в Данциге, Кенигсберге и Риге, а на своем веку посетившим Париж, Лондон, Константинополь, крупнейшие города Нидерландов, Испании и Ближнего Востока, весьма примечательно и заслуживает полного доверия⁷⁸. Правда, тут же он критически отзывается об укреплениях города, который «обнесен плохими стенами (*meschans murs*) из плетня и земли, тогда как башни из камня»; есть у них внутри города «замок, расположенный на упомянутой реке»⁷⁹, то есть речь идет, конечно, о кремле. Отдельно сообщает бургундский рыцарь о вооруженных силах Новгорода, точнее «всех его господ», и составляют они «сорок тысяч конницы и без числа пехоты»; далее он замечает: «Они часто воюют с соседями, особенно с рыцарями Ливонии, и одерживали в прошлом победы во многих больших сражениях»⁸⁰.

Итак, главным врагом Новгорода названы ливонцы, и понятно, что, навеваясь в этот город, де Ланноа нужно было скрывать свою близость к ним. Понятно также, что все сведения о вооруженных силах и войнах новгородцев он привел, опираясь на показания самих новгородцев, многократно и, по видимому, сознательно завысивших численность своих войск⁸¹.

Вместе с тем в Новгороде с ним обошлись в высшей степени дружелюбно. Де Ланноа был принят епископом и «господами» Новгорода⁸². Довольствие его на себя взял епископ, считавшийся важнейшим лицом в городе, и все девять дней, пока де Ланноа пребывал в нем, присылал ему «добрых тридцать человек с хлебом, мясом, рыбой, сеном, овсом, пивом и медом»⁸³. Припасы явно немалые и свидетельствуют о том, что бургундский рыцарь путешествовал не в одиночестве, с ним были, по крайней мере, его слуги, о которых, впрочем, он ни словом не упоминает. Кроме того, верховными магистратами Новгорода в честь де Ланноа был задан пир: «Вышеупомянутые тысяцкий и

посадник дали мне обед, самый необычный и самый удивительный из когда-либо виденных мной»⁸⁴. Чем могло поразить русское угощение такого бывшего человека, как де Ланноа, участвовавшего во многих придворных застольях разных стран и народов, — обилием и изысканностью яств, дорогой посудой, диковинными обычаями или еще чем-то — угадать невозможно⁸⁵.

Но совершенно очевидно, что де Ланноа был встречен и содержался с большим почетом, подобно ему, принимали послов или знатных иноземцев, но не обычных купцов, появление которых в Новгороде должно было быть заурядным явлением. Опять возникает вопрос, не имел ли де Ланноа каких-то дипломатических поручений, не доверили ли ему вести переговоры с властями Новгорода; однако прямых или косвенных указаний на этот счет в его записках нет. Тогда, вполне возможно, де Ланноа заинтересовал новгородцев как представитель далекой и плохо известной им страны — Южных Нидерландов — и ему в этом качестве редкого и, по-видимому, желанного гостя была оказана такая высокая честь. Впрочем, не исключено, что новгородцы также знали или догадывались о том, что за де Ланноа стоят ливонские рыцари, и давали ему понять об этой своей осведомленности, нарочито выделяя его почетным приемом из числа других гостей города.

Наблюдательность и хорошая информированность де Ланноа проявилась в изображении основных черт политической и социальной системы Новгорода, сведения о которой он, впрочем, мог получить еще прежде от ливонцев или от ганзейских купцов⁸⁶. Новгород он характеризует как «вольный город, имеющий общинное управление (*et est une ville franche et seignourie de commune...*)»; «есть здесь епископ, — сказано далее, — который является *как бы* (курсив мой. — О. К.) их владыкой», его резиденция в замке (кремле), где возведена главная их церковь Св. Софии⁸⁷. Автор не упоминает веча, но он говорит, что управляет городом община и что город независим. И этого было достаточно европейскому читателю записок бургундского рыцаря, чтобы Новгород воспринимался по аналогии с европейскими городами-коммунами⁸⁸, тем или иным способом приобретшими вольности, а то и — как, например, многие города Северной и Центральной Италии — полную самостоятельность. Хорошо показано и место епископа (на самом деле — архиепископа), хотя формально он считался первым лицом среди новгородцев, полномочия его были очень ограничены, поэтому он, согласно де Ланноа, выступал «как бы их сувереном (*comme leur souverain*)», то есть как бы их верховным правителем; нужно заметить, что ситуация с новгородским епископом могла напоминать положение феодальных сеньоров в Европе (многие из них были людьми духовного звания), в основном утративших реальную власть над городскими коммунами, но продолжавших считаться их сюзеренами.

Де Ланноа точно определяет правящий Новгородом класс, приводит даже его название по-русски: «В этом городе проживает много великих гос-

под, именуемых ими боярами»⁸⁹. Чтобы продемонстрировать их богатство и силу, он сообщает о некоем «горожанине», скорее всего из бояр⁹⁰, «на диво богатом и могущественном, который обладает земельными владениями в двести миль длиной»⁹¹. Если иметь в виду, что миля (*lieue*) составляла тогда приблизительно 4,5 км⁹², то владение в 900 км, равное, а то и превосходящее по протяженности иные западные королевства (хотя цифра эта условная и очень-очень приблизительная, ибо де Ланноа не мог проверить своего информатора, так же как и его сведения в Европе не в состоянии были верифицировать), должно было впечатлить; тем более что за рубежом едва ли догадывались о малолюдности новгородских владений и редкости в них городков и селений. Новгородское боярство должно было восприниматься как аналог патрициата⁹³ наиболее могущественных европейских городов, как самодостаточная социальная структура, сосредоточившая в своих руках высшую власть⁹⁴: «И русские Великой Руси не имеют других господ, кроме этих [выбираемых] в свой черед по воле общины»⁹⁵. Речь идет о двух важнейших магистратах (*officiers*), управлявших городом и сменяемых ежегодно, кои именуются *duc* и *bourchgrave*⁹⁶, то есть тысяцкий и посадник. Любопытно, что о приглашаемом новгородцами на определенных и строго установленных условиях князе, который по их усмотрению мог быть изгнан⁹⁷, у де Ланноа даже не упоминается.

Правда, в другой рукописной версии «Путешествий и посольств»⁹⁸ имеется существенное дополнение, касающееся политического положения Новгорода, не сильно, тем не менее, меняющее набросанную ранее картину его государственного строя. «И нет у них, — сказано в нем, — другого короля и господина, кроме великого короля Московского, государя Великой Руси, которого они, когда хотят, имеют [своим] господином, когда не хотят, не имеют»⁹⁹. Итак, оказывается, Новгород нельзя считать абсолютно независимым государственным образованием, ибо все-таки у него есть сюзерен в лице великого князя Московского (в тот период Василия I), пусть формально, поскольку на деле новгородцы, случалось, могли отказать ему в повиновении.

Этот фрагмент, сохранившийся лишь в одной редакции, важен еще в нескольких отношениях. Во-первых, Новгород (а затем и Псков) воспринимался только в качестве части Руси, которая, как сказано в другом месте, «весьма велика»¹⁰⁰. Более того, ниже, сообщая о посещении Пскова, де Ланноа назвал его «городом королевства и государства Русского (*du royaume et seigneurie de Russie*)»¹⁰¹, явно подразумевая государственное единство русских земель, хотя его дальнейший опыт, более позднее путешествие по Юго-Западной Руси, должен дать свидетельства политической раздробленности территорий, населенных русской народностью. Во-вторых, географическую деноминацию «Великая Русь» де Ланноа упоминает дважды, но в несовпадающих значениях: в одном случае под «Великой Русью» он имеет в виду новгородские земли¹⁰², в другом, в цитированном только что добавлении ко второй редакции

«Путешествий и посольств», — «Великой Русью» названы владения «великого короля Московского»¹⁰³, то есть Северная Русь, возможно, включая Новгородчину. Здесь де Ланноа воспроизводит географическую номенклатуру, выработанную, скорее всего, в Византии и, как видно, хорошо известную в Европе¹⁰⁴. Наконец, в-третьих, великий князь Московский именуется «великим королем», титулом, который использовался в отношении его предшественников в византийских документах XIV в.¹⁰⁵ и зафиксирован в договоре 1417 г. ливонских рыцарей с Псковом, интересном еще и тем, что — и на это важно обратить внимание — «великий король Московский» назывался в нем, кроме того, «русским императором» (*grotmechtige Here, de grote Konynge von Moskowe, de Rusche Keyser*)¹⁰⁶. Таким образом, по справедливому наблюдению А. В. Соловьева, титулатура, используемая де Ланноа, находит соответствие в той, которую употребляли балтийские немцы¹⁰⁷.

О хозяйственной жизни Новгорода де Ланноа сообщает данные краткие и явно неполные, но, как правило, экзотические для западного читателя. Так, он пишет, что «на рынке Новгорода Великого не продают ничего живого, ни [свежего] мяса свиней, ни овец, ни птицы никакой — все это забито и заморожено (*mort et engelé*)»¹⁰⁸. Он посетил Новгород Великий зимой и сам мог видеть непривычную картину торговли морожеными продуктами. Но возникает вопрос более чем уместный — почему де Ланноа ни словом не упоминает о внешней торговле Новгорода, чем богат он и подвластные ему территории, что они продают купцам балтийских стран и что сами новгородцы покупают? Ведь де Ланноа явился на Русь «под видом купца» и подобными сведениями должен был владеть. В качестве денег новгородцы используют «слитки серебра (*keucelles d'argent*) около шести унций весом, не имеющие клейма», а золотой монеты не чеканят вовсе; «в качестве мелкой монеты они используют головы белок и куниц»¹⁰⁹. Как видно, в Новгороде сохранилась достаточно архаичная система в сфере обмена; впрочем, отечественная летопись под 1410 г., то есть до визита де Ланноа в Новгород, сообщила о том, что «начаша новгородци торговати промежи себе лопыци и гроши литовскими и артуги немечкыми, а куны отложиша»¹¹⁰. Почему де Ланноа этого не заметил — то ли новые, заграничные деньги еще не прижились, то ли путешественник использовал, не проверив ее, старую информацию, — сказать невозможно.

Что касается религии, то русские, пишет де Ланноа, держатся «христианского закона», хотя и «по их вере, такой же, как у греков»¹¹¹, добавляет он, тем самым подразумевая их отличие от исповедующих католичество западных христиан. Невольное его уважение вызывает число церквей, которые находятся, по его словам, в Новгороде, — 350¹¹². Цифра явно завышенная¹¹³, скорее всего, сообщенная бургундскому рыцарю самими новгородцами, желавшими таким образом подчеркнуть свою набожность. Упоминает он тут же и соборную церковь Св. Софии (*la maistre esglise de Sainte Sophie*), почитаемую новгородцами, в которой находится резиденция (*la demeure*) их епископа.

Отличие русских, новгородцев, от европейцев де Ланноа находит и в нравах. Так, он рассказывает о поразившей его торговле женщинами, которую он то ли наблюдал в Новгороде сам, то ли описывал с чужих слов: «В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону... И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как сговорятся, чтобы один возместил разницу в цене другому»¹¹⁴. И так, судя по словам де Ланноа, речь идет о продаже или обмене с доплатой женщин, причем непонятно каких — в тексте сказано «leurs femmes», но это могут быть и жены, и женская прислуга, и кто угодно женского пола. В русских источниках о подобном обыкновении торговать на рынке женщинами никаких сведений нет¹¹⁵. Впрочем, сто лет спустя о чем-то подобном сообщит в своем отчете о миссии в Москву к великому князю Василию III императорский дипломат Франческо да Колло¹¹⁶. Подозревать, что де Ланноа, как потом да Колло, всю эту торговлю женщинами выдумал, вряд ли будет правильно, его слова фиксируют какое-то явление. Но какое? По мнению П. С. Савельева, «основание этой сказке был, вероятно, обычай давать калым за жену, не понятый рыцарем; или же он принял в буквальном смысле выражение *купец* и *товар*, употребляемое в народе, когда говорится о женихе и невесте»¹¹⁷. Однако на свадебные обыкновения то, что описал де Ланноа, вряд ли похоже. Скорее всего, речь идет о продаже или обмене женщин-рабынь (холопок), поскольку рабы считались имуществом хозяина и, как любое имущество, их могли отчуждать за деньги. Комментируя это обыкновение новгородцев, де Ланноа замечает, что они «поступают по их закону», и добавляет: «Мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни»¹¹⁸. Таким образом, русские «изобличены» и в ложно исповедуемом (то есть неистинном) христианстве, и в варварстве, и решительно противопоставлены тем, кто назван «истинными христианами», западному миру. Впрочем, в этом случае противопоставление явно некорректное, потому что, если на Руси и могли торговать людьми лично зависимыми, то сходные категории зависимости сохранялись в XV в. во многих частях католической Европы, а главное — купечество именно католических государств (прежде всего Генуи и Венеции) наживалось в этот период на хорошо налаженной и широкомасштабной работорговле на Черном море и на востоке Средиземного, жертвами которой были захваченные в плен представители христианских народностей этих регионов¹¹⁹. И, как видно, «их закон», пользуясь выражением де Ланноа, позволял европейским купцам делать это.

Кроме Новгорода, в эту же поездку де Ланноа посетил «другой большой и укрепленный город королевства и государства Русского, именуемый Псков»¹²⁰. Укрепления его, уточняет де Ланноа, состоят из «каменных стен и башен»; «и есть в нем огромный замок, в который никакой истинный христианин (*francq cristien*) не может проникнуть под страхом смерти»¹²¹. И опять мы находим противопоставление русских «истинным христианам», или тем, кто исповедует католическую веру, призванное подчеркнуть их ущербность, неполноценность

в качестве приверженцев восточного обряда. Псков де Ланноа называет самоуправляющимся городом, находящимся «в подчинении королю Московскому». Впрочем, это подчинение не было полным и не помешало псковичам расстаться с присланным из Москвы князем. «И в то время, когда я там находился, — свидетельствует де Ланноа, — их король находился в ссылке и изгнании в Новгороде Великом, где я его и видел»¹²². Речь идет о князе Константине Дмитриевиче, сыне Дмитрия Донского, о котором во второй псковской летописи под 1413 г. (по русскому летосчислению — 6921 г.) сказано: «Того же лета князь Костяньтин отъеха в Новъгород, и тамо пребысть год»¹²³.

Де Ланноа указывает некоторые особенности внешнего вида русских — факт весьма примечательный и необычный для землеописателей того времени. Так, по его словам, в Новгороде «у женщин волосы заплетены в две косы, спускающиеся сзади на спину, у мужчин — в одну косу», тогда как у мужчин Пскова волосы ниспадают на плечи, а женщины этого города носят «круглый венец за головой, как у святых»¹²⁴, уточняет он, удачно найдя понятное всякому европейцу сравнение, и в этом своего рода нимбе легко угадывается кокошник.

Говоря о климате русских земель, де Ланноа все время акцентирует внимание на великой стуже и обусловленных ею природных явлениях, свидетелем коих, если верить его словам, ему довелось быть. «Замечательно, — пишет он, — было бы рассказать о тамошних морозах, поскольку мне пришлось ехать по морозу». И вот «одно из чудес, производимых там морозом»: во время езды лесом он слышал треск деревьев, раскалывавшихся сверху донизу (*du hault en bas*). И в этом «свидетельстве» явное преувеличение, ибо, если в сильные морозы деревья действительно трескаются, издавая соответствующие звуки, то невероятно, чтобы они при этом раскалывались от корня до кроны. Еще невероятнее «другое чудо, производимое холодом»: де Ланноа уверяет, будто в глиняном горшке с водой и мясом, поставленном на огонь в сильный мороз, «вода кипела на одной стороне и превращалась в лед — на другой» (*je vëis l'eau boullir à l'un des lez du pot et engeler à glase à l'autre lez*), во что поверить невозможно, ибо высокая теплопроводность воды не позволила бы в закрытом небольшом объеме одновременное осуществление двух диаметрально противоположных температурных процессов и, соответственно, образование разных физических ее состояний. Также нельзя верить словам бургундского путешественника о том, как две серебряные чаши примерзли к его «теплым рукам», когда он набирал в озере воду подо льдом, потому что примерзнуть к рукам, если они не отморожены и сохраняют температуру человеческого тела, металлические предметы не могут (если все таки поверить де Ланноа, то интересно было бы узнать, как же он отдирает эти якобы примерзшие к рукам чаши — по живому, оставляя на них кожу рук и кровь?). Не очень понятно, что происходило с комьями конского помета, лежащими оледенелыми на земле, которые, если верить де Ланноа,

под действием холода разлетались вверх (то есть взрывались?) (*qui estoient sur la terre engellées, saillir contremont, du froit*). Среди этих занимательных рассказов о русском морозе есть и вполне правдивые, как, например, о том, что две серебряные чаши после набора ими воды, будучи вложены одна в другую, смерзлись, или о том, что зайцы в этой стране «совершенно белые зимой и совершенно серые летом», иными словами — линяют, а также о том, что на морозе борода, брови, веки от человеческого дыхания становятся заиндевелыми и покрываются льдинками¹²⁵.

Вводя в описание Руси фантастические, способные поразить воображение и удивить сюжеты, де Ланноа, конечно же, стремился повысить интерес читателя к своим заметкам; но именно поэтому не стоит переоценивать «объективность» и «достоверность информации»¹²⁶, сообщаемой им о Новгороде и Пскове. Как не надо полагать, что всему, им сказанному, он был очевидцем. Не мог за свой недолгий срок пребывания на Руси он видеть сезонную линьку зайцев или полный сбор новгородской конницы, чтобы пусть приблизительно (хотя и неправильно) определить ее численность. Какие-то сведения были ему сообщены, и, возможно, еще до посещения им Новгорода и Пскова, немецкими рыцарями или купцами, какие-то он добавил сам. Похоже, что в среде немцев, имевших дело с Русью, складывался, постепенно пополняясь, цикл анекдотических историй о ней, прежде всего о ее климате и природе (похожих на те, которые позже будут отражены в русских похождениях барона Мюнхаузена), призванных показать нелегкие, почти *нечеловеческие* условия жизни в этой северной стране. Невольно напрашивается сопоставление с популярным в средние века античным учением об обусловленной суровым климатом неполноценности обитателей севера. И хотя де Ланноа, лучше владевший мечом, чем пером, едва ли читал на эту тему Аристотеля или Фому Аквинского и иных средневековых толкователей античного мыслителя, тем не менее какую-то вульгаризированную версию их идей, имевшую характер устойчивого общественного убеждения, он, несомненно, знал и разделял. Поэтому нет оснований превозносить де Ланноа за «отсутствие предубеждений» в описании Новгорода и Пскова, полагать его «образ России» объективным¹²⁷. Согласимся с Каппелером в том, что действительно де Ланноа никогда не называет русских «неверными», хотя характеризует этим словом поляков и литовцев¹²⁸. Но нельзя не заметить и того, что он не раз противопоставляет русским «истинных христиан», то есть исповедующих католицизм европейцев, определенно указывая этим на неполную их веру и подчеркивая неприятие их нравов, противных человечности (речь идет, в частности, о будто бы ведшейся в Новгороде торговле женщинами). Для де Ланноа, как и для его средневековых предшественников, Русь — это «другой мир», весьма экзотический и не лишенный привлекательности, но все же чужой, сложившийся в трудных природных условиях, в некоторых отношениях просто варварский, таящий в себе угрозу.

5. Путешествие по Юго-Западной Руси 1421 г.

Де Ланноа довелось побывать на Руси еще раз, но уже в других ее частях и в другом качестве. В 1421 г. он посетил Галицию, Волынь, Подолию — юго-западные земли Руси, поделенные между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, — правя посольство королей Франции и Англии и герцога Бургундского. В ходе своей миссии ему надлежало оповестить европейских государей о заключенном этими королями договоре в Труа (1420), делавшем английского монарха регентом Франции, и провести дипломатическую подготовку крестового похода в Святую Землю, который имели в виду предпринять английский король Генрих V и герцог Бургундский Филипп Добрый¹²⁹.

Из отчета о пребывании в русских пределах в 1421 г. мы почти ничего не узнаем о собственно Руси, потому что де Ланноа все внимание сосредоточивает на приемах, оказанных ему властителями Польши и Литвы и их подданными. Первым он посетил польского короля Ягайло (де Ланноа, впрочем, его имя ни разу не упоминает), которого он нашел в Галиции, в местечке Озимины (между Самбором и Дрогобычем), и который оказал бургундскому рыцарю «превеликую честь»: все время держал его при себе, водил с собой на охоту, задал ему два богатейших пира и, когда де Ланноа уезжал, щедро его одарил лошадьми, шелковыми материями, собольими шкурами, кубками, деньгами, а также «русскими перчатками» (*des gans de Russie*); в тексте не объяснено, что такое «русские перчатки», можно только догадываться, что они имели форму варежек. Отдельные дары, конечно, не столь богатые, получили другие участники посольства: четыре дворянина, бывшие при де Ланноа, герольд, повар и кучер (итак, посольство насчитывало, как минимум, восемь человек). Некоторые из близких к королю людей также одарили посла — ловчими птицами, перчатками, собаками, ножами и «русскими постелями» (*litz de Russie*); в чем состоит особенность этих «русских постелей», определить затруднительно. Затем король отправил де Ланноа в русский город Лемберг, то есть Львов, господа и горожане которого, его верхушка, задали ему пир и преподнесли ему шелковую материю, а армяне (*les Hermins*), составлявшие, как видно, отдельную и весьма влиятельную общину, одарили его тем же и устроили в его честь танцы и хороший прием с дамами¹³⁰, что бургундский рыцарь оценил и не преминул отметить.

Затем де Ланноа направился в город Бельз (*Belfz*), в тот момент принадлежавший герцогам Мазовецким, к сестре короля герцогине (а точнее, княгине) Александре (ее он также избегает называть по имени), от которой получил жизненные припасы. Далее он пересек Нижнюю Русь (*la bas Russie*) и в городе Каменце (на самом деле речь идет о Кременце на Волыни) нашел «герцога Витовта (*Witholt*), великого князя и короля Литвы» «вместе с женой, в сопровождении татарского герцога и многих других герцогов, герцо-

гинь и большого числа рыцарей». Этот государь оказал де Ланноа «великие почести», задав ему три пира. На одном из пиров он стал свидетелем приема посольства Великого Новгорода и «королевства Псков». Де Ланноа подробно описал дары, привезенные Витовту из этих русских земель и показывающие, чем они были богаты: перед литовским владыкой выложили куньи шкуры, одежды из шелка, шубы (*soubes*), меховые шапки, шерстяные ткани, «зубы рыб-кураков», золото и серебро. Наряду с импортными товарами, к коим следует отнести одежды из шелка, шерстяные сукна, золото и серебро, новгородцы и псковичи преподнесли продукты собственных промыслов и производства — куньи шкуры, зубы рыб-кураков (скорее всего, речь идет о клыках моржей, добываемых новгородцами в Белом море), а также меховые шапки и шубы, типичные для Руси предметы зимней одежды, причем название «шубы» дается по-русски без перевода, подобно тому, как указано в рассказе о Новгороде слово «бояре» (*Bayares*). Если подношения новгородцев Витовт принял, то дары псковичей он, разгневанный на них, по-видимому, за их союз с ливонцами, отказался брать¹³¹. В свою очередь, сам Витовт при отъезде де Ланноа пожаловал ему шубы на собольем меху, шелковые материи, лошадей, шапки своего двора и островерхие шапки, татарский лук с колчаном и стрелами, деньги золотом и серебром, а также четыре пары русских дорожных сумок¹³² и три сумки, разделенные на четыре поля и вышитые. Однако де Ланноа проявил щепетильность и вернул литовскому государю золото и серебро, ибо «как раз в это время тот был в союзе с гуситами против нашей веры»¹³³. Подарки от князя получили и другие участники посольства.

Особенно внимательный к знакам почета и материальным дарам, де Ланноа написал и о том, как «один русский герцог и герцогиня из его [Витовта] подданных» задали ему пир и одарили «парой вышитых русских перчаток» и еще чем-то, что переписчик не смог разобрать, оставив пустое место в рукописи¹³⁴. К сожалению, имени этого русского князя, который, как видно, занимал высокое положение при Витовте, де Ланноа также не назвал¹³⁵.

От других приближенных Витовта де Ланноа получил дополнительные подношения, как-то «шапки и рукавицы на меху и татарские ножи»; из числа этих дарителей он выделил, назвав по имени, что в его записках случалось нечасто, упомянутого также в «Хронике» Рихентеля как участника Констанцкого собора Гедигольда, коего бургундский рыцарь называет «капитаном Плюи и Подолии» (*Guedigol, capitaine de Pluy, en Lopodolye*)¹³⁶. По правдоподобной догадке Ф. Брюна, Плюи — это, скорее всего, неточная транскрипция расположенного в Подолии города Пилявцы, его старостой указанный Гедигольд и являлся¹³⁷.

С этим лицом де Ланноа встречался еще дважды. Во второй раз после того, как он вернулся во Львов и оттуда, проехав через Верхнюю Русь (*la Russie la haute*), в Подолии достиг «другого Каменца» (*autre Kemenich*), «дивно расположенного», принадлежащего Витовту, — и нет сомнения, что в данном слу-

чае речь идет о Каменце-Подольском — и уже там он вновь встретил «одного рыцаря, капитана [старосту. — О. К.] Подолии по имени Гедигольд (ung chevalier, capitaine de Lopodolie, nommé Gheldigold)», который принял его с великими почестями, преподнес прекрасные дары и жизненные припасы и задал ему знатные пиры¹³⁸. В третий раз встреча состоялась у Монкастро, или Белгорода, портового города на Черном море при впадении в него реки Днестр. Де Ланноа попал туда при содействии молдавского господаря Александра, который выделил ему охрану и провожатых. В Монкастро де Ланноа стал свидетелем, как Гедигольд, названный правителем Подолии (Gueldigold gouverneur de Lopodolye), привел с собой двенадцать тысяч человек и четыре тысячи повозок с деревом и камнем и по приказу Витовта менее чем за месяц воздвиг на одном берегу реки вблизи моря «совершенно новый замок» (chastel tout neuf)¹³⁹, распространив таким образом владения Литвы до Черного моря.

В рассказе о посещении западнорусских земель де Ланноа их подразделяет на две части — Нижнюю и Верхнюю Русь. Однако, как показал А. В. Соловьев, такое разделение не имеет ничего общего со встречающимся в документах XV–XVI вв. обозначением Нижней Русью Литовской Руси, а Верхней — северо-восточной, или Московской, Руси¹⁴⁰. Если проследить маршрут де Ланноа, то становится очевидно, что название Верхняя Русь он относит к горной области Карпат в Галиции (по ней он добирался из Львова в Каменец-Подольский), тогда как Нижней Русью он обозначает равнинные просторы к северу и востоку от Львова, или Волынские земли¹⁴¹.

Вслед за А. В. Соловьевым стоит обратить внимание, как титурует де Ланноа восточноевропейских владык. Возвращаясь еще из первой поездки на Русь, де Ланноа проезжал через Литву, которой владел Витовт, по его словам, «весьма могущественный государь, захвативший вооруженной рукой двенадцать или тринадцать королевств и стран»¹⁴²; так вот самого «герцога Витовта, государя Литвы, его жену и его дочь, бывшую женой великого короля Московского», он застал в замке Позюр (Posur), расположенном на берегу Немана¹⁴³. Бросается в глаза, что к Витовту, которого как государя де Ланноа очень почитает, он применяет титул герцог (duc) (в других случаях князь, реже король)¹⁴⁴, тогда как московского правителя он неизменно обозначает более высоким титулом «великий король»¹⁴⁵.

6. Забытые имена, или игнорирование индивидуальности: об одной повествовательной особенности Гильбера де Ланноа

Когда знакомишься с рассказами о первой и второй поездке на Русь, невольно досадуешь на то, что автор, как правило, не упоминает имена персон, с которыми его сводит судьба. Необъяснимо повезло Витовту, великому князю Литовскому, его имя де Ланноа называет всякий раз, когда о нем заходит речь; но еще более — Гедигольду, ибо если бы де Ланноа избегал его

именовать, то нам оставалось бы только гадать, кого бургундский дипломат разумел под «капитаном Плюи» или «капитаном [старостой. — О. К.] Подолии». Но вот имени оказавшего почетный прием бургундскому рыцарю короля Польши Ягайло в мемуарах де Ланноа нет, как нет и имени герцогини Мазовецкой, которая тоже принимала и одаривала его, а равно и многих других, подчас очень высокого ранга лиц, включая магистров прибалтийских рыцарских орденов — а ведь как раз под их началом ехал сражаться за веру де Ланноа. Некоторые имена можно установить по другим источникам, как, например, упомянутых магистратов или русского князя (у де Ланноа названного королем — гоу) Константина Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, изгнанного псковичами и встреченного де Ланноа в Новгороде Великом¹⁴⁶. Однако имена новгородских посадника, тысяцкого и архиепископа, поразивших де Ланноа необычностью заданного в его честь пира, или имена русских герцога и герцогини (конечно же, князя и княгини), подданных Витовта, угостивших и одаривших его, или «сарацинского герцога из Татарии» (мурзы?) и других «герцогов» из свиты того же государя¹⁴⁷ мы так и не узнаем, как не узнаем имена многих иных лиц из стран Западной Европы, Балкан, Турции, Средиземноморья, названных лишь по их титулу, положению в обществе, роду деятельности и т. п.

Чем объяснить это, на взгляд современного человека, странное и недопустимое умолчание об именах собственных, кои следует называть первыми, представляя человека, — забывчивостью автора, его невнимательностью, то есть присущими только ему психическими качествами? Или чем-то другим? О забывчивости и невнимательности де Ланноа речи быть не может, стоит только обратить внимание, с какой тщательностью и точностью он перечисляет полученные им и его людьми подношения. Конечно же, он знал имена людей, особенно высокого ранга — владетельных государей, могущественной знати, высших городских магистратов, их ему обязательно сообщали встречающие его люди; и, тем не менее, он почему-то далеко не всегда вносил их в свои заметки, составившие основу его мемуаров.

Здесь мы находим не личную, характерную лишь для де Ланноа особенность восприятия окружающего, а типичную для всякого средневекового человека черту мирозерцания¹⁴⁸. Меньше всего де Ланноа интересовала индивидуальность упоминаемого им лица; строго говоря, он ее совершенно игнорировал. Встречаясь с десятками и сотнями людей во время всех своих странствий и путешествий, де Ланноа избегал рассказывать, как тот или иной человек выглядел — высокого или низкого роста, какой у него цвет волос, кожи, глаз, бросающиеся в глаза приметы, не описывал манеры говорить, одеваться, какие-то стороны натуры или обыкновения. Единственным исключением, пожалуй, является упоминание о «татарине с бородой, спускавшейся до колен и завернутой в чехол»¹⁴⁹. Но это из области курьезов, и де Ланноа, как и в случае с курьезами природы (например, русскими морозами и произ-

водимыми ими эффектами), их обязательно фиксировал. В человеке внимание де Ланноа привлекало не единичное или что-то своеобразное, но, наоборот, — общее¹⁵⁰. Поэтому наряду с прочими особенными свойствами человека де Ланноа не называет по большей части и его имя, ибо оно — тоже особенная его черта, но он обязательно указывает, какого статуса или чина человек, обозначает целое, которому тот принадлежит, и какую социально значимую функцию в этом целом играет. И не случайно в повествовании де Ланноа мы постоянно встречаем, как правило, безымянных государей, титулованных особ, высших городских или орденовских магистратов, не говоря уже о лицах более низкого звания и общественного положения.

* * *

Сведения де Ланноа о Руси, особенно полные и важные в той части, которая посвящена Новгороду, не получили в Европе хотя бы какую-то известность и в силу этого не способствовали ни в середине XV в., ни позже ее знакомству с русским миром. Рассмотренная выше установка средневекового мирозерцания, запрещающая фиксировать, во избежание гордыни, всякого рода частные воспоминания, препятствовала, наряду с прочим, накоплению и распространению известий о других землях, полученных в ходе личного их посещения. Не случайно сообщения де Ланноа о Руси были обречены, как составная часть его мемуаров, пролежать века в неизвестности.

Должны были произойти существенные изменения в духовном укладе эпохи, которые вместе с так называемой реабилитацией человека позволили бы придать цену его личному опыту, то есть пережитому и увиденному им, а также новым сведениям о мире, в этом опыте содержащимся. И вполне закономерно, что первые получившие публичный резонанс донесения о Руси/России, а тем более систематические и всесторонние ее описания — географии, климата, населения, политического строя, экономики, религии, нравов, обычаев и т. п. — появляются с распространением гуманистической образованности и культивируемых ею ренессансных принципов мирозерцания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Item das küngrich zu rewschen, das ist och zinsbar dem tartarischen künig» (*Schiltberger J.* Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427. XXXVI / hrsg. von K. Fr. Neumann. München, 1859. S. 107; *Шильтбергер И.* Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 году. Гл. XXXVI / пер. с нем. и примеч. Ф. Бруна. Одесса, 1866. С. 60). Фрагмент Шильтбергера о Сибири в собственном переводе опубликовал М. П. Алексеев (Сиби́рь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 49–58).

² «Dornach in eine heist deutsch limburch, und ist hopstatt in weissen reissen, des kleiner» (*Ibid.* LXVII. S. 160; Там же. Гл. LXVII. С. 125, 126). О происхождении названий «Малая» и «Великая Русь» (или «Россия») см. ниже: с. 63–65. Здесь укажем только документы, в которых фикси-

руется имя «Малой Руси». На греческом языке название «Малая Россия (или Русь)» (ἡ Μικρά Ῥωσία), похоже, впервые встречается в перечнях митрополий Константинопольского патриархата за 1303 г. (или за 1305 г.?) (Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 403. Append. 2, 3). По-видимому, первое его латинское упоминание содержится в послании архиепископу Гнезненскому из Авиньона, датированном мартовскими календами 1327 г., о епископской резиденции, находящейся «в пределах Малой Галиции, которая называется Русью, сиречь во граде Владимире» («...sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur, in loco videlicet dicto Flandemiria». Monumenta Poloniae historica / ed. A. Theiner. Osnabrück, 1969 (1-е изд.: 1860). № 376. P. 295). По справедливой догадке А. Соловьева, в тексте недоразумение, и поскольку ни о какой «Малой Галиции» речь идти не могла, то это место должно выглядеть следующим образом: «в пределах Малой Руси, которая называется Галиция» (Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 29). Через несколько лет, в 1335 г., последний галицкий князь Болеслав-Юрий (Георгий) II в грамоте, направленной великому магистру Тевтонского Ордена Дитриху, сам называл себя: «Мы, Юрий, Божией милостью прирожденный князь всей Малой Руси» («Dei gratia natus dux totius Russiae Minoris»: Куник А. А. Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси. СПб., 1907. С. 154; см. также: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV. С. 125, 283. Примеч. 276 и примеч. к переводу Ф. Бруна — с. 126, 127; Назаренко А. В. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в.: церковные истоки этнополитической терминологии // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 250, 259), хотя на печати к этой грамоте он значился на одной стороне как «король Руси» (s[igillum] domini Georgi regis Rusie), на другой — как «князь Владимирский» (s[igillum] domini Georgi ducis Ladimerie) (Ланпо-Данилевский А. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси. С. 246–249).

В те же годы, в 1334 г., в письме к французскому королю Филиппу IV венецианец Марино Санудо описывал и «Великую Русь», и «Малую Русь»; эту последнюю он располагал к югу от первой, поясняя, что «на западе она граничит с Польшей, на юге — с Венгрией, на востоке — с [владениями] татарина Узбека, ее господина» («A meridie autem est Ruscia minor, que confinat ab occidente cum Polonia, a meridie autem cum Ungaria, et ab oriente autem cum Husbecco Tartaro domino suo praedicto»: Kunstmann Fr. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe. München, 1855. S. 105). Локализация, как видим, довольно точная и понятная. Цитированный памятник интересен еще и тем, что демонстрирует, как распространялись по Европе известия о Руси, ее местонахождении и ее подразделении на определившиеся уже к тому времени, по крайней мере в глазах европейцев, основные части — Великую и Малую Русь.

В середине — второй половине XIV в. в целом ряде документов византийского происхождения на греческом языке часто используется название «Малая Россия (или Русь)» наряду с названием «Великая Россия (или Русь)» и без него. Это обусловлено неоднократным разделением русской митрополии (по требованию литовских и польских государей, стремившихся добиться от константинопольского патриарха поставления для их православных подданных особого митрополита) или, наоборот, ее воссоединением (см. подробнее: Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 28–33; см. ниже: с. 63–65). Любопытно, что одно такое обращение в 1370 г. (?) польского короля Казимира III к патриарху Филофею в Константинополе озаглавили как «писание короля Ляхии и Малой России» («τῆς γῆς τῆς Λαχίας καὶ τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας»: Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / ed. Fr. Miklosich et J. Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I. P. 577).

Один из последних византийских церковных документов, в котором упоминается «Малая Россия», она же Галиция, как уточняется в нем, относится к 1401 г. (см.: Acta et diplomata graeca

medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1862. Vol. II. P. 529). Вместе с тем, как показывает текст Шильтбергера, этим названием в Европе продолжали пользоваться и дальше, а значит, оно было известно и понятно, по крайней мере какой-то части образованного общества.

Впрочем, «Малая Русь» не была строго определенным названием. Часто, особенно поначалу, ею обозначали дальние юго-западные русские земли, прежде всего Галицию и Волынь. Но по мере расширения литовских захватов русских княжеств этим названием обнимали уже почти все, исключая Киев (см. ниже: с. 65), населенные православными области, подчиненные Литве и Польше.

³ О деноминации наименования «Великая Русь» см. ниже: с. 63–65.

⁴ *Schiltberger J.* Reisebuch. Augsburg, 1475 (Nachdruck — Leipzig, 1917).

⁵ *Тафур П.* Странствия и путешествия / пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006 (в этом же издании см. кастильский оригинал).

⁶ См.: *Polo M.* Le livre / ed. par M. G. Pauthier. Paris, 1865. Pt. 2. P. 752, 753; *Polo M.* Il Milione. Testo Ramusiano / pubbl. dal conte G. B. Badaloni Boni. Firenze, 1827. T. 2. P. 479.

⁷ *Тафур П.* Указ. соч. С. 183.

⁸ Там же. С. 162.

⁹ Подробнее об Ульрихе фон Рихентале и его сочинении см. библиографию в работе: *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 155. Примеч. 5.

¹⁰ Об этом подробнее: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 338–348.

¹¹ *Richental U. von.* Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418 / hrsg. von M. R. Buck. Tübingen, 1882. S. 47, 133, 136, 139. Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 341.

¹² «...zwen hertzogen von Kriechen. Der hertzog uss Schmolentzgi, der hertzog uss roten Rüssen und sust mere dann iii hundert irs glouben» (*Richental U. von.* Op. cit. S. 139).

¹³ Ibid. P. 191, 207.

¹⁴ Об этом см.: *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 341, 342.

¹⁵ С Федором Даниловичем Острожским его отождествляют А. В. Флоровский (Чехи и восточные славяне. Очерки по истории русско-чешских отношений (X–XVIII вв.). Прага, 1935. Т. 1. С. 300), Ю. К. Бегунов (К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака // Советское славяноведение. 1981. № 3. С. 59; впрочем, чуть ниже Бегунов допускает, что этим «князем Красной Руси», дважды упомянутым в Хронике Рихенталя (см. также: *Richental U. von.* Op. cit. S. 206), был Федор Любартович, внук Гедимины, князь Луцкий, а позже — Владимиро-Волынский) и Б. Н. Флоря (Указ. соч. С. 342). Основание к такому отождествлению дает одно место из стихотворной истории Констанцского собора Томаса Пришуха (Thomas Prischuch), где упоминается «герцог Белой Руси, более того князь-герцог из Острога» («Von wissen reussen ein hertzog / mehr ein fürst hertzog von ostrog»). См.: *Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen* / hrsg. von K. Höfler. Wien, 1865. Th. II. S. 376. Vers. 903–904.

¹⁶ «Hertzog Paulus von rechten Rüssen, ist under hertzog Witolden» (*Richental U. von.* Op. cit. S. 207).

¹⁷ *Richental U. von.* Op. cit. S. 209. Нужно заметить, что в некоторых случаях Рихенталь давал транскрипцию на немецком языке названия города (например, Вишня — Wischna), а в некоторых — перевод на немецкий (например, Звенигород — Clingenburg). См. также: *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 342.

¹⁸ «...das ruschiss land, recht Russen, rot Russen, wiss Russen; das land und statt gross Noffagrott, was da christan ist» (*Richental U. von.* Op. cit. S. 50, 51).

¹⁹ Ibid. S. 136, 159, 191.

²⁰ «Der hertzog Fedur von Schmolentzgi in roten Rüssen» (Ibid. S. 207).

²¹ «Europa ist das land, da wir inn sind und vahet an, an der wissen Rüssen zu Schmolentzgi...» (Ibid. S. 159).

²² «Item magnus dominus Georgius Archiepiscopus Cunionensis. Et conjacet domino duci Witoldo de Littow... Ibi ipse habet tres episcopos et ab altera parte tendit ad Russiam albam» (*Richental U. von. Op. cit. S. 171*).

²³ *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 59.

²⁴ *Richental U. von. Op. cit. S. 51, 133, 209.*

²⁵ «Es ligend hinder Rüssen zwo stett, haisst aine die gross Nonograt, das ist ain statt für sich selb und welt ain hertzogen als die Venedier und ist vil silbers, edelstain und zobel darinn» (*Ibid. S. 209*).

²⁶ *Янин В. Л.* Расцвет и падение русской Венеции. Великий Новгород в XIII–XV веках // *Родина. 2003. № 12. С. 9–14.*

²⁷ «Auch der hinder Reüssenland ligt ein stat heüsst Die Gross Nonagrott und ist ein stat für sich. Unnd wöllent einen hauptman wen sy under inen wöllent. Und sol die reichest stat sein von silber und von gefüll. Und habent ein port des mers. Und betten ir botschaf von ires glaubens wegen» (*Richental U. Chronik des Concilium zu Konstanz. Augsburg, 1483. Bl. CCXIb*).

²⁸ «Die ander haisst ad Auream Vettullam. Disselben bettend ain guldin alt wib an. Dasselb rich viel an ain alt wittwen. Die erliess das land aller eigenschaft. Und nement under inn ain herren und ist ir begangnuss zobel, gefill und flaisch» (*Richental U. von. Op. cit. S. 209*). См. также: *Бегунов Ю. К.* Раннее немецкое известие о Золотой бабе // *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1976. № 11. Вып. 3. С. 122.*

²⁹ ПСРЛ. Т. V. Софийская первая летопись. СПб., 1851. С. 250.

³⁰ Об этом см.: *Туандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 295, 296, 409, 410, 415–426, 439; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V / сост. А. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. М., 2009. С. 114, 115.

³¹ *Трубецкой Н. С.* К вопросу о «Золотой бабе» // *Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 52–62*; *Бегунов Ю. К.* Раннее немецкое известие о Золотой бабе. С. 123, 124. О других возможных источниках этого предания о Золотой бабе см. также: *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 116–121.

³² См.: *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. II. II. 1 и письмо к Иоанну Галлеру / [подготовка латинского текста], введение, пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 116, 120, 192, 196.

³³ *Richental U. von. Op. cit. S. 47.*

³⁴ «Et jacet suus archiepiscopatus intra Grecorum» (*Ibid. S. 171*).

³⁵ *Ibid. S. 51.*

³⁶ «Und komend mit in vil herren und botten von den haidischen herren, vom kayser soldan, von dem grossen kan, von dem küng von Arabia, von der stat gross Nofgrafye, und von andern grossen haidischen stetten und herren» (*Ibid. S. 133*).

³⁷ *Бегунов Ю. К.* К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака. С. 57, 58.

³⁸ О торговле Новгорода и Пскова с Ганзой и странами балтийско-североморского регионов см. подробнее: *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1897. С. 128–224; *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 229–299; *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 32 и в др. местах; *Лесников М. П.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // *Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. VIII. Кафедра истории средних веков. Вып. I. М., 1948. С. 61–93*; *Казакова Н. А.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // *Исторические записки. М., 1949. Т. 28. С. 111–131*; *Она же.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 78–101; *Johansen P.* Novgorod und die Hanse // *Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Rösig. Lübeck, 1953. S. 138–140*; *Idem.* Der Hansische Russlandhandel, insbesondere nach Novgorod, in kritischer Betrachtung // *Die Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West. Köln; Opladen, 1963. S. 39–57*; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Вели-

кого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 16–18 и в др. местах; *Angermann N.* Die Hanse und Russland // Hanse in Europa. Brücke zwischen den Märkten. 12.–17. Jahrhundert. Köln, 1973. S. 271–280; *Idem.* Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland um 1500 // Hansische Geschichtsblätter. 1966. Bd. 84. S. 20, 21; *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 24 и далее.

³⁹ *Савельев П. С.* Очерк путешествия в При-Балтийские страны, Великий-Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де Ланноа в 1412–1414 годах // Географические известия. 1850. Вып. 1. С. 20. См. также наблюдения: *Kämpfer Fr.* An der Schwelle der Neuzeit — Europa und Russland um 1500 // Das Russlandbuch Sigismunds von Herberstein Rerum Moscoviticarum Commentarii 1540–1999. Beiträge zu Ehren der internationalen Tagung im Oktober 1999 an der Universität Münster. Hamburg, 1999. S. 17, 18.

⁴⁰ Из довольно большой литературы, посвященной запискам флорентийских «деловых людей» XIV–XV вв., укажем некоторые наиболее важные работы исследователей: *Bec Chr.* Les marchands écrivains. Affaires et humanisme à Florence (1375–1434). Paris, 1967; *Bec Chr.* Florence 1300–1600: histoire et culture. Nancy, 1986; *Renouard Y.* Les hommes d'affaires italiens du Moyen Âge. Paris, 1968; *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М., 1977. С. 47–65; *Branca V.* Introduzione // *Mercanti scrittori / a cura di V. Branca.* Milano, 1986; *Краснова И. А.* Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. I–II.

⁴¹ *Mund St.* Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle // Hainaut et Tournais regards sur dix siècles d'histoire. Recueil d'études dédiées à la mémoire de Jacques Nazet (1944–1996). Bruxelles, 2000. P. 180; *Idem.* Constitution et diffusion d'un savoir occidental sur le monde «russe» au Moyen Âge (fin Xe — milieu XVe siècle) // Le Moyen Âge. Revue d'histoire et de philologie. 2004. T. CX. № 2. P. 293, 294.

⁴² См. об этом: *Мунд Ст.* Ланноа Гильбер // КВЭ. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 26.

⁴³ *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades // Lannoy Gh. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moralist / ed. par Ch. Potvin, J. C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 9.

⁴⁴ О гордыне как величайшем и опаснейшем из смертных грехов см.: *Bloomfield M. V.* The Seven Deadly Sins. An Introduction to the History of a Religious Concept with Special Reference to Medieval English Literature. Michigan, 1952.

⁴⁵ *Данте Алигьери.* Пир. I. II. 12–14 // Алигьери Данте. Малые произведения. М., 1968. С. 115. Данте следовал в этом отношении за Фомой Аквинским (см.: *Thomas Aquinas.* Summa theologiae. 2a 2ae. Q. CIX. Art. 1. Ad secundum. Romae, 1894. Vol. 3. Ps. 2. P. 763; *Idem.* Super II Epistolam B. Pauli ad Corinthios lectura. Cap. 10. Lect. 2 / ed. R. Busa. Torino, 1953. P. 82, 83), который, в свою очередь, ссылался на Григория Великого. См. также: *Салимбене де Адам.* Хроника / пер. И. С. Култышевой, С. С. Прокопович, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. М., 2004. С. 64, 65. См. работы на эту тему: *Зарецкий Ю. П.* Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. М., 1992. Вып. 55. С. 185–187; *Зарецкий Ю. П.* Автобиографическое «я» от Августина до Аввакума. М., 2002. С. 10–16; *Он же.* История субъективности: Средневековая Европа. М., 2009. С. 34–36; *Кудрявцев О. Ф.* «Хроника» францисканца Салимбене де Адам: историописатель и время // *Салимбене де Адам.* Хроника. С. 831–833.

⁴⁶ *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 21.

⁴⁷ *Lannoy Gh. de.* Op. cit. P. 36.

⁴⁸ Основные сведения о биографии Гильбера де Ланноа см.: *Студент Емельянов.* Путешествия Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 4–16; *Potvin Ch.* Introduction // *Lannoy Gh. de.* Oeuvres. P. XI–XXXIII; Ephémérides. P. 181–221; *Мунд Ст.* Ланноа Гильбер. С. 25, 26.

⁴⁹ *Lannoy Gh. de.* L'Instruction d'un jeune prince; Les Enseignements paternels // *Lannoy Gh. de.* Oeuvres. P. 291–472.

⁵⁰ *Lannoy Gh. de.* Oeuvres. P. 225–272.

⁵¹ *Lannoy Gh. de. Les pèlerinaiges de Surye et de Égypte // Lannoy Gh. de. Oeuvres. P. 73–162.*

⁵² «Et mis, de là [после посещения места мученичества Св. Екатерины. — О. К.] en avant, toutes mes visitacions par escript dont je fis ung livret qui cy après s'ensieut, duquel, au retour de mon dessusdit voyaige, le roy Henry en ot ung par copie et monseigneur le duc de Bourgongne ung autre» (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 68*).

⁵³ *Mund St. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle. P. 184.*

⁵⁴ *Студент Емельянов. Указ. соч. С. 14, 15.*

⁵⁵ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 51.*

⁵⁶ *Lannoy Gh. de. Oeuvres. P. 5–7.*

⁵⁷ *Potvin Ch. Op. cit. P. XXXV.*

⁵⁸ *Студент Емельянов. Указ. соч. С. 8. См. также: Канпелер А. Бургундский рыцарь в России (заметки об отчете Гильбера де Ланноа о поездках в Новгород и Псков в начале XV в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 50.*

Стоит обратить в связи со сказанным внимание на то, что Петр из Дусбурга в «Хронике земли Прусской» (составлена ок. 1326 г.) рассказывает в связи с поражением крестоносцев в 1261 г. от восставших против них пруссов: в Германии некая женщина святой жизни имела видение — через ее келью проносилась с большим шумом толпа бесов, которые в ответ на ее вопрос, куда они направляются, ответили, что в Пруссию и что там будет великая битва; возвращаясь же, они ей сообщили о поражении и гибели христиан, души которых будут спасены, кроме трех, кои участвовали в этой битве «не столько из благочестия, сколько ради упражнения в рыцарской доблести» (*non tantum devocionis causa, sed exercendi maliciam [= miliciam] suam*) (*Petrus de Dusburg. Chronicon Prussiae. Ps. III. Cap. 87. Francofurti et Lipsiae, 1679. P. 194. См. рус. пер. В. И. Матузовой: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. III. 92 [так!]. М., 1997. С. 93*).

⁵⁹ *Lannoy Gh. de. Oeuvres. P. 20.*

⁶⁰ См. также: *Студент Емельянов. Указ. соч. С. 1, 2.*

⁶¹ *Potvin Ch. Op. cit. P. XIV; Paravicini W. Die Preussenreisen des europäischen Adels. 2 Bde. Sigmaringen, 1989–1995. Bd. 1. S. 55–59, 78.*

⁶² См.: *Halecki O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe // Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. 1943/44. Vol. 2. P. 318; Paravicini W. Die Preussenreisen des Europäischen Adels // Historische Zeitschrift. 1981. Bd. 232. Heft 1. S. 25, 26; Bertrand A. Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est: Guillebert de Lannoy (1386–1462) // Moyen Âge. Revue d'histoire et de philologie. 1989. Vol. 95. P. 295, 296; Idem. Guillebert de Lannoy (1386–1462). Ses „Voyages et Ambassades“ en Europe de l'Est // Publication du centre européen d'études bourguignonnes (XIV–XVI s.). Rencontres de Middelburg-Bergen (1990). 1991. Vol. 31. P. 83.*

⁶³ Для примера укажем Галифера де ла Салла, выходяца из знатного рода провинции Пуату (Франция), дважды, в 1378 и 1391 гг., отправлявшегося в Пруссию для участия в военных походах. См.: Канарец или книга о завоевании Канарских островов / пер. со среднефр. И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной. М., 2009. С. 162. О других примерах участия западных рыцарей в прусских походах см. также: *Halecki O. Op. cit. P. 317; Paravicini W. Bd. 1. S. 45–142; Higounet Ch. De La Rochelle à Torun: aventure de barons en Prusse et relations économiques (1363–1364) // Le Moyen Âge. 1963. Vol. 69. P. 529–540.*

⁶⁴ Так, отпущение грехов за участие в прусском крестовом походе было объявлено в графстве Эно (Геннегау) в 1362 г. и еще раз в 1410 г. Пьером д'Альи (Pierre d'Ailly), епископом Камбре. См.: *Paravicini W. Op. cit. S. 29, 30.*

⁶⁵ См. примечание: *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 26.*

⁶⁶ См.: *Halecki O. Op. cit. P. 317, 318.*

⁶⁷ См.: *Kannelер А.* Указ. соч. С. 50. О летних и зимних походах ордена см.: *Paravicini W.* Die Op. cit. Bd. 2. S. 53–55.

⁶⁸ См. примеч.: *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 27. № 6.

⁶⁹ «Auquel assault me fut donné l'ordre de chevalerie...» (*Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 27).

⁷⁰ Ibid. P. 28–31.

⁷¹ *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 25–27.

⁷² См.: *Kannelер А.* Указ. соч. С. 50.

⁷³ «Sy entrepris par le moyen dudit maistre, de m'en aller en la grant Noegarde en Russye» (*Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 31). См. далее в скобках указание на страницы русского перевода по изд.: *Кудрявцев О. Ф.* Великая Русь рыцаря Де Ланноа // Родина. 2003. № 12.

⁷⁴ Ibid. P. 36 (С. 78).

⁷⁵ *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 31, 32 (С. 77). Маршрут де Ланноа в Прибалтике подробно комментирует Х. Рэбас (*Rebas H.* Die Reise des Ghillebert de Lannoy in den Ostsee-raum 1413/14. Motive und Begleitumstände // *Hansische Geschichtsblätter.* 1983. Bd. 101. S. 31–34). Кстати, Х. Рэбас задается вопросом, не имел ли де Ланноа какой-то иной цели своей поездки в Прибалтику, кроме как сразиться за веру с теми, кого считал ее врагами, и приходит к заключению, что, скорее всего, он выполнял продиктованную политическими и коммерческими интересами Бургундии миссию, содействуя союзу этого государства с Эриком Померанским, королем Дании, Швеции и Норвегии, и с английскими и голландскими купцами для их совместного противодействия на Балтике Ганзе (Ibid. S. 42).

⁷⁶ См.: *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 27; *Soloviev A. V.* Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes // *Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschiezewskij zum 70. Geburtstag.* München, 1966. P. 792.

⁷⁷ *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 32 (С. 77).

⁷⁸ См.: *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 28; *Kannelер А.* Указ. соч. С. 51.

⁷⁹ *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 32, 33 (С. 77).

⁸⁰ Ibid. P. 36 (С. 78).

⁸¹ См. также: *Студент Емельянов.* Указ. соч. С. 15. Наличие у де Ланноа «местного осведомителя», то есть информатора из новгородцев, предполагает Ст. Мунд (Описание Новгорода и Пскова в мемуарах «Voyages et Ambassades» рыцаря Гильбера де Ланноа (1413) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2002. № 1. С. 48).

⁸² «Et illecq allay devers ledit éveque et lesdits seigneurs» (*Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 34 (С. 78)).

⁸³ Ibid. P. 34 (С. 78).

⁸⁴ «Et me donnèrent les dessusditz duc et bourgrave ung disner, le plus estrange et le plus merveillex que je vëis oncques» (Ibid. P. 34 (С. 78)).

⁸⁵ Даже пир, устроенный в честь де Ланноа польским королем, состоявший из 60 пар блюд (Ibid. P. 53), не произвел на бургундского рыцаря такого же впечатления, как новгородское застолье.

⁸⁶ Об этом см.: *Mund St.* Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle. P. 188.

⁸⁷ *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 33 (С. 77).

⁸⁸ Ср. у Перо Тафура сходную характеристику политического строя Генуи: «Весь этот город со своими владениями управляется общиной (se rige á comunidat)» (*Тафур П.* Указ. соч. С. 13). Точно так же он описывает политическое устройство Базеля: «Управляет этим городом коммуна» (Там же. С. 233). См. также замечание Ст. Мунда о том, что политическая структура Новгорода в описании де Ланноа напоминает «могущественные города Бургундских Нидерлан-

дов» (*Mund St. Travel Accounts as Early Sources of Knowledge about Russia in Medieval Western Europe from the Mid-Thirteenth to the Early Fifteenth Centuries* // *The Medieval History Journal*. 2002. Vol. 5. № 1. P. 119).

⁸⁹ «...y a dedens laditte ville moult de grans seigneurs qu'ilz appellent *Bayares*», см.: *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33 (С. 78).

⁹⁰ П. С. Савельев (Указ. соч. С. 29) понимает bourgeois как «простой гражданин», что не может быть признано правильным. Де Ланноа ведет речь о некоем горожанине, необычно богатом даже для Новгорода земельными владениями, то есть о представителе земельной аристократии, которая и являлась местным, новгородским боярством. О боярском землевладении см. исследование: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. В. Н. Бернадский, правда, считает (Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 176, 177), что в этом случае де Ланноа давал пример «горожан-домовладельцев», известных как «житьи люди», стоявших в новгородской социальной иерархии ступенью ниже боярства (Там же. С. 166–176).

⁹¹ «Et y a tel bourgeois qui tient bien de terre deux cens lieues de long, riches et puissans à merveilles...» (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33 (С. 78)).

⁹² Речь идет о нормандской «сухопутной миле». В других провинциях она могла иметь другие размеры, впрочем, не сильно отличающиеся от указанных в тексте. См.: *Grand vocabulaire françois*. Paris, 1771. Vol. 16. P. 12–13. См. также комментарии И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной в кн.: Канарец или Книга о завоевании канарских островов. С. 170 (коммент. № 99).

⁹³ Непонятно, что дает А. Бертрану основания заключить, будто бояр де Ланноа считает разбогатевшими торговлей горожанами (*Bertrand A.* Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est. P. 300; *Idem.* Guillebert de Lannoy. P. 86), ибо бургундский рыцарь ни словом не упоминает об их происхождении.

⁹⁴ См. о новгородской боярской олигархии: *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 148–161; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 272, 273, 324–327; *Он же.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // Россия и Италия. Материалы IV Конференции советских и итальянских историков. Рим, 1969; М., 1972. С. 75–85; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина. С. 213–229.

⁹⁵ «...et n'ont les Russes de la grant Russie autres seigneurs que iceulx par tour, ainsy que le commun veult» (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33 (С. 78)).

В связи с этими словами де Ланноа о боярстве как правящем классе Новгородского государства стоит привести показания другого, на столетие более раннего западного источника — донесения ганзейцев из Новгорода рижским властям от 10 ноября 1331 г., упоминавшего «300 золотых поясов» (CCC guldene gordele), то есть городскую верхушку, в руках которой, по видимому, находились все городские дела (Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. № LXXV. С. 58В).

⁹⁶ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 34 (С. 78). П. С. Савельев (Указ. соч. С. 29) переводит дис как «герцог» и считает, что подразумевается приглашаемый в Новгород князь. Однако такое толкование нельзя признать верным, ибо князь никогда не избирался из числа «великих господ», то есть бояр Новгорода, а приглашался извне и был обязательно представителем княжеской династии.

⁹⁷ См.: *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 21–23; *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики. С. 69–75; *Он же.* Расцвет и падение русской Венеции. С. 9, 10.

⁹⁸ См. о ней: *Potvin Ch.* Op. cit. P. 6.

⁹⁹ «Et n'ont aultre roy et seigneur que le grant roy de Musco, seigneur de la grand Russie, lequell ilz retiennent pour seigneur quant ilz veulent, et quant ilz veulent, non» (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33. № 3 (С. 79. № 3)). О непростых отношениях Новгорода с московскими князьями см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 102, 103, 118, 119; *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 349–353; *Soloviev A. V.* Op. cit. P. 793; *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 214–231; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 344–349.

¹⁰⁰ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 33 (С. 77).*

¹⁰¹ *Ibid. P. 36 (С. 78).*

¹⁰² «И русские Великой Руси не имеют других господ, кроме этих [выбираемых]...» (*Ibid. P. 33 (С. 78)).*

¹⁰³ *Ibid. P. 33. № 3 (С. 79. № 3).*

¹⁰⁴ Нужно уточнить, что на византийском происхождении деления Руси на «Великую» и «Малую» (к последней поначалу относились преимущественно галицко-волинские земли) настаивал А. Соловьев, хотя в цитированном им греческом документе за 1305 г. (или за 1303 г., по А. И. Назаренко) говорится о «Великой России (или Руси)» (ἡ Μεγάλη Ῥωσία) в значении всей, то есть огромной, Русской страны, тогда как к «Малой России (или Руси)» (ἡ Μικρά Ῥωσία) или к «Галицкой Малой Руси» (τῆς Γαλιτζῆς τῆς Μικράς Ῥωσίας) отнесены территории епархий Галича, Владимира, Перемышля, Луцка, Турова, Холма (См.: *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. P. 403. Append. 2, 3*). Исследователь полагал, что именно на рубеже XIII–XIV вв. с выделением из общерусской (Киевской) митрополии самостоятельной Галицкой митрополии «*в просторечии*» ее, «*вероятно*», стали сейчас же называть «митрополией Малой Руси», в отличие от «митрополии Великой Руси», сохранившей большее число епархий (курсив мой. — О. К.)» (*Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 28*). Впрочем, А. И. Назаренко справедливо полагает, что названия «Великая Россия» и «Малая Россия» были созданы «константинопольской патриаршей канцелярией и не имели отношения к реальному древнерусскому словоупотреблению» (*Назаренко А. В. Указ. соч. С. 258, 259, 266*). В цитированном документе — перечне митрополий Константинопольского патриархата — «Великая Русь» не имела еще определенного значения части, пусть и большей, Русской страны, отличной от «Малой Руси» и противопоставленной ей.

Хотя, похоже, такое значение словосочетания «Великая Россия (или Русь)» можно найти в одном западноевропейском тексте рубежа XIII–XIV вв. Речь идет о сочинении Марко Поло. Во французской и, как принято считать, самой ранней редакции его мемуаров (1298), заканчивая описание расположенной на севере «страны Тьмы» (provence d'Obscurité), он замечает, что «Великая Россия граничит с одной стороны с этой областью» (la grant Rosée [Russie] confine de le un chief con ceste provence) (*Polo M. Le livre. Pt. 2. P. 752; Минаев И. П. Путешествие Марко Поло. Пер. старофр. текста. СПб., 1902. С. 335*). Странно, что А. Соловьев, специально изучавший происхождение терминов «Великая Россия» и «Малая Россия» и даже цитировавший Марко Поло, не обратил внимания на указанное выше место в сочинении венецианского путешественника: *Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 27*. Под «Великой Россией» Марко Поло, скорее всего, подразумевал определенную часть ее, а не ее огромные размеры. О них он говорит чуть ниже и по-иному: «Россия превеликая страна, расположенная к северу» (Rosie est une grandisme provence ver tramontaine) (*Polo M. Le livre. Pt. 2. P. 752*). Кроме того, он уточняет, что именно «Великая Россия», а не просто «Россия», граничит со «страной Тьмы», то есть Заполярьем, и это соответствует действительности и заставляет думать, что он имел в виду конкретные северные ее области.

Замечание о «Великой России» имеется еще лишь в одной редакции воспоминаний Марко Поло — венецианской (начало XIV в.) — «la gran Rosia» (*Polo M. Il "Milione" Veneto ms. CM 211 della biblioteca civica di Padova / A cura di A. Barbieri e A. Andreose. Padova, 2003. Cap. 154. P. 248*), тогда как во всех других (о них см.: *Кудрявцев О. Ф. От средневековых описаний Руси к ренессансным: картины русской жизни у Марко Поло и его продолжателя [в печати]*) говорится только «Россия» без каких-либо уточнений. Это произошло, скорее всего, потому, что перелататели труда Марко Поло на тосканский диалект или на латынь поняли «la grant Rosée» не как географическое название, а как характеристику-уточнение в смысле «огромная Россия», какое во фразе «огромная Россия граничит с одной стороны с этой областью» должно выглядеть нелепым, тем более что чуть ниже о великих размерах Руси говорится особо; в итоге редакторской работы «Великая Россия» стала просто «Россией».

Итак, текст Марко Поло конца XIII в. уже фиксирует имя «Великая Россия» для обозначения определенной, северной, части Русской страны. Но если есть «Великая Россия», то должна, по крайней мере, предполагаться «Малая Россия», хотя этого названия в сочинении венецианского путешественника нет. Как мы видели выше, оно вскоре появилось, правда, в документах иного рода. Но прежде стоит обратить внимание на одну говорящую деталь — у Марко Поло написание Руси дается не в огласовке на «и» как «Russia» (или *Ruscia, Ruzzia, Ruthenia* и т. п.), что было широко принято на латинском Западе, а, как в византийских документах, — через «о» как «Rosée», «Rosie» (или *Rosia, Rossia* — в переложении на итальянские диалекты), что соответствует византийскому произношению и написанию имени Русь — Ῥωσία (см.: Соловьев А. В. Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Вып. XII. С. 136–139; Кюсс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 25). Это дает основательный повод заключить, что на географическую номенклатуру Руси у Марко Поло решающим образом повлияла византийская традиция. Так что предположению А. Соловьева о византийском происхождении подразделения Руси на Великую и Малую можно найти аргументированное подкрепление в тексте Марко Поло.

Похоже, «Великая Россия» в качестве определенной территории упоминается в греческом каталоге архиерейских кафедр, составленном во времена императора Андроника Палеолога Старшего (ум. в 1327 г.); в нем сказано, что Литва, принадлежавшая к митрополии «Великой России» (τῆς Μεγάλης Ῥωσίας), была сделана при указанном императоре и патриархе Иоанне Глике (занимал патриарший престол с мая 1316 г. по май 1320 г.) особой митрополией (*Notitia episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. P. 399; см. также: Голубинский Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. II. Первая половина тома. М., 1900. С. 128, 129; Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 29). «Великая Россия» здесь уже не может быть вся огромная Русская страна, но только — большая ее часть, по крайней мере без галицково-волыньских земель, которые имели к тому времени собственную церковную организацию.

Тогда же — 1327 и 1335 гг. — в латинских источниках польского и западнорусского происхождения фиксируются новые упоминания «Малой Руси» (см. выше: с. 56). Но наибольший интерес представляет собой современный им документ, в котором речь идет одновременно и о «Великой Руси», и о «Малой» Руси и четко установлено их местонахождение: («Есть Великая и Малая Русь. Великая расположена на севере, на западе она граничит с Ливонией, в которой братья-крестоносцы владеют большими землями, на востоке — со Скифией и землей татар [хана] Узбека. На юге находится Малая Русь...») (*Et est Ruscia major et minor. Maior vero a septentrione confines habet ab occidentem cum Livonia, in qua fratres cruciferorum habent magnas terras, ab oriente cum Sythia [= Scythia] et terra Husbeci Tartari. A meridie autem est Ruscia minor...*) *Kunstmann Fr.* Op. cit. S. 105). Такие сведения привел венецианский государственный деятель и путешественник Марино Санудо Старший в послании к королю Франции Филиппу IV (датировано 13 октября 1334 г.). Он четко обозначил географию Руси в терминологии, еще, как видно, не известной на западе Европы, но уже активно используемой на ее востоке и особенно юге — в Венеции.

Венеция, как известно, поддерживала самые тесные контакты с Византией, в ней постоянно находились греки, равно как и венецианцы в немалом числе в Константинополе и его владениях; поэтому совсем не случайно византийская номенклатура географического деления Руси прижилась вначале в Венеции и уже оттуда, как свидетельствует письмо Марино Санудо Старшего к французскому монарху, распространилась по Европе.

В 1347 г. церковный собор в Константинополе отменил произведенное ранее разделение русской церкви на две митрополии, поэтому в императорском хрисовуле, изданном по его следам, говорится о воссоединении епископий «всей России, Великой и Малой» (τῶν πᾶσαν Ῥωσίαν, τὴν τε Μεγάλην καὶ τὴν Μικράν) под началом единой киевской митрополии. Этой же теме посвящена грамота византийского императора волынскому князю Димитрию-Любарту Гедиминовичу, повелевающая, чтобы «по всей России, Великой и Малой, была одна митрополия» (*Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vol. I. P. 264, 265; см. также: Русская историческая

библиотека. СПб., 1880. Т. VI. Приложения. С. 29). Названия «Великой России» и «Малой России» то и дело всплывают в переписке второй половины XIV в. византийских церковных властей с литовскими и русскими князьями и польским королем; причем к «Малой России» относились то галицко-волинские епархии, то все церковные округа политически подчиненных Литве и Польше русских земель, за исключением Киева, который лишь единожды (в грамоте патриарха Филофея 1354 г.) указан в составе «Малой России» (подробнее см.: *Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 31, 32; *Он же.* Византийское имя России. С. 142).

После очередного временного восстановления единства митрополии в 1388–1389 гг. названия «Великая Россия» и «Малая Россия», по наблюдению А. Соловьева (*Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 33), исчезают из церковных документов. Впрочем, противореча самому себе, А. Соловьев цитирует патриаршую грамоту 1401 г. (Там же. С. 34. № 50), в которой речь идет о «рукоположении епископов в Малой России» (*Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. II. P. 529*). Как бы то ни было, а в XV в. имена «Великой России» и «Малой России», что видно по документам разного типа, были хорошо усвоены и понятны в западной, латинской части Европы. Кроме приведенных в нашем тексте упоминаний Гильбером де Ланноа «Великой Руси» применительно к землям Новгорода и Москвы, стоит также назвать послание 1413 г. великого магистра Тевтонского ордена своему двоюродному брату фон Плауэну о том, что великий князь Литовский Витовт сговорился против рыцарей с Псковом, Новгородом и с Великой Русью (*mit den grossen Russen*) (цит. по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 301. № 216; *Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 33). В 1436 г. на венецианской карте Андреа Бьянки в северной ее части дважды встречается надпись «Росия» (*Rosie*), и еще одна находится под изображением шатра с сидящим в нем правителем, по бокам которого стоят два вооруженных стража, и гласит: «Империя Великая Росия» (*Imperio Rosie Magna*) (см.: *Nordenskjöld N. A. E.* Periplus. Stockholm, 1897. Tabl. IX, XII; *Lelewel J.* Géographie du Moyen Âge. Bruxelles, 1852. Т. II. P. 27, 68; *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005 (1 изд. — 1975). С. 56, 57). Во второй половине XV в. известный польский хронист Ян Длугош (завершивший свой труд — *Annales seu Cronica incliti regni Poloniae Ioannis Dlugossii* — к 1480 г.) упоминает (*Lib. I*) «болота и пустыни Великой Руси (*Russie Maioris*), близ города Полоцка», откуда берет начало река Березина (см.: *Шавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 71, 217).

Равным образом, как было показано в начале настоящей статьи (см. выше: с. 32), в XV в. сохраняется в употреблении и географическое название «Малой Руси» для обозначения прежде всего юго-западных русских земель, как это мы находим у Шилльбергера, именовавшего Львов их главным городом.

¹⁰⁵ Симеон Гордый, как Иван Красный и Дмитрий Донской, названы в византийских документах «*μεγα ρήξ πάσης Ῥωσίας*» (*Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. I. P. 263, 267, 338, 516, 523, 524; Vol. II. P. 12, 15*), Василий I в 1393 г. — «великим королем Московским и всея Руси», «*μεγα ρήξ Μοσκ[χ]οβίου καὶ πάσης Ῥωσίας*» (*Ibid. Vol. II. P. 12, 188*), тогда как князь смоленский Святослав — просто «великим королем», «*μεγα ρήξ*» (*Ibid. Vol. I. P. 524*). См. также: *Соловьев А. В.* Византийское имя России. С. 142; *Soloviev A. V.* Op. cit. P. 793.

¹⁰⁶ Документ приведен Н. М. Карамзиным (Указ. соч. Т. V. С. 293. № 202).

¹⁰⁷ *Soloviev A. V.* Op. cit. P. 793.

¹⁰⁸ *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 35 (С. 78).

¹⁰⁹ *Ibid. P. 33 (С. 78)*. Вес этого слитка серебра (гривны-рубля), по подсчетам Н. П. Бауэра (История древнерусских денежных систем (IX — 1535 г.); в печати), должен был составлять в конце XIV — начале XV в. около 184 г.; до этого больше — 197 г.

¹¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 402. См. также: *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 29.

¹¹¹ «*Et tiennent aussy tous les autres Russes de la Russie... la loy chrestienne en leur créance, sy comme les Grecs*» (*Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 33 (С. 77)).

¹¹² *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 33 (С. 77). Эта информация о числе церквей выпала в переводе Студента Емельянова (Указ. соч. С. 24). См. также: Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. / под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960. С. 546).

¹¹³ По мнению А. В. Соловьева (*Soloviev A. V.* Op. cit. P. 792), цифру эту можно принять, если в нее включены частные часовни новгородцев.

¹¹⁴ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 33, 34 (С. 77).

¹¹⁵ См. также: *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 30.

¹¹⁶ *Колло Фр. да.* Доношение о Московии / подгот. текста и пер. на рус. яз. О. Симич. М., 1996. С. 53, 66.

¹¹⁷ *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 31.

¹¹⁸ «...eulz de leur loy, mais nous les francs cristiens ne l'oserions faire, sur la vie» (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 33 (С. 78)).

¹¹⁹ См. упоминания о работорговле, которую практикуют европейцы, прежде всего венецианцы и генуэзцы, и о рабах в Европе у современника Гильбера де Ланноа — Перо Тафура (Указ. соч. С. 164, 204). Сведения очевидца и участника сделок по торговле людьми можно найти у Иосафата Барбаро: *Barbaro J. Viaggio alla Tana.* 20, 38, 40 // *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 120, 126, 127, 143, 151, 152. Подробнее см. исследование: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 53–56, 65, 85.

¹²⁰ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 36 (С. 78).

¹²¹ Ibid. (С. 78).

¹²² «...et est seignourie à part luy dessoubz le roy de Moeusco. Et avoient, ou temps que je fus là, exilé et enchassié leur roy que je vëy en la grant Noegarde» (Ibid. P. 36 (С. 78)).

¹²³ Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 36.

¹²⁴ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 33, 37 (С. 78). См. также: *Савельев П. С.* Указ. соч. С. 33, 34.

¹²⁵ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 34, 35 (С. 78).

¹²⁶ *Канпелер А.* Указ. соч. С. 52; *Mund St.* Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle. P. 192.

¹²⁷ *Канпелер А.* Указ. соч. С. 52.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 51. См. также: *Potvin Ch.* Op. cit. P. XVI–XVIII; *Halecki O.* Op. cit. P. 324–329; *Bertrand A.* Un seigneur bourguignon — en Europe de l'Est. P. 304; *Мунд Ст.* Ланноа Гильбер. С. 25.

¹³⁰ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 53, 54 (С. 78, 79).

¹³¹ Ibid. P. 56 (С. 78). См. подробнее материалы на эту тему: *Брун Ф.* Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланноа // Записки одесского общества истории и древностей. 1853. Т. 3. С. 433–465; *Карамзин Н. М.* История государства российского. М., 1993. Т. V. С. 107, 295; *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 376.

¹³² Следует согласиться с Ф. Бруном, что в словах «quatre paires de tasses de Russie» речь идет о том же предмете, что и в чуть ниже расположенных словах «trois tasses escartelées et broudées» (*Lannoy Gh. de.* Op. cit. P. 57) и что «tasses» в данном контексте не «чаши» или «кубки» и не предмет воинского облачения, но, как и немецкое слово «Tasche», могло означать мешки, дорожные сумки и что-то в этом же роде (*Брун Ф.* Указ. соч. С. 448).

¹³³ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 57 (С. 79). Союз с гуситами был заключен Витовтом в 1421 г. в Воранах.

¹³⁴ «Item, me donnerent ung duc et ducesse de Russie, de ses gens, ung beau disner et une paire de gans de Russie broudez et ung... [пропуск. — О. К.]» (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 58 (С. 79)).

¹³⁵ По предположению А. В. Соловьева, упомянутым де Ланноа русским князем мог быть кто-то из Гедиминовичей, осевших на Волыни и — добавим — принявших православие; но едва ли им был, как думает Соловьев, Дмитрий, князь Смоленский, упомянутый в 1433 г. как вас-

сал короля Польского (Soloviev A. V. Op. cit. P. 795. № 29). Скорее всего, этим князем был кто-нибудь из близко находящихся от Кременца владетелей, например, князь Острожский, влиятельная фигура в тот момент в Великом княжестве Литовском.

¹³⁶ Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 58 (C. 79). В «Хронике» Рихенталя в списке господ из «королевств Турции, Литвы и Польши» назван «Herr Gergo di Gediold». Правда, по какому-то недоразумению, он обозначен как «староста турецкий», «capitanus Türcorum» (Richental U. von. Op. cit. S. 202). Подробнее об этом персонаже см.: Klimas P. Ghillebert de Lannoy in Medieval Lithuania. New York, 1945. P. 76, 77; Holban M. Du caractère de l'ambassade de Guillebert de Lannoy dans le nord et le sud-est de l'Europe en 1421 et de quelques incidents de son voyage // Revue des études sud-est européennes. 1967. T. V. № 1–2. P. 425–429.

¹³⁷ О том, что около 1421 г. Гедигольд был назначен Витовтом старостой Подолии свидетельствуют польские источники. См.: Брун Ф. Указ. соч. С. 449, 450.

¹³⁸ Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 58 (C. 79).

¹³⁹ Ibid. P. 58, 59 (C. 79).

¹⁴⁰ Soloviev A. V. Voyages et ambassades. P. 795, 796.

¹⁴¹ Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 55, 58 (C. 79). См. также: Soloviev A. V. Op. cit. P. 796.

¹⁴² «...Witholt moult puissant prince, sy a conquesté douse ou trèsè que royaumes, que païs, à l'espée» (Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 41). Витовт захватил Смоленское княжество и Верховские княжества (шесть небольших княжеств в верховьях Оки, образовавшихся в результате распада Черниговского княжества), а также расширил владения Литвы — в некоторых местах — до Черного моря; однако приведенная де Ланноа цифра в двенадцать или тринадцать королевств и стран, будто бы захваченных им, является явным преувеличением.

¹⁴³ «Et là, en cedit chastel [Posur. — О. К.], trouvoy le duc Witholt, prince de Létau, sa femme et sa fille, femme au grant roy de Musco» (Ibid. P. 42).

¹⁴⁴ См.: Ibid. P. 39–42, 55, 61.

¹⁴⁵ См.: Soloviev A. V. Op. cit. № 20. P. 793, 794.

¹⁴⁶ См. выше: с. 49.

¹⁴⁷ Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 55, 56 (C. 79).

¹⁴⁸ См. об этом также: Кудрявцев О. Ф. Великая Русь рыцаря Де Ланноа. С. 76, 77.

¹⁴⁹ «Et y avoit ung Tartre qui avoit sa barbe longue jusques dessoubz le genoul, enveloppée d'un coeuivrechief» (Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 56 (C. 79)).

¹⁵⁰ См. близкую манеру описания человека в итальянской хронике XIII в.: Кудрявцев О. Ф. «Хроника» Салимбене де Адам: историописатель и время. С. 851, 852.

ИДЕОЛОГЕМА ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ «ЕВРОПЫ» ПРОТИВ РУСИ И РОССИИ И НАОБОРОТ И ПРАКТИКА ИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В XV–XVI вв.

А. Л. Хорошкевич

Данную тему с точки зрения Руси и России (имея в виду Великое княжество всея Руси 1485–1547 гг. и Российское царство 1547–1721 гг.) можно изучать по разным группам источников. Основными являются памятники церковной письменности, русские летописи, словари и разговорники, по сольские книги и записки иностранцев, которые позволяют подойти к теме с разных сторон.

Анализ двух первых групп дает картину идеологем предубеждений на Руси эпохи Средневековья и начала Нового времени, главной из которых была принадлежность к разным ветвям христианства, образовавшимся в результате раскола единой христианской церкви в 1054 г., — православию (православию), католичеству и отпочковавшемуся от последнего в XVI в. лютеранству. Как известно, главное литургическое отличие православия и католичества касалось вопроса исхождения Святого Духа: Западная Церковь начиная с VI в. стала вводить в формулировку Символа веры добавление «и от Сына» (*filioque*). К XI в. эта редакция Символа веры окончательно закрепилась на Западе. Здесь же утвердился обычай совершать литургию на пресном хлебе — опресноках (облатках), в Восточной церкви — на квасном хлебе. К этому добавились различия в языке богослужения (латынь — на западе, греческий — на востоке). Кроме того, православное белое духовенство имело право вступать в брак, католическое было лишено такой возможности.

Памятники церковной письменности, происходящие с земель Руси XI в. и действовавшие значительно позднее, ограничивали общение с иноверцами в самых разных формах. Так, правила митрополита Иоанна II 1080–1089 гг. исключали возможность «сообщаться» с теми, кто «опреснокам служат и в сырную неделю мяса ядать», но «по нуже» разрешали совместные трапезы. Один из списков памятника XVI в., хранившийся в Чудовском монастыре Московского Кремля, историк церкви В. Н. Бенешевич, погибший в ГУЛАГе в 1938 г.¹, положил в основу научной публикации этого памятника². Аналогичный текст был доступен Сигизмунду Герберштейну, имперскому и австрийскому послу в столице Великого княжества всея Руси в 1517 и

1526 гг.³ Практика совместных трапез в XVI в., судя по «Запискам» вышеназванного фальсификатора российского прошлого и других иностранцев, еще не удостоившихся чести обратить на себя внимание выдающегося их разоблачителя, была при царском дворе обычной. Видимо, и последний великий князь всея Руси Василий III, и его сын — первый царь России Иван IV — часто испытывали подобную «нужу» (необходимость) пировать с иноземцами⁴.

Русские летописи, особенно возникшие на территориях, пограничных с иноверческим — католическим — населением (новгородские и псковские в особенности), переполнены хулой в адрес безбожного католического населения⁵. Впрочем, нужно учитывать, что летописи выражали официальную точку зрения властей этих городов и имели своей целью воспитание местного православного патриотизма. Разумеется, этот последний вырастал на противопоставлении «своего» и «чужого». Таким образом, религиозные предубеждения были органичной и даже главной частью предубеждений «своего» против «чужого».

Между тем даже на территории пограничных земель и городов складывались совершенно иные отношения — прежде всего торговые. Характер этих отношений лучше всего передают русско-немецкие словари-разговорники XIII–XVI вв. До нашего времени дошли анонимный словарь (так называемый берлинский) и словарь, вошедший в литературу под именем владельца одной из его копий, составленной в 1607 г., Тонниса Фенне. Они создавались немецкими купцами в утилитарных целях — поддержания контактов со своими контрагентами на Руси. Думается, в связи с этим их трудно заподозрить в намеренной фальсификации различного рода словесных формул.

Для данной темы наиболее интересна не словарная часть, а разговорники этих памятников, в особенности второго⁶. Этот раздел открывается посвящением Троице и рекомендацией молиться Богу: «Первое не забуди Богу молиться, ино Бог тебе помилует»⁷. Далее идет комплект приветствий и пожеланий: «Бог на помощь, Бог пособи вам, Спаси Бог, Помози Бог, Помогай Бог, Бог блюди тебе, Заступи Бог, Благослови тебе Бог» (с. 190). Видимо, этими стандартными формулами обменивались не только местные жители друг с другом, но и приезжие с новгородцами и псковичами. Ни те, ни другие не уточняли, о каком Боге идет речь, принимая за объективную данность единство христианства. Разговорники зафиксировали общий стиль общения, в котором отсутствовали какие-либо намеки на влияние религиозных предубеждений в практике бытовых контактов и международной торговли. «Право, перед Богом, я тебе не солгал» (с. 236). «Не божись, я тебе верю без божбы» (с. 208). «Имеешь ли веру или не имеешь, яз тебе не божитьсю (!)» (с. 218). «Не божись криво, душа твоя погинет» (с. 216). «Во истину правда» (с. 209). «Не надобь мне обороняться, Бог мне оборонит да правда» (с. 230). «Не надейся ты ни на ково, надейся ты на Бога» (с. 233). Сама торговля приобретала характер личных отношений: «Сдружился ты с ним?» — спрашивали купцы по окончании сделки (с. 209).

Во взаимоотношениях новгородского и псковского купечества с ганзейским и ливонским были некоторые нюансы и различия. Деятельность особого двора — сначала Готского, затем Немецкого в Новгороде отгораживала приезжих от местного населения и позволяла им содержать собственную церковь, служившую, впрочем, одновременно и складским помещением для товаров. В Пскове подобного иноземного двора не было, ливонское и северогерманское купечество должно было пользоваться гостеприимством псковичей, их избами и банями, что придавало отношениям особую интимность. Словарь «Тонниса Фенне», как представляется, обобщил практику отношений именно с псковским купечеством.

Записанные представителями ганзейского купечества разговорники зафиксировали стандартные ситуации контактов ливонского и ганзейского купечества с псковским. Если по приезду иностранцы просились на постой: «Пожалуй, оспе асударь, пусти меня в своем подворье ночевать» (с. 204), то уже устроившиеся приезжие звали своих хозяев «бачке» и «матке», «мачка» (с. 195, 196, 197), более молодых — «брачка» (с. 197), «братка» (с. 200). Приезжих купчин в этих словарях именуют не иначе, как «милый немчин», (с. 191), а они незнакомых псковичей — «дружками» (с. 217) — «друзьями». Эти этикетные формулы характерны как для других славянских территорий, вовлеченных в постоянные отношения с европейским или просто католическим купечеством (имеем в виду сферу полоцко-рижских отношений), так и для внутренних ганзейских контактов (во всяком случае, письменных).

Устойчивые формулы общения заморского купечества с новгородско-псковским, в особенности псковским, передают картину достаточно открытого общества, члены которого гостеприимны (прежде всего это касается Пскова), предупредительны и внимательны к своим заморским партнерам. При обучении сохранялась та же атмосфера: «Яз тебе рад указати и растолковати прямо, как своему родному сыну, а ты возьми на ума, не забуди, что яз тебе указываю» (с. 197). На пирах, непонятно кем устраиваемых, и хозяева, и гости не стеснялись: «Мы пили впрохоть да не были пьяни», «мы пили взаверть да были г(о)раздо пьяни» (с. 202). А дальше шло по писаному: «О чем ты меня пихаешь? Пьян, да я терезв» (с. 209). Впрочем, обе стороны отличались терпимостью: «Всяк человек делает по своем обычаю» (с. 213).

Что касается непосредственно торговых сделок, то и здесь можно почувствовать атмосферу доверия участников этих сделок. По-видимому, широко была развита порука: «Хочешь ты на меня перевести, ино я тебе по нем поруку дам»; «Я тово человека выручил, да по ем поручился». Здесь, конечно, дело не обходилось без неприятных казусов: «Яз по нем поруку дал/поручился, да он в себе веру не держит, ино мне за его надобь платити» (с. 227). Спорные дела иногда доходили до серьезных угроз: «Помиришься ль / смиришься ль ты со мной хочешь? Яз тебе утяжу да в тюрьмы (!) тебе посажу». Кроме угрозы тюрьмы была и другая возможность решить спор —

так называемое поле: «Кому Бог ни пособит, да свой кровь льешь на поле». Эти аргументы оказывали свое действие: «Яз с тобою розлезусь/помирюсь, не хочу с тобой тягаться» (с. 234); «Сужусь я с тобой перед Богом на втором пришествии» (с. 235).

* * *

Меньше данных о стиле общения иноземного купечества с московским населением. Здесь более или менее подробную картину нарисовал гданьский немец Мартин Груневег, служивший «бухгалтером» у львовского армянина Богдана Ашвадура, караван которого в течение 1585 г. находился в Москве. Груневег оставил пространные записки о 6 поездках в Стамбул/Константинополь, в Москву и о кратковременных передвижениях в пределах Речи Посполитой, паломничестве в Рим. Записки же он писал, уже будучи доминиканским монахом, поменяв деятельность странствующего торговца на бдения мистика, которые давали ему возможность осмыслить свой жизненный путь и изложить воспоминания письменно. На вопрос о том, с какой целью составлял он свои «записки», с целью ли опорочить Россию и погубить ее (а ведь при желании факт, что его духовной дочерью в 1590-е гг. была многократная «царица» России Марина Мнишек, можно истолковать именно таким образом), автор ответил сам. Записки адресовались его младшим родственникам, которым он хотел рассказать обо всех примечательных событиях, которые произошли с ним, и тех местах, которые ему довелось увидеть вдали от родины. Для понимания замысла и самого содержания записок важно учесть особенности времени, в которое довелось жить Мартину Груневегу, родившемуся в 1562 г.

В конце XVI в. на волне Контрреформации в Речи Посполитой, включавшей и родной город автора записок, произошел взрыв средневекового мистицизма, сопровождавшийся повышенным интересом к собственной духовной личности. И этот последний на рубеже раннего Нового времени привел если не к появлению, то окончательному формированию нового типа литературных произведений, так называемых эгосочинений, которые передают в первую очередь личные наблюдения, личную позицию и личные эмоции авторов. Это касается всех сфер жизни — государства, в котором они тем или иным путем оказались, контактов с местным населением и его отношения к приезжим, равно как и отношения автора к аборигенам той или иной страны. В результате сквозь призму собственного восприятия в эгосочинении Груневега оказываются отражены и предубеждения населения Руси против иностранцев, и предубеждения последних против русских.

В отличие от Сигизмунда Герберштейна, прославлявшегося современниками и историками в течение 450 лет, а ныне попавшего в опалу в качестве злоумышленного фальсификатора истории, и где? — в той самой России — наследнице Руси, которую он старательно описывал, ни сам Мартин Груневег, ни записки этого автора практически не были известны. Между тем

его труд занимает особое место среди других подобных сочинений, условно объединяемых термином «записки иностранцев». Автор не был ни дипломатом, ни воином, ни авантюристом, ни опричником, чьи интересы сосредоточивались либо на международных отношениях того государства, которое представлял дипломат, либо на обогащении с помощью военной службы главам тех же государств или с помощью участия в тех социальных экспериментах, которые проводили государи, разорявшие свою родину гораздо успешнее, нежели внешние враги.

Мартин Груневег — сын преуспевавшего немецкого купца в Гданьске, с 15 до 26 лет занимался торговлей. В 19 лет он покинул родной город и переехал во Львов, не уступавший родине Груневега ни по размаху торговли, в том числе и международной, ни по уровню культуры, ни по пестроте населения (в Гданьске, который лишь в 1466 г. вошел в состав короны Польской, наряду с немцами и поляками осели моравы, кашубы и представители других мелких славянских «национальностей; во Львове наряду с «русью» — будущими украинцами — велики были прослойки еврейского и армянского населения). Груневег и поступил на службу к богатому армянскому купцу, который занимался караванной торговлей. Однако его довольно трудно причислить к обычным торговцам. Детство и отрочество изобиловали не только семейными трагедиями (в 6 лет он потерял отца, в 10 лет — отца, после чего мать впала в тяжелую депрессию), но и внутренними войнами в Гданьске в период так называемого Второго бескоролья в Речи Посполитой. В 1576 г. немецкое население Гданьска присягнуло Максимилиану Габсбургу, а польские магнаты и шляхта — семиградскому воеводе Стефану Баторию, которому пришлось прибегнуть к военной силе, чтобы сломить сопротивление города, оборонявшегося с помощью наемников. Последние, однако, не получив обещанной платы, жестоко разорили монастыри и церкви. Последствия гданьско-королевской войны произвели удручающее впечатление на отрочка, который с детства отличался повышенной возбудимостью и нервностью, увлекался религией, имел склонность к мистицизму, что легко объяснимо в условиях Реформации и Контрреформации в Речи Посполитой.

Скрупулезность и добросовестность на службе Богдану Ашвадuru создали ему прочный авторитет среди армян, с которыми он на протяжении 1581–1588 гг. шесть раз посетил столицу Османской империи, именуемую им Константинополем, и один раз в 1585 г. — столицу Российского царства, где пробыл 8 месяцев. Трудности его службы в армянском караване, сопровождавшиеся угрозами его девственности, здоровью и даже жизни, побудили полонизированного немца, отказавшись от лютеранской веры родителей, перейти в католичество, расстаться с купеческой кочевой жизнью и вступить под именем о. Венцеслава в доминиканский орден, где он провел вторую половину жизни — 26 лет из отпущенных ему 52. Свои записки он писал, уже будучи монахом.

Казалось бы, в его сочинении предубеждения против иноверия жителей Российского царства должны были бы иметь место. Действительно, православие — «русскую» веру львовских жителей, равно как и лютеранство, и иудейство, он именует «сектой». Однако полемический пыл о. Венцеслава — последователя иезуита Петра Скарги, занявшего почетное место при дворе короля Сигизмунда III Вазы, был направлен в основном против лютеран и мусульман. В рассказе о пребывании в Москве нет ни одного упрека в адрес православия и православных. Рассказ о поездке в Москву — единственный раздел записок, лишенный описания мистических видений (за исключением одного сна, отвратившего его от женитьбы на дочери состоятельных родителей, девушке 14 лет, и от идеи переселения в Москву на постоянное жительство). Разноверие с основными жителями Москвы отнюдь не мешало Груневегу установить деловые контакты с социальной элитой столицы. «Меня знали все, и я знал всех», — с гордостью сообщает о. Венцеслав о пике своей прошлой деловой деятельности. Бытовые контакты секретаря армянина Ашвадура были действительно обширными, так как его хозяин отпускал свои товары в долг, поручив собирать деньги Мартину Груневегу, который исправно таскал тяжелые мешки с серебряными мелкими деньгами (крупных в розничном обороте не было вообще).

Основным оптовым покупателем предметов роскоши, прежде всего тканей, выступал глава государства. Иван IV не успел расплатиться с представителями купечества Речи Посполитой, но этот долг не мешал новым поездкам литовского и львовского купечества в Москву. Условия для пребывания приезжих купцов в Москве были весьма благоприятными. Хотя они и жили на особой территории, подобно ганзейцам в Новгороде Великом, — на огромном Гостином дворе, однако он был открыт для посещения москвичей (в отличие от Немецкого двора в Новгороде), что позволяло приезжим вести и розничную торговлю⁸. В целом можно сказать, что деловые отношения при подобных контактах происходили вне влияния религиозных предубеждений. Более того, будучи в Москве, Мартин Груневег заказал у кремлевского художника несколько миниатюрных иконок для продажи в Молдавии, что принесло ему немалый доход, а в глазах современных искусствоведов превратило в носителя произведений русского православного искусства за пределами России. Никаких отрицательных эмоций по поводу российского православия не возникло у него и позднее — при осмыслении опыта поездки в Москву и контактов с ее жителями. Он подчеркивает, однако, что религиозные церемонии русских, хотя и вполне христианские, давались ему с трудом⁹. Примечательно, что он, тем не менее, их исполнял.

Со своей стороны, москвичи, в том числе и Борис Годунов, охотно общались со временными обитателями столицы, хотя, впрочем, не всегда обходилось без конфликтов. В Москве препятствием для подобных контактов выступила верховная власть столицы и страны. После посещения Груневегом

жилища дворцового иконника в Кремле и осмотра икон, а также церковно-служебных книг, красота и богатство которых поразили посетителя, иконник был арестован и подвергнут пыткам за нарушение запрета впускать в Кремль иностранца. И Груневега, и мастера подозревали в попытке покушения на жизнь второго царя России — Федора Иоанновича с помощью икон, которые польский немец якобы мог отравить. Иконника пытали, а жестокость этих пыток так глубоко поразила Мартина, что на заседании Боярской думы он выступил с челобитьем в защиту художника и тем самым спас его от смерти¹⁰. И много лет спустя о. Венцеслав писал, что причина этой жестокости заключается в особенностях климата, холод которого и прививает подобные душевные качества¹¹.

* * *

Далеко не всегда идеологема религиозных предубеждений прослеживается и в сфере дипломатических отношений. Она обнаруживается лишь в тех случаях, когда речь идет о территориальных спорах в XVII в. на западных границах Великого княжества Литовского / Великого княжества всея Руси и Речи Посполитой / Российского царства, и здесь возникает вопрос о религиозной принадлежности жителей, в особенности тех, кто переходил на службу в Российское царство¹².

Если же речь шла о союзнических отношениях в целях противодействия европейских государств агрессии Османской империи, большинство населения которой к XVI в. уже было мусульманским, фактор разноречий между православием и католичеством отступал на задний план (так, Герберштейн упорно подчеркивал, что Русь страна традиционно христианская).

В великокняжеской Руси имперского и австрийского посла привечали, однако в царской России Ивана Грозного (в связи с обострением военного противостояния) отношение к католику Герберштейну резко изменилось. Его книгу Иван Грозный назвал «баламутной». Видимо, царь в 70-е гг. XVI столетия был оскорблен передачей послом слуха о несколько легкомысленном поведении вдовы Василия III и матери первого царя.

* * *

Подводя предварительные итоги незрелых размышлений о природе предубеждений и их влиянии на деловые отношения Руси и России со странами Центральной и Западной Европы, можно сказать, что религиозные предубеждения с российской стороны культивировались сознательно в интересах правящей церкви и правящей власти, которые со времен Ивана Грозного были неразрывно связаны. Но и в предшествующее время степень и характер этих предубеждений варьировались в зависимости от конкретных условий времени и места.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Щапов Я. Н.* Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Н. Бенешевича // Klio. Berlin, 1979. Bd. 61. № 1. S. 235–242; *Он же.* Из истории советской исторической науки (Проф. В. Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920-х — 1930-х гг.) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XX вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Вып. 2. С. 306–309.

² Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Ч. 1. № 1. Стб. 1–20.

³ В сочинениях С. Герберштейна «*Regum Moscoviticarum Commentarii*» (1556) и «*Moscovia der Hauptstat in Reissen*» (1557) термин переведен как «celebrant» и «Меѡ... halten», то есть «служить в церкви» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 174–175). См. также: *Хорошкевич А. Л.* Русская церковь в изображении Сигизмунда Герберштейна // Церковь, общество и государство средневековой России. М., 1989.

⁴ *Дженкинсон Э.* Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 45. См. также: *Черникова Т. В.* Западные служилые иноземцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 37.

⁵ *Хорошкевич А. Л.* Русская церковь в борьбе с иноземными захватчиками в XIII–XV вв. // Проблемы марксистской оценки православия в историографии России. Тезисы конференции 18–20 марта 1986 г. М., 1986. С. 44–46; *Она же.* Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. // Католицизм в России и православие в Польше (X–XX вв.). Варшава; Москва, 1997. С. 34–50.

⁶ *Хорошкевич А. Л.* Из истории создания немецко-русских словарей-разговорников «Томаса Шrove» и «Тонниса Фенне» // Древний Псков. Археология, история, архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков, 1999. С. 218–230.

⁷ Tönnis Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II / ed. L. L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen, 1970. P. 189. Далее страницы этого издания указаны в тексте в круглых скобках.

⁸ При этом о. Венцеслав предотвратил две попытки обмана (со стороны женщины в боярском костюме, пытавшейся украсть кусок шелка, и двух воришек, пытавшихся подсунуть мешок обрезков вместо денег, — тоже за шелк). Обращаю внимание специалиста по разоблачению мифов о русском воровстве на еще одного пропущенного им фальсификатора, клеветавшего на «Святую Русь».

⁹ Die Aufzeichnungen des Dominikaners Martin Gruneweg (1562 – ca.1618) über seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen / hg. A. Bues // Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Darstellungen. Wiesbaden, 2008. Bd. 19. Th. 2. S. 909.

¹⁰ См. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Москва 1585 г. в «Записках» Мартина Груневег // Россия и Германия: Ежегодник. М., 2000.

¹¹ Как показал О. Ф. Кудрявцев 23 мая 2011 г. на Научных чтениях в РГАДА, подобная идея, не имеющая под собой никакой религиозной идеологии, восходит ко временам античности.

¹² *Отарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. (рец.: Орленко С. П. Вестник церковной истории. 2009. № 1–2). Остальные работы этой талантливой исследовательницы посвящены преимущественно XVII в.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI в.

Т. А. Матасова

Одной из доминант внешней политики Московской Руси в последней четверти XV — начале XVI в. являются отношения с государствами Северной и Центральной Италии — Папской областью, Миланским герцогством и Венецианской республикой. Этим контактам сопутствовало знакомство русских с политическим устройством итальянских государств, с особенностями их культуры и придворной жизни, с их внешнеполитическими успехами и проблемами. Информация такого рода была востребована на Руси: московские правители стремились разобраться в перипетиях политической борьбы и расстановки сил как в регионе в целом, так и в каждом из государств, с которыми шло сотрудничество. Кроме того, двусторонние отношения могли определенным образом влиять на развитие политической практики в Москве.

В обширной отечественной и зарубежной историографии, посвященной истории русско-итальянских политических контактов рассматриваемого времени, вопрос о том, как русские аристократы, книжники, дьяки представляли себе политическую жизнь Рима, Милана и Венеции, специально не ставился. Исследователи стремились систематизировать и выявить новые факты, свидетельствующие о многогранности этих контактов. Поставленный вопрос частично поднимался лишь в связи с Флорентийской республикой¹, но с этим государством у Московской Руси не было политических отношений. Между тем исследование этой проблемы позволяет сделать интересные наблюдения, связанные с восприятием русскими некоторых итальянских реалий эпохи Возрождения.

* * *

Сложность политического устройства и разнообразие политических систем в Италии были замечены еще участниками поездки на Ферраро-Флорентийский собор на рубеже 1430–1440-х гг. Так, Симеон Суздалец в старшей редакции своей «Повести о Флорентийском соборе» упоминает, например, о независимости Феррары: для него она — «держава маркозова, а русский зовется князь»², а не просто одна из «фряжских» областей³. Заметим

здесь, что в первой половине XVI столетия в русских источниках уже содержалась информация о том, что Феррарой правил не «маркоз», а «дуксус»⁴, то есть герцог. В «Послании Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из Заримья из Латины», посвященном описанию последствий страшного землетрясения, произошедшего в 1459 г. в Центральной и Южной Италии, упомянуты «Оудиквилянская земля» (область вокруг Аквилы) и «паньство Молизи»⁵ (область Абруццо, ранее именовавшаяся Абруццо-Молизе) как отдельные административные (государственные?) образования. Другие территории обозначены по названиям городов. Эти земли входили в то время в Папскую область, хотя и обладали известной самостоятельностью, что и подчеркнул Феофил Дедеркин.

Дальнейшее развитие русско-итальянских отношений способствовало усложнению представлений о политической ситуации в Италии.

Особое место занимает вопрос о природе и пределах власти папы римского, поскольку он сосредоточил в своих руках не только светскую, но и духовную власть. Однако территориальные границы светской власти папы не были тождественны границам его духовного влияния. Примечательно, что русские интеллектуалы конца XV в. видели папу не только главой враждебного католического мира, что нашло отражение в широком распространении антилатинских полемических трактатов в это время⁶, но и светским правителем, отношение к которому было неоднозначным. Русские вряд ли осознавали как проблему вопрос о пределах власти папы в Папской области. О том, насколько точно совпадали понятия «Римская земля», «Римская область», «Римская страна», часто встречающиеся в русских источниках конца XV в., с реальными границами Папской области, данных нет. Но, скорее всего, русские знали, что папа владеет многими территориями, а не только дворцом в Вечном городе. Каковы именно эти владения, русским конца XV в. едва ли было известно лучше, чем Феофилу Дедеркину. Так, например, в Москве могли и не догадываться о том, что Болонья тоже входит в папские владения: болонские магистраты самостоятельно пытались наладить отношения с московским великим князем⁷. Сохранилось письмо из Болоньи от 26 октября 1479 г., адресованное Ивану III, в котором коммуна города просила отпустить на родину Аристотеля Фиораванти⁸. Впрочем, великий князь мастера не отпустил.

Во время поездок в Италию в 1469–1471 гг. русские использовали привилегии, данные им папой и зафиксированные в соответствующих грамотах — «листах», как их называют русские летописи. Эти «листы» папа Павел II дал Антону Фрязину (Антонио Джислярди)⁹. Когда же было принято решение о заключении брака между Иваном III (*ил. 1*) и Софьей Палеолог, из папской канцелярии во все города, через которые проходил путь греческой принцессы, были разосланы грамоты, в которых предписывалось принимать ее с подобающей честью¹⁰. Один из таких «листов» сохранился: это письмо кардинала Виссариона к властям Болоньи от 1472 г., в котором он лично просил

радушно принять деспину¹¹. Эти привилегии существенно облегчили русским путешествие по Европе, поскольку такие поездки обыкновенно были сопряжены со многими опасностями. Об этом свидетельствует эпизод из истории Флорентийского собора, когда некоторые члены русской делегации самостоятельно отправились в обратный путь и лишь по молитвам преп. Сергия Радонежского благополучно прошли через город, в котором жили «злии человецы разбоиницы»¹².

Русские сравнительно часто бывали в Риме¹³ и наблюдали за проявлениями ренессансной культуры при папском дворе. Известно, что в середине 1520-х гг. посол (посланник? гонец?) Василия III в Риме Дмитрий Герасимов¹⁴ осматривал римские древности в сопровождении гуманиста и епископа Апрутинского Франциска Херегата¹⁵. Тем не менее, как показала еще А. Л. Хорошкевич, Иван III долгое время не стремился использовать связи с «великим Римом»¹⁶ для достижения главной цели большинства посольств «во Фрязи» – найма мастеров¹⁷. Есть основания полагать, что в Москве не всегда удавалось разобраться в деталях, связанных с политической ситуацией в Риме: русские порой даже допускали ошибки в имени правящего папы. По свидетельству придворного летописца, в 1471 г. папу Сикста IV называли в грамоте «Калистом»¹⁸, а в 1528 г. в русской версии «Сказания о Лоретской Богородице» Климент VII назван «Климентом четвертым»¹⁹.

Относительно цельный образ римского папы как светского правителя представлен только в давно привлекавшей внимание исследователей «Повести о Савонароле» Максима Грека. В своем произведении ученый иноземец большое внимание уделил противопоставлению Флоренции эпохи Савонаролы, где процветали нестяжание и торжествовала книжная мудрость, и папского двора времен Александра VI Борджа, в котором многие современники видели «новый Вавилон, столицу порока и разврата»²⁰. История о том, как Господь наградил бедную вдову за то, что та смогла справиться с искушением и не присвоила кошелек с деньгами, найденный ее сыном²¹, резко контрастирует со сребролюбием, царившим при дворе Александра VI. Именно обличения Савонаролой страшных пороков папского двора, выраженные «жесточайшими словесы», в конечном счете и привели проповедника на костер. Папу Александра VI, «иже всякимъ неправдованиемъ и злобою превзыде всякого законопрестуника», Максим Грек называл «непреподобнейшим», то есть «недостойнейшим»²², выражая этим самую негативную его оценку.

Надо заметить, что образ Савонаролы — один из ключевых в понимании духовного кризиса в итальянском гуманизме конца XV в.²³ Непреодолимой тяге к утонченной роскоши и наслаждениям, характеризовавшей итальянскую знать конца Кватроченто, Савонарола противопоставил аскетизм и молитвенную сосредоточенность. Феномен Савонаролы можно расценивать как защитную реакцию католицизма, направленную на обуздание опасной тен-

денции итальянского гуманизма к тому, чтобы уравнивать христианскую идею богоподобия человека и мысль о равенстве человека Творцу. Порой это могло подразумевать даже выталкивание Бога из поведенческой практики людей²⁴. Максим Грек, на судьбу и мировоззрение которого в значительной степени повлиял этот кризис, чувствовал эту опасность и рассказал о ней русским современникам, для контраста приведя яркий образ папы Александра VI.

Итак, перед нами открывается неожиданная картина: при значительной роли, которую играл образ Рима в русской культуре того времени, образ римских пап как светских правителей в целом не однозначно негативен, но довольно нечеток и фрагментарен. Весьма краткий и сдержанный вариант обращения к папе в русских грамотах подтверждает эти наблюдения. Так, в самой ранней из сохранившихся русской грамоте к папе римскому — ответной грамоте Василия III, адресованной Клименту VII, датированной апрелем 1525 г., — римский первосвященник назван скромно: «пастырем и учителем римской церкви». Свой собственный титул Василий III при этом привел полностью²⁵.

* * *

Ценные данные о восприятии в Москве политических реалий Милана²⁶ может дать рассмотрение именования миланского герцога в русских источниках. В летописных сводах конца XV — первой половины XVI в., составленных книжниками, близкими разным кругам русской аристократии, миланский герцог назван «великим князем Медеянским²⁷ (Меделенским)²⁸». В сохранившейся описи архива Посольского приказа 1673 г. он назван просто «князем Медеянским»²⁹. Ситуация с формой правления в Миланском герцогстве была в целом понятна русским: природа власти герцога не отличалась (по крайней мере, принципиально) от той, что была характерна для большинства русских земель. «Князь» являлся единоличным правителем, власть которого была наследственной.

Особого внимания заслуживает русский вариант титула миланского герцога, как он приведен в грамоте Ивана III к герцогу Джан-Галеаццо Сфорца («Иоанну Галеацъ Мария») от 19 августа 1487 г.³⁰ (ил. 4). В ней миланский правитель назван «светлым и велможным князем Медиаламьским и Зеневииским конты Павия и иных»³¹. Этот титул составлен по тому же принципу, что и титул московского князя: в нем перечислены земли, которыми владел миланский правитель³²; подчеркнута его власть над Генуей и Павией — крупнейшими городами этого региона.

Особый интерес представляет упоминание в титуле власти герцога над Генуей. Стремление Милана покорить Генуэзскую республику заметно на протяжении всего XV столетия. Так, Генуя фактически была присоединена к Милану Филиппо Мария Висконти в 1421 г. (оккупация длилась до 1436 г.). Затем генуэзские земли вновь были подконтрольны Милану в пе-

риод 1464–1478 гг. и позже в 1487–1499 гг. Джан-Галеаццо Сфорца (*ил. 5*) был провозглашен графом («conte») Генуи 23 августа 1487 г. Включение в русскую версию его титула «Зеневииский конта» означало, что в великокняжеском дворце следили за событиями в Милане. Однако в грамоте отмечен не последний успех Милана: она датирована 19 августа по юлианскому календарю, или 1 сентября по григорианскому календарю, то есть всего через 8 дней после провозглашения миланского герцога графом Генуи. Конечно, за столь короткий срок доставить известие в Москву было в то время невозможно³³. Здесь, вероятно, Иван III польстил герцогу: он признавал его власть над территориями, которые тот еще только пытался присоединить, точнее, вернуть. Как известно, во владетельном титуле самого Ивана III и позже Василия III находили отражение даже территории, находившиеся от Москвы подчас лишь в номинальной зависимости³⁴. Например, титул «Югорский» встречается в грамотах Ивана III с 1480-х гг., тогда как окончательное покорение Югры можно констатировать лишь после удачного похода 1499 г., вызванного восстаниями местных племен³⁵. Титул «Удорский, Обдорский и Кондинский» встречается в грамотах Василия III с 1515 г., хотя труднодоступные области Северного Урала по р. Конде и устье Оби реально попали под контроль Москвы только к концу XVI столетия (форпост России в этих отдаленных землях, Обдорский городок — современный Салехард — был основан в 1595 г.)³⁶.

Некоторые особенности придворной жизни Милана также были известны и привлекали большое внимание в России. Миланский двор времен династии Сфорца был одним из самых изысканных в Европе. Особенно это проявилось во времена правления Джан-Галеаццо Сфорца (1476–1494) и Лодовико Моро (1480/1494–1500) (*ил. 6*). Именно в эту атмосферу расцвета искусств, вечного праздника и разнообразных светских развлечений попали в 1493 г.³⁷ московские послы («ambasciatori») Мануил Ангелов и Данило Мамырев. М. А. Гукровский сделал предположение о том, что они даже встречались с Леонардо да Винчи³⁸. В честь их приезда была организована грандиозная охота. В ней приняли участие как сам Лодовико, так и его супруга, Беатриче д'Эсте. Среди охотничьих трофеев были три огромных оленя, две косули и три кабана³⁹. Лодовико Моро был страстным охотником. Вообще, в Милане любили этот вид досуга: как иронично заметила Л. М. Брагина, ломбардская знать «ничем кроме охоты на зверей и птиц не занималась»⁴⁰. Именно поэтому, вероятно, среди даров, которые преподнесли московские послы, были не только татарская сабля и северные диковины, но и прекрасный белый кречет⁴¹. О том, сколь хороши русские ловчие птицы, в миланском замке было известно еще с 1470-х гг., когда Аристотель Фиораванти прислал Галеаццо-Мария Сфорца (*ил. 2*) двух белых кречетов⁴², после чего на Русский Север были посланы герцогские «кречатьи помытки» — птицеловы Бьянко из Кайо и Таддео из Феррары⁴³. С некоторой долей уверенности можно говорить, что птицеловы

были допущены в эти заповедные области. По крайней мере, Юрий Траханиот сообщил герцогу Джан-Галеаццо Сфорца, что они добрались до Москвы и были приняты великим князем⁴⁴. В Павии по сей день сохранились чуцела (*ил. 3*) любимых кречетов упомянутых миланских герцогов⁴⁵. Не этих ли птиц привезли русские послы?

Известно также, что Лодовико Моро покровительствовал астрологам. При его дворе огромным почтением пользовался астролог Амброджо да Розате. Ни одно решение герцога не принималось без совета с этим человеком. О приверженности Лодовико астрологии свидетельствует его речь, произнесенная по случаю взятия Новары в 1500 г. В ней герцог «признался в своем доверии астрологии, заявив, что прежде он молился Богу, а затем обратился к звездам за руководством»⁴⁶. Увлечение этой чуждой основами русской православной культуры областью знания не миновало Россию. Максим Грек во многих своих произведениях обличал «поклонение звездам». В своем послании Федору Карпову он, разоблачая астрологию, предостерегал об опасностях, которые могли по Божьему попущению произойти с человеком, особенно увлекшимся ей. Он привел ряд примеров, в том числе печальную судьбу именно Лодовико Моро, содержавшего чуть ли не самый пышный двор во всей Европе и знаменитого многими победами, но кончившего жизнь в плену у французского короля Людовика XII. По выражению современной исследовательницы, для французского короля «пленение Моро... было событием более важным, чем выигранное сражение», повлекшее сдачу Милана⁴⁷. Максим Грек комментирует судьбу Моро так: «Яко погубиша паче, а не пользоваша астролога Амвросия советы Лудовика дукса [от лат. *dux*; в данном случае, вероятно, аналог понятия “князь”. — Т. М.] медиоланского»⁴⁸. Знаменательно, что Максим Грек не пересказывает судьбу герцога, а лишь отсылает читателя к этой истории. Это означает, что Федор Карпов в 1520-е гг. знал о ней.

Думается, что образ Лодовико Моро выбран Максимом Греком не случайно. Будучи хорошо знаком с итальянской действительностью, он, несомненно, знал, что многими успехами герцог обязан вовсе не «душевной доблести» или другим добродетелям, которыми были отмечены достойнейшие люди прошлого (в числе приведенных Максимом Греком героев Юлий Цезарь и Дмитрий Донской), а своей беспринципности и пренебрежению моральными нормами. Якоб Буркхардт писал о Лодовико: «При всей безнравственности своих средств он оставался абсолютно наивен в их применении; он, конечно, был бы весьма удивлен, если б кто-нибудь объяснил ему, что нравственная ответственность существует не только за цели, но и за выбор средств...»⁴⁹

«Макиавеллианские», жестокие способы укрепления своей власти, характерные для Лодовико Моро, Александра VI Борджа и ряда других итальянских правителей эпохи Возрождения, внешне похожи на те, что нередко применял Иван III по отношению к своим политическим соперникам⁵⁰. Однако

важно иметь в виду следующее. Конечно, идеи Никколо Макиавелли не были в Италии господствующими⁵¹, но все же они явились одним из закономерных итогов развития гуманистической мысли. В России о пределах, природе и функциях власти правителя размышляли исключительно в провиденциальном ключе, подразумевавшем участие Господа в жизни людей и идею ответственности государя перед Богом за судьбы страны и народа⁵². Этот подход был чужд итальянским гуманистам, которые, выражая самые разнообразные взгляды на идеального правителя и государственное устройство, исходили из убежденности в почти безграничных возможностях личности. Глава так называемой Флорентийской Платоновской Академии Марсилий Фичино, полагавший, что любая деятельность человека оправдана только в той мере, в какой служит его спасению⁵³, развивал идеи Николая Кузанского о том, что человек — это микрокосм, «единство бесконечной возможности»⁵⁴. Эти установки были глубоко чужды воззрениям большинства русских интеллектуалов⁵⁵. Ренессансный образ человека-творца в корне отличается от образа православного труженика, воспринимающего свою созидательную деятельность как соработничество Богу, единственному Творцу, в руках Которого находятся судьбы мира и человечества. Категория Божьей правды была одной из основополагающих для русских книжников. Традиция приписывает слова о том, что «не в силах Бог, но в правде»⁵⁶, св. блгв. князю Александру Невскому. Именно к Божьей правде и важности защиты истинной веры апеллирует Ростовский владыка Вассиан в своем знаменитом «Послании на Угру», обращенном к Ивану III тревожной осенью 1480 г.⁵⁷ Впрочем, Иван III не был для современников идеальным правителем: после его кончины этому князю не было составлено ни одного похвального слова⁵⁸. Но едва ли в сознании русских интеллектуалов это было связано с близостью его политики некоторым практикам итальянского Возрождения. Тем не менее в сознании части русской аристократии многие новшества придворной жизни ассоциировались со второй супругой Ивана III, приехавшей из Италии Софьей Палеолог. Антигреческие высказывания Берсена Беклемишева, размышлявшего о положении дел в государстве на рубеже XV—XVI столетий, отсылают в первую очередь не к итальянской действительности, с которой Софья и прибывшие с нею греки были, конечно, связаны⁵⁹, а к последствиям политической борьбы в Византии.

Итак, несмотря на принципиальные различия в оценке современниками жестоких методов в политической борьбе в Москве и Милане, миланский герцог считался в Москве полноправным «коллегой» великого князя. Порой он был даже примером для подражания. В историографии давно стало общим местом упоминание того факта, что Московский Кремль возводился под руководством Пьетро-Антонио Солари, мастера из старинной миланской династии архитекторов, а образцом, вдохновлявшим итальянского зодчего, был именно герцогский замок в Милане. Московские аристократы также, видимо, чувствовали сходство интересов с миланскими придворными.

Более сложной была ситуация с представлениями о политических реалиях Венецианской республики. Дожа летописи именуют «венецейским князем» или «венецейский дюкой» (от итал. «duca» — герцог). Формулировка «венецейский князь» содержится и в описях архива Посольского приказа XVII в. 1614, 1626 и 1673 гг.⁶⁰ Скорее всего, слово «дюка» можно признать синонимичным именованию «князь» в смысле «главный представитель власти». Однако природа власти дожа, разумеется, не соответствовала княжеской, и русские вполне осознавали этот нюанс.

Важные подробности, связанные с пониманием русскими политической системы Светлейшей республики, содержатся в Софийской второй летописи, в состав которой вошел так называемый свод митрополичьего дьяка Родиона Кожуха, составленный в конце 1470-х гг. Именно в этом своде читается пространный рассказ о путешествии московского посланника Семена Толбузина в Венецию в 1474–1475 гг. Большое впечатление на московского посла произвела процедура избрания дожа: «Не тотъ уже у них князь, кои посла [Ивана Тривизана. — Т. М.] отпуская, тот деи умер при нем. А того деи поставили *не княжа роду, ни царьска*, но избравша всеми людьми, умных и храбрых людей пять или шесть или десять, да велят зерна наметив вкинуть в судно, аки въ ступку, а зерна деи белы, да выняти деи малому дитяти. Его же деи до дваищи вымет зерно, того поставили [курсив мой. — Т. М.]»⁶¹. Как видим, Толбузин обратил внимание не только на факт выборности венецианского правителя, но и на его незнатное происхождение. Словом «князь», таким образом, обозначался в данном случае не характер власти, а просто высшая должность в Светлейшей республике. Весьма вероятно, что русские видели в Венеции подобие враждебной Москве Новгородской республики⁶², покорение которой в 1470-е гг. было насущной задачей Ивана III.

Интересно также рассмотреть в данном контексте именование венецианских властей в сохранившемся в составе «Дневников» сенатора Марино Сануто переводе великокняжеской грамоты от 1498 г. В ней Иван III, видимо, обращался к дожу, употребив слово «конта», то есть «граф», как и в случае с миланским герцогом, графом Генуи — «Зеневииским контой»: «l'onorevolissimo et illustrissimo conte Augustim Barbarigo, venetiam»⁶³ — «почтеннейший и благороднейший граф венецианский Агостино Барбариго». Однако если титул «графа Генуи» для миланского герцога был в сознании русских придворных добавочным, то для венецианского правителя он был основным.

Итак, венецианский «князь» был, в отличие от «великого князя Медиаламского», как бы ненастоящим. Но это несколько не умаляло значения русско-венецианских отношений для Москвы и, возможно, даже не мешало рецепции отдельных элементов венецианского церемониала. Так, М. А. Бойцов высказал интересное предположение, согласно которому в конце XV сто-

летия на Руси появился так называемый *umbrellino* — «зонтик», «солнечник» — символ власти германских императоров, сицилийских королей и венецианских дождей, а также светской власти римских пап⁶⁴. М. А. Бойцов видит изображение *umbrellino* на знаменитой пелене Елены Волошанки, вышитой по случаю венчания на царство Дмитрия-внука. Появление этого символа власти ученый связывает с «процессом освоения русскими идеологии “Константинова дара”»⁶⁵ и предполагает, что «солнечник» мог попасть в обиход великих князей благодаря интенсификации связей с Венецией⁶⁶.

Русские пристально следили и за внешней политикой Светлейшей республики. Бесспорно, в рассматриваемое время доминантой этой политики была борьба с османами. Венецианцы стремились использовать любую возможность, чтобы противостоять турецкой агрессии. Ряд инициатив предусматривал участие Московской Руси в этой борьбе. Сама идея брака Ивана III и Софьи Палеолог исходила из Венеции, поскольку там не оставляли надежд, что великий князь Московский будет бороться за «византийское наследство»⁶⁷. «Предполагается, что этот король в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он — зять деспота Фомы Палеолога...»⁶⁸ — писал об Иване III в своих «Венецианских анналах» сенатор Доменико Малипьеро. Вероятно, основой для этого утверждения послужило выступление Семена Толбузина в Сенате, когда он обмолвился о «ста тысячах русских всадников, которыми располагает русский князь в мирное время», и о «трехстах тысячах, которые он может созвать во время войны»⁶⁹. Впрочем, Русь, не освободившаяся еще окончательно от власти Орды, вряд ли могла бы бросить все силы на борьбу с турками. В высшей степени справедливым представляется в данном случае высказывание Ф. И. Успенского о том, что сенаторы, стремясь во что бы то ни стало привлечь Русь к антитурецкой коалиции, «всегда... вычитывали больше из писем великих князей [и слышали больше из выступлений русских посланников. — Т. М.], чем в них содержалось»⁷⁰.

Находясь в Венеции, порой присутствуя на заседаниях Сената, русские представители, бесспорно, следили за антиосманской борьбой. Сенатор Марино Сануто в своих «Дневниках» в известии от декабря 1499 г. упоминал о том, что русские посланники специально поздравили дожа с какой-то победой над турками⁷¹. Скорее всего, речь шла о победе в первой битве при Лепанто (12, 20, 22 и 25 августа 1499 г.).

Интерес Московского государства к борьбе Венеции против турок нашел яркое отражение в русской книжности первой трети XVI в. Речь идет о появлении в 1520-е гг. так называемого «Сказания брани венециан противу турецкого царя»⁷², в котором описано «современное [на тот момент. — Т. М.] состояние турецкого вопроса»⁷³. Как полагала Н. А. Казакова, «автор... не только отражал настроения русского общества, живо интересовавшегося турецкой темой, но и выступал, как можно думать, в какой-то мере пропагандистом идей западной дипломатии»⁷⁴, то есть отражал стремления склонить

Русь к активным действиям в составе антиосманской коалиции. У этой позиции книжника были веские аргументы. Так, в ходе посольства 1499–1504 гг. русские послы должны были заверить римлян и венецианцев, что «великий князь с ним, папою, и с короли и с ыными государи против турского салтана стоял заодно, по указу великого князя»⁷⁵. Те же заверения встречаются и в грамоте Василия III к папе Клименту VII от апреля 1525 г. Василий III просил папу прислать в Россию гонца «и пожаловать чрез него известить нас [Василия III. — Т. М.] о том, как вы [деятели антиосманской лиги. — Т. М.] устроили дело, чтобы нам как вам, так и прочим христианским государям стоять против неверных»⁷⁶. Надо сказать, что отмеченный интерес не означает реальной готовности или желания русских князей воевать с османами. Заверения, встречающиеся в источниках, носили, надо полагать, этикетный характер и должны были способствовать формированию в Венеции образа Московии как союзника и ценного делового партнера.

«Сказание брани...» представляет собой перечисление успехов турок на протяжении нескольких веков. По форме это не литературное произведение, а, скорее, «докладная записка», рабочая заметка, призванная кратко изложить суть дела. Вероятно, это была своего рода «выжимка» сведений о венецианско-турецком противостоянии, за которым в Москве начали следить не позднее 1475 г., когда Семен Толбузин вернулся в Москву. Интерес к турецкой проблематике в контексте «итальянской» темы в русской культуре первой трети XVI в. проявился и в том, что Максим Грек перевел сочинение гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (будущего папы Пия II) о захвате турками Константинополя⁷⁷. Таким образом, выводы о том, что в Посольском приказе в XVII столетии живо интересовались турецкой темой⁷⁸, применимы и к гораздо более раннему времени.

Известия о борьбе Венеции против турок были чрезвычайно актуальны в эпоху, когда Русскому государству нужно было перенимать опыт ведения войн на европейском уровне, с учетом новейших инженерных достижений, причем как на суше (для чего привлекали итальянских военных инженеров, в т. ч. Аристотеля Фиораванти), так и на море. В этой связи ценные детали можно почерпнуть в одной из ливонских грамот, где содержатся данные об упоминавшемся уже русском посольстве 1493 г. в Милан и Венецию. Как видно из письма магистрату Ревеля от Иоганна фон Ункеля, ливонского агента в Новгороде, одной из целей этого посольства был найм в Венеции корабельщиков, которые умеют делать галеры — лучшие военные корабли того времени, а также управлять ими. Фон Ункель сообщал о них: «Эти же итальянцы суть из Венеции, [как] и один человек, который может днем и ночью проходить по морю 6 или 8 миль пути и сжигать корабли в воде ночью... Великий князь [Иван III] хочет тайно во всей Ливонии сжечь деревни и вывести бедный народ, и после этого он хочет [идти] от одного города к другому. Также он хочет построить галеры для того, чтобы он мог плавать по ветру и против

ветра, а это он вполне может делать на галерах; и хочет отнять море, так что вы не сможете получить никакой помощи...»⁷⁹

Эти тревожные для ливонцев известия о возрастающей силе Московского государства в связи с борьбой за выход к Балтийскому побережью разобраны Ю. Г. Алексеевым⁸⁰. В данном случае важен сам факт привлечения из Венеции мастеров довольно экзотичной для Руси того времени специальности. Русское государство только начинало борьбу за Балтику, а также активную колонизацию побережья Белого моря, и своих специалистов по военно-морскому судостроению и мореходению еще не было. Интересно, что попытки перенять опыт мореходства в Венеции русские предпринимали и накануне петровских преобразований. Так, П. А. Толстой, автор знаменитых путевых заметок о путешествии в Италию, был отправлен в те края для изучения морского дела⁸¹.

Источники свидетельствуют, что русские придворные к концу XV столетия были осведомлены о большом разнообразии политических систем в Европе, в т. ч. на Апеннинском полуострове. Стремление разобраться в непростой иерархии европейских правителей заметно в появлении в русской письменности первой трети XVI в. двух текстов: «Перечня европейских королевств» и статьи «Европейской страны короли». И если о первом источнике известно лишь, что он восходит к латинскому оригиналу и может не быть прямо связан с контактами с Италией⁸², то второй текст, как показала Н. А. Казакова, явно восходит к какому-то итальянскому источнику: названия стран итальянизированы⁸³. Статья представляет собой перечисление европейских правителей в порядке их значимости. Как представляется, русский редактор не просто перевел итальянский текст, но переработал его, добавив «замечания, разъясняющие трудные для понимания титулы и пределы власти некоторых монархов»⁸⁴. Исследовательница предположила, что к 1520-м гг. «статья уже была распространена в русской письменности»⁸⁵. Широкое распространение этого памятника свидетельствует об актуальности этой информации итальянского происхождения.

* * *

Подводя итог обзору известий, содержащих материал для анализа представлений русских о политических реалиях итальянского Возрождения, можно заметить, что в Московской Руси знали о ключевых особенностях политической жизни многих «Фряжских земель». Для отсылки к итальянским реалиям русские использовали термины, восходящие к итальянским и латинским словам («дюка», «дукс», «дуксус», «конта», «держава маркозова»). Это означает, что русские осознавали оригинальность этих реалий, их отличие от российских. Впрочем, в большинстве источников рядом с нерусским термином присутствует его объяснение, что свидетельствует о стремлении увидеть мир во всей его полноте и разнообразии, понять чужую культуру. Надо заметить, что

не вся эта информация была «присвоена» русской культурой и осмыслена ею: в Азбуквнике старшей редакции (конец XVI в.) — своеобразном русском средневековом словаре иностранных слов — есть перевод лишь термина «доукс» — князь⁸⁶. Более того, на протяжении XVI столетия книжники, размышляя о природе и пределах власти русских правителей, зная об итальянских политических реалиях, никак не апеллировали к ним. Иван Пересветов в своих челобитных Ивану Грозному приводил в пример первоклассное османское войско янычар, а не блестяще организованные венецианский флот или миланскую артиллерию. Основой же русских представлений о власти был провиденциализм, не характерный для итальянских гуманистов. Все это говорит о том, что русская культура в корне отличалась от культуры итальянского Ренессанса, и русские современники Возрождения это вполне осознавали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. в первую очередь: *Синицына Н. В.* Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972. С. 149–156; *Каргодина С. В.* Козимо Медичи и Иван Грозный: Природа смеха и природа власти // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2005. № 1(19). С. 39–62; *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // *Россия и Италия: Материалы IV конференции советских и итальянских историков*. Рим, 1969. М., 1972; и др.

² Исидоров Собор и хождение его // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Приложения. М., 2006. С. 445.

³ О термине см.: *Лободанов А. П.* «Фрязи» древнерусской письменности: К вопросу о наименованиях итальянцев и Италии // *Embatherion: сборник статей по искусствознанию, филологии, истории*. М., 2011. С. 177–213.

⁴ Берсень Беклемишев отмечал, что Софья Палеолог была по матери из рода «Дуксуса Феварийскаго Италейские страны». См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 172. С. 142 (Отрывок следственного дела Максима Грека).

⁵ Сборник отделения русского языка и словесности (СОРЯС). Пг., 1922. Т. 100. Вып. 2. С. 15.

⁶ Впрочем, восприятие Рима как христианского центра было неоднозначным. См. об этом, напр.: *Матасова Т. А.* Об образе Рима в Московской Руси: «Сказание о Богоматери Римской» в контексте итало-русских связей середины XV — первой трети XVI столетия // *Современные проблемы изучения истории Церкви*. М., 2011. С. 145–148.

⁷ Само по себе это не странно, поскольку еще Карл Великий даровал Болонье статус свободного города.

⁸ Фотокопию и публикацию этой грамоты см. в приложении к статье: *Cazzola P.* “Mastri frjazy” a Mosca sullo scorcio del XV secolo // *Arte Lombarda*. NS. Milano, 1976. № 44/45. P. 171–172. Перевод см.: *Земцов С. М., Глазьев В. Л.* Аристотель Фьораванти. М., 1985. С. 136.

⁹ «А Онтон тогды от папы Павла привезль листы к великому князю таковы, что послом великого князя волно ходити до Рима по всеи земли Латынской и Немецкой и Фрязской, и по всем темь землям, которые земли под его папештво присягають». См.: ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 281.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 296.

¹¹ *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957. P. 85–86.

¹² Опубл. в составе Жития Сергия Радонежского: *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 434–437.

¹³ Известно о том, что русские были в Риме во время поездки в Италию в 1438–1440 гг., а также в 1472, 1486, 1500, 1525, 1527 гг. Возможно, что они заезжали в Рим и в рамках других посольств, но точных данных об этом нет.

¹⁴ В данной статье представители московских великих князей названы в случае отсутствия достоверных уточняющих данных «послами» — вслед за русскими источниками. Однако статус Дмитрия Герасимова в Риме неясен. Павел Йовий в латинском оригинале своего сочинения называет его «legatus», то есть «посол» (Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / под ред. О. Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 233). «Послом» («ambasciatore») он назван и в одном из списков — переводов на итальянский язык своего сочинения (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 г. СПб., 1841. С. 131). Тем не менее в открытом и опубликованном В. Е. Язьковой черновике ответной грамоты Василию III от папы Климента VII от 18 ноября 1525 г. Дмитрий Герасимов назван «punto», то есть «посланник» (Язькова В. Е. Папский престол и Московское государство (к истории дипломатических связей в первой половине XVI в.) // Средние века. М., 1995. Т. 58. С. 201). Как отметила В. Е. Язькова, «твердого согласия среди историков по вопросу о том, в качестве посланника или же гонца прибыл Герасимов в Рим, нет. Дореволюционные исследователи и переводчики папских и княжеских грамот скорее склоняются к мысли о звании “гонца”... Что касается советских историков, то они говорят о Д. Герасимове как о посланнике» (Язькова В. Е. Указ. соч. С. 203. Примеч. 4). Однако в Описи архива Посольского приказа 1614 г. упомянут «отпуск с Москвы... к папе великого князя *гонца* Микиты Герасимова [курсив мой. — Т. М.]» (Опись Царского архива XVI и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 115).

¹⁵ См.: Россия в первой половине XVI в. С. 294. Примеч. 32.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 300.

¹⁷ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 193.

¹⁸ «Тое же зимы князь велики обмыслив съ отцемъ своимъ митрополитомъ и съ матерью своею великою княгинею Марью и з братиею и з бояры своими и послаша Фрязина в Римъ по царевну Софью генваря 16 съ грамотами и посолством к папе, да и к кардиналу Висариону, а тот прежней папа Павелъ умре, а сказали, что инъ папа Калисть именем. Вшедшим же в землю ту и слышаша папино имя Систюсю, а не Калисть, и о том мыслившие меж себя преписаша, имя того Калистиво выгладивъ, Систюша написаша». См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 293. Текст грамоты не сохранился.

¹⁹ Кирпичников А. И. Русское сказание о Лоретской Богоматери // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1896. Кн. 3. Отд. II. С. 18; Русский феодальный архив (РФА). М., 1987. Т. 3. С. 540.

²⁰ Эрс Ж. Посредственная жизнь папского двора времен Борджиа и Медичи. 1420–1520. М., 2007. С. 76.

²¹ Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб., 2006. Т. 9. С. 329–331.

²² Там же. С. 333.

²³ Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 1995. Т. 1–2.

²⁴ Об этом свидетельствует, в частности, появление мнения Пьетро Помпонаци о смерти души. Не способствовали теоцентризму и идеи Джанотто Манетти, Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола о достоинстве человека и его уникальности и богоподобии, о «всеобщей религии» и единстве мировой культуры. См.: Бицилли П. М. Место ренессанса в истории культуры. СПб., 1996. С. 42–63 (1-е изд.: София, 1933); Garin E. L'Umanesimo italiano: Filosofia e vita civile nel Rinascimento. Roma; Bari, 1973. P. 93–132; Idem. Medioevo e Rinascimento. Bari, 1966. P. 288–340; Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 36–69; Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская Академия: Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008; и др.

- ²⁵ Григорович И. Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Барбериниевской библиотеке. СПб., 1834. № 3. С. 17–21.
- ²⁶ Об истории политических контактов Милана и Москвы см. подробно: *Barbieri G.* Op. cit.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 225.
- ²⁹ Опись архива Посольского приказа 1673 г. / подгот. к печ. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. С. 107.
- ³⁰ В известной монографии Джино Барбьери приведена фотокопия этой грамоты, однако в подписи к ней допущена ошибка: это грамота не 1493 г., как сказано в подписи к ил. 5, а 1487 г. См.: *Barbieri G.* Op. cit. Tavola 5.
- ³¹ *Шмурло Е. Ф.* Научный отчет за 1907–1908 гг. // Россия и Италия. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1911. С. 23. Этот титул повторен и в великокняжеской грамоте от апреля 1493 г. См.: *Barbieri G.* Op. cit. Tavola 7. P. 51.
- ³² «Божиею милостью великий государь Русские земли, Великий князь Иван Васильевич Володимирски и Московски и Новгородски и Псковски и Тферски и Югорски и Вятски и Пермски и иных Всея Руси». См.: *Шмурло Е. Ф.* Указ. соч. С. 23.
- ³³ Путешествие из Италии в Московию занимало около трех месяцев. См., напр., известия из «Дневников» венецианского сенатора Марино Сануто, где он указывает, что до «русского короля» «три месяца пути». (*Sanuto M.* I Diarii / pubbl. per cura di R. Fulin. Venezia, 1880. T. 3. Col. 89).
- ³⁴ *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 205, 209–210.
- ³⁵ Тем не менее, по мнению А. И. Филюшкина, датой присоединения Югры можно считать 1478 г.: она вошла в состав Русского государства как одна из «новгородских волостей».
- ³⁶ *Филюшкин А. И.* Указ. соч. С. 205.
- ³⁷ Формально Лодовико Моро стал герцогом только в 1494 г., после смерти своего племянника Джан-Галеаццо Сфорца, но в реальности он давно заправлял всеми делами в герцогстве.
- ³⁸ *Gukowsky M.* Rinascimento italiano e la Russia // Rinascimento europeo e Rinascimento veneziano. Firenze, 1967. P. 135.
- ³⁹ *Barbieri G.* Op. cit. P. 52.
- ⁴⁰ *Брагина Л. М.* Итальянские гуманисты о социальной роли городской знати // Феодалы в городе. Запад и Русь. М., 1996. С. 55.
- ⁴¹ *Макушев В.* Флорентийский государственный архив и хранящиеся в нем материалы для славянской истории. СПб., 1870. С. 5.
- ⁴² *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴³ *Хрептович-Бутенев К. А.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // Старая Москва. Вып. 1–2. 1912–1914. М., 1993. С. 47.
- ⁴⁴ *Гуковский М. А.* Сообщение о России Московского посла в Милан (1486) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652.
- ⁴⁵ *Malaguzzi-Valeri F.* La corte di Lodovico il Moro: La vita privata e l'arte a Milano nella seconda metà del Quattrocento. Milano, 1913. P. 716 (ill.).
- ⁴⁶ *Коллинсон-Морлей Л.* История династии Сфорца. СПб., 2005. С. 209.
- ⁴⁷ Там же. С. 293.
- ⁴⁸ Сочинения Максима Грека. Казань, 1859. Т. 1. С. 286.
- ⁴⁹ *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / пер. А. Е. Махова. М., 1996. С. 47.
- ⁵⁰ Ярким примером устранения политических конкурентов Иваном III служит его расправа с одним из своих братьев — могущественным угличским князем Андреем Большим. См., напр.: *Борисов Н. С.* Горький удел: Московское вероломство 7000 года // Родина. 2003. № 12. С. 34–39; *Он же.* Иван III. М., 2003. С. 584–608.
- ⁵¹ См.: *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. С. 138–139.
- ⁵² *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006. С. 154–223.

⁵³ Кудрявцев О. Ф. Указ. соч. С. 421.

⁵⁴ Там же. С. 292.

⁵⁵ Еретик Федор Курицын, впрочем, в своем знаменитом «Лаодикийском послании» высказал мысль о том, что «душа самовластна». См.: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин: Дьяк Федор Курицын. Л., 1988.

⁵⁶ Житие Александра Невского // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин / науч. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2010. С. 448.

⁵⁷ «Тем же и пророчески реши Богомъ утвержены царю напязи и спей, и царствуи истинны ради, кротости и правды наставит тя чюдне десница твоя. Престоль вои правдою и кротостию суд истинным свершен есть, и жезлъ силы послет ти Господь от Сиона, и удолеши посреди враг твоих. Тако глаголетъ Господь: «Азъ въздвигохъ тя, царя правды, призвахъ тя правдою и прияхъ тя за руку десную и укрепихъ тя, да послушаютъ тебя языцы...» См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 305.

⁵⁸ Борисов Н. С. Иван III. С. 625.

⁵⁹ «Какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замешалася, а дотолѣ земля наша Русская жила в тишине и в миру... Какъ пришла сюды... Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас во Царегороде при вашихъ царехъ... по матери [Софья происходила из рода] великого Дуксуса Ферарийского Италийские страны». См. отрывок следственного дела Максима Грека в сб.: ААЭ. Т. 1. № 172. С. 142.

⁶⁰ Опись Царского архива XVI и архива Посольского приказа 1614 г. С. 115; Опись архива Посольского приказа 1626 г. / под ред. В. И. Гальцова. М., 1977. Ч. 1. С. 239; Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. С. 107.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 219.

⁶² Для этого были некоторые основания. Вопрос о сходствах и различиях политического устройства Новгорода и Венеции в XII–XV вв. неоднократно привлекал внимание исследователей. См., напр.: Янин В. Л. Указ. соч.; Мельникова А. С. Московия и Италия (Русско-итальянские связи в эпоху средневековья по нумизматическим данным) // Средневековая нумизматика восточной Европы: Нумизматический сборник. М., 2006. Вып. 1. С. 120.

⁶³ Sanuto M. Op. cit. Т. 3. Col. 136.

⁶⁴ Бойцов М. А. Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 156–201.

⁶⁵ Там же. С. 200.

⁶⁶ Там же. С. 201.

⁶⁷ Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 116.

⁶⁸ Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo // Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte 1. Firenze, 1843. P. 106. Рус. пер. отрывка известия о посольстве Семена Толбузина см.: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000. С. 281.

⁶⁹ Annali Veneti... P. 106.

⁷⁰ Успенский Ф. И. Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 685.

⁷¹ «si allegra di la victoria...» Sanuto M. Op. cit. Т. 3. Col. 244.

⁷² Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 67. Публикация текста на с. 69–70.

⁷³ Там же. С. 68.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 107.

⁷⁶ Григорович И. Указ. соч. С. 21.

⁷⁷ Клосс Б. М. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 55–61. Публикация текста «О взятии Царяграда» на с. 59–61.

⁷⁸ Рогожин Н. М. Посольские книги об отношениях России и запада как исторический источник // *Vie di comunicazione e incontri di culture dall'antichità al medioevo tra Oriente e occidente*. Saint-Vincent, 1994. P. 150.

⁷⁹ «...dyselben Walen synt von Fenedien und eyn man, der kan tag und nacht in der see gan 6 oft 8 milen weges und dy schepe verbernen im wasser by nachte... Item darumme will he galleen lassen buwen, dasz he mag myt deme winde und wyder deme wint selegen, und dasz kan he woll don myt galleen; und will uch also dy see benemen, dasz ir keyne hulfe mugen haben». См.: Liv-, est-, und kurländisches Urkundenbuch (LUB). Abt. 2. Bd.1. № 2. P. 2. Сердечно благодарю к. и. н. С. В. Полехова за перевод этой грамоты, который он осуществил для меня.

⁸⁰ См.: Алексеев Ю. Г. Морская политика Ивана III (к постановке вопроса) // От Древней Руси к России Нового времени: Сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 112–113.

⁸¹ См., напр.: Головин В. П. Италия в восприятии русских путешественников второй половины XVII в. // *Итальянский сборник: Quaderni italiani* / под ред. В. Д. Дажиной. М., 1999. Вып. 1. С. 105.

⁸² Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980. С. 108–109.

⁸³ Казакова Н. А. «Европейской страны короли» // *Исследования по отечественному источниковедению*. М.; Л., 1964. С. 422.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 421.

⁸⁶ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975. Приложения. С. 278.

С «ЛАТИНЯНАМИ» ПРОТИВ «ЛАТИНСКОГО НЕЧЕСТИЯ»: МАКСИМ ГРЕК, САВОНАРОЛА И БОРЬБА С АСТРОЛОГИЕЙ¹

О. Л. Акопян

В конце XV в. астрология и магия стали одними из основных объектов интеллектуальных спекуляций в ренессансной Италии. К этому времени относятся возрождение герметической и орфической традиций, повышенный интерес к еврейской мистике. Разумеется, «высокая» культура, обогащенная новыми источниками, не могла пройти мимо оккультных учений, что выразилось в увеличении числа как про-, так и антиастрологических трудов. И если для Италии и остальных европейских стран интерес к магии на данном временном отрезке объясним², то тем удивительнее проникновение астрологии в Россию, в чем не последнюю роль сыграл преподобный Максим Грек.

Ренессансные представления об астрологии сложились под влиянием двух традиций³. Первая уходила корнями еще в античную культуру; после падения Рима древнегреческие и римские источники были по большей части забыты на Западе, но они сохранились на Востоке, где их читали и активно комментировали, откуда в «великую эпоху переводов» эти тексты перекочевали в Европу, где с начала XIII в. постепенно складывается западная астрологическая традиция⁴. Она нашла отражение как в письменной культуре — труды об астрологии и магии оставили Альберт Великий, Роджер Бэкон, Пьетро д'Абано, Блазий Пелакани из Пармы и многие другие видные мыслители, — так и в художественной — достаточно вспомнить о Палаццо делла Раджоне в Падуе или Часослове герцога Беррийского.

Но во второй половине XV в. благодаря деятельности Марсилио Фичино⁵ она обогатилась новым, чрезвычайно насыщенным, магическим источником — текстами неоплатоников, Герметическим сводом и другими работами, открывшими путь для создания теории «натуральной» магии, которая нашла свое наиболее полное выражение в трактате «О жизни» Фичино. Чуть позже его современник Джованни Пико делла Мирандола ввел в обиход христианского мага каббалу⁶. Именно в это время, когда астрология и магия завоевывают одобрение все большего числа мыслителей, в Италии появляется Михаил Триволис, более известный под именем Максима Грека.

Не лишним будет напомнить некоторые хронологические данные о пребывании Михаила Триволиса в Италии⁷. Впервые он оказался на Аппенин-

ском полуострове в 1492 г. как ученик Иоанна Ласкариса. С этого момента Михаил в течение практически пятнадцати лет находился в разных городах Италии — Болонье, Венеции, Падуе, Ферраре и других, — где знакомился с известными гуманистами и учеными своего времени. Очевидно, что Михаил Триволис не мог не находиться под определенным влиянием тех мыслителей, в постоянном контакте с которыми он был. Это была прежде всего группа интеллектуалов, образовавшаяся после падения Медичи вокруг нового властителя дум Джироламо Савонаролы. Нам хорошо известно, что Михаил Триволис был знаком с Анджело Полициано, о котором впоследствии отзывался чрезвычайно нелицеприятно, и через него, по всей видимости, мог знать Джованни Пико делла Мирандолу, хотя точных данных об этом нет. Позже, в 1498–1502 гг., он работал секретарем у его племянника Джованни Франческо Пико делла Мирандолы. Также Михаил имел возможность слышать пламенные проповеди Савонаролы, о котором затем вспоминал с большим уважением, и даже, по всей видимости, как новиций вступил во флорентийский монастырь Сан-Марко, настоятелем которого некогда был «феррарский пророк». Поэтому с уверенностью можно говорить, что Михаил Триволис находился в гуще политических и интеллектуальных событий сложного для Италии и Флоренции периода рубежа XV и XVI вв.

Не последнее место в ряду модных тогда философских проблем занимала астрология. Споры о ней приобрели особенную остроту, когда незадолго до своей смерти Джованни Пико делла Мирандола предпринял попытку составить «Рассуждения против прорицательной астрологии»⁸ — грандиозный трактат, в котором обличалась наука о предсказаниях по звездам. За два года (1493–1494) он написал 12 частей-книг и, видимо, планировал еще несколько расширить текст трактата, но внезапная смерть прервала его работу. Трактат был опубликован посмертно в 1496 г. племянником Пико в рамках полного собрания сочинений дяди, изданного в Болонье, быстро стал известен в интеллектуальных кругах Италии и Европы и вызвал бурную полемику. Практически сразу на него отреагировал виднейший неаполитанский гуманист Джованни Джовиано Понтано, который в сочинении «О небесных явлениях» подверг критике основные положения концепции Пико⁹. Чуть позже о ложности «Рассуждений против прорицательной астрологии» высказались сиенский медик Лучо Белланти и феррарский астролог Габриеле Пировано¹⁰. Уже в первой четверти XVI в. свои оригинальные воззрения по этому вопросу выразили Франческо Дзордзи и Пьетро Помпонацци¹¹. Заметим, что все крупные авторы, писавшие об астрологии в конце XV–XVI в., уже не могли игнорировать трактат Джованни Пико делла Мирандолы, но не все из них были настроены критически.

В 1497 г. Джироламо Савонарола составил собственное сочинение¹² против астрологии, в котором попытался донести в доступной форме сложные философско-научные построения Пико. По его словам, просвещенные люди

и так хорошо осведомлены о ложности астрологии, в то время как простой народ все еще может подпасть под ее печальное воздействие¹³. Этим также объясняется то, что Савонарола написал свою работу на итальянском языке, а не на латыни.

Таким образом, два наиболее влиятельных ренессансных сочинения, направленных против астрологии, были идейно связаны. Надо сказать, что это позволило некоторым противникам Савонаролы утверждать, что Джованни Франческо Пико и его учитель даже намеренно изменили первоначальный вариант «Рассуждений против прорицательной астрологии» и использовали труд старшего Пико в своих интересах, придав ему религиозный характер¹⁴. Однако никаких доказательств такого подлога, кроме слов заинтересованных лиц, нет. Более того, заметим, что такого рода обвинения в адрес Савонаролы прозвучали только после его казни в 1498 г. Но еще одного сторонника анти-астрологической направленности, правда, несколько запоздалого, итальянские мыслители обрели в лице Максима Грека.

В 1506 г. Михаил распрощался с Италией и отправился на Афон, где принял постриг. Через десять лет по указанию настоятелей святогорских обителей он уехал в Россию на службу к великому князю Василию III. Уже находясь здесь, Максим Грек составил несколько посланий против астрологии. Два из них посвящены более общим вопросам, касающимся действительности предсказаний, и были написаны до 1524 г.¹⁵ А третье, наоборот, было приурочено к несостоявшемуся наводнению 1524 г., которое, по мнению астрологов, должно было стать вторым Великим Потопом¹⁶. Именно эти три труда в полной мере позволяют понять истинное отношение Максима Грека к астрологии, а также осознать, какие полемические приемы он использует в своей критике предсказателей.

Сама риторика Максима Грека, неукорененность астрологии на Руси и характерное ее наименование как «латинского нечестия» позволяют думать, что он познакомился с этой сферой магии на Западе, и скорее всего во Флоренции, где как раз в годы его пребывания астрологическая тематика стала одной из доминирующих. Несмотря на то что имя Савонаролы и тем более имя Пико ни разу не упоминаются в числе авторитетов, выступавших против астрологии, было бы удивительно, если бы Максим, служивший при дворе Джованни Франческо Пико делла Мирандолы, а затем бывший новицием в монастыре Сан-Марко, ничего не знал о трудах старшего Пико и Савонаролы. Поэтому в качестве рабочей гипотезы было бы правомерно предположить, что Максим Грек использовал их сочинения, но, вероятно, тщательно это скрывал.

Для разрешения данного вопроса прежде всего обратим внимание на то, что все три автора упоминают вполне конкретный вид астрологии, именуемой «прорицательной» — *divinatrix*. Использование этого термина в трудах Пико и Савонаролы понятно: речь идет еще о средневековом делении астрологии

на непосредственно предсказательную магию и на астрономию. Об этом Пико писал в своих «Рассуждениях против прорицательной астрологии»: «Но первое место среди них [суеверий. — О. А.] занимает астрология, которая заслуженно считается как корнем, так и плодом суеверий. Говоря про астрологию, я не имею в виду ту, которая измеряет при помощи математики величину и движение небесных светил, правдивую и благородную науку, достойную величайшего уважения за ее заслуги и в полной мере одобренную авторитетом ученейших мужей. Под астрологией я подразумеваю ту, которая по светилам предсказывает будущее; ложь, оплаченную деньгами, запрещенную гражданскими и церковными законами, поддерживаемую человеческим любопытством, осмеянную философами, почитаемую шарлатанами, вызывающую подозрения у самых разумных и лучших. Ее учителя по своему происхождению именовались халдеями, или, по названию их занятия, составителями гороскопов. Позднее, чтобы облагородить название своего сообщества, они называли себя математиками и астрологами, как будто это было одно из свободных искусств, разумно рассказывающее о светилах и отличавшееся от настоящей математики лишь тем, что одно именовалось астрономией, другое — астрологией, с огромным усердием стремясь овладеть чужим названием, поскольку астрология означает совершенно иное»¹⁷. Впоследствии подобное утверждение позволило Ф. А. Йейтс прийти к ошибочному выводу, что Пико будто бы был сторонником натуральной магии Фичино, а в своем последнем трактате выступил лишь против черной магии. Современные исследования доказывают, что Пико, напротив, отрицает все возможные формы магии и астрологии, отдельные из которых он действительно признавал в молодости¹⁸. Но в «Рассуждениях» критика астрологии как таковой кажется полной и безоговорочной, поэтому тезис Йейтс давно нуждается в пересмотре.

Но в нашем случае важным кажется то, что Максим Грек прямо указывает на «предрицательный» характер того знания, против которого он выступает. На Руси, по всей видимости, такого двойственного восприятия астрологии не существовало, поэтому вполне вероятно, что сама идея критиковать ее прорицательность была навеяна заглавиями и общими рассуждениями Джованни Пико и Савонаролы.

Далее необходимо напомнить о структуре упомянутых антиастрологических сочинений. Труд Пико¹⁹, вопреки частому заблуждению, весьма далек от того, чтобы быть названным религиозным или богословским: в гораздо большей степени это философский и естественнонаучный трактат. В первой²⁰ из 12 книг «Рассуждений» Пико показывает историю астрологии и стремится выявить ее основные источники. Разумеется, он не забывает сказать, что почти все истинные авторитеты выступали против науки о предсказаниях по звездам. При этом Пико вначале упоминает философов и лишь затем богословов и юристов, что уже в достаточной мере доказывает философскую направленность «Рассуждений». Важнейшая часть всего трактата, занимаю-

щая четверть от его объема, — третья книга, посвященная несовместимости астрологии и физической реальности²¹. В большинстве же остальных книг автор доказывает ложность основных астрологических практик. Распространенное мнение о том, что Пико будто бы критикует астрологию, поскольку она противоречит его теории о «достоинстве человека», не находит должного подтверждения²². Замысел Пико выходит за рамки такого подхода: он критикует астрологию «по всем фронтам» и никоим образом не ограничивается богословием.

По-иному следует оценивать сочинение Савонаролы, которое отличается от «Рассуждений против прорицательной астрологии» в первую очередь структурой. Сначала Савонарола прибегает к богословским доводам о ложности астрологии и только затем переходит к натуральной философии и к анализу отдельных магических практик. Такая последовательность повествования и несомненная ориентация на людей, не слишком искушенных в философии, определяют первичность религиозной задачи, которую поставил для себя Савонарола. И именно эту традицию продолжает в своих «Посланиях к Карпову» Максим Грек, который, в свою очередь, полностью отказывается от остальных составляющих критики. На мой взгляд, причины, по которой Максим Грек не упоминает антиастрологические доводы натуральной философии, вполне понятны: он предпочитает избегать совершенно неизвестных на Руси имен Авраама ибн Эзры или Роджера Бэкона и, таким образом, просто опускает физическую составляющую полемики, суть которой на Руси была неизвестна и вне зависимости от усилий Максима Грека так и осталась бы «терра инкогнита». Поэтому не стоит удивляться тому, что в основном Максим Грек ограничился лишь богословским подходом.

Как совершенно верно показала Н. В. Сеницына, основной темой «Посланий к Карпову» стала идея о том, что свобода человеческой воли как Божественный дар противоречит основному постулату прорицаний, согласно которому судьба детерминирована²³. Далее Н. В. Сеницына предполагает, что Максим Грек, долгое время проработавший при дворе Джованни Франческо Пико делла Мирандолы, мог, таким образом, перенести на русскую почву идеи Джованни Пико делла Мирандолы, изложенные в «Речи о достоинстве человека»²⁴. В таком контексте Максим Грек выглядел бы не просто современником, но и участником основных философских диспутов, разворачивавшихся на Западе. Интересно, что Н. В. Сеницына указывает на сходство в рассуждениях о свободе воли Максима Грека и Эразма Роттердамского, который примерно в те же годы написал «Диатрибу о свободе воли»²⁵. Несмотря на соблазнительность такого подхода, принять его довольно сложно.

Прежде всего обратимся к «Речи о достоинстве человека». Как в учебной, так и в научной литературе неоднократно встречается мнение, что этот трактат — одна из вершин ренессансной мысли. Но, даже несмотря на это, стоит признать, что изыскания Пико в области антропологии явно преуве-

личены. Для подтверждения этого тезиса можно вспомнить историю создания «Речи», а именно таким было оригинальное название этого сочинения. В 1486 г. Джованни Пико делла Мирандола хотел представить на публичный диспут в Риме свои «900 тезисов по философии, теологии и каббалистике», впоследствии признанные еретическими²⁶. В качестве введения к тезисам он планировал выступить с «Речью», которая в некоторой степени суммировала их основные положения. Но, поскольку папская комиссия заранее осудила «900 тезисов», «Речь» так и не была опубликована или произнесена. Более того, при изучении самого текста «Речи» можно легко увидеть, что большую ее часть составляют отнюдь не рассуждения о центральной роли человека, а идеи о необходимости примирить вроде бы несочетающиеся учения — аристотелизм с платонизмом, томизм со скотизмом и т. д. Блестящий специалист по истории магии Ренессанса Б. Копенхейвер весьма убедительно показал, что современники Пико были практически незнакомы с «Речью», а дополнение «о достоинстве человека» появилось в названии трактата только в середине XVI в.²⁷ Таким образом, тезис о том, что антропология является центром учения Пико, стоит отбросить как анахронизм. Современные исследования доказывают, что столь распространенное ныне и не совсем корректное прочтение «Речи» восходит к творчеству философов первой половины XX в. Джованни Джентиле²⁸ и Эрнста Кассирера²⁹, которые в ущерб правильному пониманию роли Пико предпочли увидеть в нем реформатора представлений о человеке, коим итальянский мыслитель в действительности не был. Поэтому тезис Н. В. Сеницыной о том, что при написании своих антиастрологических трудов Максим Грек мог вдохновляться идеей о «достоинстве человека» Пико, вряд ли может быть принят. Однако намного более перспективным выглядит сравнение «Посланий» Максима Грека с трактатом Савонаролы.

В отличие от Джованни Пико делла Мирандолы, доминиканский проповедник в целом ориентирован на религиозную сторону полемики с астрологией, что, безусловно, роднит его с Максимом Греком. Надо признать, что подобный теологический подход не подразумевает множества разнообразных и новых доводов. Они весьма ограничены: это прежде всего утверждение, что прорицания отрицают свободную волю человека, способного самостоятельно вершить свою судьбу; а также недопустимость попытки ограничить Божью волю, только посредством которой может происходить божественное освещение человеческого ума³⁰. Несмотря на то что Савонарола прямо или косвенно повторяет целый ряд суждений Пико, в его работе с духовными авторитетами мы можем найти некоторые интересные черты, характерные для него как полемиста. Так, он совершенно не цитирует Новый Завет, ограничиваясь пророками Ветхого Завета. Р. Фубини убедительно доказывает, что в данном случае мы имеем дело с саморепрезентативной идеей, согласно которой Савонарола мыслил себя продолжателем ветхозаветных пророков, предвещавших, как и он, суровые наказания за безверие и распутный образ жизни³¹. К тому же Са-

вонарола повторяет имена всех основных богословов, которые упоминаются в первой книге «Рассуждений» Пико, однако особенно выделяет двоих — Августина и Фома. Интересно, что имя первого из этих великих теологов встречается также в первом послании к Карпову.

Труды Максима Грека об астрологии — это прежде всего важный элемент его антилатинской полемики. Считается, что непосредственным поводом для их написания послужила активная проповедническая деятельность католического богослова Николая Булева (Немчина). Последний, по всей видимости, не ограничивался исключительно богословскими доводами о превосходстве западной традиции христианства над восточной, но также распространял в Москве и других городах астрологические предсказания³². Таким образом, астрология в «Посланиях» приобретает не столько характер опасного суеверия, сколько становится «латинским нечестием», попыткой католичества проникнуть на русские земли. Об этом говорит сам Максим Грек, когда заявляет о недопустимости того, чтобы астрология смущала как простых людей, так и государей: в последнем случае он, обращаясь к власти имущим и лично к Василию III, вспоминает миланского герцога Лодовико Моро, который прислушивался к мнению астрологов, обещавших ему успех и покровительство фортуны, хотя вскоре был разбит французскими войсками и кончил свои дни в плену у короля³³.

Учитывая антилатинскую ориентацию «Посланий», неудивительно, что Максим Грек преимущественно использует отрывки из Священного Писания и труды восточных Отцов Церкви. Поэтому легко можно было бы прийти к выводу, что перед нами антиастрологические сочинения православного христианина, который не знаком с западной полемикой о легитимности науки о предсказаниях по звездам. Однако в двух местах, не желая того, Максим показывает, что работы Савонаролы и, возможно, Пико делла Мирандолы ему известны. В первом случае Максим ссылается на Августина — единственного западного Отца Церкви, упоминаемого в Посланиях; в другом — ненароком касается философских оснований критики астрологии.

В первом послании к Карпову он цитирует фрагмент из далеко не самого известного произведения Августина «О книге Бытия, буквально»³⁴, при этом допускает ошибку, говоря, что приводимая цитата встречается в первой главе трактата³⁵. Отсылка к такому сочинению кажется немного странной и не слишком характерной для Максима, однако, как это ни удивительно, подобный пассаж, практически слово в слово, повторяется у Савонаролы, который, по правде говоря, цитирует точно и приводит более полную выдержку³⁶. Можно предположить, что поскольку упомянутый фрагмент находится в самом начале сочинения Савонаролы, Максим Грек мог запомнить его и затем в неполном виде передать в своем послании. Вполне вероятно, что нечто подобное произошло и с тем отрывком из первого послания к Карпову, где греческий монах ссылается на античную философию. Он заявляет следующее: «И

воистину суетни и неизвѣстни, и лжа всякиа и лъсти исполнени, не имѣють бо Бога, устроившаго ся, но душетлѣтельны бѣси, ниже пророки Бога Живаго, Духом Святымъ возглашаемыхъ, свидѣтельствующихъ благочестивое и спасительное, но пифоньскаго духа служителии челоувѣковъ скверныхъ и всякого злодѣяния предстателии, хальдеов, и вавилонянъ, и египтянъ, и аравлянъ, и финиковъ, изначала въ нечестии просиавъших, и от еллинъ елици послѣдоваша прелести Епикура и Диагора, нареченнаго безбожнаго за нечестие. Ниже бо Сократъ, ниже Платонъ, ниже Аристотель, мнящеися честнѣишии и истиннолюбезнейшеи еллинскихъ философовъ, сложишася когда звѣздозрительной прелести, якоже от списании ихъ явѣственъ является. Отнюду же якоже видится, и Аристотель, уразумѣвъ лъсть сию, яко вотще себѣ мнить предприцательное художество, и осудивъ ю зазрѣниемъ им лжею, нѣгдѣ глаголетъ въ своихъ списании о имѣющихъ збытися, нѣсть укончаннаа истинна и яко о сицевыхъ нѣсть ниже вѣдѣние, ниже художество»³⁷. Этот отрывок интересен тем, что Максим причисляет к сторонникам астрологии видных греческих философов. Его интенции в данном случае не вполне понятны: возможно, он хочет показать ложность и неуместность древней философии, поддерживающей суеверия и тем самым угрожающей религии, и тогда Максим будет прямым продолжателем Савонаролы, который выступал против языческого наследия, особенно против Аристотеля, что не мешало ему ценить Стагирита больше остальных античных мыслителей³⁸. Если мы принимаем такую точку зрения, то становится понятным, почему Максиму Аристотелю посвящен отдельный пассаж. Однако здесь мы, тем не менее, находимся в области загадок и предположений. В меньшей степени интересно, что к адептам астрологии Максим причисляет Эпикура и «Диагора», которого, видимо, стоит идентифицировать как Пифагора. Упоминание этих имен в одном контексте может лишь доказывать, что Максим не знал первую книгу «Рассуждений против прорицательной астрологии». В начале своего труда Пико делла Мирандола последовательно указывает на то, что виднейшие мыслители древности были ярыми противниками астрологии: это касается Платона и Аристотеля, а также Пифагора и даже Эпикура, о котором итальянский философ отзывался весьма пренебрежительно: «И если сумасшествие, овладевшее Орестом, превосходит все безумства, то каким же безумством должна быть астрология, которую не смог поддержать даже Эпикур, говоривший столько вздора»³⁹. Но интересное совпадение между Пико, Савонаролой и Максимом обнаруживается в оценке фигуры Аристотеля. Пико утверждает, что «Платон и Аристотель, главнейшие философы, считали ее [астрологию. — О. А.] недостойной упоминания в своих трудах, осудив ее молчанием больше, чем другие — словами и писаниями». Савонарола вторит ему в самом начале второй книги своего трактата⁴⁰. И почти идентичную формулировку мы встречаем у Максима Грека. На основании этого сходства можно сделать вывод, что, скорее всего, Максим не был хорошо знаком с «Рассуждениями против прорицательной

астрологии», иначе вряд ли допустил бы вышеназванные неточности. Видимо, он действительно в большей степени ориентировался на антиастрологический трактат Савонаролы, и оба приведенных фрагмента — об Августине и античной философии — навеяны им. Косвенным аргументом в пользу такого вывода может служить тот факт, что эти отрывки находятся соответственно в самом начале первой и второй книг труда доминиканского проповедника, что сильно упрощает их запоминание.

Трактаты Максима Грека — произведения яркой антилатинской полемики, направленные против специфического западного нечестия, способного осквернить чистоту православной духовности. Эти «Послания» отличаются значительной самостоятельностью в подходе, остротой стиля и блестящим знанием Писания и восточных Отцов Церкви. Однако в тех областях, в которых знания Михаила не были, по всей видимости, слишком широки, он прибегает к «услугам» тех, как это ни парадоксально, западных авторов, которые одними из первых поставили под сомнение ценность астрологических предсказаний и начали серьезную борьбу против них.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я хотел бы поблагодарить Н. В. Синецкую, О. Ф. Кудрявцева (Москва), Д. Монфазани (Нью-Йорк) и Р. Фубини (Флоренция) за помощь в подготовке этой работы.

² О кризисе духовности в конце XV в., ответом на который как раз и стал повышенный интерес к магии, см.: *Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Varsavia, 1974. P. 16–29; Idem. Temi mistici e profetici alla fine del Quattrocento // Vasoli C. Studi della cultura del Rinascimento. Manduria, 1968. P. 180–240.*

³ Об истории астрологии см. основополагающую работу: *Pompeo Faracovi O. Scritto negli astri: l'astrologia nella cultura dell'Occidente. Venezia, 1996.*

⁴ О магии и астрологии в Средние века: *Boudet J.-P. Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XII–XV siècle). Paris, 2006; Federici Vescovini G. Medioevo magico: la magia tra religione e scienza nei secoli XIII e XIV. Torino, 2008.*

⁵ О нем см.: *Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.*

⁶ Об этом см.: *Йейтс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000 (в особенности гл. V). Важнейшая работа о Пико и каббале: Wirszubski C. Pico della Mirandola's encounter with jewish mysticism. Cambridge, Massachusetts, 1989.*

⁷ Наиболее полно и точно хронология путешествий Михаила Триволиса представлена в кн.: *Синецкая Н. В. Максим Грек. М., 2008. См. также: Иконников В. С. Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915; Denisoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943.*

⁸ *Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem / a cura di E. Garin. 2 voll. Torino, 2004.*

⁹ См.: *Trinkaus C. The Astrological Cosmos and Rhetorical Culture in Giovanni Gioviano Pontano // Renaissance Quarterly. 1985. Vol. 38. № 3. P. 446–472.*

¹⁰ *Pompeo Faracovi O. In difesa dell'astrologia: risposte a Pico in Bellanti e Pontano // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le Disputationes contro l'astrologia divinatoria / a cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 47–66.*

¹¹ Совсем недавно вышел первый комментированный перевод на итальянский язык основного сочинения Франческо Дзордзи «О гармонии мира»: *Zorzi F. L'armonia del mondo* / a cura di S. Campanini. Milano, 2010. Важным текстом для понимания места астрологии и магии в творчестве Пьетро Помпонацци служит: *Pomponazzi P. Il fato, il libero arbitrio e la predestinazione*. 2 voll. / saggio introduttivo, traduzione e note di V. Perrone Compagni. Torino, 2004.

¹² *Savonarola G. Contro gli astrologi* / a cura di C. Gigante. Salerno, 2000.

¹³ Ibid. P. 33–35.

¹⁴ Об этом см.: *Farmer S. Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): The Evolution of Traditional Religious and Philosophical System*. Tempe, Arizona, 1998. P. 137–149.

¹⁵ *Преподобный Максим Грек. Сочинения*. Т. 1 / под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2008. С. 256–294, 311–334.

¹⁶ Там же. С. 359–372.

¹⁷ «Sed in primis hunc sibi titulum vendicavit astrologia, sicut et inter ipsas superstitiones, quarum mater alumnaque merito existimatur, obtinet principatum. Astrologiam vero cum dico, non eam intelligo quae siderum moles et motus mathematica ratione metitur, artem certam et nobilem et suis meritis honestissimam auctoritateque hominum doctissimorum maxime comprobata; sed quae de sideribus eventura pronunciat, fraudem mercenariae mendacitatis, legibus interdictam et civilibus et pontificiis, humana curiositate retentam, irrisam a philosophis, cultam a circulatoribus, optimo cuique prudentissimoque suspectam, cuius olim professores gentilicio vocabulo Chaldaei, vel ab ipsa professione genethliaci dicebantur; mox, ut nominis communione honestarentur, mathematicos se dixerunt et astrologos, quasi haec quoque de liberalibus disciplinis una foret, quae de sideribus cum ratione loqueretur, hoc se tantum discrimine separans ab illa vera mathematica, ut illi astronomiae, ipsi astrologiae nomen daretur, nimis improbo zelo alieni tituli invadendi, siquidem astrologia alterius artis nomen» (*Pico della Mirandola G. Op. cit. Vol. I. Prooemium*. P. 38–40).

¹⁸ См.: *Rabin S. Pico on Magic and Astrology* // *Pico della Mirandola: New Essays* / ed. by M. V. Dougherty. Cambridge, N.Y., 2008. P. 152–178.

¹⁹ Об особенностях структуры «Рассуждений» см. не самую полную и убедительную, но, тем не менее, интересную работу: *Zanier G. Struttura e significato delle Disputationes pichiane* // *Giornale critico della filosofia italiana*. 1981. Vol. 1. № 1. P. 54–86.

²⁰ Мною сделан ее перевод на русский язык: *Пико делла Мирандола Дж. Рассуждения против прорицательной астрологии. Книга первая* // АКАДНМЕІА. Материалы и исследования по истории платонизма. СПб. (в печати).

²¹ Анализ этой книги трактата посвящена моя статья: *Акопян О. Л. Природные основания критики астрологии в трактате Джованни Пико делла Мирандола «Рассуждения против прорицательной астрологии»* // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Серия Философия*. 2012. № 1. Т. 2. С. 9–17.

²² Впервые эту точку зрения высказал итальянский ученый Э. Гарен: *Garin E. Giovanni Pico della Mirandola: vita e dottrina*. Firenze, 1937.

²³ *Сеницына Н. В. Указ. соч.* С. 148–158.

²⁴ Это сочинение переведено на русский язык: *Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека* / пер. Л. М. Брагиной // *Эстетика Ренессанса* / под ред. В. П. Шестакова. Т. 1. М., 1981. С. 248–265.

²⁵ *Сеницына Н. В. Указ. соч.* С. 151.

²⁶ Литература о несостоявшемся римском диспуте огромна. См. последнюю крупную монографию о жизни и творчестве Пико: *Valcke L. Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique*. Paris, 2005.

²⁷ *Copenhaver B. Secret of Pico's Oratation: Cabala and Renaissance Philosophy* // *Midwest Studies in Philosophy*. 2002. Vol. XXVI. P. 56–81.

²⁸ О том, как неогегельянец Джентиле и его последователи сформировали «прогрессистский» взгляд на Ренессанс, см.: *Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance*.

Vol. I. Humanism. Roma, 2003. P. 573–590; *Fubini R.* L'umanesimo italiano. Problemi e studi di ieri e di oggi // Studi francesi. 2007. Vol. LI. № III. P. 504–515.

²⁹ *Copenhaver B.* Magic and the Dignity of Man: De-Kanting Pico's *Oration* // The Italian Renaissance in the Twentieth Century. Acts of an International Conference. Florence, Villa I Tatti, June 9–11, 1999 / ed. by A. J. Grieco, M. Rocke, F. G. Superbi. Firenze, 2002. P. 295–320.

³⁰ *Savonarola G.* Op. cit. P. 39.

³¹ См.: *Fubini R.* Savonarola riformatore: radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia // Fubini R. Politica e pensiero politico nell'Italia del Rinascimento. Dallo Stato territoriale al Machiavelli. Firenze, 2009. P. 249–271. Этому вопросу был также посвящен доклад профессора Фубини «Savonarola and the Old Testament Prophets», прочитанный им в Университете Бен-Гурион в Израиле (4 мая 2009 г.).

³² *Преподобный Максим Грек.* Первое послание Ф. И. Карпову против предсказательной астрологии // Сочинения. Т. 1. С. 268: «Въ Москвѣ царствующемъ градѣ всеа Русии живуши ми в 700 и 31-е лѣто при царствѣ благовѣрнейшаго царя всеа Руси великаго князя Василиа Ивановича дана ми бысть бумага нѣмчина нѣкоего родом, учениемъ же и вѣрою латынина, а астрологии яже о зрѣнии рожиинихъ несытно прилѣпляющагося и бѣсобоязнѣишее сию дѣйствующаго и чяяние нестерпимо о будущихъ предпознании стяжавашаго». См. также: *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 149–150.

³³ *Преподобный Максим Грек.* Первое послание Ф. И. Карпову против предсказательной астрологии. С. 288–291.

³⁴ Там же. С. 282: «А яко сатанискими вѣдохновении звѣздоблюстителное бѣсоучение съдѣйствуется и состоится, свидѣтель неотмѣтаемъ есть священный Августинъ Иппоненьский, въ первой главѣ Толковании миру бытия сие глаголя: “Яко астролозѣ убо многажды о будущихъ истинна предвозвѣщаютъ, обаче не толико от небесныхъ знамении, елико от неявленнаго сатанинскаго совѣщания, еже бо человеческыя разумы нѣкогда и не очюшаушу терпят, и сие вкупѣ сими предрицании сложения всяко со диаволомъ бывають”».

³⁵ *Augustinus Hipponensis.* De Genesi ad litteram. II. 17 // *Patrologiae cursus completus, series latina.* Vol. XXXIV. Col. 278.

³⁶ *Savonarola G.* Op. cit. I. II. P. 43.

³⁷ *Преподобный Максим Грек.* Первое послание Ф. И. Карпову против предсказательной астрологии. С. 281.

³⁸ *Schmitt C.* Gianfrancesco Pico della Mirandola (1469–1533) and his critique of Aristotle. The Hague, 1967. Считается, что для более внушительной критики античной философии Савонарола попросил Джованни Франческо Пико делла Мирандолу внимательно изучить наследие Секста Эмпирика, что привело к возрождению скептической традиции: *Cao G. M.* The prehistory of modern scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 2001. Vol. 64. P. 229–280; *Idem.* Scepticism and orthodoxy. Gianfrancesco Pico as a reader of Sextus Empiricus. With a facing text of Pico's quotations from Sextus // *Bruniana & Campanelliana.* 2007. Vol. XIII. № 1. P. 263–366.

³⁹ *Pico della Mirandola G.* Op. cit. Vol. I. I. P. 48.

⁴⁰ «E però non è verisimile che Aristotele, principe delli filosofi, el quale si sforzò di trattare di tutte le cose naturali, avessi questa parte in tanto pretermessa che non ne avessi fatto qualche menzione» (*Savonarola G.* Op. cit. II. I. P. 53–54).

РУССКИЕ СЮЖЕТЫ В ЧЕШСКОЙ КУЛЬТУРЕ XV–XVI вв.

Г. П. Мельников

Интерес чешского общества к русским и к Руси как государству прежде всего был обусловлен этногенетической близостью, нашедшей свое выражение в идее славянского единства, детерминированной легендой о трех братьях — Чехе, Лехе и Русе. Эта легенда сформировалась именно в чешском сознании и получила свое первое письменное отражение в знаменитой «Чешской хронике» Козьмы Пражского (начало XII в.). По этой мифологеме чехи как этнос занимали центральное место в славянском мире¹. В этой связи необходимо подчеркнуть, что Рус рассматривался как самый младший из братьев, а земли, заселенные его потомками, в понимании того времени, это прежде всего Червонная Русь, Карпатская Русь, примыкающая к Польше — к земле потомков Леха, среднего брата, а затем уже Киевская и впоследствии Московская Русь. При повторении мифологемы в позднейших хрониках, вплоть до XVI в., местоположение земель Руса не уточнялось, но сознание славянского родства, естественно, сохранялось и распространялось уже и на современных хронистам XIV–XVI вв. русских, включая Московию.

Тесным связям чехов с русскими, по сравнению с русско-польскими связями, мешала не только географическая отдаленность. Она не являлась преградой для интенсивных отношений Праги и Киева в X–XI вв. Дистанцирующим фактором главным образом стала конфессиональная граница между католицизмом и православием, которая пролегла посередине славянского мира как следствие церковной схизмы XI в. Как ни парадоксально, но именно православие русских затем стало причиной интереса к ним со стороны чехов в начале гуситского движения. Один из его главных деятелей, сподвижник Яна Гуса Иероним Пражский² прямо посочинствовал этому.

В марте 1413 г. он выступал в Кракове перед королем Владиславом II Ягеллоном и польско-литовской знатью, излагая основы гуситского учения. Реакция католических иерархов Польши на его выступление была негативной. Однако Витовт пригласил его в Великое княжество Литовское, очевидно, желая познакомить пражского магистра с православными реалиями в княжестве, подавляющая часть населения которого исповедовала православие и считала себя русскими (в древнерусских сочинениях по отношению к этим землям применялось также название «Русь Литовская»). Мо-

жет быть, Витовту импонировала критика злоупотреблений католической церкви, исходившая из самой западнохристианской среды. По документам судебного процесса над Иеронимом Пражским на Констанцском соборе, где он был обвинен в ереси и сожжен на костре, ему вменялось в вину приобщение в Великом княжестве Литовском к православному церковному опыту. Перед стенами Витебска, где князя Витовта встречали католическая и православная процессии, Иероним Пражский, не обращая внимания на католиков, вышел из свиты великого князя навстречу православным и преклонил колена перед их иконами. По документам того же судебного процесса в Пскове, входившем тогда в Великое княжество Литовское, Иероним Пражский участвовал в православной литургии, почтил иконы и, возможно, причастился под двумя видами — хлебом и вином. Позднее в дискуссии с католическим епископом Вильны (совр. Вильнюс) о том, следует ли заново крестить православных, переходящих в католичество, он указывал на то, что они уже являются христианами, поэтому их перекрещивать не надо, а требуется объяснять им «римскую веру». Никаких свидетельств того, что Иероним Пражский отвергал предъявленные ему на суде данные обвинения, в источниках не содержится. Значение опыта общения Иеронима Пражского с русским православием для дальнейшего развития гуситского движения акцентировал крупнейший современный чешский гуситолог Франтишек Шмагель³. На основе никем не отрицаемых симпатий Иеронима Пражского к православию, ближайшими носителями которого для чехов были русские Великого княжества Литовского, в русской мысли XIX в. появилась теория о близости гусизма к православию и о влиянии русского православия на гусизм через миссию Иеронима Пражского. Эту идею сформулировали славянофилы, а за ними — ученые-слависты (Е. П. Новиков, А. Ф. Гильфердинг, А. С. Будилович, А. Н. Нарцов). Их взгляды основательно проанализированы в работе Л. П. Лаптевой⁴, поэтому не нуждаются в повторном рассмотрении. С сожалением отметим, что в современном околонучном, точнее, псевдонаучном сознании, в частности в СМИ патриотическо-православного направления, реанимируется славянофильская концепция, согласно которой благодаря русско-православному влиянию на гуситов чехи вернулись к якобы исконно присущему им православию, которое им принесла из Византии миссия св. Кирилла и Мефодия, но развитие которого было в XI в. насильственно прервано католической экспансией. Наоборот, совершенно научно объективно, без влияния современной идеологической борьбы оценивает ситуацию Ф. Шмагель в своей новой работе об Иерониме Пражском. Он считает, что идея причащения под двумя видами возникла у гуситов под влиянием сведений о практике первоначальной христианской апостольской церкви и реалиях чешской церковной жизни до схизмы XI в. Иероним Пражский лишь укрепил мнение гуситских магистров о необходимости возвращения к этой практике, сообщив им по возвращении из Великого княже-

ства Литовского о традиции причащения под двумя видами, сохранившейся у православных русских. Сам он, конечно, в православие не переходил⁵.

В XVI в. русская тема присутствует в чешской культуре в основном в сочинениях хроникального характера, что обусловлено актуальной политикой того времени. События, связанные с Русью, занимают определенное место в исторических записках Марека Быдзовского из Флорентина, частично изданных в 1987 г. Я. Коларом под названием «Мир при трех чешских королях»⁶. Большая значимость издания этого ценного исторического источника была отмечена в нашей рецензии⁷. Это сочинение, написанное на чешском языке в конце XVI в., представляет собой три рукописи, каждая из которых посвящена правлению одного короля (императора), соответственно Фердинанда I, Максимилиана II, Рудольфа II. Хотя сочинение осталось в рукописи, оно было доступно авторам XVII в. Написал это сочинение известный в свое время деятель Пражского университета, прошедший в нем путь от студента до ректора, хронист университетской жизни, активный администратор, хорошо знакомый с политической жизнью. В своей хронике Марек Быдзовский дает широкую панораму внешней политики чешских королей, бывших одновременно германскими императорами. Отметим, что вследствие такого совмещения функций собственно чешской внешней политики не существовало, она растворялась в общеимперских интересах, которые, в свою очередь, не должны были противоречить интересам Чешского королевства в его внешнеполитических связях. В них, конечно, важное место занимала Речь Посполитая. Прежде всего проявлялся интерес к ее войнам с Османской империей и Москвой. Собственно Московской Руси у Марека Быдзовского уделено мало места, она для него полностью воплощена в фигуре Ивана Грозного. Образы Руси и ее правителя предстают у него как чуждые, угрожающие, непонятные. В качестве источников хронист использовал только те известия о Руси, которые доходили до Чехии из польско-литовской среды. Конечно, главным предметом интересов была Ливонская война.

Приведем хронологический перечень событий, на которые обратил внимание пражский хронист, одновременно отметим особенности его терминологии и оценки, даваемые им русским и их знаменитому на всю Европу правителю.

1563 г. Нападение Московского князя (именно так автор титулует Ивана Грозного) на Литву. Хронист приводит его письмо от 1562 г. польскому королю и ответ последнего. Затем говорится о победе поляков под Смоленском и о других событиях Ливонской войны⁸.

1564 г. 27 января Николай Радзивилл, князь Литовский, имея при себе лишь 15 тысяч поляков и литвинов, поразил на поле 40 тысяч москвитов (moskvanuv) и 30 тысяч татар⁹. В самом стиле фиксации событий у автора видно сочувствие Речи Посполитой и радость за ее военные успехи. Далее следует описание московского похода на Литву и его поражения. Автор подчерки-

вает «рыцарственность» литовцев и храбрость русских. Последних, однако, он не любит, что ясно из его обращения к Богу: «Благоволи, Боже, чтобы [...] над оставшейся толпой московских [...] в этом походе [поляки] победили». Далее говорится о победе князя Радзивилла над войском Шуйского и общем поражении Москвы от поляков¹⁰. Таким образом, зная исход предстоящих сражений, хронист приписывает победу поляков божественному вмешательству.

Интересно, что этническая терминология, применяемая им к русским, не унифицирована. То это *Moskvané*, то, чаще, *Moskevští*, то есть *московиты* или *московские (люди)*, что точнее было бы переводить как *москвичи*.

1571 г. Сообщение о татарском набеге на Русь и сожжении Москвы. Крымские татары («перекопские») «сожгли великий город Москву и крепость, называемую Bolsigrad. Множество людей в городе и в крепости от этого огня сгорело и задохнулось от дыма, мало их смогло убежать. Другой замок Kitajgorod еле-еле защитился. Татары, пленивши бесчисленное число народа русского (*lidu ruského*), назад домой возвратились»¹¹. Интересно, что здесь употреблен этноним *русские*, а не *московские*, что заставляет предполагать использование последнего только в государственно-политическом контексте. Также надо отметить сочувственное отношение автора к простым русским людям — жертвам военного набега. Это проистекает не только из гуманизма автора, но и из его отрицательного отношения к мусульманам — татарам и туркам как к врагам христианства.

Успехи же Москвы в Ливонской войне даны автором в контексте грозных, негативных божественных предзнаменований. По всей империи были видны знамения на солнце, когда Иван Грозный завоевывал Литву: «В тот же год 29 сентября, в день св. Михаила, в землях немецких и в империи солнце было очень смутным, раскрасневшимся и как бы кровавым. В тот же день князь московский неслыханное тиранство осуществлял в земле лифляндской, осаждая город, называемый Rivalia, несколько месяцев»¹².

1576 г. Сообщение о московском посольстве, проезжавшем через Прагу в Регенсбург на встречу с Максимилианом II, которая должна была состояться во время заседания рейхстага. К сожалению, текст сообщения в издании Я. Колара не опубликован.

1579 г. Вновь события Ливонской войны, связанные с походами Стефана Батория. Отмечается взятие им Полоцка. Конечно, хронист остается сторонником поляков, но это не мешает ему восхищаться мужеством и военной доблестью, воинским искусством московского войска: «Как только одни поражены были, так тотчас же другие на их места вставали, доказывая то, что московиты в обороне крепостей своим бесстрашием и стойкостью все другие народы превосходят»¹³. Хотя это комплиментарное суждение, очень точно отмечающее особенности поведения русских в бою, явно взято чешским хронистом из польского источника, важно отметить то, что он его заимствовал и акцентировал.

Далее следует подробное описание военных действий, условий сдачи крепости. Отмечается, что те русские воины, которые хотели перейти на польскую сторону, а таких было много, могли пойти на службу к королю. Как предательство такое поведение русских не расценивается, учитывая европейскую практику подобных переходов. В отличие от простых воинов, русские воеводы (перечислены их имена) отказались от «королевской милости» и были арестованы и подвергнуты заключению¹⁴. Мужеству, стойкости и верности русских воевод хронист, однако, не воздает должного.

1580 г. Сообщается о взятии Баторием Великих Лук — «укрепленного замка князя московского в Руси», который Баторий «разграбил и сжег, убив в нем до 8 тысяч человек, коим замок был поручен к обороне»¹⁵. В этой фразе, в ее интонации чувствуется осуждение хронистом крутости польского короля.

1581 г. Дается подробный рассказ о военных действиях Батория против Москвы, занимающий 8 страниц печатного издания.

1582 г. Рассказывается о Пожаревацком мире и видной роли папского посла Антонио Поссевино в его заключении¹⁶.

1584 г. Здесь большой раздел посвящен смерти Ивана Грозного, рассказу о его жизни и содеянных им жестокостях, дается его общая характеристика. Этот текст представлял бы для нас очень большую ценность, но, к сожалению, как отмечает издатель, рукопись на страницах 78а — 116а очень сильно повреждена, что делает невозможным ее публикацию¹⁷. Возникает естественный вопрос, почему текст сознательно сделан нечитабельным именно в этом месте, тогда как вся остальная рукопись хорошо сохранилась? Остается в духе современных псевдонаучных детективов предположить, что порча произведена сознательно, лицом, которому не понравилась явно отрицательная характеристика, данная хронистом Ивану Грозному. Кому, когда и зачем это было нужно, остается тайной.

Всего в хронике Марека Быдзовского содержится 10 текстов о Руси, что представляется весьма значительным для Чехии XVI в.

Мы оставляем в стороне сообщения о посольствах Рудольфа II к Борису Годунову в 1589, 1602 и 1604 гг., поскольку наиболее значительные из описаний этих посольств, принадлежащие перу Н. Варкача и Г. Тександера, лиц, не имеющих отношения к чешским землям, не входят в круг памятников чешской литературы.

Из чешских аутентичных свидетельств о московских посольствах к Рудольфу II в Чехию выделяется рассказ Литомержицкой хроники, написанной на чешском языке, о поведении членов московского посольства 1599 г., переживавших из-за чумы в Пльзене и возвращавшихся весной 1600 г. через Литомержице. Пльзенские городские документы отмечают, что москвиты требовали очень большого количества спиртного. Литомержицкий хронист также подтверждает это. Он обращает внимание на требовательность послов, неудовлетворенных своим первоначальным размещением в городе. Он под-

черкивает, что русские строго соблюдали пост и не ели мяса, поэтому приходилось снабжать их большим количеством рыбы. Чехов поразил не только внешний вид послов, прошедших процессией через город, но прежде всего православное богослужение, состоявшееся на ладье у берега реки Лабы, сам ритуал, чинопоследование литургии, которую хронист подробно описал. Из слов церковнославянского языка он понял лишь некоторые¹⁸. Как видно из сообщений хрониста, чехов прежде всего привлекала русская экзотика: православное богослужение, одежда и чрезмерное пьянство московитов.

В конце XVI в. русская тема, помимо хронистики, нашла свое отражение в книжных изданиях знаменитого пражского гуманиста Даниэля Адама из Велеславина¹⁹, что делало эту тему и сюжеты, с ней связанные, достоянием широких читательских кругов. Имеется в виду публикация «Московской хроники» Алессандро Гваньини²⁰. Эта хроника — часть огромного труда Гваньини «Описание Европейской Сарматии...» (Краков, 1578). «Московская хроника» в латинском оригинале называется «*Moschoviae deskriptio*»²¹. Ее чешский перевод под названием «*Kronika moskevská*» сделал член «дружины» Даниэля Адама, бакалавр, учитель в городе Колин Матоуш Гозиус Высокомытский (*Matouš Hozius Vysokomytský*, 1555–1589). Велеславин издал ее в 1590 г. после смерти переводчика, снабдив своим предисловием. К переводу текста Гваньини Гозиус приложил маленькое сочинение «Два путешествия в Москву, одно из Вены, другое из Праги», представляющее собой перевод фрагментов из знаменитых «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Таким образом, чешский читатель получил как бы компендиум сведений о Московии, вышедших из-под пера западноевропейских авторов, хорошо знакомых с описываемой ими страной. Как отмечают исследователи, язык переводов Гозиуса хорош, но суховат²².

Как известно, «Описание Московии» Гваньини представляет Русь в мрачных тонах, критикует тиранию Ивана Грозного. В целом это антирусское сочинение. Интересно отметить, что чешский перевод книги был переиздан в 1602 г., то есть в год приезда в Прагу одного из посольств Бориса Годунова, вновь вызвавшего интерес чехов к русским. В 1786 г. чешский просветитель Ф. Прохазка сделал конспект этой книги, убрав из текста все антирусские высказывания, что, по всей видимости, было связано с союзническими отношениями Габсбургской державы и России.

Чешский читатель конца XVI в. из текста Гваньини мог узнать довольно много русских реалий, что вызывало интерес к ней в чешской интеллектуальной среде утраквистов-гуманистов из числа горожан. Известный историк чешского Ренессанса М. Копецкий видит одну из важных причин издания чешского перевода книги Гваньини в том, что критика тирании, жестокостей, творимых Иваном Грозным, воспринималась как намек на усили-

вавшийся абсолютизм Габсбургов²³. Вряд ли такая параллель здесь прослеживается, скорее, интерес к Московии был вызван европейской политикой конца XVI — начала XVII в. и планами привлечь Москву к союзу в войне с Османской империей.

Большой интерес представляет «Предисловие» Даниэля Адама из Велеславина к «Московской хронике». Вслед за Гваньини он дает негативный образ русских и их правителя, но парадоксальным образом сочетает это с «панславистской» идеологией, разрабатывавшейся им в развитие идей чешской хронистики эпохи Карла IV.

Велеславин считает русских вместе с турками и татарами врагами христианских народов и предостерегает от них. Он указывает на достоинства текста Гваньини, считая, что тот кратко и ярко описывает все края, княжества, народы, города, крепости, реки и озера в «земле русской», принадлежащие великому князю. Также итальянец описал нравы и обычаи, религию «этого народа русского или московского». «Но лучше всего он изобразил [...] антиблагородное и в свете неслыханное, скорее дьявольское, чем человеческое, тиранство Ивана Васильевича Великого, князя московского, отца того нынешнего князя Теодора, его же москвиты называют Федор, который [Иван Грозный] нехристиански, не как должно, бесчеловечно и жесточайше обращался со своими подданными, виновными и невинными, тайными советниками и кровными друзьями своими, часто безо всякого юридического разбирательства, а только для своей забавы и удовольствия»²⁴.

Обратим внимание на неуместно стоящую запятую: «Ивана Васильевича Великого, князя московского», которая превращает титул («Великий князь Московский») в прозвание царя. Очевидно, это опечатка, но когда она вкралась в текст, выяснить не представляется возможным.

Отметим, что в терминологии Велеславина русские (*Rusové*) и *московские, москвиты* (*Moskvané*) выступают как синонимы.

Далее Велеславин излагает свою «панславистскую» концепцию: «Поскольку москвиты и русские происходят от того же народа сарматского, что и мы, чехи, и они пользуются тем же славянским языком, как мы и другие славянские народы, хотя и с немалыми различиями, как поляки, хорваты, словаки, сербы и т. д., то нам, чехам, полезно знать и понимать, как широко распространен народ их, который живет не только в краях между Чернолесьем и оттуда к Венгрии и Польше, но и намного дальше на восток к восходу солнца и полнотным странам, и от Ледовитого моря, лежащего далеко за Москвой, к морю Средиземному и Адриатическому тянется, так, что почти половину двух континентов, Азии и Европы, занял и наполнил». Очевидно, под русскими, живущими в Средиземноморье и Адриатике, понимаются православные болгары и сербы, тогда как сербов из вышеприведенного Велесла-

вином перечня славянских народов можно трактовать как сербов лужицких, лужичан, хотя, судя по контексту, такое предположение весьма гипотетично. Но тогда непонятно, что за русские живут на Балканах. Трактовать «русских» расширительно как славян вообще в данном случае нельзя, так как автор четко перечислил других славян, отделяя их от русских. Во всяком случае, это место остается достаточно темным по смыслу. Далее у Велеславина: «Московиты много веков не были известны в наших краях, частью из-за далекого пути и суровой зимы, частью же потому, что ничего славного и благородного не сделали, чтобы можно было сообщить другим народам».

За этой констатацией бездарности русских, населяющих огромную территорию, следует очень краткий экскурс в их историю. Они крестились по греческому обряду около 987 г., или, по их исчислению от сотворения мира, в 6463 г. Первой крестилась княгиня Ольга, называвшаяся потом Елена, «но их князья почти всегда были данниками и подчиненными татар, вплоть до князя Василия, деда нынешнего. Тот прежде всего иго татарское с себя сбросил и, отняв у поляков Смоленщину и большой кусок земли, принадлежащий Литве, королем и господином всей Russiae и великим князем писаться начал». Конечно, Велеславин путает Ивана III и Василия III, но новую титулатуру («Всея Руси») передает достаточно четко. Далее говорится о двух посольствах С. Герберштейна и его книге. «И с этих пор, как мне представляется, московиты стали более известны в империи и у других народов»²⁵, — заключает Велеславин, подчеркивая информационное значение труда С. Герберштейна.

Затем автор, основываясь на сочинении Павла Йовия «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» (Рим, 1525)²⁶, написанном итальянским гуманистом, не бывавшим на Руси, говорит о просьбе Василия III, обращенной к Римскому папе, пожаловать ему королевский титул. После этого следует рассказ о посольстве Ивана Грозного к Максимилиану II в 1576 г., которое проезжало через Прагу, что вызвало большой интерес в Чехии к далекой и неизвестной Московии. Велеславин особо отмечает, что это первое русское посольство, побывавшее в Праге после 1527 г., когда на коронации Фердинанда I чешской короной присутствовали «ораторы» (то есть послы), прибывшие вместе с С. Герберштейном из Москвы²⁷. Из всего текста ясно, что Москва интересует чешских интеллектуалов не сама по себе, а прежде всего в ее отношениях к Западной Европе, к миру империи и западного христианства в связи с проектами антиосманской коалиции. Поэтому в «кратком курсе» русской истории акцентированы Велеславином лишь два момента — русские являются христианами, и они уже независимы от татарской Орды.

Велеславин, включая русских, которых с моральной точки зрения он оценивает негативно, в сферу славянских народов, что очень значительно расши-

ряло ее масштабы, укреплял свою концепцию славянской общности, славянства, понимаемого им как суперэтнос (в нашей современной терминологии).

Укажем на одну особенность титулатуры русских монархов у чешских авторов. Все они (за исключением Литомержицкой хроники) не упоминают о царском титуле Ивана Грозного и последующих русских монархов. Литомержицкий хронист, наверное, слышал этот титул от самих членов московского посольства, поэтому и зафиксировал его, правда, всего лишь один раз, в остальных случаях продолжая титуловать русского монарха «великим князем», «Великим князем Московским»²⁸, как все другие чешские хронисты. Тем самым не признавалось его «кесарство», то есть равенство с императором Священной Римской империи германской нации.

В исторической науке значительное внимание уделено польско-литовскому посольству 1570 г., посетившему Москву с предложением польской короны Ивану Грозному. Новейшее исследование на эту тему принадлежит итальянскому слависту Николетте Марчалис²⁹. В нем она дает анализ всей предшествующей русской, польской, чешской, западной историографии и выдвигает свои гипотезы на основе оригинального прочтения источников, публикуемых ею. На посольстве 1570 г. следует остановиться подробнее, поскольку оно часто расценивается как важный этап не только польско-русских, но и чешско-русских связей, так как в его рамках состоялась встреча русского царя и чешского пастора Яна Рокиты, предметом которой был «спор о вере»³⁰.

Посольство от Сигизмунда II Августа в Москву возглавляли паны Ян Кротовский и Рафаил из Лешна (Лещинский), которые были членами *Unitas Fratrum*, то есть Общины чешских братьев в Польше. В составе посольства находился Ян Рокита — также член Общины чешских братьев, живший в Польше. Именно ему предстояло объяснить царю основы протестантской веры. И здесь у исследователя начинаются недоумения и вопросы. Почему польско-литовское посольство возглавляли именно члены Общины *чешских* братьев в Польше — не очень большой конфессиональной группы? Почему в качестве священника в посольство входил тоже чешский брат? И самое главное: как он мог, не будучи лютеранином, излагать русскому царю основы именно лютеранства? В какой форме он это делал: устной или только письменной, чему Н. Марчалис уделяет повышенное внимание³¹, уже не столь существенно.

Ян Рокита хорошо известен в истории Общины чешских братьев. Она имела свой «филиал» в Польше, который не входил в состав Польских братьев, а представлял собой самостоятельную конфессиональную общину протестантского толка, признающую Троицу, в отличие от Польских братьев — антитринитариев. Как представляется, выбор в качестве послов именно

польских Чешских братьев для переговоров с православным царем о польской короне был обусловлен именно тем, что Чешские братья принимали причастие под двумя видами, как и православные, еще за сто лет до возникновения лютеранства, так как являлись одной из ветвей гусизма. Это в глазах польских политиков могло способствовать лучшему ведению переговоров.

Важно понять, что перед царем Рокита излагал основы протестантизма в целом, то есть евангелическую веру, олицетворением которой был Мартин Лютер. Поэтому нельзя усматривать противоречия в том, что доктрину лютеранства излагает член Общины чешских братьев, формально не входившей в лютеранскую церковь. Как общепротестантское с религиозной точки зрения посольство рассматривается в более позднем (1652) сообщении Адриана Венгерского (Adrianus Regenvolscius), польского протестанта³². К сожалению, Н. Марчалис в своей книге дает неточный перевод некоторых его слов, что вносит путаницу. Цитирую: с послами «как с лютеранами [в оригинале — *Evangelicis*] ехал в составе посольства, взяв на себя обязанности проповедника, Ян Рокита, служитель и старейшина Чешских братьев в Великой Польше [в оригинале — *Minister et Consenior Fratrum Boh. in Mai. Pol.*], родом чех [в оригинале — *natione Bohemus*], но великолепно владевший польским, человек благочестивый и знающий [...]. Лютеранский пастор [в оригинале — *Ministrum antem Evangelicum*] был приведен в Думу [...]. Это исповедание веры [в оригинале — *Evangelicae doctrinae summam*], им самим написанное по повелению князя Московского, было представлено Рокитой всей Думе в присутствии князя»³³.

В переводе Н. Марчалис «евангелическая вера» везде последовательно превращена в «лютеранскую», что, безусловно, искажает смысл. Хорошо, что исследовательница одновременно привела оригинальный текст Адриана Венгерского, что облегчает понимание ситуации. Под евангеликами в XVI–XVII вв. понимались *все* протестанты (исключая антитринитариев — крайних еретиков, признаваемых таковыми и католиками, и самими протестантами), что упрощало задачу Рокиты. Его должность Н. Марчалис также перевела неверно. Нужно: «управляющий и один из старейшин» общины, учитывая, что *senior* в Общине чешских братьев был аналогом епископа в других протестантских конфессиях, то есть Рокита являлся высокопоставленным духовным лицом. Он также был известен своим богословско-полемическим сочинением «Простой и краткий ответ на возражения Фомы Фалкониуса о святой Троице, в защиту исповедания веры церкви Чешских братьев», сохранившимся в архиве Общины чешских братьев (*Acta Unitatis Fratrum*). Однако в целом отношение Чешских братьев к лютеранству в 1560–1570-е гг. не вполне ясно. С одной стороны, были симпатия и активные контакты, с другой — нежелание полностью с ним сливаться и стремле-

ние сохранить своеобразие и организационную самостоятельность. В связи с этим по существу без ответа остается вопрос, почему лютерову веру перед православным царем излагал не польский лютеранин, а чешский брат, тем более что одного из главнейших лютеранских тезисов об оправдании только верой в учении Чешских братьев, как более раннем, не содержалось.

Конечно, с русской стороны не делалось различий между Лютером и Чешскими братьями, последователями Яна Гуса. Н. Марчалис пишет: «Царь не различает лютеран и Чешских братьев, к которым принадлежали Рокита и два польских посла, а выделяет и клеймит то, что, с его точки зрения, было первородным грехом всего реформационного движения»³⁴. Но ведь и сам Рокита презентировал свою веру как общепротестантскую, не обозначая различия между направлениями протестантизма. Может быть, он так специально сделал перед царем, чтобы не выглядеть в его глазах полным еретиком и сектантом? Интересно отметить, что понимание неполной тождественности гуситов и лютеран у Ивана Грозного, очевидно, все же было, иначе он не задал бы Роките свой пятый вопрос о том, исповедует ли тот ту же веру, что и Лютер³⁵.

Н. Марчалис справедливо отмечает, что в ответах Рокиты на вопросы Ивана Грозного (латинская версия) аргументация ведется спокойно, со «стремлением найти и подчеркнуть точки соприкосновения между реформаторской и православной церквями. Рокита сводит евангельские истины к самым общим принципам христианской любви»³⁶. Поэтому он ничего не говорит о понимании Троицы и Евхаристии.

Интерес для нашей темы представляют идея славянского единства и место России в славянском мире в интерпретации Рокиты. Основываясь на анализе кредо (или «конфессии») Рокиты, Н. Марчалис считает, что он полагал Россию и ее монарха главой славянского мира, так как просит Ивана Грозного «выступить как великий христианский властитель во главе всех славян (православных и неправославных), обратив, если понадобится, свое оружие против неверных язычников», то есть турок³⁷. Антитурецкая политическо-агитационная подоплека такой позиции понятна. Однако в польском оригинале Рокиты гораздо больше тонкостей, чем в его интерпретации Н. Марчалис. Приведу свой перевод данного места: «Я прошу Бога, чтобы он соизволил тебе, великому Государю и Монарху христианскому, над народом славянским поставленному, во всем хорошем споспешествовать [...] к добру и покою народа христианского и на укор всем поганым неверным»³⁸. Здесь под «народом славянским», которым правит Иван Грозный, разумеются только русские (московиты), а не весь славянский мир. Однако в тексте есть и общеславянско-общехристианский оттенок, так как польское посольство имело целью пригласить русского царя для участия в выборах на престол Речи Посполитой с перспективой консолидации европейских христианских стран в их борьбе с османской экспансией.

«Славянская идея» присутствует в другом тексте Рокиты — письме чешскому брату М. Червенке. Рокита пишет, что он ощущает свою миссионерскую задачу рассеять «глубокий мрак» русских; его утешает то, что «этот народ говорит на славянском языке, и, может быть, благодаря этому обстоятельству, Бог просветит этот глубокий мрак понятиями о Себе»³⁹. Здесь дело не только в том, что гуситы и вслед за ними Община чешских братьев считали славянский язык и славянские народы единым целым, как вслед за Р. Якобсоном полагает Н. Марчалис⁴⁰, а в идее чешской богоизбранности, связанной с чешской интерпретацией славянского единства, сформулированной еще в XIV в. в хронистике круга Карла IV и актуализированной идеей гуситской богоизбранности в начале XV в.

Визит Рокиты в Москву и его изложение веры ясно показывают, что собственно русские реалии мало интересовали чешского брата, ему было важно лишь осуществить свою миссию. Именно этот аспект стал центром сообщения о посольстве 1570 г. в Москву, зафиксированного в X томе «Acta Unitatis Fratrum». Там сказано, что, «поскольку его [посольства] первыми лицами были паны, которые принадлежат к нашей Общине, к ним по их просьбе присоединили бр. Рокиту, о чем он бр. Матею Червенке написал следующее». Далее приводится упоминавшееся нами письмо. «А потом, будучи позван пред Московского князя, он исповедание веры, в чем она состоит, кратко сделал (čynil). А Москва, также Исповедание веры своей велел написать, дал его бр. Роките как великолепную книжку в золоченом переплете и украшенную жемчужинами»⁴¹. Отметим, что царь Иван IV в тексте называется просто «Москвой», то есть прежде всего персонифицирует государство, а не представляет себя лично. Контекст и употребление глаголов не позволяют понять, как именно «сделал» свое дело Рокита — устно, или письменно, или в обоих видах. Поэтому гиперкритицизм Н. Марчалис, отрицающей устную форму, не совсем оправдан. Представляется, что устное изложение веры имело место, но не в полной форме, была лишь «заявка» на это, обернувшаяся приказом Ивана Грозного написать «конфессию».

Для чешской культуры «прение о вере» с русским православным царем означало лишь одно: попытку расширения проповеднической деятельности Общины чешских братьев на Московскую Русь, что, конечно, должно было способствовать поднятию престижа Чешских братьев, которые в самом Чешском королевстве боролись за свою официальную легализацию. Также, как верно отмечает Н. Марчалис, «эхо этой встречи прокатилось и по католическому миру»⁴². В целом же данный контакт с Москвой для чешской культуры значения не имел.

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы. Видение Руси у чешских авторов XV–XVI вв. было обусловлено концепцией славян-

ского единства, славянской общности, в которой чехи занимают центральное место. Оценка же Руси негативна прежде всего из-за тиранического правления Ивана Грозного и Ливонской войны. Также присутствует сознание конфессионального (гуситского) превосходства над православными. Русские люди предстают как варвары, непросвещенные, но признаются их достоинства как мужественных, самоотверженных, храбрых и умелых воинов. В целом интерес к Руси диктуется прагматизмом, связанным с Ливонской войной и русскими посольствами к императорам. Поэтому русские сюжеты занимают столь малое место в чешской письменности того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробный анализ легенды о Чехе, Лехе и Русе и ее функционирования в Европе см.: Мельников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 141–204.

² На русском языке о нем см.: Мельников Г. П. Иероним Пражский // ПЭ. М., 2009. Т. XXI. С. 334–336.

³ Šmahel F. Jeroným Pražský. Praha, 1966. S. 137–143.

⁴ Лантева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978.

⁵ Šmahel F. Život a dílo Jeronýma Pražského. Praha, 2010. S. 61–67.

⁶ Marek Bydžovský z Florentina. Svět za tři českých králů. Praha, 1987.

⁷ Мельников Г. П. Marek Bydžovský. Svět za tři českých králů // Советское славяноведение. 1988. № 3. С. 101–102.

⁸ Marek Bydžovský z Florentina. Op. cit. S. 93–95.

⁹ Ibid. S. 95.

¹⁰ Ibid. S. 111.

¹¹ Ibid. S. 134.

¹² Ibid. S. 144.

¹³ Ibid. S. 189.

¹⁴ Ibid. S. 190.

¹⁵ Ibid. S. 192.

¹⁶ Ibid. S. 193–194.

¹⁷ Ibid. S. 266.

¹⁸ Kučera C. Po cestách přátelství. Kapitoly z dějin vzájemných vztahů Severních Čech a SSSR. Ústí nad Labem, 1982. S. 10–12.

¹⁹ О нем см.: Мельников Г. П. Велеславин // КВЭ. М., 2007. Т. 1. С. 304–306.

²⁰ О нем см.: Кудрявцев О. Ф. Гваньини // КВЭ. Т. 1. С. 397–398. Укажу на одну неточность в тексте: чешский перевод «Московской хроники» вышел не в составе всего корпуса сочинений Гваньини о Восточной Европе (он на чешский язык не переводился), а как отдельная книга.

²¹ Имеется русское издание: Гваньини А. Описание Московии / пер., предисл., коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997.

²² Kopecký M. Daniel Adam z Veleslavína. Praha, 1962. S. 60–63.

²³ Ibid. S. 63.

²⁴ Цит. по: Ibid. S. 141.

²⁵ Цит. по: Ibid. S. 141–143.

²⁶ О нем и этом сочинении см.: Кудрявцев О. Ф. Йовий // КВЭ. Т. 1. С. 707–709.

²⁷ Цит. по: Kopecký M. Op. cit. S. 143.

²⁸ Kučera C. Op. cit. S. 11.

²⁹ *Марчалис Н.* Люторъ иже лють. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М., 2009.

³⁰ Из обширной литературы вопроса укажем основные и наиболее характерные работы: *Анненков Ю.* Гусситы в России в XV и XVI вв. // *Странник.* 1878. № 1–3. С. 45–57, 167–184, 346–360; *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. Т. 1. С. 381; *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 243. Работы чешских ученых имеют конфессиональную окраску: *Říčan R.* Dějiny Jednoty bratrské. Praha, 1957; *Bidlo J.* Jednota bratrská v prvním vyhnání. Praha, 1903. Část II (1561–1572); *Idem.* K rozmluvě br. Jana Rokyty s cařem Ivanem Hrozným (r. 1570) // *Český časopis historický.* 1905. Roč. XI. S. 430–432; *Jelínek E.* Brat Rokita i car Ivan Grózný // *Pielgrim Polski.* 1975. № 10; *Idem.* Co řekl br. Rokyta carovi? // *Kostnické jiskry.* 1978. № 8; *Idem.* Co řekl car Rokytovi? // *Ibid.* 1978. № 14; *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 513. Наиболее известна работа американского исследователя: *Tumins V.* Tsar Ivan's reply to Jan Rokyta. The Hague; Paris, 1971.

³¹ *Марчалис Н.* Указ. соч. С. 26–37.

³² [*Wegierski A.*]. Adrianus Regenvolscius. Systema Historico-chronologicum Ecclesiarum Slavonicarum. Trajecti ad Rhenum, 1652. P. 91.

³³ *Марчалис Н.* Указ. соч. С. 32.

³⁴ Там же. С. 108.

³⁵ Там же. С. 40.

³⁶ Там же. С. 41.

³⁷ Там же. С. 132.

³⁸ Перевод сделан по тексту оригинала: Там же. С. 201.

³⁹ Цит. по: Там же. С. 24.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Мой перевод вместо неточного перевода Н. Марчалис сделан по приводимому ею чешскому тексту оригинальной рукописи. См.: Там же. С. 33–34.

⁴² Там же. С. 34.

РУССКИЕ ЗЕМЛИ НА КАРТЕ НЕМЕЦКИХ ГУМАНИСТОВ, 1490–1530 гг.

А. В. Доронин

От «Бертинских анналов» (сер. IX в.) до хроник Титмара Мерзебургского (заканчивается 1018 г.), Адама Бременского (ок. 1075), Хельмольда из Босау (1071), Арнольда Любекского (доведена до 1209 г.) и др. славянские племена Киевской Руси неизменно оставались в поле зрения летописцев Священной Римской империи¹. Сотрясая Царьград своими набегами и прокладывая новые сухопутные торговые пути к нему, в т. ч. через Регенсбург, они закреплялись на политической карте Европы. Принявшая во второй пол. X в. православие от Византии, поделенная на многие удельные княжества, с XIII в. северо-восточная часть Киевской Руси более чем на два столетия оказалась под властью монголо-татар. С конца XIII в. ее земли, страдавшие от набегов и разрушений, а также от междоусобиц, сплотились сначала вокруг Владимиро-Суздальского княжества, позже — Московского, став своего рода буфером между Ордой и католической Европой. Терпимость ордынских ханов к православию и категорическое неприятие православными князьями «латинской веры», зависимость от Орды свели контакты этих русских земель с Западной и Центральной Европой в XIV–XV вв. практически на нет.

В XV в. Великое княжество Московское, продолжая собирать все новые земли под своей властью, укрепилось, освободилось к концу столетия и стало искать контакты с Западом, стремясь утвердить свои внешнеполитические позиции². Первые, по поручению императора Фридриха III, посольства бреславского рыцаря Николауса Поппеля ко двору Ивана III (1486, 1489), а затем и посольства во главе с Йоргом фон Турном (1489, 1493), направленные уже императором Максимилианом I, положили начало политическому диалогу московских Рюриковичей с Габсбургами. В те же годы (1489–1493) с грамотами от Василия III в Священной Римской империи трижды объявлялись делегации из Москвы, руководимые Юрием Траханиотом³. Теперь, на рубеже XV–XVI вв., Московская Русь представляет для Габсбургов интерес в качестве политической силы и партнера в противостоянии Ягеллонам и османам. Становившимся все более интенсивными контактам сторон мы обязаны появлением «*Moscovitarum religio*» Иоганна Фабри (Базель, 1526)⁴ и знаменитых впервые столь основательным знакомством с Москвией «*Regum*

Moscovitarum Commentarii» Сигизмунда Герберштейна (1549)⁵, de facto первой страноведческой работы о ней. Но если мы зададимся вопросом, что знали о Московии в германских землях (разве что исключая купцов Ганзы, активно торговавших с Псковом и Новгородом⁶, потому, вероятно, несколько лучше осведомленных на этот счет, тем не менее сообщений о ней нам не оставивших) в конце XV — первой трети XVI в., до Фабри и Герберштейна⁷, что было известно преподавателям университетов и интеллектуалам-гуманистам, то ответ окажется вполне предсказуемым — практически ничего. Их представления о рутенах и далекой Московии (главным образом, ее климате, ее дикости, ее природных богатствах) основывались в большинстве своем на рассказах о Скифии и Сарматии Геродота и Птолемея, Плиния и Тацита, других античных авторов. Хроники 300–400-летней давности были лишены для них авторитета.

В настоящей статье основной акцент будет сделан на том, как молодое Московское княжество утверждается на исторической mental map эпохи Ренессанса. Знают ли немецкие гуманисты русских и московитов в древности? Насколько глубоко укореняют они их начало? Различают ли земли Руси (Russia), Рутении (Ruthenia) и Московии? Как вписывают Московию в новый миропорядок современного origo nationis? Перешедшие в XIV в. под власть Великого княжества Литовского и Польской короны, затем Речи Посполитой юго-западные земли Киевской Руси (от Киева на юго-востоке до Полоцка на северо-востоке, от Вильны на севере до Пшемисля на юго-западе, Галича и Подолии на юге), т. н. Рутения, выпадают из поля нашего зрения. Они воспринимались немецкими гуманистами как составная часть владений Польши или Литвы, а граница Священной Римской империи германской (!) нации проходила, по их убеждению, которое основывалось на Таците, по Висле.

В 1493 г. в Нюрнберге была отпечатана первая своего рода культурная энциклопедия человечества на немецком — «Всемирная хроника» («Buch der Chroniken und Geschichten») Гартмана Шеделя (несколькими месяцами раньше, в том же 1493 г., вышла в свет ее чуть более пространная латинская версия, «Liber cronicarum cum figuris et ymaginibus»)⁸ — все еще компилятивная, но ориентированная (если наметить основную ее тенденцию) в первую очередь на светское знание; получившая по выходе известность и широко разошедшаяся из типографии в Нюрнберге по лавкам книготорговцев от Франкфурта до Флоренции, от Парижа до Буды и Праги. На помещенной в хронике схеме «Общего устройства мира» («Außtaylung der welt in gemain») с пока еще не очень угадываемыми очертаниями Европы, Азии и Африки среди редких нанесенных на карту географических названий мы найдем наряду с Польшей и Литвой также Новгород (Nogardum) и Русь (Russia), а за ними бескрайние пространства, населенные татарами (Tartaria), наконец, где-то на краю света, за большими горами (Рифейскими/Уральскими? — их названия на карте нет) Скифию⁹. Вот что сообщает Шедель о Rewssen/Reußenland:

«Rewssen граничат с землями литовцев. Это грубый и неотесанный народ. Самый большой город там Новгород. Немецкие купцы с великим трудом совершают туда путешествия. Там много всего. Много серебра. И ценных мехов для тех, кто покупает и продает. Серебро там используют на вес, а не чеканят. Там повсюду в центре рынка четырехугольный камень, и тот, кто сможет его поднять и не уронит, получит власть в городе»¹⁰. Это все, чуть более четырех строк (шеделевского) текста, тогда как очерку о современной ему Польше, что естественно, Шедель отводит тридцать строк, а Литве и того больше — тридцать три. Описывая перед тем земли и жизненные устои литовцев (а о них у Шеделя рассказано непосредственно перед *Reußenland*), хронист повествует о распространенных там верованиях и среди прочих «многих сект» упоминает «греческую ересь, как у болгарских россов» («*kriechische irrung als die Bulgari Rewssen*»)¹¹, якобы стараниями папы Николая I обращенных в христианство¹². И если о народах, населяющих Великое княжество Литовское, Шедель знает, что те говорят на славянском («*Das gezueng diss volcks ist Windisch*»¹³), то относительно тоже православных Rewssen здесь это можно предположить, памятуя его отсылку к булгарам¹⁴. Вероятно, в данном случае Шедель опирался на «*De Eurora*» (1458) Энея Сильвия Пикколомини, писавшего о литовских *guteni* как народе греческой веры¹⁵.

Через пять лет после выхода «Всемирной хроники» Шеделя, в 1498 г., монах Анний из Витербо (Джованни Нанни) выпустил в свет в Риме «*Antiquitatum variarum volumina XVII*»¹⁶, куда вошли среди прочих пять книг «Древностей» Бероза Вавилонского, халдейского жреца, астронома и историка эпохи Александра Македонского. На ближайшую поверку те оказались фальсификацией и скоро были разоблачены, тем не менее в следующие полвека претерпели более 25 (!) переизданий, охотно тиражировались и в дальнейшем вплоть до сер. XVII в., в целом на полтора столетия определив развитие зачинавшихся тогда национальных европейских историографий. Анний, «синхронизируя» и «выверяя» человеческую историю в своих комментариях к Псевдобрерозу, революционным образом предложил новую ее генеалогию от рода Ноева, единственного пережившего всемирный потоп. Новое общее начало и родство всех известных в древности народов в корне меняли всю систему координат, обесценивали существовавшие до тех пор теории происхождения и расселения племен, коль скоро все ноаниды восходили к одному прародителю и были коренными жителями своих земель. Новая *origo*-модель (*origo nationis*) уравнивала народы (на смену моно-, то есть ромоцентризму приходит полицентризм) и «проясняла» запутанную хаосом их Великого переселения историческую карту Европы, легитимировала новые линии преемственности. Практически все они получили теперь возможность быть вписанными во времена библейские. Особенно востребованным Псевдобрероз оказался к северу от Альп, где в споре с итальянцами и французами за *translatio imperii* рождался миф *Germania*¹⁷, а с ним мифологемы других современных наций. И в

этот миф, в новую картину мира через античных авторов оказались встроены и славянские народы, в представлении Ренессанса потомки сарматов и/или скифов, в т. ч. московиты.

Во второй (и самой важной!) из пяти книг Псевдобероза («De genealogiis primorum ducum post diluvium») среди ноанидов второго ряда от брака сына Ноя Иафета с Андромедой (!) наряду с другими первопредками (Гомером, Медом, Магогом, Самотесом, Тубалом/Юбалом, Тирасом, Ионом) мы находим Моска (Moscus)¹⁸, известного в православной редакции Ветхого Завета как Мешех (Бытие. X. 2). Фантастические генеалогические таблицы Псевдобероза (вернее, самого Анния, Бероза фальсифицировавшего), объединившие библейских и языческих персонажей, героев троянских легенд, средневековые мифы, сочинения античных писателей (то есть все, что только было в распоряжении хронистов XV в.), стали тем фундаментом, на котором отныне выстраивались конструкции исторической памяти нарождающихся наций Нового времени, конкурирующие мифологемы национальной древности. И славяне в новой схеме мироздания *ab ovo* оказались в кровном родстве с немцами: «...Noa sibi in filios adoptavit Tuysconis posteritatem, et ideo in eius arbore ponuntur et non aliorum nepotes, in quo precellunt Germani et Sarmatae, qui dicuntur nunc Tuysci à Latinis et Gallis. Sarmatae autem populi sunt Poloni, Gothi, Russi, Prusiani et Daci, atque huiuscemodi»¹⁹. Все равно, идет ли речь непосредственно о «русских» (Russi) или им подобных («atque huiuscemodi»).

Практически все гуманисты по ту сторону Альп, отринув сомнения, приняли эти генеалогические построения Псевдобероза на веру. Одним из первых был эрцгуманист Конрад Цельтис. Описывая в своих «Элегиях» («Quatuor libri amorum» / «Amores», 1502) четыре стороны Германии, в частности ее восточные пределы, он продолжает воображаемую карту Европы на восток, от земель, «занятых ныне тевтонами», через земли польские («сарматские»), которые сам знает очень хорошо, до «кочевий / Скифов, придвинувших стан к самой сарматской земле, / Намереваясь затем нахлынуть в германские страны / С целью, как встарь, берегов Кодана (Северного моря. — А. Д.) снова достичь»²⁰. Там, в известной еще Геродоту Скифии, за землями сарматов (Польшей), в краю амазонок²¹ и других диких племен живут «скифов мятежные орды»²². Знает он о них не больше Шеделя, когда отказывает ветреной, своенравной, коварной Хазилине (а она, самая юная из четырех (сообразно сторонам света) возлюбленных поэта, олицетворяет собой восток Германии): «Не подарю я тебе снега белее руно, / Гиперборейских мехов посылать в подарок не стану. / Тех, которые мосх добыл в Рифейских горах»²³ («Non ego te tiriis ornabo perfida pallis / Vellera nec tribuae candidivia niue / Alter hyporboreas mittat tibi munera pelles / Et quas rypheo vertice moscus habet»²⁴). И здесь определенно «мосх» (у Цельтиса «moscus») — потомок библейского Мешеха / анниевского Моска (Moscus)²⁵. С Цельтиса немецкие гуманисты убеждены в этнической и культурной преемственности наций от времен библейских до

современных. Этот континуитет они проецируют также на славян, отождествляя их с известными античным авторам роксоланами (Вилибальд Пиркгеймер) или амаксобиями (Иоахим Вадриан)²⁶.

Для Альберта Крантца (1448–1517), уроженца Гамбурга, в 1480-е гг. профессора и декана артистического факультета Ростоцкого университета, с 1482 г. его ректора, долгие годы состоявшего на дипломатической службе Ганзы, затем доктора теологии, лектора и синдика, наконец, настоятеля собора в Гамбурге²⁷, водораздел между культурой и варварством проходит по границе между Европой и Азией. Потому для него принципиально утвердить славян на исторической карте Европы, в ее северо-восточной части, которой он и посвящает свою «Wandalia» (1500, впервые издана в 1519 г.). По его мнению, вандалы, занимавшие в древности земли, известные как Sarmatia, — коренные их жители. И происходят вандалы от сарматов, категорически не от скифов, которых античные авторы зачастую локализуют в Азии. Ведь нельзя же, следуя логике Крантца, допустить, чтобы европейцы были отнесены к варварам! Основываясь на Псевдоберозе, стремительно вошедшем в обращение ренессансных летописцев, Крантц исходит из того, что первый король Европы, пращур немцев Туискон, правил Германией и Сарматией — от Рейна до Дона, — значит, земли эти испокон были заселены немцами. Крантцевская Germania magna (название заимствовано у Птолемея) состоит из трех частей: 1) Тевтония (Teutonia), 2) Скандинавия (Scandinavia, то есть Швеция, Лапландия, Исландия), 3) Вандалия (Wandalia, то есть Русь и Литва). И если по мере удаления от Тевтонии, центра Germania magna, культурный уровень германцев, как вынужден констатировать Крантц, снижается, то виной тому запоздалая христианизация, соседство азиатов-скифов и разорительные набеги татарских орд. Имя «Вандалия» Крантц связывает с этнонимом Venedae/Venetī, о которых впервые упоминают Плиний, Тацит и Птолемей применительно к одному из племен в устье Вислы; позже в европейских языках название «венеты»/«венеды» стало собирательным для всех славян²⁸. Поскольку в таком значении оно не употребляется античными авторами, а появляется позже, Крантц также предпочитает методично оперировать в отношении славян термином «вандалы»: «Wandali sunt quos nunc exequemur. Russi, Poloni, Bohoemi, Dalmate, Croaci, una gens, ut docebimus»²⁹. Тем более что «среди старейших народностей Германии вандалы особенно выделяются³⁰, о славянах нельзя найти никакого упоминания»³¹. На выборке из Псевдобероза и античных писателей Крантц выстраивает и их новые генеалогии. Так, предками русских он считает роксоланов³², о которых вычитывает у Плиния и Страбона: «Iam sequitur Russia, quam Plinius vocat Roxilanam siue Roxanam, Strabo quoque Roxanos siue Roxos (unda nunc effractum est, ut dicamus Russos) ad aquilonem facit spectantes, inter Tanaim & Boristhenem campestrisque pascuntur»³³. К русским он относит и поляков, и литовцев, которые у него делятся на «белых» и «черных». Самым большим их народом, сообщает Крантц, управляет мос-

ковский князь, вероисповедания тоже христианского, но восточного (читай: византийского)³⁴. Крантц коротко упоминает здесь и о войнах, которые последний вел с Тевтонским орденом; и о Москве, столице княжества, никому не известной³⁵; и о Новгороде (Nouguardia), который московский князь превратил в свою провинцию, угнетая новгородцев, ущемляя их права и грабя³⁶. Несколько слов он говорит и о Пскове, «городе, достойном упоминания, построенном на немецкий лад и обнесенном стенами, но внутри них деревянном (как и во многих краях)»³⁷. Крантц, как и положено ганзейскому дипломату, обнаруживает некоторую осведомленность о современном положении дел в Московском княжестве, но не оно само и не другие современные ему славянские княжества и королевства предмет его специального интереса, а Germania magna, частью которой в древности они, согласно изысканиям Крантца, являлись.

Описывая Германию и ее пределы, Иоганн Кохлей (1479–1552)³⁸ в своем «Brevis Germaniae Descriptio» (1512) различает сарматов, скифов и роксоланов, и каждому из больших известных в древности племенных союзов отводит свое место на исторической карте Европы: сарматам — Польшу и юг Рутении; скифам — внутреннюю Рутению по Днепру, Дону, Бугу, Азовскому морю; роксоланам («в античности одному из скифских племен») — европейскую часть Татарии (ее Кохлей идентифицирует с современной Моравией). Правда, вопросом, от кого из них произошли славяне или русские, он не задается. Все, что знает Кохлей о русских, с коими отождествляет рутенов, сводится к той же базирующейся на устной традиции сумме, что и у Шеделя, у последнего, вероятно, и заимствованной: «Russia regio, Rhuteni populus. За Литвой живут Rutheni, дикое племя. У них, как рассказывают, очень большой город, Новгород, куда немецкие купцы добираются с большими сложностями. Там, если верить молве, есть большие запасы серебра и ценных мехов, а продавцы и купцы используют серебро на вес, а не чеканное»³⁹. Как и у Шеделя, кохлевская Скифия («Gentes Scythice, Tamerlanes rex») находится на самом краю Европы и перетекает в Азию: «За Лифляндией, Литвой и русскими обитает очень много племен скифов, европейских и азиатских, по ту сторону Днепра, Дона, Буга и Азовского моря, где некогда грозный Тамерлан слыл необыкновенно могущественным королем»⁴⁰.

Больше о «древних москвитях» нам скажет ученик Цельтиса баварец Иоганн Авентин, в 1517–1521 гг. подготовивший по заказу правящего дома Виттельсбахов «Annales ducum Boiariae», а в 1525–1532 гг. их немецкоязычную версию — «Баварскую хронику»⁴¹. Вслед за Псевдоберозом, одним из основных своих наряду с Тацитом источников, как и Крантц, видя в Туисконе первого короля Европы, Авентин числит в его владениях «все земли и местности от Рейна до реки Дон или Малый Дунай, которая берет свое начало в Московитском герцогстве»⁴². Описывая славян (по-немецки «Winden» или «Wenden», «на их языке» «Schlaven»), которым посвящает отдельную главу

(«О виндах или вендах, втором языке в Германии»⁴³), Авентин добросовестно поименовывает самые крупные населенные ими земли — Далмацию, Хорватию, Иллирию, Боснию, Истрию и др., к востоку заканчивая «королевством Богемия, на их языке Zächo, королевством поляков, русскими (красными и белыми) и москвитами (Москвой и Подолией), примыкающими к татарам и азиатам»⁴⁴. Здесь за вычетом Белой и Червонной Руси, притом разделяя русских и москвитов, Авентин относит к владениям Московского княжества большую часть территории, известной нам как Киевская Русь. Рассматривая ее как исконно московитскую, вот что, опираясь на того же Псевдобероза и синхронизирующие комментарии Анния к нему, рассказывает Авентин о ее истоках: «Гомер, первый король, пришел со своими немцами, занял Welschland [в XVI в. обозначение земель Древнего Рима и покоренных им кельтов. — А. Д.], у него было три сына, их звали Аш, Риф и Таг (Asch, Reph, Tagus), каждый из них говорил на своем языке. Таг по-испански, с братом своего отца Тубалом, другим королем, направился в Испанию, занял всю эту землю. Риф по-славянски, обосновался у белых русских вместе с братом своего отца по имени Мосска, от которого эта земля получила свое имя. Аш по-немецки, от него поляки и пруссы когда-то много-много лет назад звались Ашабург⁴⁵, как указывает Птолемей»⁴⁶. Так брат Гомера Мосска (не потому ли, задастся вопросом читатель Авентина, Московия продолжила культурную традицию Византии и сохраняла одну с ней веру, что Гомер и Мосска родные братья?) вместе с Рифом⁴⁷ предстает праотцем Московии. Утверждая родство немцев и сарматов⁴⁸, под последними Авентин понимает «большие народы Иллирии, пруссов, лифляндцев, литовцев, поляков, русских, москвитов и часть татар, там теперь проживающих»⁴⁹. Сарматия и Скифия в древности, по Авентину, земли немцев. У него сам «Геродот называет землю немцев Скифией, немцев скифами, и говорит, что из Скифии берет свое начало большая река Европы Дунай», а Курций сообщает, «что народ, который в прошлом в Азии, в землях, зовущихся ныне Татарией, носил имя скифы, пришел из Европы из Германии, или Великогермании [grosses Teutschland. — А. Д.]»⁵⁰. Но если немцы автохтонны («indigenae») и населяли свою территорию (Великогерманию, grosses Teutschland) изначально (о чем пишет Тацит), то при чем здесь скифы и тем более татары? Суть в том, что баварец не противопоставляет сарматов и скифов (и те, и другие у него германских корней!), а оба союза — германцам. Эту проблему он решает радикально, не так, как Крантц. Он максимально широко закрепляет на ментальной карте древней Европы немецкое присутствие — для него и скифы, и сарматы, а наряду с ними и кимры, амазонки, кельты, готы, данайцы, фракийцы, галлы, гипербореи и многие другие известные от начала времен народы всего лишь имена, под которыми потомков Туискона (Teutschen) тогда знали⁵¹. Потому не удивительно, что даже набеги скифов на Египет фараонов, о которых сообщает Геродот, Авентин легко записывает в актив древних германцев, коль скоро в одном из древнеегипетских мифов встреча-

ется созвучное немецкому «beck» (осталось от «встреч» с немцами, то есть скифами?)⁵². Ранняя история немцев выглядит у него следующим образом: исконные их земли (Великогермания) простираются от Северного и Балтийского морей до Дуная, от Рейна до Вислы; на каком-то этапе своей истории они вынуждены были уйти на восток, где их узнали под другими именами и где они стали самыми знатными; потом немцы вернулись в свои пределы и, отказавшись от старых имен, дабы забыть годы притеснений со стороны Рима и гонений, и взяв новые, спустя столетия за свои добродетели были призваны Господом встать во главе последней империи на Земле, христианской Священной Римской империи германской (!) нации.

Не в пример Авентину взвешенно и достаточно авторитетно даже сегодня применительно к раннесредневековой истории Европы звучит мнение его друга, эльзасца Беата Ренана (1477–1534), alter ego Эразма и «наиболее критичного ума Германии» того времени⁵³. Не заразившийся (а это редкое исключение) вирусом Псевдобероза, Ренан в круговерти Великого переселения народов даже не упоминает московитов, как, впрочем, и русских/рутенгов. Разве что, отсылая к античным авторам, в своих, по существу, антикварных «*Rerum germanicarum libri tres*» (1531) — филологических экскурсах к *lectio historiarum* — периферийно пытается наметить основные пути миграций славян. Притом из них в фокусе его внимания (правда, упомянутые всего-то несколько раз) находятся богемцы, поляки и лужичане, часто на протяжении истории Германию «беспокоившие». Впервые на карте Европы, на Дунае, венды объявляются у Ренана во второй половине VI в. в годы правления византийского императора Маврикия. В отличие от Крантца, Ренан также отказывается принять вандалов за славян⁵⁴, справедливо предпочитая увязать их этноним с испанской Андалусией и напоминая, что в плиниевском каталоге германских народов вандалы идут первыми. Все, на что осмеливается Ренан, это предположить, что «*Sclaviner* — а именно так греки называли тех, кого мы обычно обозначаем как *S(c)lavi*, — славянского происхождения» и их родина где-то глубоко в Скифии⁵⁵. Он с недоверием относится к включению Аррианом скифов и сарматов в число «*populi ueteris Germaniae*», так заявляя свою позицию на их счет⁵⁶. Не вдаваясь в спекуляции и мифотворчество, он оставляет Сидонию, Клавдиану и Плинию описать дикие народы Скифии.

Несмотря на широкую сеть коммуникаций и неформальных объединений в духе *Sodalitates*, круг гуманистов оставался узок. К тому же работы тех же Крантца и Авентина оказались опубликованы годы спустя после их смерти, а по выходе ренановских «*Germanicarum libri tres*» Германия была обуреваема идеями и спорами совсем иного рода. Следует констатировать, что в начале XVI в. в Священной Римской империи мало что знали о набирающем силу Московском княжестве, а виды кайзера на него как потенциального союзника в конфликтах с Польшей и Османской империей уже в 1530-е гг. утратили свою актуальность — «проблема Польши» была решена посредством династи-

ческого брака, а неудавшаяся осада Вены турками в 1528/1529 г. успокоила императора, князей и христианский мир.

Тем не менее следует отметить, что попытки Крантца и Авентина встроить русских/Московию в новую европейскую историю, в ее по-новому прочитанное начало (вернее, в разные национально ориентированные ее версии), в мифологему Великогермании симптоматичны для этого периода. Историческая география становится одним из принципиальнейших аргументов политической легитимации. Московия, Русь и русские закрепляются на карте Европы, столь разительно и стремительно видоизменяющейся на рубеже XV–XVI вв. Начиная с карты Птолемея, впервые (в 1466 г.) в трапецевидной проекции, но вскоре уже сферической, многократно переизданной в нач. XVI в., с открытий Америки и создания новой карты мира и глобуса (1507) Маттиаса Рингманна и Мартина Вальдзеемюллера, со знаменитых глобусов Иоганна Шёнера (1515, 1520 и др.), «*Cosmographia universalis*» Себастьяна Мюнстера (1544) до, наконец, «*Theatrum orbis terrarum*» Абрахама Ортелиуса (1570), а применительно к России «*Rerum moscoviticarum commentarii*» (1549) Сигизмунда фон Герберштейна и карты Московии (1562) англичанина Энтони Дженкинсона мы наблюдаем настоящий взрыв географии и картографии. В течение XVI в. карта мира подвергнется радикальной ревизии. Русь отныне уже не выпадет из поля зрения Старой Европы, с эпохи Петра Великого и вовсе станет претендовать на место *primus inter pares* в ней. А через М. В. Ломоносова, публично вступившего в ожесточенную дискуссию с немцем Герардом Миллером, официальным историографом Российской империи, — на исконность русских земель и самобытность русской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. последние русскоязычные издания этих хроник: *Титмар Мерзебургский*. Хроника в 8 книгах / подгот. И. В. Дьяконов. 2-е изд. М.: Русская панорама, 2009; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV (Западноевропейские источники) / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010; *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский*. Славянские хроники. М.: Русская панорама, 2011.

² В связи с этим интересен эпизод из дипломатической истории Московского княжества. В 1718 г. в России впервые была издана «Грамота императора Максимилиана», призванная служить доказательством исторической легитимности императорского титула русских царей. Как склонны думать некоторые из исследователей, проект грамоты был составлен в Москве в 1514 г. и тогда же переведен на немецкий язык. Подлинность грамоты Максимилиана к Василию III не принимал, например, основываясь на предшествующих работах коллег, С. Л. Пештич, см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. 1961. Ч. I. С. 78. Противоположного мнения придерживается О. Ф. Кудрявцев, см.: *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы* / сост., автор вводных статей, примеч., указателей О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 22–27.

³ Здесь представляется уместным указать лишь на некоторые важные в этом контексте немецкоязычные публикации, см.: *Conrad-Lütt B.* Hochachtung und Mißtrauen: Aus den Berichten der Diplomaten des Moskauer Staates // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. 11.–17. Jahrhundert. (West-östliche Spiegelungen, Reihe B, 1) / hg. von D. Herrmann. München, 1989.

S. 149–178; *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 11.–17. Jahrhundert. (West-östliche Spiegelungen, Reihe A, 1) / hg. von L. Kopelew. München, 1985; Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1: 1488–1605. Wien; Leipzig, 1906; Frötschner R. Großfürst Ivan III. von Moskau und das Heilige Römische Reich deutscher Nation. Die frühneuzeitliche Anfänge der deutsch-russischen Beziehungen im Spiegel der für die Reichsversammlungen von 1491–1493 einschlägigen Quellen. Altrussische Akten und Urkunden aus dem Moskauer Gesandtschaftsamt in deutscher Übersetzung: http://www.osteuropa-institut.de/ext_dateien//Deutsche_Reichstagsakten_Froetschner.pdf; Neuhaus H. Russische Gesandtschaften auf den Reichstagen des 16. Jahrhunderts // Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen / hg. von A. Schmid. München, 2012. S. 197–225.*

⁴ Это запись бесед Фабри (сент. 1525 г.) с князем Иваном Ивановичем Засекиным-Ярославским и дьяком Семеном Борисовичем Трофимовым, послами великого князя Московского Василия III, возвращавшимися из Испании от императора Карла V через южногерманские земли (в данном случае Тюбинген), о народе московитов, их государственном устройстве и религиозных нравах. В трактовке Фабри благочестивые и следующие церковным установлениям, покорные воле государя, «близкие славянам по языку» московиты — образец для подражания на фоне раздоров и раскола церкви в Священной Римской империи. См: *Fabri Ioannes. Moscovitarum religio // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 135–216.*

⁵ См. новейшее русскоязычное издание: *Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008.*

⁶ В 1478 г. Иван III подчинил своей власти Новгородскую республику и уже в 1494 г. закрыл в Новгороде торговую контору Ганзы, союзника Швеции. Через 20 лет ганзейцы возобновили там свою деятельность, но политические риски заставили их быть осторожными на этом направлении.

⁷ Если выйти за рамки немецких земель, оставаясь при этом в общем латиноязычном пространстве ренессансной культуры, то здесь следует упомянуть также Альберта Кампенского («De Moscovia», 1523/1524) и Павла Йовия («Libellus de legatione Basilii magni principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum», 1525), см. латинско-русское издание обоих трактатов: *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 63–134, 217–306.*

⁸ См.: *Доронин А. В. Шедель Гартман // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 2 / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2011. С. 597–599.*

⁹ *Schedel Hartmann. Weltchronik. Kolorierte Gesamtausgabe von 1493. Einleitung und Kommentar von Stephan Füssel. Weltbild, 2005. S. XIII.*

¹⁰ Ibid. Weltchronik. S. CCLXXVIII Rückseite.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. CLXXI. Шедель упрощает, спрямляет процесс христианизации Болгарии во второй половине 860-х гг., даже не упоминая об активном участии в нем Византии и имевших успех устремлениях болгарского царя Бориса, который, сыграв на противоречиях миссионеров, обеспечил болгарской церкви автокефальный статус.

¹³ Ibid. S. CCLXXVIII Rückseite.

¹⁴ Как известно, болгары являлись тюркскими племенами (возможно, с иранскими элементами), ассимилированными к IX в. (накануне принятия ими христианства) славянами, вместе с булгарами входившими в состав Первого Болгарского царства, см.: *Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 173.*

¹⁵ См. последнее латинско-немецкое издание: *Piccolomini Enea Silvio. Europa / hg. von G. Frank, P. Metzger; übers. von A. Hartmann. Heidelberg, 2005.*

¹⁶ См.: *Доронин А. В. Нанни Джованни // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 1. С. 360–361; Он же. Post diluvium. К истории одной (неудавшейся) фальсификации // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 128–140; Lehr T. Was nach der Sintflut wirklich geschah. Die Antiquitates des Anniius von Viterbo und ihre Rezeption in Deutschland im 16. Jahrhundert. Frankfurt a. M. u. a., 2012.*

¹⁷ См.: *Доронин А. В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения в Германии. М., 2003. С. 198–209. Проблема этнического континуитета/дисконтинуитета, вызванная к жизни, актуализированная через папу Пия II*

(Энеа Сильвия Пикколомини) и Джованантонио Кампано, стала программной для немецких гуманистов.

¹⁸ См.: Johannes Annius Viterbensis recte Giovanni Nanni (1432–1502). *Commentaria & editiones*. 2 Bde. / Hg. von Anton Sommer. Wien, 2004. Bd. 1. P. 17.

¹⁹ Ibid. P. 15.

²⁰ *Цельтис К.* Стихотворения. М., 1993. С. 146 (см.: Элегии I, 2 / пер. З. Н. Морозкиной).

²¹ Там же. С. 254 (см.: Эпиграммы, 43: «Верно считают сармата соседом земли амазонок»).

²² Там же. С. 167 (см.: Элегии I, 15).

²³ Там же. С. 171 (см.: Элегии II, 3).

²⁴ *Celtis C. Quatuor libri amorum*. Nürnberg: sodalitas Celtica, 1502. P. XXVII f.

²⁵ Вряд ли прав А. Н. Немилов, когда в своем комментарии к этому стихотворению Цельтиса понимает под мосхами (так перевела З. Н. Морозкина) известный в первые века нашей эры союз племен в южной горной области Колхиды (совр. Аджарии), см.: *Цельтис К.* Указ. соч. С. 378. Во всяком случае, Рифейские горы (которые сам А. Н. Немилов отождествляет с Уральскими) вкупе с гиперборейскими мехами, упомянутыми здесь Цельтисом, не дают для этого оснований.

²⁶ См.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 208. Примеч. 12.

²⁷ В свете заявленной в статье исследовательской проблемы наиболее заслуживает внимания: *Bollbuck H. Geschichts- und Raummodelle bei Albert Krantz* (um 1448–1517) und David Chytraeus (1530–1600). *Transformationen des historischen Diskurses im 16. Jahrhundert*. Frankfurt a. M., 2006.

²⁸ Ок. 550 г. этот этноним распространил на весь заявивший о себе в VI в. славянский этнос (по имени одного из племен — *Slavenoi*) Иордан. Также см. подробнее, например: *Steinacker R.* Wenden, Slawen, Vandalen. Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihre Nachwirkungen // *Die Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters* / hg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 329–353.

²⁹ *A. Krantzii, viri in theologia et iure pontificio celeberrimi historicique clarissimi, Wandalia. De wandalorum vera origine, variis gentibus, crebris à patria migrationibus, regnis item, quorum vel auctores vel euersores fuerunt. Hanoviae, MDCXIX. Praefatio. S. 2.*

³⁰ Так славяне становятся в интерпретации Крантца прямыми потомками Манна, если вспомнить «Германию» Тацита (гл. 2). Германцы «славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манны — прародитель и праотец их народа... некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы марсии, гамбрии, свебы, вандилии. И что эти имена подлинны и древние». Кстати, Тацит также был «склонен причислить венедов» к германцам («Германия», гл. 46).

³¹ «...inter uetustissimos Germanica gentes extare Wandalos, quando Sclauorum nulla fit memoria» (*A. Krantzii... Wandalia. Praefatio. S. 2*).

³² В XVIII в. на «Вандалию» Альберта Крантца будет охотно опираться в поисках начал Древней Руси М. В. Ломоносов в «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года», de facto первом отечественном описании национальной истории.

³³ *A. Krantzii... Wandalia. Lib. I. Cap. 2. P. 4.*

³⁴ «Qui vero aquilonem ad nos incolunt, olim Sauromatae & (paulum inclinor nomine) Sarmatae dicti, Russi sunt, Letuani & Poloni (magnae nationes, in quibus maxima est Russia) diuisi in Albos & Notos. Maximae huius gentis nationi hodie imperat magnus Musgouiae princeps, Christianus vtique, sed ritum sequutus orientalis ecclesiae: qui imperium propagauit in Liunioniae fines, hodieque» (*Ibid.*).

³⁵ «Praeclares habet urbes, Musgouiam, nunc regni caput: quam nemo se uidisse laetatur» (*Ibid.*).

³⁶ Ibid.

³⁷ «Deinde in ea prouincia versus Liunioniam Plesgouia est, urbs non contemnenda, Teuthonico ritu muris ac moenibus instructa, sed intus (pro more regionis) lignea: quam aestate proxima ferunt à Liunionibus & Letuanis oppugnatam: sed exitum rei necdum compertum tenemus» (*A. Krantzii... Wandalia. Lib. I. Cap. 2. S. 4.*).

³⁸ См.: *Иванов В. В.* Кохлей Иоганн // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1 / отв. ред. Н. В. Ревякина. М., 2007. С. 838–839; *Bäumer R.* Johannes Cochlaeus (1479–1552). Leben und Werk im Dienst der katholischen Reform. Aschendorff; Münster, 1980.

³⁹ *Cochlaeus J.* Brevis Germaniae Descriptio (1512) / hg., übers. und kommentiert von K. Langosch. Darmstadt, 1976. S. 122.

⁴⁰ «Post Livones atque Lituanos Ruthenosque sunt gentes plurime Scytharum tum Europee, tum Asiaticae ultra Borysthenen, Tanain Hypanimque ac Meotidem paludem, ubi ille magnus Thamerlanes fuit prepotens Scytharum rex...» (Ibid.).

⁴¹ См.: *Доронин А. В.* Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М., 2007.

⁴² Здесь и далее цит. по: *Johannes Auentini Beyerische Chronika*. Frankfurt a. M., MDLXVI.

⁴³ Авентин насчитывает в Германии 5 языков, соответственно 5 наций (Nation): 1) Teutschen, 2) Winden und Wenden, 3) Litthawer und Walachen, 4) Dennmärckern, 5) Ungern, см.: Ibid. S. XVII f. Всем им начало — Туискон / Deutsch.

⁴⁴ «...Ich will nun die mechtigsten Häuptland und Königreich so sie noch in Germanien innen haben / her nennen / Beham ein Königreich / in ihrer Sprach Zächo / Poläken Königreich / die Reussen / rot und weiß / und Mosquiter / Muschaw und Podalia / stossen an die Tattern und Asianer» (Ibid. S. XVI).

⁴⁵ Aschaburgk у Авентина легко коннотируется с Aschanius. Оттого-то, по его мнению, евреи называют немцев ашкенази.

⁴⁶ *Johannes Auentini Beyerische Chronika*. S. XIXf.

⁴⁷ Ср.: Рифейские горы у Цельгиса. Если обратиться к генеалогии Гомера, то, по Псевдодоброзу, у него было пять сыновей — Ascanius, Rypheus, Tagum, Kytin (Italus, Attalus) и Dodoneus (Tarsum, Helisam), см.: *Johannes Annius Viterbensis recte Giovanni Nanni* (1432–1502). Commentaria & editiones. P. 17.

⁴⁸ Авентин и сарматам находит первопредка. Это Schärmater, «главный военачальник, который пришел в эту землю с королем Туисконом и, чтобы защитить землю и людей, изобрел военное искусство, тогда неизвестное...» («Schärmater der oeberst Hauptmann / so mit Koenig Tuitsch in diß land kommen / hat die Kriegswehr / damals unbekannt / zu beschirmen Landt und Leut / erfunden...» (Johannes Auentini Beyerische Chronika. S. XX).

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid. S. LVIIIf. — LVIII.

⁵¹ Ibid. См. также: *Aventinus J.* Sämtliche Werke. 6 Bde. München, 1881–1908. Bd. 4. Teil I. S. 205–217.

⁵² Ibid. S. 206–207.

⁵³ См.: *Доронин А. В.* Ренан Беат // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 2. С. 40–42.

⁵⁴ *Mundt F.* Beatus Rhenanus «Rerum germanicarum libri tres». Ausgabe, Übersetzung, Studien. Tübingen, 208. S. 84: «Vandali diuersa gens fuit a Vuinidis, quos Sclauenos apellant».

⁵⁵ Ibid. S. 198.

⁵⁶ Ibid. S. 36–39.

СВЯТАЯ РУСЬ, ИЛИ РУССКАЯ ГРЕЗА ДОКТОРА ИОАННА ФАБРИ

О. Ф. Кудрявцев

В первые десятилетия XVI в. в Европе сведения о Руси оставались крайне немногочисленными, случайными, отрывочными и, конечно, во многих случаях недостоверными. Сообщения купцов, дипломатов, искателей удачи, бывавших на Руси, а также русских послов к европейским дворам быстро превращались в слухи, распространенность которых была невелика, а жизнь коротка; но даже если эти сообщения записывались — либо самими путешественниками, либо кем-то другим с их слов — то, как правило, долгие десятилетия или даже столетия они лежали под спудом, похороненные в частных или государственных архивах, и становились достоянием общества лишь тогда, когда злободневный интерес к ним проходил, а сведения уже не представляли собой ценности в свете тех, которые были опубликованы в вышедших к тому времени работах. Зато крайне устойчивыми и прочными сохранялись стереотипы восприятия Руси как дикого, варварского, чуждого истинному христианству мира, сложившиеся еще в средние века¹ и активно пропагандируемые в конце XV — начале XVI в., прежде всего польской публицистикой².

Иоганн Фабри был осведомлен о том, сколь низкое мнение усвоено преобладающей частью европейцев относительно религиозности русских, или московитов, твердых приверженцев православного христианства. И об этом он открыто писал во введении к своему труду: «Ввиду [разного] характера людских наклонностей я не сомневался, что найдутся такие, которые, как только прочитают это [повествование] о религии, благочестии, нравах и могуществе московитов, заподозрят, что я скорее угодил [своей] наклонности, нежели что дела обстоят так, как мы честнейшим образом сообщили, особенно при том, что *среди людей значительно преобладает та часть, которая едва ли дала бы убедить себя в каком-либо благом мнении об этом народе, и что едва ли какой другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии* (курсив мой. — О. К.)». Однако Фабри, вопреки этому широко распространенному и устоявшемуся мнению, берется доказать обратное, то есть что московиты — «христиане, нравы и весь уклад жизни которых исполнен не чем иным, как истинным благочестием»³. В этих словах слышится заявка на то, чтобы при-

мером русских продемонстрировать западному читателю, в чем заключается и какой должна быть истинно христианская вера. На подобное же восприятие настраивает и предпосланная сочинению Фабри эпиграмма некоего Каспара Куррария (Χασπαρος ὁ Χουρραριος): «Здесь, друг, ты имеешь свидетельства божественных установлений Варваров (ἀγάλματα θεῶν βαρβαρῶν), дабы не пошатнулось почитание твоих собственных божественных установлений»⁴. Бросается в глаза, что русские, или московиты, названы «варварами», как было принято их характеризовать, начиная с раннего Средневековья. Тем большее, по-видимому, должно было, по замыслу Фабри и его единомышленника Каспара Куррария, поразить сознание их современников, прежде всего немцев, среди которых распространились непримиримые религиозные распри, сравнение с тем, как веруют и как чтут церковные установления московиты, слывшие доселе народом диким, не знающим ни правильного гражданского порядка, ни истинного богопочитания. Вольно или невольно Фабри подражал античному историку Корнелию Тациту, который пример германцев⁵, жителей варварской периферии Римской империи, народа, казалось бы, чуждого государственности и высокой культуры, стремился использовать для нравственного наставления и исправления римского общества, которому он предназначал свое произведение.

Фабри: жизнь и творчество

Теперь уместно пояснить, кто такой Иоганн Фабри, когда и по какому поводу был написан им труд «Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря» (*Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*). Родился он в 1478 г. в швабском имперском городе Лойткирхе, настоящее его имя Хейгерлин (или Хайгерлин, Heigerlin)⁶. По примеру других ученых-гуманистов он присвоил себе латинский псевдоним Фабер, или Фабри (Faber, Fabri), обозначавший род занятий его отца, который был кузнецом. Начальное образование получил в Констанце и Ульме, с 1505 г. учился богословию и юриспруденции в университете Тюбингена, затем — Фрайбурга (1509), был удостоен степени магистра свободных искусств, доктора богословия, а также гражданского и церковного права (1511). В духе времени он овладел классическими языками — латинским и древнегреческим, изучал древнееврейский.

Церковное поприще Фабри начал викарием, а затем был приходским священником в городах Лойткирхе и Линдау; в 1513 г. он стал каноником и епископским официалом в Базеле, а в 1518 г. назначен генеральным викарием констанцского диоцеза. Тогда же папа Лев X пожаловал ему звание апостолического протонотария. Известно, что Фабри принадлежал к доминиканскому ордену, однако когда он вступил в него, не установлено⁷. Большое влияние на духовное развитие Фабри оказал Эразм Роттердамский, с которым он по-

дружился и по примеру которого занялся изучением наследия древнехристианских писателей, а также церковной и догматической истории. Фабри принадлежал к приверженной ренессансной образованности части клира, к тем представителям обновительного направления в идейной жизни начала XVI в., из среды которых вышли виднейшие деятели немецкого и швейцарского гуманизма и Реформации. В 1518 г. Фабри, как и Ульрих Цвингли, выступил против торговли индульгенциями, которую вел в Швейцарии францисканский монах Бернхард Самсон.

Однако сторонником начавшейся Реформации Фабри не стал; более того, после поездки в Рим, где состоялось его знакомство с известным противником Лютера Иоганном Экком, Фабри пополнил ряды наиболее резких ее оппонентов. Он проповедовал, проводил публичные диспуты, печатал многочисленные произведения по вопросам, связанным с церковным расколом. Самым значительным из них стал трактат «Молот против Лютеровой ереси» (*Malleus in haeresim Lutheranam*, 1524). Наряду с Иоганном Экком, Иоганном Кохлеем и Фридрихом Наузеа, Фабри выдвинулся в число ведущих антипротестантских публицистов. Из реформаторов особенно часто Фабри полемизировал с Цвингли.

В 1521 г. эрцгерцог Австрийский Фердинанд сделал Фабри своим советником; в 1524 г. Фабри был назначен личным исповедником эрцгерцога и коадьютором венского епископа. Он вел деятельную борьбу с религиозным инакомыслием в Вене, осуществлял строгий надзор за тамошним университетом, выступал в роли книжного цензора. Его услугами венские власти пользовались не только в церковных, но и в государственных делах. С его участием проходили переговоры с протестантами и собрания имперских чинов. В 1526 г., после того как турки, разгромив войско венгерского короля в битве при Мохаче, стали угрожать непосредственно австрийским владениям Габсбургов, Фердинанд отправил Фабри с посольством в Испанию к своему брату, императору Карлу V, дабы испросить помощи против турок; такой же была цель дипломатической миссии Фабри к английскому королю Генриху VIII в 1527 г. В качестве уполномоченного констанцского епископа Фабри в 1529 г. заседал в Шпейерском рейхстаге, где было принято постановление о повсеместном восстановлении католического богослужения, а в 1530 г. — в Аугсбургском, будучи одним из тех, кто составлял «Опровержение» исповеданий немецких и швейцарских реформаторов.

Авторитет Фабри как стойкого защитника католичества был столь высок, что Фердинанд пожаловал ему в декабре 1530 г. освободившуюся к тому времени епископскую кафедру в Вене. За десять лет своей деятельности в качестве венского епископа Фабри употребил много сил к тому, чтобы в австрийских землях был положен предел распространению евангелических учений. В воскресные и праздничные дни он выступал с проповедями, наставляя прихожан в католической вере и опровергая религиозные воззрения про-

тестантов как еретические, ввел строгий надзор за исполнением установленных католической церковью обрядов. Значительно содействовал Фабри расцвету Венского университета в 1530-е гг. Он был в дружеских отношениях с виднейшими университетскими учеными, учредил за свой счет стипендии для неимущих студентов, поощряя их к изучению не только богословия, но также юридических и философских дисциплин. В 1539 г. по инициативе Фабри в Вене был основан Коллегиум Св. Николая для подготовки молодых священников, в котором студенты изучали три древних языка; именно ему он завещал свою огромную библиотеку, насчитывавшую около 4000 томов. Скончался Фабри в мае 1541 г.

Фабри был очень плодовитым писателем, его перу принадлежит множество самых разных работ: трактаты, толкования библейских текстов, проповеди, речи, наставления в вопросах католического вероисповедания, полемические сочинения против еретиков, схизматиков, гуситов, анабаптистов, реформаторов (направленные прежде всего против Лютера, Цвингли, Эколампация, Буллингера, Швенкфельда, Хубмайера). К последнего рода сочинениям можно в значительной мере отнести и трактат «Религия московитов», наполненный прямыми и завуалированными выпадами против реформационного движения, охватившего Германию⁸.

Рукописный оригинал трактата Фабри, посвященного Московии, не известен. Вслед за Ф. Аделунгом принято считать, что первое издание этого трактата имело место в Тюбингене в 1525 г.⁹ Однако ни одного экземпляра публикации 1525 г. обнаружить не удалось. Сомнения в том, что она состоялась, выражал еще Х. Михов¹⁰. Фр. Кэмпфер высказал догадку, что Ф. Аделунг по ошибке принял дату завершения трактата — 18 сентября 1525 г., указанную в конце текста, за дату его первого выпуска в свет¹¹, который в действительности был осуществлен в январе 1526 г. знаменитым базельским типографом Иоганном Бебелем¹².

Фабри никогда не бывал в пределах российского государства, и его сочинение представляет собой запись бесед с послами великого князя Московского Василия III, возвращавшимися из Испании от императора Карла V через южногерманские земли на родину. В Тюбингене русские послы князь Иван Иванович Засекин-Ярославский и дьяк Семен Борисович Трофимов были встречены при дворе эрцгерцога Фердинанда¹³, где Фабри вместе другими не названными лицами взял у них своего рода интервью, следы которого ощутимо чувствуются в появившемся вскоре повествовании об отечестве, народе, религиозных нравах и уставах московитов. Беседы проходили при посредничестве толмача посольства Власа Игнатьева, сведущего в немецком и латинском языках¹⁴, он переводил вопросы русским послам и их ответы.

По своему жанру сочинение Фабри тяготеет к эпистолографии, являя собой пример одного из довольно большого числа писем конца XV — первых де-

сятилетий XVI в., направленных конкретному лицу, но предназначенных для широкого распространения, в которых повествуется о новооткрытых землях и народах. По своему же содержанию оно напоминает докладную записку, в которой конкретный материал — сведения о могущественном и, несомненно, заслуживающем внимания государстве московитов, расположенном на границах Европы, — не имеет самостоятельной, сугубо познавательной ценности, но преподнесен с определенным далеко идущим расчетом, дабы пример другого народа противопоставить религиозно-политической ситуации у себя дома и этим самым повлиять на нее, заставив власть и общество действовать. В самом деле заказчиком сочинения был эрцгерцог Фердинанд, в руках которого фактически находилось управление империей, действительным адресатом — вся образованная, читающая по-латыни Европа.

Собеседования с московитами

Итак, инициативе эрцгерцога Фердинанда приписывает Фабри организацию своего рода интервью московитских послов: «Как только ты, светлейший Государь, с приветливостью и великолепием, свойственным твоей царственной душе, встретил и принял московитских послов... ты, по свойству твоего замечательного ума, тотчас поручил, чтобы я как можно скорее вместе с некоторыми знаменитыми, просвещенными и искушенными во многих вещах мужами, годящимися для дел подобного рода, расспросил, и притом от твоего имени, о происхождении, обычаях, нравах, религии и прочих подобных предметах сих московитов, до недавнего времени нам, немцам, неизвестных»¹⁵. Последние слова Фабри заслуживают веры, ибо не только среди немцев, но и среди других народов Европы о сколько-нибудь широком распространении обстоятельных и достоверных сведений о Руси не могло быть и речи. Берясь повествовать о ней, Фабри, похоже, ощущал себя в роли первооткрывателя. К сожалению, Фабри не раскрывает, кто еще, кроме него, из мужей «знаменитых, просвещенных и искушенных» участвовал в расспросах московитов, но полученное им от эрцгерцога поручение подтверждается содержанием другого документа, датированного февралем 1526 г., — напутственного письма Фердинанда графу Нугароле и барону Герберштейну перед их отправкой с посольством к Василию III¹⁶.

Повинуясь воле своего государя, Фабри обещал «исполнять должность верного переводчика» и излагать «без каких-либо пропусков и в том же порядке и виде все сведения об этих людях [московитах. — О. К.], которые могли быть преданы гласности», но тут же добавлял — «и даже бóльшие, нежели они сообщили»¹⁷. Роль простого стенографиста или литературного оформителя чужих материалов уже не могла устроить гуманистически образованного прелата, и он, конечно же, имел в виду если не проверить, то, по крайней мере,

дополнить или пояснить сведения послов данными античных или новых ренессансных писателей. Не исключено, что Фабри еще прежде послов встречался и беседовал с другими русскими — военнопленными, которых после поражения под Оршей (1514) поляки и литовцы в большом числе отправили в Европу. В 1522 г. их видел в Вене Вадриан¹⁸.

Историко-этническая идентификация москвитов

Гуманистическая ученость Фабри, исследование им космографической литературы античности и его времени, или, по его словам, «сопоставление греческих памятников с латинскими, и древних [в целом] с более новыми», имели для него гораздо более важное значение, чем расспросы русских послов и военнопленных, для выяснения вопроса о том, что за народ они представляют. Ссылаясь на всеобщую переменчивость вещей — распространенный мотив ренессансной философской литературы, он, в частности, констатирует, что «ничто так сильно не изменилось со временем, как названия стран и областей». Поэтому народы, теперь называемые общим именем москвиты, некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами (*Roxolanos*), коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росоланами (*Rosolanos*), а равно и Страбон. Они уже давно зовутся рутенами. И они, — продолжает Фабри свои выкладки, — суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора¹⁹. В последней фразе у Фабри явная опечатка — речь идет о войне Митридата Евпатора (а не Антипатора), понтийского царя, жившего в 120–63 гг. до н. э., против племен Таврии, на помощь которым пришли роксоланы²⁰. Что же касается именованя восточных славян рутенами, то Фабри прав — это название применительно к Руси и ее обитателям (*Ruthenia, rutheni, ruteni*) появилось довольно давно, по крайней мере в XI в., и было широко принято у современников Фабри в XVI в., хотя в античных источниках рутенами обозначалось кельтское племя, обитавшее на границе Аквитании и Нарбоннской Галлии²¹. Дальнейшее преобразование этого имени Фабри объясняет тем, что теперь оно производится от «царского града всей области их», коий зовется Москвой, и звучит как «москвиты». Затем Фабри приводит мнение энциклопедиста и космографа Рафаэле Маффеи (1455–1522), прозванного Волатераном, о том, что имя народа происходит от реки Москвы; впрочем у самого Волатерана, из труда которого, находившегося в личной библиотеке Фабри²², он много заимствовал о москвитях, именно этим именем они ни разу не называются, но только — рутены²³.

«Как бы это имя ни производить, — завершает свои разыскания Фабри, — не столь важно, лишь бы смысл имени был ясен»²⁴. То есть исходными могут быть для имени москвитов названия как города, так и реки — Москва;

и народ этот в прошлом обозначался как рутены и роксоланы. Здесь нужно обратить внимание, что Фабри игнорирует еще одну, подкрепленную солидными в среде гуманистов авторитетами точку зрения, с которой он должен был быть знаком. Так, швейцарский гуманист и реформатор Иоахим Вадриан (1484–1551), опубликовавший в 1518 г. в Вене сочинение Помпония Мелы (2-е изд.: Базель, 1522), в примечаниях к нему утверждал: «Полагаю, что Хамаксобиты... это ныне расположенный в других местах народ, который, исказив слово, поляки называют московитами»²⁵. Следуя ему, южнонемецкий гуманист Вилибальд Пиркгеймер в составленных к «Географии» Птолемея пояснениях (1-е изд.: 1525) различал роксоланов (кн. III, табл. 7), которые, по его словам, теперь «именуются нами рутенами, откуда русские и царство русское», и Амаксобиев, или «Хамаксобитов, по Помпонию, коих Вадриан ныне считает Московитами, и у них столица Москва и река Москва»²⁶. Таким образом, русские, или рутены, по Вадриану и Пиркгеймеру, являются потомками древних роксоланов, тогда как московиты — амаксобиев, или хамаксобитов, то есть совсем другой народности²⁷. С этим были категорически не согласны Волатеран и Фабри, которые, хотя и приняли навязанную польской историко-политической пропагандой деноминацию русских подданных Великого княжества Московского как московитов²⁸, тем не менее считали их тем же народом, что и рутены (то есть русские), отличающимся лишь именем, производным от стольного града государства, ими образуемого.

В пользу подобной идентификации Фабри свидетельствует и подчеркнутая им близость «рутенев, или московитов»²⁹, в том, что касается языка, к западно- и южнославянским народам. «Язык их [московитов. — *О. К.*] весьма похож на богемский, хорватский и славянский и столь близок [языку этих народов. — *О. К.*], что славянин мог бы совершенно понять московита, разве только, по мнению некоторых, у московитов более жесткий и грубый выговор»³⁰. Повод убедиться в подобной языковой близости дали содержащиеся при дворе эрцгерцога Фердинанда переводчики, родом хорваты и далматинцы, которые, хотя прежде «никогда не ездили к московитам и не жили у них, однако, когда встретились с ними, смогли понимать их речь»³¹. Дивясь столь тесному языковому родству московитов с хорошо известными ему славянскими народами Европы, Фабри даже счел возможным согласиться с высказанным кем-то до него предположением, что «некогда народ сей [московиты. — *О. К.*] был разделен на легионы и из Далмации переселился туда [где обитает ныне. — *О. К.*], минуя Паннонию, населенную венграми; и не случайно Волатеран, несомненный авторитет для Фабри, «утверждает, что язык рутенев есть полудалматский (*semidalmaticam*)»³².

Словом, по Фабри, московиты — это иное название рутенев, или русских, точнее, той их части, которая объединена вокруг стольного града Москвы; и находятся эти московиты в теснейшем родстве с другими славянскими народами Европы, о чем свидетельствует их языковая близость.

Просторы Евразии: местоположение Московии и ее города

На границах Европы...

Александр Пушкин

В воротах Азии, среди лесов дремучих...

Николай Заболоцкий

Одним из первых Фабри дал определенную географическую характеристику Московской Руси как страны евразийской: «...империя герцога московского воистину весьма обширна и протяженна, охватывает немалые территории в Азии, а также в Европе»³³. Речь, конечно, идет не о попытках поставить под контроль повелителя московитов земли за Уралом, а о том, что его владения простираются к западу и востоку от реки Танаис (Дон), считавшейся с античных времен границей Европы и Азии³⁴. Великие просторы только теперь по-настоящему открываемой Руси начинают завораживать европейцев.

Довольно точно Фабри обозначает границы московитских владений. «Итак, рутены, или московиты, расположены более к востоку, весьма близко от Борисфена [Днепра. — О. К.], граничат с одной стороны с литовцами и далее с поляками, а с другой — с татарами»³⁵, — пишет Фабри. Значит, если на западе московиты имеют литовцев и поляков, то на другой стороне, то есть на востоке, их соседями являются татары, которые «постоянно ведут против них войну, совершая частые набеги». С юга они также терпят «бесчисленные невзгоды войны от кафского царя [крымского хана — О. К.], который, несомненно, в отношении военной силы является могущественнейшим среди татар». И только на севере они имеют, что называется, естественные рубежи, ибо «окружены Ледовитым морем, берег коего, хотя и весьма обширен, почти весь принадлежит герцогу московскому»³⁶.

По сведениям Фабри, в Московии довольно много больших городов. Как сообщили ему московитские послы, столица ее, город Москва, превосходит Кельн (Колонию Агриппину), который они исследовали с большим тщанием. Не уточняется, правда, имеются ли в виду размеры территории, занимаемой городом, или величина его населения; ибо площадь русских городов должна была значительно превосходить западные города за счет неплотной застройки и наличия между домами больших пространств, используемых под сады и огороды³⁷. Равными по величине с Москвой городами Фабри называет Владимир, Псков, Новгород, Смоленск, Тверь, «застроенные, по рассказам, пышными царскими хоромами, а также хорошо укрепленные стенами, которые сооружены из тесаного камня или из обожженного кирпича». Конечно, величина всех этих названных городов не могла идти ни в какое сравнение с Москвой, в этом Фабри явно ошибался; недостоверны также его сообщения о хороших укреплениях городов — не их детинцев, а именно городских стен. Лишь у Пскова были надежные внешние укрепления, о ко-

торых Фабри пишет отдельно: «По сравнению с другими особенно сильно укреплен Псков, опоясанный тремя стенами». Правда, и тут Фабри неточен; по свидетельству Герберштейна, Псков действительно окружен каменной стеной и разделен на четыре части, каждая из которых заключена в своих стенах, что дает повод «некоторым ошибочно утверждать, будто он окружен четырехкратной стеной»³⁸.

Прочие города, коим, замечает Фабри, несть числа, не столь знамениты³⁹. И все же имена некоторых он дает, указывая их в качестве епископских резиденций: помимо названных ранее, упомянуты также Ростов, Суздаль, Рязань, Коломна, Вологда, Крутицы⁴⁰.

Природные условия и занятия обитателей Московии

О природных условиях Московии сведения, сообщаемые Фабри, чрезвычайно скудны. Он пишет о ее «необыкновенно обширных лесах», в которых ловятся черные лисицы и белые медведи, хотя место обитания белых медведей — безлесные области Арктики; ссылаясь на философию, он поясняет, что причина белой окраски животных — «чрезвычайный северный холод»⁴¹. В лесах, по Фабри, живет много людей, промысляющих звероловством. У москвитов также огромное множество пчел, дающих в изобилии мед и воск, ценящиеся у них, впрочем, невысоко. По данным Фабри, «из-за частых войн земля у них [москвитов. — О. К.] остается необработанной и невозделанной», то есть земледелием они почти не занимаются; утверждение это явно не соответствует действительности; похоже, Фабри использовал где-то добытые старые сведения о Северной Руси — Новгороде и его владениях, действительно импортировавших продукты зерноводства, — и посчитал за верное отнести их ко всей Московской Руси. Основные жизненные припасы москвиты, согласно Фабри, будто бы «получают не от чего иного, как от мехов, для приобретения которых приезжают купцы как из наших [Южная Германия. — О. К.], так и из более отдаленных краев, — столь высокими качествами они обладают; ибо наиболее ценящиеся у нас меха — собольи, бобровые, горностаевые и им подобные — мы покупаем у них»⁴². Действительно, в особенности после присоединения Новгорода, Московская Русь становится главным рынком пушных товаров; однако в обмен на них москвиты приобретают не только «жизненные припасы», то есть продовольствие (покупают главным образом соль, сладкие вина, орехи, сушеные плоды и т. п.), но и железо, цветные металлы, ткани, золотую и серебряную монету, ремесленные изделия (иголки, крашеная пряжа, пергамент, сафьян и т. д.)⁴³.

Торговый обмен у москвитов, в изображении Фабри, весьма и весьма примитивен. «Договариваясь только на словах, без долгих околичностей они заключают торговые сделки и [предлагают] товар за товар... весьма часто

меняют они меха на плоды и другое, необходимое для жизни». Вместе с тем, здесь же Фабри замечает, что «золотые и серебряные деньги у них в большом ходу»⁴⁴. Получается какая-то абсурдная ситуация: описана торговля в виде натурального обмена продуктами, которой не нужно никакое опосредствование деньгами, и в то же время признается, что деньги, золотые и серебряные монеты, широко используются — интересно, где, если не в торговле? Похоже, и в случае с описанием торговли Фабри опирался на какое-то известие, рассказывающее, как ведется торг с обитателями крайнего Севера, действительно происходивший в виде натурального обмена, и полагал, что это известие применимо для описания торговли Московской Руси.

Денежная система Руси у Фабри показана тоже весьма архаичной. Ссылаясь на Волатерана, он утверждал, что «рутены используют монеты без клейма»⁴⁵ (речь идет, конечно же, о гривнах), хотя монету с изображениями на обеих ее сторонах как в Москве, так и в других княжествах Северо-Восточной Руси (Суздальско-Нижегородском, Рязанском) начали выпускать в широких масштабах, по крайней мере, на полтора столетия раньше времени, когда писал Фабри⁴⁶. Правда, он тут же добавляет, что, опросив москвитов, узнал об активном использовании у них венгерских денег; и эту информацию подтверждает Герберштейн, ведя речь о хождении в Московии венгерской золотой монеты или рейнской чеканки⁴⁷.

Рожденные Севером: нравы обитателей Московии

...аббат намекнул в каких-то неясных и нетвердых чертах... что на севере есть варварская земля Московия, где бывают такие жестокие морозы, от которых может лопнуть мозг человеческого.

Николай Гоголь

«Среди племен, [подвластных] императору москвитов, есть и такие, которые не употребляют и не имеют ни вина, ни хлеба, а питаются, подобно зверям, [мясом] зверей; этим они сходствуют с татарами, народ неизвестный и совершенно дикий, обитающий в лесах по берегам Ледовитого моря неподалеку от Татарии», — опять внимание Фабри привлекает полунощный край русской страны с его особенным, каким-то звероподобным населением, своего рода дикарями Севера. Им он противопоставляет других жителей Московии, из Новгорода и иных городов, которые, «как и мы [немцы, европейцы. — О. К.], употребляют в еду блюда из рыбы, более приставшие в гражданском общежитии»; именно этим, то есть пищей из рыбы, пусть и приготовленной несколько по-другому, чем привычно Фабри, собственно москвиты, то есть русские (рутены), являют «большую цивилизность» (*magis civiliter*)⁴⁸.

Странный и несколько непривычный критерий «цивильности» находит Фабри для русских. Впрочем, не стоит обольщаться: как бы Фабри ни ставил их выше дикого населения крайнего Севера, он далек от того, чтобы считать их образцом цивилизованности и культуры. Более того, даже обнаруживая у москвитов чистоту христианской веры и противопоставляя ее религиозным смутам в Германии, он то и дело при этом подчеркивает их грубость, даже дикость, имея в виду прежде всего нравы повседневной жизни. Конечно, делается это в назидательных целях, ибо набожность подобных людей должна усиливать впечатление нелепости того, что происходит с немцами. Но тогда возникает вопрос: а почему нравы москвитов не смягчаются и, как бы сейчас сказали, не цивилизуются под воздействием их чрезвычайного благочестия? Не мешает ли этому какая-то их природная предрасположенность? Похоже, ситуацию с москвитами надо понимать именно так. Ведь не случайно Фабри в «Молоте против Лютеровой ереси» назвал их жителями севера (*septentrionales*), а на титуле трактата «Религия москвитов» уточнил, что обитают они «у Ледовитого моря» (*Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*)⁴⁹. В тексте же самого трактата, описывая природные условия их земли, Фабри не раз обращал внимание на то, что с севера она омывается «Ледовитым морем», иначе называемым «Кроновым озером» (*lacum Cronium*), и свойственен для нее «чрезвычайный северный холод», оказывающий решающее воздействие на все живые существа⁵⁰. Согласно с этим и людям, обитающим на севере, как внушали еще корифеи античной, средневековой и ренессансной науки — Аристотель, Фома Аквинский, Джованни Пико делла Мирандола, — природой предопределено быть дикими, свирепыми, чуждыми какой-нибудь правильной гражданской жизни⁵¹, о чем не забывает напоминать в связи с москвитами и Фабри.

Пример для подражания, или политический строй Московии

Главная цель сочинения Фабри не познавательная, а публицистическая. Ибо оно призвано не столько рассказать о малоизвестной стране, сколько дать немцам (и всей образованной Европе) назидание и пример правильной и праведной жизни. Касается это прежде всего государственного строя, вооруженных сил и особенно религии. Московское государство изображается у Фабри близким подобием Священной Римской империи, но без тех изъянов, которые были присущи этому государству и которые в условиях новых международных и внутренних угроз поставили под вопрос само его существование. «Князь Московский, — пишет Фабри, — имеет под своей рукой многочисленных князей провинций, весьма могущественных... Замечательно и весьма заслуживает высшей похвалы у них то, что всякий из них, как бы ни был он знатен, богат и могущественен, будучи потребован [великим]

князем хотя бы через самого низкого гонца, тотчас спешит исполнить любое повеление своего императора [так!], яко повеление Божье, даже тогда, когда это, казалось, сопряжено с риском или опасностью для жизни. Более того, величайшим проступком и бесчестьем считается у них, если кто-то по своей воле не услужит во всем [своему] герцогу [так!]. И, напротив, славна в муже покорность [государю]»⁵².

В правление Ивана III и Василия III в Московском государстве еще оставались владетельные служилые (или «служебные») и удельные князья, число которых, правда, постоянно и неуклонно сокращалось⁵³, достаточно полномочные в своих владениях, но в то же время беспрекословно исполнявшие, как и вся московская знать, особенно в делах войны, повеления своего государя. Это-то и вызывало восхищение Фабри, который как лицо, хорошо сведущее в делах империи, невольно сравнивал с порядками Московии поведение наследственных территориальных владетелей Германии, цепко державшихся за свои права и привилегии, нередко проводивших политику, не только не согласную с императорской, но и, случалось, враждебную ей⁵⁴. Идеализация политического строя Московии была чрезвычайно актуальна в то время, когда Фабри писал о нем, ибо как раз на 1525 г. приходится один из самых серьезных моментов острого военного противостояния империи и Франции в ходе так называемых Итальянских войн; и тогда же со всей очевидностью обнаружилась перспектива тяжелого, неотвратимого столкновения с османами, уже изготовившимися нанести удар по Венгрии. В этих условиях солидарность с правительством всех чинов империи, и прежде всего князей, в среде которых уже обнаружилась тенденция к образованию враждебной Габсбургам группировки, была как никогда необходима. Именно с целью вразумить князей империи и показать, насколько преданы они должны быть престолу, Фабри обращается к примеру Московии, представленной, конечно же, как страна образцовых, достойных подражания устоев. Чтобы дать им живую конкретную иллюстрацию, Фабри рассказывает о русском после, с которым он вел беседы, когда тот после посещения в Испании императора Карла V вновь прибыл в Германию к эрцгерцогу Фердинанду, и который будто бы в случае военной необходимости «обычно выставляет своему императору тридцать тысяч конницы». Имеются и другие князья, — добавлено тут же, — «располагающие немалой военной силой»⁵⁵.

Цифра в тридцать тысяч конных ратников, которых готов выставить указанный Фабри русский князь, невероятна и очевидно преувеличена, причем, скорее всего, немецким автором. Русский посол в империю, этот «убеленный сединами брадатый старец»⁵⁶, Иван Иванович Засекин-Ярославский из младшей ветви ярославских князей⁵⁷, не был крупным территориальным владетелем, а относился к не очень богатым и маловлиятельным служилым князьям; поэтому в случае войны он едва ли мог привести государю значительный отряд воинов.

Впечатлить читателя книжицы Фабри должна была описанная им полная преданность своему государю московитов, согласных жертвовать ему абсолютно всем. «Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так удостоится бессмертия»⁵⁸. Речь, конечно, идет о бессмертии души. Таким образом, безоглядно служить государю, положить за него свою жизнь считается у московитов, если верить Фабри, делом в высшей степени богоугодным, приравнивается к религиозному подвигу, обеспечивающему спасение души. Да иного отношения к монаршей власти Фабри и не мог допускать, ведь ее носитель есть не просто помазанник Божий, но живой и видимый образ самого Царя небесного; и достоподобное восприятие этой власти он, в данном случае, надо признать, небезосновательно⁵⁹, обнаружил у московитов.

Вместе с тем политический строй Московии Фабри определяет как *аристократию*⁶⁰, то есть, по Аристотелю, как одну из правильных форм правления, при которой власть принадлежит немногим, но лучшим людям⁶¹. А это означает, что, хотя монарх и располагает у подданных безусловным авторитетом, он в то же время считается с верхушкой своего государства, не игнорирует тех, кого Фабри назвал могущественными «князьями провинций». Такой Фабри изображал Московскую Русь, по образцу которой он желал бы перестроить порядки империи. «Наши же [немцы. — О. К.] предпочитают, — с горечью констатировал он, — чтобы все превратилось в демократию и олигархию»⁶², считавшиеся, начиная с Аристотеля, неправильными формами правления⁶³.

Титул московского государя

Вопрос о титулатуре московского государя в течение многих столетий осложнял отношения Руси с европейскими государствами.

Сам Фабри в своем сочинении именует русского монарха по-разному. На протяжении всего нескольких страниц⁶⁴ он его обозначает тремя титулами. По крайней мере трижды Фабри называет московского государя «герцогом» (*dux*); однажды он использует титул «князя» (*princeps*); но чаще всего — «император» (*imperator*), который по статусу гораздо выше первых двух титулов. Объяснить, в каких случаях Фабри применяет тот или иной титул, невозможно; в одном случае употребленный Фабри титул явно не соответствует указанному им же статусу государства «империя герцога московского» (*Moscouitarum ducis imperium*)⁶⁵.

Такая неразборчивость, а лучше сказать, путаница в титулатуре русского государя, допущенная не каким-то малосведущим в политике писателем, а советником и личным исповедником эрцгерцога Австрийского Фердинанда, фактического правителя империи, ставит в тупик. Тем более что Фабри

в этой же работе привел два подлинных документа, в которых российский государь поименован императором. Один из них, правда, московского происхождения, это инскрипция царской грамоты иноземным государям: «Василий, Божьей милостью император [в оригинале, конечно, должно было стоять царь. — О. К.] всея Руси и великий князь Владимирский, Новгородский, Псковский, Смоленский и Тверской»⁶⁶. Другой — тоже инскрипция, но уже грамоты императора Карла V к Василию III, в коей российский монарх поименован не только «Божьей милостью императором и повелителем рутенов», но и «старшим братом и другом нашим дражайшим»⁶⁷. Таким образом, первый среди монархов латинского Запада готов был признать русского правителя равным, если не более высоким по положению, государем; однако грамота с подобным обращением на Русь так и не была отправлена, нашлись силы (их выразителем был, в частности, Герберштейн), потребовавшие более скромного величания Василия III⁶⁸. Похоже, оглядываясь на эти политические круги, ориентированные не на налаживание отношений с Москвой, а на союз с Польско-Литовским государством, Фабри не стал к русскому правителю применять только титул императора, «разнообразя» его двумя другими — герцога и князя; вместе с тем уже потому, что Русь он изображал как сильное, образцовое государство, с которым имеет смысл дружить и с которого не худо бы брать пример для исправления дел в Германии, а также потому, что он поместил документы дипломатических сношений, определенно называющие Василия III императором, Фабри доказывал законность и обоснованность именно этого титула и сам предпочтительно перед другими его употреблял.

Стоит заметить, что еще в издании сочинений Фабри 1537 г.⁶⁹ предисловие с инскрипцией грамоты Карла V к Василию III сохраняется, тогда как начиная с издания 1541 г.⁷⁰ чьими-то стараниями оно исчезает и более не появляется в публикациях этого трактата Фабри.

Вооруженные силы московитов

В глазах Фабри и некоторых иных европейских авторов его времени, писавших о России, страна эта выглядела привлекательно в качестве возможного военного союзника против общих врагов, прежде всего против османов, экспансия которых в первые десятилетия XVI в. представляла непосредственную опасность для стран Средиземноморья и Центральной Европы. Фабри, конечно, преувеличивал, оценивая численность московитского войска в двести и триста тысяч ратников, которых российский государь может быстро собрать, намереваясь вести их против своих неприятелей татар, «кафского царя» (крымского хана) или кого-то другого⁷¹. Если приведенные цифры были названы Фабри русским послом, то он, по замечанию В. О. Ключевского, стремился «выставить в выгодном свете военные силы своего отечества»⁷²,

которые, по прикидкам историков, не превышали ста десяти тысяч человек⁷³. Впрочем, и эта цифра выглядела бы внушительно.

И опять Фабри выдает желаемое за действительное, утверждая, будто «с таким сильным войском из конницы, подобной рою пчел, они часто одерживают решительные победы над турками, татарами и другими народами. И тогда, когда цесарь Максимилиан вступил с ними в союз [1514 г. — О. К.], они вели войну с королем Польским»⁷⁴. На самом деле с турками русские еще не воевали. О «решительных победах» (*fortissimos triumphos*) над татарами вообще говорить не приходится: походы на Казань были неудачны, а набег в 1521 г. крымских татар, дошедших почти до Москвы, имел для Руси самые тяжелые последствия; войны с Польско-Литовским государством шли с переменным успехом. Так, что намекая на выгоды военного союза с москвитями, Фабри преувеличивал их военные достижения, которые на тот момент ограничивались лишь взятием Смоленска (1514).

Так же высоко отзывается Фабри о военном умении москвитов, обращая внимание на их прогресс в тактике ведения боя: «Поскольку они постоянно воюют, постольку они постоянно становятся искуснее в военном деле, как в обороне, так и в наступлении. Прежде, подобно парфянам, они одерживали победы, действуя больше отступательным, нежели наступательным образом, забрасывая [врагов] стрелами из луков; теперь же они стали искуснее во всех видах войны наступательной и оборонительной, применяют медные орудия, именуемые бомбардами, расставляют удивительной величины строи с обычной [для них] старательностью»⁷⁵. У современного историка вопрос может вызвать уместность сравнения с парфянами, кочевниками, каковыми москвиты никогда не были. Впрочем, и остальная информация о вооруженных силах москвитов нуждалась бы в уточнениях, теперь уже не вполне возможных. И все же надо признать, что у читателей Фабри она должна была создать самое благоприятное впечатление о русских как боеспособных и выгодных союзниках.

Основания веры у москвитов

Основную часть всей работы Фабри, более двух третей ее объема, занимает тема религии и церковной жизни москвитов⁷⁶. «Но важнее всего то, — пишет Фабри, — что они держатся христианской веры, которая, как они утверждают, им была возвещена Святым апостолом Андреем, братом Симона Петра»⁷⁷. Такая констатация дает Фабри повод не только восхититься верой русских, но и попрекнуть своих соотечественников в отходе от нее: «Итак, с большим постоянством души, нежели многие из наших, они твердо стоят в первой вере, воспринятой от апостола Андрея, его преемников и святых отцов и впитанной ими с материнским молоком». Чуть раньше он указывает на

полное приятие русскими соборных постановлений и писаний отцов церкви (названы Василий Великий и Иоанн Златоуст), ибо все это почитается ими столь же «святым, непреложным и чистым», как и то, что содержат «Евангелия Христа», и от этого «вплоть до сего дня никому из них не дозволено было отступить ни на вершок»⁷⁸. Совершенно ясно, что столь высокий авторитет, коим у русских пользуется церковное Предание, должен обнаружить неправоту деятелей Реформации, ставящих это Предание неизмеримо ниже Священного Писания. И также совершенно ясно, что «люди, свято оберегающие свою древнюю веру, ни в коем случае не допускают, чтобы в их среде происходили расколы на различные ереси»⁷⁹. Для разрешения же каких-либо недоразумений в вопросах веры или в обрядах они обращаются только к авторитету епископов⁸⁰.

Церковная иерархия

И вообще, по Фабри, власть епископов у московитов весьма велика, и они, что ему очень важно подчеркнуть, «не очень разнятся во многих отношениях от наших [католических. — *О. К.*]»⁸¹. Главой русской церкви он называет архиепископа, имеющего резиденцию в Москве (на самом деле московский святитель был в сане митрополита), которому подчиняются епископы Ростова, Суздаля, Твери, Смоленска, Рязани, Коломны, Вологды и Крутиц (в действительности церковный иерарх Ростова, а также иерарх Новгорода, о котором Фабри не упоминает, имели сан архиепископа)⁸². В полномочия епископов входит рукополагать и низлагать священников, они же, если верить Фабри, «отправляют таинство конфирмации», которого, впрочем, в православной церкви нет, освящают хризму и масло для крещения. Опять же, если верить Фабри, русские епископы, «как и у нас, — не упускает он случая подчеркнуть, — имеют своих викариев и официалов, которые управляют подданными и осуществляют правосудие в делах церковных». Живут они десятинами, по установлению Божьему, и точно так же, как католические прелаты, «пользуются пожалованными им по праву именениями, владеют селами и замками»⁸³. Фабри слишком увлекся, ибо уже Герберштейн, явно полемизируя с ним, заметил совсем иное: «Замков же, городов или какого-нибудь мирского (как они выражаются) управления они [епископы русских. — *О. К.*] не имеют»⁸⁴. Равным образом и десятины предназначались на Руси не для содержания клира⁸⁵.

Аналогию с католиками Фабри находит и в том, что в качестве знаков их сана епископы на Руси «используют точно так же, как и наши, посохи и митры»⁸⁶.

Особый восторг вызывает у Фабри постничество высших иерархов русской церкви, по-видимому, не столь уж характерное для первопастырей у католиков, если он даже не пытается провести между ними параллель: «Воз-

держание в пище и питии архиепископов и остальных епископов превыше всяких похвал и столь замечательно и велико, что они, почти наравне с монахами их страны, которая ими изобилует, связаны тем же законом, ни при каких обстоятельствах не позволяющим им употреблять в пищу мясо»⁸⁷.

Епископат на Руси играет важную роль в социальной жизни, если, как сказано у Фабри, «среди приближенных епископа есть люди как знатного, так и иного происхождения»⁸⁸, другими словами, епископский двор пользуется высоким престижем, являясь центром притяжения для выходцев из различных общественных групп, включая знать. Эта картина, правда, больше напоминает положение высших церковных иерархов в Германии, «князей церкви», располагавших не только духовной, но и светской властью и потому собиравших при своем дворе для выполнения разных служб или в качестве соискателей почетных и доходных должностей лиц благородного звания. Можно согласиться с мнением Фр. Кэмпфера о том, что сам Фабри, обладатель нескольких церковных доходных мест (*Inhaber mehrerer Pfründen*), в глубине своей души уже помышлял о епископском кресле для себя и потому всячески акцентировал близость устоев католической и православной русской церкви, пытаясь ссылкой на последнюю, чья верность древним, апостольским традициям не подвергалась сомнению, оправдать католическую иерархию со всеми ее правами и привилегиями, в особенности на светскую власть, которая, как и роскошная жизнь клира, вызывали недовольство и ожесточенные нападки реформаторов⁸⁹. Более того, эта иерархия, то есть епископат, и является, по Фабри, истинным фундаментом, на котором зиждется весь религиозный строй московитов: «Несомненно, именно от епископов зависит сохранение или гибель всей религии рутенов»⁹⁰. Эти слова не стоит принимать на веру. Фабри недопустимо абсолютизировал значение и место епископов в церковной жизни Руси, недооценивая при этом, в частности, роль великого князя, его ответственность за положение дел в церкви⁹¹. Он представлял ситуацию так, как она ему виделась в свете борьбы с реформаторами, русским примером особенно подчеркивая исключительную роль церковной иерархии как гаранта незыблемости основ и устоев религии.

Монашество

Еще одним важным институтом католической церкви, подвергавшимся нападению реформаторов и упраздненным ими, было монашество. Русь, в которой, как сказано у Фабри в маргиналии к основному тексту, «множество монахов» (*Monachi plures*), и в этом случае давала ему весомый аргумент обрушиться на противников иноческого чина с резкой инвективой: «Итак, пусть безумствующая толпа у нас в Германии [сторонники Реформации. — О. К.] не думает, что можно так легко издеваться над монахами, словно над какими-то чудовищами, и поносить их... монашество, гораздо более соответствующее

Евангелию, чем глупые предположения наших людей, [там, у русских. — О. К.] до сих пор почитается; народ, огрубевший в непрерывных войнах (*gens effe-rata bello continuo*), высоко ценит то, чем мы гнушаемся»⁹². Фабри опять прибегает к уже испытанному приему и, желая сильнее задеть самолюбие принявших сторону Реформации немцев, противопоставляет их безумным, с его точки зрения, новшествам благочестие «огрубевших в непрерывных войнах» людей (тех, кого Куррарий прямо называет «варварами»), свято чтущих древнецерковные институты, в их числе монашество.

Касаясь жизни монастырей, Фабри рассказывает о расположенной неподалеку от Москвы преогромной обители, прославленной погребением в ней Святого Сергия и чудесами, им творимыми. Нет сомнений, что об этом Фабри был проинформирован русскими послами, сведения которых он довольно точно воспроизвел. Он отмечает набожность русского монашества, заслужившего за это в обществе величайшее почтение (*summo honore*), уважительное отношение к монашеским обетам (послушания, нищеты, целомудрия), чему Фабри может только позавидовать, наказание узилищем, как за тяжкое злодеяние, всякого, кто дерзнул бы, нарушив обет, бежать из монастыря, даже если это сделает кто-то из высших церковных иерархов⁹³.

Целомудрие клира

Метя опять же в протестантов, выступавших против безбрачия духовенства, Фабри превозносит целомудрие (*castitas*) московитов. У них «ни при каких условиях монахам не дозволено брать жен, а монахиням — выходить замуж. Ибо сие запрещает Павел и вся церковь. Тот же, кто женился на девице незапятнанной репутации, [может быть] рукоположен в священники, в монахи, однако, не принимается никогда»⁹⁴. Нужно обратить внимание, что еще прежде, в «Молоте против Лютеровой ереси» (1524), в сходном контексте Фабри вспоминает о московитах: «Послушай-ка теперь, — обращается он к читателю, — как ведут себя северяне в подобном деле: эти московиты, целиком следуя [апостолу] Павлу, разрешают жениться священнику, но только единожды, и на девственнице... — и далее: — Сии люди, пусть весьма грубые и дикие, однако похваляются, что порядок этот воспринят от Павла, более того — что располагают некими посланиями, написанными рукой Павла»⁹⁵. Их пример, на котором акцентировал Фабри внимание в двух близких по времени создания произведениях, должен был выглядеть прямым укором и осуждением дерзкой, порывающей со всеми издревле установленными церковными обычаями женитьбе Лютера, августинского монаха, в 1525 г. на беглой монахине, что Фабри мог иметь в виду прежде всего, касаясь этих проблем⁹⁶.

Особое умиление вызывает у Фабри обычай московитских священников отказываться от плотских связей с женами накануне богослужения — это, по

его мнению, «составляет венец набожности и усиливает дух благочестия». Более того, «ради пущего благоговения и следующую ночь они воздерживаются от своих жен. Таково в них благоговение по отношению к таинству Тела и Крови [Христовой]...» И, как в других случаях, Фабри этим обыкновением русского белого духовенства считает возможным наставлять своих католических клириков, хотя парадокс состоит в том, что никому из них ни под каким видом не разрешено иметь жену: «Пусть это будет теперь примером для наших [священников], имеющих обыкновение совершать сие пресвятое таинство, залог всего искупления нашего, руками, запятнанными грехом»⁹⁷. Фабри ссылается в качестве образца на православных русских священников, ибо и в том, как они подходят к отправлению богослужения, их религиозное рвение он считает неизмеримо более высоким.

Литургия. Представление о чистилище. Почитание Богородицы и святых

Совсем не случайно Фабри подробно рассказывает о порядке совершения литургии у московитов — пусть косвенно, это подразумевало отпор нападкам протестантов на католическую мессу. Ссылкой на мнение московитов он доказывает ее древнехристианские корни: «Они утверждают, что все, касающееся обрядов и в особенности литургий, исходит из первоначальных установлений церкви, как учат Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов»⁹⁸. В проведении литургии много общего с западной церковью, и все же в некоторых отношениях литургия московитов имеет особенности, доказывающие большую набожность этого народа. Например, их «литургия втрое длиннее, нежели принятая у латинян»⁹⁹, что уже само по себе говорит, насколько более они преданы богослужению. В качестве отличия Фабри также отмечает использование ими, как и греками, кислого хлеба. Перечисляя порядок следования частей литургии, Фабри его немного перепутал¹⁰⁰, но он явно ошибся, выдавая желаемое за действительное и вводя в заблуждение и себя, и читателей, когда заключил, что «у них, вне всякого сомнения, есть представление о чистилище (*purgatorij opinio*)», из того, что «они усердно молятся за умерших, помогают им [заупокойными службами]» и «проявляют столь великое благочестие» в этом отношении, что многие из них правят за умерших дважды в год години¹⁰¹. Понятное дело, что из одного не обязательно должно вытекать другое, и, доказывая, что московиты признают чистилище, которое они в действительности, наоборот, категорически отвергали, Фабри хотел еще раз, пусть и путем рискованной и в итоге несостоятельной логики, возразить критике протестантов католического учения о чистилище.

Сходную направленность содержали сведения Фабри о культе Богородицы и святых, против чего решительно выступали сторонники Реформации,

находя в этом пережитки язычества. «Велико их [москвитов. — О. К.] почитание Девы Марии, к которой, как к матери Христа, они часто обращаются в молитвах для заступничества перед сыном». Далее он перечисляет богородичные праздники, принятые у католиков¹⁰², полагая, по-видимому, их полную идентичность богородичным православным праздникам, что обусловило некоторую недостоверность информации; скорее всего, по недоразумению он в их число включает праздник Сретения, или Очищения (Purificatio), считающийся в западной церкви богородичным, хотя русские послы могли говорить ему о другом празднике — Введения во храм Пресвятой Богородицы, о котором Фабри молчит; не указан еще один праздник, особо чтимый на Руси начиная с Андрея Боголюбского, — Покрова Пресвятой Богородицы¹⁰³; странно было бы, если бы о нем информаторы Фабри даже не упомянули.

Как и Богородицу, москвиты почитают святых: «Они верят, что святые могут выступать нашими заступниками перед Богом... По этой причине они им молятся и поклоняются»¹⁰⁴. С особым благоговением относятся они «к Святому Николаю, которого они чтут, прославляют и призывают [в заступники]. И не только они, — добавляет Фабри, — но и многие из татар и магометан»¹⁰⁵. О чрезвычайной популярности Святого Николая на Руси свидетельствует множество русских источников, так что в данном случае Фабри добросовестно передает то, что услышал от послов.

Таинства

Вопрос о том, в какой мере и какие таинства практикуют на Руси, представлял для Фабри большую важность, если иметь в виду, что Лютером из семи таинств католической церкви поначалу признавались только три, а позже и вовсе два — крещение и евхаристия, — да и те подверглись значительному перетолкованию. По Фабри, москвиты, как и католики, «признают семь таинств»¹⁰⁶. Он настаивает на том, что москвиты сохраняют преемственность с древнецерковными учреждениями и в отношении таинств. Например, таинство *евхаристии* «они устраивают для людей в то же самое время, в какое его установил сам Христос и затем восприняла церковь, то есть во время Пасхи; пожалуй, однако, в другом порядке, нежели совершает и предписывает римская церковь»¹⁰⁷; правда, суть расхождений автор не указывает.

Первым и главным таинством они, тем не менее, считают *крещение*, и, если верить Фабри, всякого, кто им пренебрегает и порочит его, они наказывают смертью; достойным совершать это таинство они полагают только священника. Фабри акцентирует древность этого обряда и твердую приверженность москвитов изначальным церковным установлениям: «Действительно, все, что от тех, кто заложил у роксоланов [так, по Фабри, некогда именовались москвиты]¹⁰⁸. — О. К.] первые основы веры, передавалось как бы из по-

колениа в поколение, они всегда сохраняли твердо, в чистоте и нерушимости; и они считают, что христианам нельзя и в будущем, подобно тростнику, раскачиваемому ветром, под воздействием чьего-либо ловкого уговора удаляться от этого, а также, если ангел не спустится с небес, разрешать отворачивать, подобно воску, умы свои от сих уставов»¹⁰⁹.

То же самое постоянство в вере опять подчеркнуто буквально через полстраницы в связи с обсуждением обряда обрезания, который московиты отвергают, ибо «они не допускают ничего такого, что не было бы созвучно и согласно во всем евангельской истине, *православной вере*, которую они столько веков сохраняли чистой, неоскверненной, *святой*. Ибо впитали ее с молоком матери [курсив мой. — О. К.]»¹¹⁰. Стоит обратить внимание на то, что здесь формулируется понятие *святой православной веры*, которое само по себе не ново и может восприниматься не иначе, как законное и логичное; непривычно и ново то, что ее охранителем и носителем объявляется русский народ, московиты. От этого до идеи «Святой Руси» дистанция уже небольшая.

Дважды упоминает Фабри о таинстве *конфирмации*, в которое посвящает верующих по достижении ими совершеннолетия только епископ, в чем он, как обычно, усматривает сохранение «из поколения в поколение» древней, апостольской традиции¹¹¹. В этом случае Фабри, скорее всего, принимает одно таинство за другое, ибо в православной церкви нет таинства *конфирмации*; по предположению А. А. Алмазова, к таковому он мог отнести таинство *миропомазания*, о котором, впрочем, он тоже упоминает ([Sacramentum] Vnctionis)¹¹², правда, в маргиналии, и которое совершают в православной церкви сразу вслед за крещением¹¹³.

Свято чтут, по Фабри, московиты таинство *брака* как изначальное церковное установление, «ибо что однажды предписано святыми отцами, то они никогда не пытаются отменить». В частности, они остерегаются и избегают матримониальных союзов между близкими родственниками до четвертого колена и категорически запрещают их тем, кто сочетался родством при крещении и *конфирмации*¹¹⁴. Как ни странно, Фабри выступил в этом вопросе не против тех, кто отрицал нерушимость брака и допускал развод, подобно сторонникам Реформации; его больше беспокоила практика близкородственных браков, распространенная на Западе, особенно в феодальной среде, и обусловленная нежеланием знатных семейств дробить и терять владения, передавая их в качестве приданого в чужие руки.

Таинство *священства* вершит, не раз замечает Фабри, только епископ, как и в католической церкви. Именно он жалует священникам так называемую власть ключей (*clauium potestas*), коей они могут «разрешать [человека] от грехов или признавать достойным наказания за них»¹¹⁵. Довольно подробно описывает Фабри таинство *покаяния*, или исповеди, которую верующие обязаны творить в праздник Пасхи (можно и чаще — в другие прославленные

церковные праздники) и за уклонение от которой им грозит анафема¹¹⁶. И только мимоходом упоминает таинство *елеосвящения*¹¹⁷. Все эти три таинства отвергались реформаторами, хотя были приняты не только в католической, но и в православной церкви, твердо держащейся изначальной церковной традиции, как не уставал подчеркивать Фабри.

Посты. Молитвы. Образа святых

Поразительный пример для подражания и восхищения и убедительнейшее свидетельство превосходства набожности москвитов Фабри увидел в том, как они постятся. Он назвал четыре главных и самых продолжительных поста — семинедельный Великий пост перед Пасхой, Рождественский (или Филиппов) в ноябре—декабре, Петровский пост в середине лета и Успенский (или Богородицкий) пост в августе; постятся также москвиты все среды и пятницы. Некоторые принимают на себя добровольно более строгие посты: так, среди участников посольства, свидетельствует Фабри со ссылкой на их переводчика, восемь человек трижды в неделю соблюдали обет воздержания от употребления в пищу мяса — по понедельникам, средам и пятницам. Иные, по словам москвитов, «постясь, не употребляли в пищу ничего, что, как очевидно, некогда обладало жизнью, даже рыбу»; а другие в определенные дни поста не пьют ни вина, ни чего-либо другого, надо думать, из хмельных напитков. И великим, заслуживающим кары проступком считается у них вкушение чего-то скоромного — мяса или яиц — во время поста. Весь этот рассказ так сильно подействовал на Фабри и его помощников, что они, «охваченные *восторгом*, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших [западных. — О. К.] христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление. И ничто более не запало в наши души, как [мысль о том], что мы, которые много себе усвоили от древа веры нашей, оказывается, в отношении плодов ее хуже, чем они. Итак, нам, добрым христианам, следует усердно молиться... чтобы вместе с другими народами, которые, как мы считаем, вообще ведут звериный образ жизни, [нас] можно было узнать по этим плодам доброго древа...»¹¹⁸. Очередное и очень резкое противопоставление воистину христианских, потрясающих воображение обыкновений москвитов, в частности их чрезвычайно строгого постничества, неудовлетворительному, если не сказать плачевному, соблюдению норм христианского поведения в латинской Европе, причем противопоставление тем более трагичное для европейцев, что они безнадежно проигрывают в сравнении с народами — конечно, в первую очередь речь идет о москвитях/русских, — которые в представлении европейцев «ведут звериный образ жизни», или, как мы сейчас сказали бы, бесконечно далеки от цивилизации.

То же самое впечатление произвели на Фабри молитвы русских. В частом их употреблении нелегко найти, замечает он, христиан, равных им. Среди них нет ни одного, кто не совершал бы ежедневных молебнов. Начинают они с рассвета, обращают к Богу долгие молитвы и «молятся почти непрерывно». Надо думать, здесь Фабри, следуя своим информаторам, несколько преувеличивал, и у московитов после молитв еще оставалось какое-то время для иных дел. А вот другое его и прямое свидетельство очевидца о том, что у русских послов были молитвенники, достойно полного доверия; подобные молитвенники, одобренные церковью, сообщает он далее, покупают люди богатые, «могущие делать большие издержки и обученные русским письменам»¹¹⁹. Подобный молитвенник, по-видимому, Фабри мог видеть в покоех, занимаемых посольством: в комнате посла «с левой стороны возвышался стол, на котором лежала книга превеликих размеров с рутенскими письменами, по ней, как объяснили, князь [Иван Иванович Засекин-Ярославский. — О. К.], словно [выполняя] урок, ежедневно произносил молитвы»¹²⁰.

Большого внимания заслуживает одно прямое свидетельство Фабри, поведанное им для доказательства того, сколь высоко чтят московиты священные образа, или иконы. «Однажды, — рассказывает Фабри, — когда я вошел в покои братьев Блаженного Франциска, в которых была опочивальня главы посольства, я обнаружил там в отменном порядке в головах спящего расположенные: дивной красоты образ Пресвятой Девы (*imaginem diuae uirginis mira honestate depictam*), написанный по подобию того, который, как говорили [послы], был создан некогда Св. Лукой и находится в Москве» и в котором легко угадывается икона Богоматери Владимирской; далее в этом походном иконостасе посла имелась «картина (*tabulam*) Воплощения Господня; следующая показывала, как Его бережно держит на руках Симеон; следующая содержала бегство в Египет; следующая — страсти, воскресение и победное вознесение [Господа] на небеса. Была еще одна картина, на которой замечательно изображены были скорби и радости Пресвятой Девы Марии. Наконец, была картина с изображениями и именами апостолов»¹²¹. Подобные образа, на которых можно было видеть «Распятого, Пресвятую Деву, апостолов и некоторых других», в первую очередь, конечно же, святых, московиты имеют обыкновение «помещать даже в трапезных на виду, дабы постоянно являлось духу то, что Бог сотворил ради нас, и легче воспоминалось о примере для всей нашей жизни — Христе»¹²². Столь подробно остановился Фабри на использовании икон у московитов не из познавательного интереса, но потому, что священные образа стали объектом ожесточенной антикатолической полемики реформаторов, наиболее радикальная часть которых явила к тому времени примеры открытого иконоборчества, вынося из церкви священные изображения и даже уничтожая их¹²³. Сравнение с московитами и в этом отношении опять не в пользу западных христиан, и легко догадаться, кому Фабри мог адресовать укоризненные слова: «У них нет презрения, или пренебрежения, к [священным] образам, каковое, вопреки всякому благочестию, распространилось из-за этих мятежей сегодня у нас»¹²⁴.

Обряды

Кроме упомянутых в предыдущих разделах, Фабри обращает внимание и на другие обряды, принятые у московитов. В частности, он пишет об использовании ими свечей при богослужении, как это в обыкновении и у католиков; похоже, что он воспроизводит доводы самих московитов, объясняя употребление свечей изобилием у них воска и их убеждением, что «плодами земли и всем тем, что у кого есть, следует воздавать почитание Богу»¹²⁵.

Детально описаны обряды, совершаемые перед смертью. Тяжело заболев, человек имеет обыкновение исповедоваться в своих грехах и принимать причастие; он также настаивает на совершении таинства елеосвящения (соборования). При этом все, находящиеся около умирающего, усердно за него молятся. После чистосердечного признания в грехах и совершения всех положенных обрядов, исповедующийся получает от священника отпущение грехов¹²⁶.

Заслуживает упоминания еще один обряд, бегло рассказанный Фабри. Речь идет об отлучении тех, кто принародно грешит. «Отлученный лишается всякого общения с людьми и участия в церковной жизни». На языке московитов, по утверждению Фабри, это отлучение называется «obscha»¹²⁷; скорее всего, с названием Фабри что-то напутал и принял часто повторяемые его информаторами слова с корнем «общ» за то слово, коим именуется само это отлучение¹²⁸.

Благотворительность. Паломничества

Доказывая близость религиозных установлений московитов, держащихся, как не раз подчеркнуто, древних апостольских правил, и католиков, Фабри обратился к их делам милосердия. По его словам, «они [московиты, и, надо думать, из состоятельных слоев общества. — О. К.] берут на свое содержание много нищих, которых каждый из них, по своему достатку и как того требует евангельское благочестие, наделяет милостыней, одевает, поит [и кормит], принимает, творя и другие подобного рода вещи, облегчающие существование сынов Божиих, из боязни подвергнуться Страшному Суду...». Желание их, «раздающих не скудную, но щедрую и доброхотную [милостыню]», в том, чтобы «некогда обильно пожать отпущение грехов и награду за свое милосердие — дар вечной жизни, к чему всем нам всеми силами души только и надлежит устремляться». Для этого же, добавляет он коротко, «совершают они паломничества к установленным святым местам»¹²⁹. Была ли эта мысль подсказана беседами с русским посольством, или они использовались только для иллюстрации этой мысли, выношенной Фабри гораздо раньше, — неизвестно, но он абсолютно точно сформулировал главную цель всех религиозных устремлений средневекового христианства, вдохновлявшую верующих, — стяжать жизнь вечную, или спасение души.

Канон Священного Писания

Что касается Нового Завета, то его каноническими писаниями они считают четыре Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, «послания Павла и другие, — добавлено Фабри, — нами принятые [писания] вместе с Апокалипсисом». К «другим», надо думать, причислены послания иных апостолов и Деяния Апостолов. Действительно, набор священных текстов Нового Завета тот же, что и у католиков. «К каноническим же писаниям Ветхого Завета они относят то же, что и католическая церковь»¹³⁰, — замечает Фабри и ошибается, ибо в составе Ветхого Завета у православных и католиков есть небольшие различия¹³¹. Но для него важно другое — акцентировать именно идентичность священных книг двух исповеданий, чтобы, опираясь на авторитет не только католиков, но и православных, возразить на текстологические изыскания и сомнения реформаторов в аутентичности некоторых писаний, вошедших в Библию¹³².

Индульгенции

Любопытно, что Фабри, сам в 1518 г. выступавший против торговли индульгенциями¹³³, уверяет, будто они известны и москвитам, выдавая желаемое за действительное и явно вкладывая им в уста то, что они не могли ему сообщить, ибо об индульгенциях, скорее всего, не имели никакого представления. «От архиепископа и епископов [москвиты] получают индульгенции, однако, — замечает он, — в этом деле они поступают, пожалуй, благочестивее, чем мы. Ибо они считают весьма нечестивым, чтобы приобреталось за большие деньги то, что ими получено безвозмездно»¹³⁴. Скорее всего, за индульгенции у москвитов он выдал отпущение грехов, получаемое верующими после исповеди, что к разряду индульгенций — то есть разрешительных грамот, приобретаемых верующими за деньги, как было широко принято в ту пору в католической Европе¹³⁵, — причислено быть не может; не случайно он подчеркивает их будто бы бесплатность у москвитов. Этим они как христиане опять же выигрывали в сравнении с католиками, практиковавшими продажу индульгенций, хотя, если все же поверить Фабри, не расходились с ними по сути в том, что индульгенции допустимы.

Ереси

Дважды обращается Фабри к осуждению вопроса о ересах. Москвиты, по его словам, всеми способами их избегают и, «если случится какое-либо недоразумение в вере или в обрядах богослужения, для разрешения всего этого обращаются они только к духовному [авторитету] архиепископа и других епископов, ничего не оставляя непостоянному и несогласному [разумению]

народа»¹³⁶; то есть и в этом случае, как прежде во многих других, пример московитов противопоставлен установке реформаторов решать церковно-богословские проблемы, апеллируя к народу.

Если же кем-то овладевает учение, противное «евангельской истине, православной вере, которую они столько веков сохраняли», и он впадает в ересь, то они вначале вразумляют его, «доколе [яд учения его], подобно раковой болезни, не распространится столь широко, что уничтожить оный было бы невозможно, — тотчас епископским осуждением такого человека, как загнивший член, отсекают [от сообщества верных] и извергают [из оного]»¹³⁷. Такими вот способами московиты избегают ересей или противостоят им, что, как явствует из напрашивающегося сравнения с католическим миром, оказалось ему не под силу.

Светская власть и церковь

В «Молоте против Лютеровой ереси» Фабри обвинял реформатора в желании поставить духовенство, включая папу, под контроль мирян¹³⁸. Скрытую полемику с этими установками своих религиозных противников Фабри продолжил в трактате о московитах: «И ни при каких условиях не дозволено мирянам надзирать за ними [священниками. — *О. К.*]... у них [московитов. — *О. К.*] твердо установлено и принято, — пишет он далее, — что надзору, суду и наказанию только епископа подлежат те, которые ему подвластны соответственно порядку евангельскому и которые принесли обет служить Господу». Более того, по Фабри, «и сам император никогда не вмешивается в дела о наказаниях клириков»¹³⁹. А ведь он, «император рутенов является... усердным покровителем религии (*Ruthenorum imperator... adhuc pietatis eiusmodi diligens custos*)... и доселе имеет обыкновение ежегодно посылать константинопольскому патриарху милостыню, коей тот мог бы жить, смиренно ожидая конца сего египетского рабства»¹⁴⁰, то есть османского завоевания.

Что касается милостыни константинопольскому патриарху (и другим восточным патриархам), то она действительно выделялась, но не имела регулярного характера, поступая либо в форме «дачи», либо как право на сбор средств в приходах русской православной церкви¹⁴¹. Утверждения же Фабри о независимости клира от светской власти опровергают свидетельства Сигизмунда Герберштейна, который, в частности, пишет: «свою власть он [русский государь. — *О. К.*] применяет к духовным так же, как и к мирянам...»¹⁴²; в Москве сам Герберштейн видел, как наказывали публично плетью пьяных священников; более того, рассказывали ему случай, когда по приговору суда уличенный в воровстве священник был даже повешен¹⁴³. И хотя сведения Герберштейна не всегда верны и честны и нуждаются

в проверке, тем не менее не подлежит сомнению, что Фабри в видах анти-протестантской полемики, возможно, сам веря в то, о чем он писал, приукрасил положение духовного сословия на Руси, доказывая его будто бы полную автономию от уважающей его права светской власти.

Отличия русской православной церкви от католической

Представляя церковную жизнь русских как образец благочестия, которому не худо было бы следовать и католикам, Фабри старался преуменьшить различия и разногласия между двумя исповеданиями¹⁴⁴ и обнаруживал, например, как уже было показано, у русских и концепцию чистилища, и практику индульгенций, и иные воззрения и обыкновения латинян, православным на деле совершенно чуждые. Тем не менее определенный спектр различий он указывал, впрочем, не очень акцентируя на них внимание. Так, он бегло упоминал о главном догматическом расхождении: «Они [московиты. — О. К.] держатся убеждения точно так же, как и греки, что Дух Святой исходит только от Отца, а не от Сына»¹⁴⁵. Как неприемлемое для католиков он отметил допущение у москвитов детей, начиная с трех лет, к таинству евхаристии, а равно — совершение его на кислом хлебе (а не на пресном) и причащение верующих-мирян хлебом и вином в качестве Тела и Крови Господа¹⁴⁶, ибо в католической церкви так причащается клир, прочие же люди — только хлебом. Другие особенные, отличительные черты религиозных взглядов и установлений москвитов, даже если они описаны в трактовке, как, например, право священника быть женатым, не отмечаются и не выделяются Фабри в качестве таковых.

Папство и русская церковь. Перспектива унии

По Фабри, москвиты «всегда и по праву признают, что римский понтифик в качестве преемника [апостола] Петра выше константинопольского патриарха»¹⁴⁷. Это его утверждение, как и другое — «они [московиты. — О. К.] признают римского понтифика викарием Христа и наследником Петра»¹⁴⁸, — заведомо ложные, ничего подобного ни от кого из членов посольства он слышать не мог, ибо на Руси и в церкви, и в обществе отношение к подобным претензиям папства на верховенство, как и к самому папству, было неизменно резко негативное¹⁴⁹.

Когда же Фабри напомнил русским послам, что «[римским понтификом] они осуждаются как отступники и схизматики, они заявили, что отдают себя на суд Бога, праведного Судии»¹⁵⁰, — ответ достойный и дипломатичный и похожий на тот, который действительно могли дать послы, находясь в чужой, католической стране.

«Очень часто делались попытки убедить их вернуться в лоно западной церкви»¹⁵¹, — замечает Фабри, забывая добавить, что все они никакого успеха не имели. Наоборот, отражая назойливое желание папства обратить православных в католическую веру или на его условиях заключить с ними унию, Фабри утверждал (без каких-либо оснований), будто московитские послы все же надеются, что после того, как будет достигнуто согласие «с Его Цесарским Величеством, всеобщим главой» (то есть с императором Карлом V), «а равно с Твоей Светлостью» (то есть с эрцгерцогом Фердинандом), «то легко воспоследует... согласие с верховным пастырем» (то есть с папой)¹⁵². Он явно подыгрывал папским амбициям и широко распространенным среди католиков настроениям поглотить, вобрать в себя православный мир, когда, приписывая московитам невозможное, пытался уверить, что они держатся одного мнения с римской церковью по поводу чистилища, «с величайшим рвением» посещают католическую мессу, «тщательно соблюдают почти все наши [католические. — О. К.] священные обряды»¹⁵³, то есть подводил к мысли, что нет серьезных препятствий, мешающих московитам соединиться с западной церковью.

Православная Русь: союзник римского католицизма или царство святых?

В конце своей работы Фабри горько сетовал: «Итак, с полным основанием ты [эрцгерцог Фердинанд. — О. К.] и все государи Германии могут негодовать и сокрушаться, что дошло до того, что вместо истинного доселе благочестия их [люди] предались всякому нечестию по отношению к богам, родителям, предкам и отечеству. Ведь забыв [нашу] древнюю добропорядочность, они предают врагам как отечество свое, так и души свои»¹⁵⁴. Русь же, не знающая тяжелых религиозных потрясений, свято чтущая церковную традицию, та самая Русь, в православном населении которой доселе видели схизматиков и вероотступников, теперь представлялась чуть ли не последним оплотом истинного христианства.

Более того, вольно или невольно православная Русь в изображении Фабри выступала как союзник римского католицизма, поставленного перед необходимостью бороться с церковной Реформацией¹⁵⁵. Весь строй религиозной жизни московитов описан Фабри так, чтобы их примером подтвердить истинность и незыблемость всех тех установлений католической церкви, которые отвергались реформаторами: папского верховенства, епископской власти, монашества, семи таинств, использования священных образов, веры в помощь святых заступников, даже, хотя и с оговорками, индульгенций.

С начала и до конца своей небольшой книжки Фабри стыдит, укоряет, жалит немцев, «всегда почитавшихся в высшей степени преданными христианству», а теперь, по его словам, «отходящих от Христа», предпочитающих «враждебное религии», примером московитов, сохранивших неповрежден-

ным унаследованное от апостолов и святых отцов христианство. В нескольких прямых, жестких сопоставлениях с религиозностью русских он стремится продемонстрировать всю глубину нравственной деградации его соотечественников: «Ибо где [у рутенов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те — Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданы постам, эти же чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти — изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже — для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если у них [совершенство] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя»¹⁵⁶.

Наоборот, всесовершенство христианской жизни московитов, согласно Фабри, заслуживает тем большего удивления и восхищения, что живут они почти в изоляции от христианского мира, «отовсюду окруженные турками и татарами», у Ледовитого моря, ожесточенные, как не раз подчеркнуто в трактате, беспрестанными войнами и не имея никогда мира, — и вот в этих-то неблагоприятных условиях они «твердо держатся стародавней своей религии»¹⁵⁷. По остроумному замечанию Кэмпфера, «к своему радостному изумлению, на берегу Ледовитого моря Фабри открыл царство святых (ein Reich der Seligen)»¹⁵⁸, пример которого, добавим, он всячески эксплуатировал в целях антипротестантской полемики. И все же сводить только к этой причине появление на страницах трактата Фабри образа преданной древнему благочестию, благоговейно хранящей заветы апостольской церкви Руси было бы недопустимым упрощением. Несомненно, сами русские информаторы Фабри не могли не дать ему основания своими рассказами воспринимать Русь как особую, избранную страну, своего рода заповедник подлинно христианской жизни. И надо согласиться с Н. В. Синицыной, что трактат Фабри можно рассматривать как «первое появление в Европе описанного латинским языком образа “Святой Руси”», хотя, уточняет исследовательница, именно такого понятия в нем еще нет¹⁵⁹. И это объяснимо, оно только-только, буквально в те же годы (1524–1526), формулировалось во второй редакции послания неизвестного автора к Василию III («брододержателю же всея святых и Великия Росиа») ¹⁶⁰, которое, стоит заметить, близко по времени к посланию старца псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину (1523–1524), содержащему не менее фундаментальную для русской идеологии концепцию Московской Руси (или царства Русского) как «Третьего Рима»¹⁶¹.

И все же какие-то следы этого понятия у Фабри заметны: «Тем не менее, святую эту веру во Христа (*sacrosanctam illam fidem in Christum*), — пишет Фабри, — изначально усвоенную ими от отцов, они не позволили погубить дерзкому, нечестивому и греховному невежеству, сохранив ее до настоящего времени в целостности, чистоте и святости»¹⁶². Не первый раз Фабри в трактате веру московитов называет «святой»¹⁶³, определением, которое легко может

быть перенесено на страну или на землю, занимаемую народом, из поколения в поколение живущим по этой вере и оберегающим ее чистоту. Таким образом, скорее всего, и появилось понятие «Святая Русь», хотя, когда оно зарождалось, в период брожения его смыслов, искавших для их отражения адекватную словесную форму, выражения были, конечно, более размыты и неопределенны, но стержневой во всех них оставалась идея святости (веры, жизни, обрядов и т. д.), и ее-то русские информаторы, говоря о своей стране и религии, донесли до Фабри.

Единство несовместимого: образ-кентавр Руси

И все же, резюмируя, нельзя не заметить, что образ Московской Руси, созданный в трактате Фабри, совсем не однозначен. Да, Фабри преимущественно демонстрирует с разных сторон приверженность ее обитателей чистому, незамутненному христианству, завещанному апостолами и святыми отцами (при том, что в некоторых вопросах москвиты, как он признает, не согласны с католиками), фактически набрасывая довольно подробную картину того, что его русский современник назвал «Святой Русью». Вместе с тем Фабри время от времени напоминает, что народ московитский имеет дурную репутацию и в силу тяжелых природных условий и бесконечных войн, которые он вынужден вести, действительно груб, жесток, даже звероподобен по характеру своей жизни. Фабри ни в коем случае не отказывается от идущей из глубокого Средневековья и широко принятой в европейской публицистике XV–XVI вв. оценки русских как варваров, народа дикого, чуждого цивилизации. Но эту оценку он совмещает с принципиально другим восприятием, навязанным, что называется, «зlobой дня» — выступлением сторонников Реформации, заставившим в русском православии, которое в Европе третировали как схизму (о чем у Фабри тоже есть упоминание), искать союзника для борьбы с новыми религиозными бунтарями и пример христианской стойкости и преданности древнецерковной традиции. В итоге у Фабри получился своего рода образ-кентавр, соединяющий два диаметрально противоположных взгляда на современную ему Русь и ее церковный строй.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кудрявцев О. Ф. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508–540.

² См.: Хорошкевич А. Л. Российское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 126, 127; Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50; Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии

европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 28, 29, примеч. 7.

³ «...agnoscanus pro Christianis, quorum mores, omnis uitae tenor aliud nihil, quam ueram pietatem spirat» (*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 144; 172 (русский перевод О. Ф. Кудрявцева, С. Г. Яковенко; первой указана стр. латинского текста, через точку с запятой — стр. русского перевода). В этом издании воспроизведен целиком текст первой публикации трактата Фабри, осуществленной Иоганном Бебелем в Базеле в 1526 г.

⁴ Там же. С. 143; 171.

⁵ См. сочинение Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии», созданное в 98 г. н. э., особенно гл. 16–27 (*Тацит К. Сочинения*. СПб., 1993. С. 144–148). См. также работу: *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. М., 1991. С. 135–140.

⁶ Основные биографические данные о Фабри см. в следующих изданиях: *Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche*. Leipzig, 1879. Bd. 4. S. 475–477; *Kirchenlexikon oder Encyclopädie der katholischen Theologie und ihrer Hilfswissenschaften*. Freiburg im Br., 1886. Bd. 4. S. 1172–1175; *Aschbach J. von*. Geschichte der Wiener Universität. Wien, 1888. Bd. 3. S. 307–322; *Staub J.* Dr. Johannes Fabri bis zum offenen Kampf gegen Luther. Einsiedeln, 1911; *Helbling L.* Johann Fabri: Generalvikar von Konstanz und Bischof von Wien, 1478–1541. Münster, 1941; *Lhotsky A.* Die Bibliothek des Bischofs von Wien, Dr. Johannes Fabri (1530–1541) // *Lhotsky A.* Aufsätze und Vorträge. Bd. 3: Historiographie, Quellenkunde, Wissenschaftsgeschichte. München, 1972. S. 228–241; *Contemporaries of Erasmus*. Biographical Register of the Renaissance and Reformation. Toronto; London, 1986. Vol. 2. P. 5–8; *Кудрявцев О. Ф.* Иоганн Фабри // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 135–142.

⁷ *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. Heft 1. S. 4.

⁸ См. в этой связи: *Kämpfer Fr.* La “Sainte Russie” vue par l’Europe occidentale: l’image de la chrétienté russe en Occidente et le concept de “Sainte Russie” // 988–1988: un millénaire. La christianisation de la Russie ancienne. Paris, 1988. P. 199; *Idem*. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 22, 27.

⁹ Ф. Аделунг (Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. I. С. 121, 122) приводит следующее название: Ioannis Fabri, Lencurchensis, Episcopi Viennensis, Epistola de Moscovitarum iuxta mare glaciale religione, seu de dogmatibus Moscorum ad Seren. Principem Ferdinandum, Archiducem Austriae. Tubingae, 1525. См. также: *Adelung F.* Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besondere Rücksicht auf seine Reise in Russland geschildert. St. Petersburg, 1818. S. 151. № 8.

¹⁰ *Michow H.* Das Bekanntwerden Russlands in vor-Herberstein’scher Zeit, ein Kampf zwischen Autorität und Wahrheit // *Verhandlungen des fünften deutschen Geographentages zu Hamburg*. Berlin, 1885. S. 125.

¹¹ *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 2, 3.

¹² Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscouitarum iuxta mare glaciale religio, à D. Ioanne Fabri aedita. Basileae, 1526. О базельских изданиях этого и других сочинений европейцев о Московии см. подробнее: *Кудрявцев О. Ф.* Базельское книгопечатание XVI в. в распространении сведений о Московском государстве // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей (по материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии). М., 1995. С. 121–127.

¹³ Сведения об этом посольстве к Карлу V сохранилось и в русских документах. В Никоновской летописи есть заметка о его возвращении: «Тое же весны [1526 г.] приидоша от цесаря великого князя послы, князь Иван княж Иванов сын Засекин да Семен Борисов сын Трофимова; а с ними пришли от цесаря послы Леонард от комит, а от брата от цесарева Фердинанда Жигимонт Гибрестен» (ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII. С. 45). Эту же информацию подтверждает

Герберштейн: «Ultimus est Ioannes cognomento Possetzen, qui Principis sui nomine Oratorem apud Carolum Caesarem in Hispaniis agebat, et nobiscum reversus est» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 90, 91, 358, 359).

¹⁴ См. о нем подробнее: *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Приложение к VIII тому записок Императорской академии наук. СПб., 1865. С. 172, 173; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1903. Т. 74. № 1. С. 184–189; *Казакова Н. А., Катушкина Л. Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. XXIII. С. 236; *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 323, 324; *Алексеев М. П.* Московский подьячий Яков Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 127–136; *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 62–66; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 206, примеч. 8.

¹⁵ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 145; 173. Еще раз вскользь о поручении Фердинанда Фабри упоминает к концу работы: Там же. С. 167; 201.

¹⁶ «Когда недавно у нас в Тюбингене пребывали, возвращаясь от цесаря, московские послы, мы через советника нашего Иоанна Фабра [так!] подробно расспрашивали об их вере, религии и народных обычаях. Все услышанное от них этот наш советник впоследствии свел в книжку...» (Перевод А. В. Назаренко: *Герберштейн С.* Указ. соч. М. 2008. Т. I. С. 755).

¹⁷ «etiam maiora quam illi retulerunt» (*Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 146; 174).

¹⁸ *Vadianus I.* Commentaria // *Pomponius Mela.* De situ orbis libri tres. Basileae, 1522. P. 95. См. также: *Bryner E.* Die russisch-orthodoxe Kirche in der Sicht schweizerischer Autoren der Reformationzeit // «Прими собранье пестрых глав». Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Bern; Frankfurt a. M.; New York; Paris, 1989. S. 620, 621.

¹⁹ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 146, 147; 175. См. более точные ссылки на упомянутые Фабри античные источники: *Плиний Старший.* Естественная история. IV. 80 // Античная география / сост. М. С. Боднарский. М., 1953. С. 247; *Птолемей.* География. Кн. III. Табл. 7 // Там же. С. 320, 321; *Страбон.* География. VII. II. 4 / пер. Г. А. Стратановского. М., 1994. С. 280.

²⁰ *Страбон.* Указ. соч. VII. II. 17. С. 280, 281.

²¹ См.: *Соловьев А. В.* Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Вып. XII. С. 139; *Буданова В. П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1993. С. 169; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 203, примеч. 3.

²² Первым изданием труд Волатерана (*Volaterranus R.* Commentariorum Vrbanorum octo et triginta libri) вышел в свет в Риме в 1506 г. Экземпляр его, принадлежавший Фабри, обнаружил в венской библиотеке Вальтер Лейтч. См.: *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 8. № 33. Полностью сведения Волатерана о московитах на языке оригинала и в переводе см.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 208, 209, примеч. 15.

²³ *Volaterranus R.* Commentariorum Vrbanorum octo et triginta libri. Basileae, 1544. Lib. VII. P. 83v.

²⁴ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 147; 175.

²⁵ «Намахобитae... Crediderim eos esse quos hodie alibi sitos Poloni Moscouitas uocant corrupto uocabulo» (*Vadianus J.* Op. cit. P. 94).

²⁶ «Rutheni a nobis dicti, inde Russiani et Russiae regnum»; «Намахобитae Pomponio Vadianus putat hos esse hodie Moscouitas, eorum metropolis Moscua et amnis Mosca» (*Ptolemaeus Cl.* Geographia universalis. Basileae, 1540. P. 42).

²⁷ См. подробнее: *Кудрявцев О. Ф.* Идентификация русских европейскими авторами конца XV – первой половины XVI в. // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологи-

ческие исследования. К 70-летию академика Владимира Степановича Мясникова. М., 2001. С. 68, 69.

²⁸ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 207, 208.

²⁹ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 147; 175.

³⁰ Там же. С. 149, 150; 178. Под «славянским языком» европейские авторы XVI в. подразумевали прежде всего наречия южных славян, к коим преимущественно относили и этноним «славянин». «Славянским языком» называет писавший во второй половине XVI в. Поссевино язык южных славян, в частности обитателей Хорватии и Боснии. «Они [московиты] не знают славянского языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник, славянин по национальности [Дреноцкий, уроженец Загреба]»; и чуть ниже: «Ведь переводчик этого “Диплома” на славянский язык не знал особенностей русского языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватского языков» (*Поссевино А. Московия*. Кн. I // *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в.* / пер. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 27, 28).

³¹ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 150; 180.

³² Там же. С. 150; 178, 180; *Volaterranus R.* Op. cit. P. 83v.

³³ «...Moscovitarum certe ducis imperium adeo latis protenditur, longisque agris, ut aliquot spatia Asiae complectatur, aliquot etiam Europae, eaque minime parua» (*Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 148; 176).

³⁴ См.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 119, примеч. 14; *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 2002. С. 29; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Античные источники / сост. А. В. Подосинов. М., 2009. С. 182, 230.

³⁵ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 147; 175.

³⁶ Там же.

³⁷ Упоминание о садах в Москве см. у Павла Йовия: *Paulus Iovius. Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 240, 241, 271, 272. См. также: *Черный В. Д.* Русские средневековые сады. М., 2010. С. 81–85; *Филошкин А.* Василий III. М., 2010. С. 72, 73.

³⁸ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 148; 174; *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. I. С. 346, 347.

³⁹ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 148; 176.

⁴⁰ Там же. С. 152; 182. Перевод названий последних трех городов — «Colmum, Volut et Fro-tini» — дан с большой долей условности. См.: Россия в первой половине XVI в. С. 212, примеч. 48.

⁴¹ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 150; 180. О том, кто именно из фило-софов белую окраску меха животных объяснял сильными северными морозами, указал Адам Олеарий, цитируя Авиценну и Аверроэса (*Olearius A. Vermehrte Neue Beschreibung der Mus-cowitischen und Persischen Reyse. Schleswig, 1656* (Reprint: Tübingen, 1971). S. 156; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. Ф. М. Ловягина. М., 1996 (1-е изд.: 1906). С. 174). См. также: *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leut-kirch. S. 17.

⁴² *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 150; 180.

⁴³ См.: *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1897. С. 159–169.

⁴⁴ Там же. С. 151; 180. Ср. то же самое у Волатерана: *Volaterranus R.* Op. cit. Lib. VII. P. 83r.

⁴⁵ Там же. С. 151; 181; *Volaterranus R.* Op. cit. Lib. VII. P. 83r.

⁴⁶ Начало чеканки монет в Москве относится к правлению Ивана Ивановича Красного (1353–1359). См.: *Гайдуков П. Г.* Русские полуденги, четвертцы и полушки. М., 2006. С. 44–48.

⁴⁷ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 151; 181; *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. I. С. 270, 271.

⁴⁸ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 151; 180, 181.

⁴⁹ О «Ледовитом море», коим московиты окружены с севера, см.: Там же. С. 147, 167; 175, 176, 201.

⁵⁰ Там же. С. 147, 150; 175, 176, 180.

⁵¹ См. подробнее: *Кудрявцев О. Ф.* «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом. С. 532–535.

⁵² *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 148, 149; 177.

⁵³ См.: *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома (1-е изд.: 1847) // *Соловьев С. М.* Древнерусские князья. СПб., 2010. С. 325–361; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34–52; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 97–105 и в др. местах; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 143–146; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 48–68; *Филюшкин А. С.* 46–50.

⁵⁴ См.: *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 152–193.

⁵⁵ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 148, 149; 177.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: *Кобрин В. Б.* Указ. соч. С. 53–56; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 95, 96.

⁵⁸ «Sic enim recte se immortalitate donari existimant» (*Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 149; 178).

⁵⁹ Подробнее о богоустановленности власти московских государей в русских документах XV–XVI вв. см.: *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 314, 315; *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. Очерки истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889. С. 98–110; *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006 (1-е изд.: 1916). С. 147, 160, 163 и в др. местах; *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 134–137; *Никифорова М. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и его традиция в русской истории XIV — первой половины XVI в. М., 2004. С. 139–148.

⁶⁰ «Et quod ad remp. pertinent, hi [московиты. — О. К.] aristocratian amplectuntur...» (*Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 168; 202).

⁶¹ *Аристотель.* Указ. соч. 1279a 35, 1286b 4–6, 1289a 27–34 // Сочинения. Т. 4. С. 457, 479, 488, 501.

⁶² «...nostri uero democratia, oligarchiaque omnia magis misceri uolunt» (*Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 168, 202).

⁶³ *Аристотель.* Указ. соч. 1279b 5–10, 1286b 17–22, 1289a 26–30, 1291b 9–16. С. 457, 479, 488, 495.

⁶⁴ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 147; 175–178.

⁶⁵ Там же. С. 148; 176.

⁶⁶ Там же. С. 148; 177.

⁶⁷ Там же. С. 144; 172.

⁶⁸ *Герберштейн С.* Замечания о полученных им от эрцгерцога Фердинанда инструкциях // *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. I. С. 752, 753. См. подробнее: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 204, 205, примеч. 5; *Кудрявцев О. Ф.* Неизвестная грамота Карла V Василию III // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 226–228.

⁶⁹ *Fabri I.* Opuscula quaedam. Lipsiae, 1537. Sig. Oivr-Pvir.

⁷⁰ *Fabri I.* Moscouitarum religio // Opus historiarum nostro saeculo convenientissimum. Basileae, 1541. P. 196–233.

⁷¹ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 149; 177.

⁷² *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991 (1-е изд.: М., 1866). С. 66.

⁷³ *Середонин С. М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891. С. 13; *Чернов А. В.* Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 94.

⁷⁴ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 149; 178.*

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См. также наблюдения: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 21.*

⁷⁷ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 151; 181.* См.: Повесть временных лет / подготовка текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1996. С. 9. По наблюдению И. С. Чичурова, «интенсивное развитие преданий об апостоле Андрее» как основателе христианства на Руси «приходится на время начиная со второй половины XV в.» («Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 11–13). В связи с затронутой темой см. также работы: *Gerhardt D. Das Land ohne Apostel und seine Apostel // Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag. Berlin, 1954. S. 132; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996 (1 изд.: Мюнхен, 1982). С. 17–20* (здесь же см. библиографию, посвященную летописному известию о проповеди апостола Андрея в Киеве и Новгороде); *Мурьянов М. Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет // Палестинский сборник. Л., 1968. Вып. 19 (81). С. 159–163; Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в начальной летописи // Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 37–47; Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Там же. С. 48–63.*

⁷⁸ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 151; 181.* См. в этой связи наблюдения: *Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 391, 392.*

⁷⁹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 151; 181.*

⁸⁰ Там же. С. 151, 152; 181, 182.

⁸¹ Там же. С. 152; 182.

⁸² Там же. С. 152; 182, 212. № 48.

⁸³ «Decimis, quemadmodum a deo decretum est, quoque uiuunt episcopi: dominijs utuntur iure concessis, uillas ac castra possident» (Там же. P. 153; 183). Обоснование прав епископов на владение «мирским имуществом» см. также в более раннем трактате Фабри: *Fabri I. Malleus in haeresim Lutheranam (1524) / hrsg. A. Naegle. 2 Bde. Münster, 1941–1952. Bd. 1. S. 328.*

⁸⁴ «Castrum autem, civitates aut ullam administrationem secularem (ut vocant) non habent» (*Герберштейн С. Указ. соч. С. 150, 151*).

⁸⁵ См. подробнее: *Руцинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871. С. 132, 133.*

⁸⁶ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 153; 184.*

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Sunt episcopis suae familiae, tum nobilibus, tum alijs constitutae» (Там же).

⁸⁹ *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 24.*

⁹⁰ «Hi certe sunt episcopi, per quos statque caditque uniuersa Ruthenorum religio» (*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 153; 184*).

⁹¹ См. у Герберштейна наблюдения и примеры того, как русский государь сохраняет за собой верховные права в решении церковных дел: *Герберштейн С. Указ. соч. С. 150–153, 212, 213* и в др. местах. См. в этой связи работу: *Хорошкевич А. Л. Церковь и государство в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Церковь, общество и государство в феодальной России. С. 174–176.*

⁹² *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 154; 184.*

⁹³ Там же. С. 154, 155; 184, 185. См. также: *Руцинский Л. П. Указ. соч. С. 120.*

⁹⁴ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 155; 185.*

⁹⁵ «Audi nunc, quid septentrionales in ea [re] seruent: Moscovitae illi; qui toti Paulini sunt, sacerdoti non nisi unam et virginem uxorem habere permittunt... Hi licet quasi efferi sint et homines

admodum silvestres, tamen hunc ordinem a Paulo se accepisse, immo quasdam epistolas manu Pauli scriptas sese habere gloriantur» (*Fabri I. Malleus in haeresim Lutheranam. Bd. 1. S. 281*).

⁹⁶ См. в этой связи: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 22*.

⁹⁷ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 155; 185, 187.*

⁹⁸ Там же. С. 157; 189.

⁹⁹ Там же. С. 156; 188.

¹⁰⁰ Там же. С. 156, 157; 188. Подробнее см.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 213, 214, примеч. 61–63.

¹⁰¹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 157; 189.* Еще раз возвращаясь к обсуждению того, как относятся к чистилищу в православном мире, Фабри выражает уверенность, что москвиты готовы держаться в этом вопросе одного мнения с католиками: Там же. С. 166; 199, 200.

¹⁰² Там же. С. 156; 187.

¹⁰³ См.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 213, примеч. 60; Ткаченко А. А., Лукашевич А. А. Богородичные праздники // ПЭ. М., 2002. Т. V. С. 509–512.

¹⁰⁴ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 167; 200.*

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 165; 198.

¹⁰⁷ Там же. С. 157; 189.

¹⁰⁸ Там же. С. 146; 175.

¹⁰⁹ Там же. С. 158; 189, 190.

¹¹⁰ «...nihilque quod non ex omni parte Euangelicae ueritati, orthodoxae fidei, huicque quam tot seculis, intemeratam, impollutam, sanctam retinuerint, consonet redoleretque, quod ab ubere ipso tenelli suxissent, admittere» (Там же. С. 159; 191).

¹¹¹ «Administratio uero huiusmodi sacramenti nulli concessa nisi episcopis: quo coniecturare licet, atque argumenti loco haberi, quandoquidem omnem religionem suam per manus traditam habent ab apostolis, impositionem illam manuum uel in confirmatione, uel in ordine sacro soli episcopo traditam esse, sicque hactenus monumenta omnia tenuerunt, atque perpetua obseruatione custoditum est» (Там же. С. 159, 160; 191, 192). См. также: Там же. С. 152; 182, 183.

¹¹² Там же. С. 153; 183.

¹¹³ Алмазов А. А. Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви (Церковно-археологический очерк). Казань, 1900. С. 31, 32; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 212, 213, примеч. 51.

¹¹⁴ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 160; 192.* См. также: Алмазов А. А. Указ. соч. С. 51.

¹¹⁵ Там же. С. 152, 161; 182, 193.

¹¹⁶ Там же. С. 160, 161, 165; 193, 198.

¹¹⁷ Там же. С. 153; 183. В русском переводе оно ошибочно названо таинством миропомазания.

¹¹⁸ «Qua re audita ita moti, ut mente, ἐνθουσιασμῷ correpti, destituti uideremur, quod admodum iniquam esse nostrorum Christianorum cum illis in rebus istis Christi religionem concernentibus comparisonem apparabat: nec magis unquam quicquam animis nostris tenacius inhaesit, quod nos qui nobis ipsis multum persuademus de arbore fidei nostrae, fructu quidem deteriores illis esse contingat. Oremus igitur sedulo boni Christiani, ut semel obdurationi huic Pharaonicae cordium nostrorum finem imponat ac gratiam retribuatur, ut cum alijs quos alias ferinae uitae aestimamus, cognoscere liceat his fructibus bonae arboris» (Там же. С. 162; 194, 195).

¹¹⁹ Там же. С. 162, 163; 195.

¹²⁰ Там же. С. 163; 196.

¹²¹ Там же. С. 163; 195, 196. См. также: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 214, примеч. 79–83.

- ¹²² *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 163, 164; 196.
- ¹²³ См.: *Баранов В. А.* Иконоборчество и апология религиозных изображений на Западе // ПЭ. М., 2009. Т. XXII. С. 44.
- ¹²⁴ «Imaginum uero non tam leuis cura aut contemptus apud ipsos uiget, ueluti apud nos his factionibus huius seculi increbruit praeter omnem pietatem» (*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 163, 195). См. также: *Kämpfer Fr. La «Sainte Russie» vue par l'Europe occidentale*. Р. 199.
- ¹²⁵ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 164; 197.
- ¹²⁶ Там же. С. 165; 198.
- ¹²⁷ Там же. С. 167; 200, 201. См. также: *Алмазов А. А.* Указ. соч. С. 39.
- ¹²⁸ См.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 215, примеч. 103.
- ¹²⁹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 164, 165; 197.
- ¹³⁰ Там же. С. 166; 199.
- ¹³¹ См.: *Павлов И. о., Сомов А.* Канон Священного Писания // КЭ. М., 2005. Т. II. Кол. 747–749. См. также статью «Библия» в: ПЭ. М., 2002. Т. V. С. 93, 94.
- ¹³² *Павлов И. о., Сомов А.* Указ. соч. Кол. 749, 750.
- ¹³³ См. выше: с. 131.
- ¹³⁴ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 165; 198.
- ¹³⁵ См.: *Церох Г. о., Горелов А.* Индальгенция // КЭ. М., 2005. Т. II. С. 249, 250; *Казбекова Е. В., Тошагин В. В.* Индальгенция // ПЭ. М., 2009. Т. XXII. С. 632–638.
- ¹³⁶ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 151, 152; 181, 182.
- ¹³⁷ Там же. С. 159; 191.
- ¹³⁸ «Lutherus velit totum clerum laicis subiici... — сказано в маргиналии, а в основном тексте, в словах, обращенных к Лютеру, добавлено: — tantum efficere conaris, ut papa sit cum tota sua cohorte sub potestate laicorum» (*Fabri I. Malleus in haeresim Lutheranam*. Bd. 1. Р. 235). На эту же тему см. у Фабри: *Ibid.* Bd. 2. Р. 332, 369. См. также: *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 24.
- ¹³⁹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 153; 183.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 152; 182.
- ¹⁴¹ См.: *Кантепов Н. Ф.* Характер отношений России к православному востоку в XVI–XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 119 и след. (данные о милостыне, посылаемой русским правительством константинопольскому патриарху, относятся только к XVII в.); *Синицына Н. В.* Два мира: возможность взаимопонимания // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 56; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 212, примеч. 50.
- ¹⁴² *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 92, 93.
- ¹⁴³ Там же. С. 154, 155. См. также работы: *Kämpfer Fr.* Siegmund von Herbersteins “Rerum moscoviticarum Commentarii” als religionsgeschichtliche Quelle // Siegmund von Herberstein. Kaiserliche Gesandte und Begründer der Russlandskunde und die europäische Diplomatie. Graz, 1989. S. 151; *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 24, 25; *Хорошкевич А. Л.* Церковь и государство в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна. С. 174–179.
- ¹⁴⁴ Ср. наблюдения: *Руцинский Л. П.* Указ. соч. С. 9, 295.
- ¹⁴⁵ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 166; 199. См. также: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 215, примеч. 96.
- ¹⁴⁶ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 167; 201. См. также: Там же. С. 156; 188.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 152; 182.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 166; 199.
- ¹⁴⁹ Источники по этой теме см.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 212, примеч. 49.
- ¹⁵⁰ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 166; 199. Приведенная в тексте цитата опровергает утверждение Н. В. Синицыной (Два мира: возможность взаимопонимания. С. 52) о том, что Фабри «настолько заинтересован в создании положительного образа [москвитов. —

О. К.], что даже не пишет о схизме». Русских он все же упрекает в схизме, но не особенно акцентирует на этом внимание.

¹⁵¹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 166; 199.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. С. 166; 199, 200.

¹⁵⁴ Там же. С. 168, 169; 202.

¹⁵⁵ См. также наблюдения: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch*. S. 27.

¹⁵⁶ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 168; 202.

¹⁵⁷ Там же. С. 167, 168; 201.

¹⁵⁸ *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch*. S. 27. См. также: *Руцинский Л. П.* Указ. соч. С. 294, 295.

¹⁵⁹ *Синицына Н. В.* Два мира: возможность взаимопонимания. С. 53.

¹⁶⁰ Послание Псевдофилофея (?) великому князю московскому Василию III Ивановичу (?) // *Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли*. Roma, 1993. С. 166. См. также: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 561; *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 250, 269–278. Странно, что А. В. Соловьев, посвятивший теме «Святой Руси» специальные работы, не отмечает и никак не комментирует появление в русской церковно-политической мысли первой трети XVI в. этого понятия, не говоря уже о его отражении в европейской публицистике того же времени (*Soloviev A. V. Helles Russland-Heiliges Russland // Festschrift für Dmytro Čyževskyj zu 60. Geburtstag*. Berlin, 1954. S. 285; *Soloviev A. V. Holy Russia. The History of Religious-Social Idea*. The Hague, 1959).

¹⁶¹ См.: Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину // *Идея Рима в Москве XV–XVI века*. С. 147, 148. См. также: *Синицына Н. В.* Третий Рим. С. 237–246; *Малинин В.* Указ. соч. С. 383–385, 759–768.

¹⁶² *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 168; 201.

¹⁶³ См. выше: с. 149.

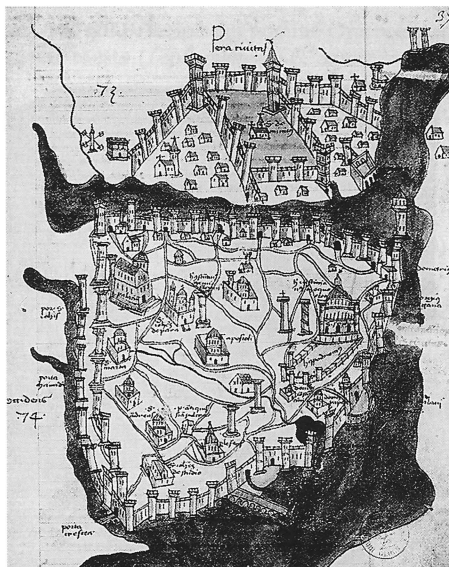

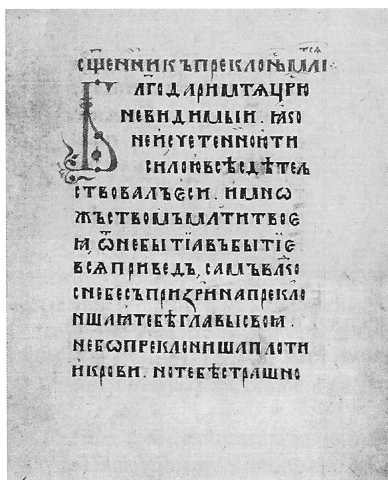
*Ил. 1. Далматика Карла Великого (Исидора Киевского). Византия. IX–XII вв.
Сокровищница собора Св. Петра, Рим*

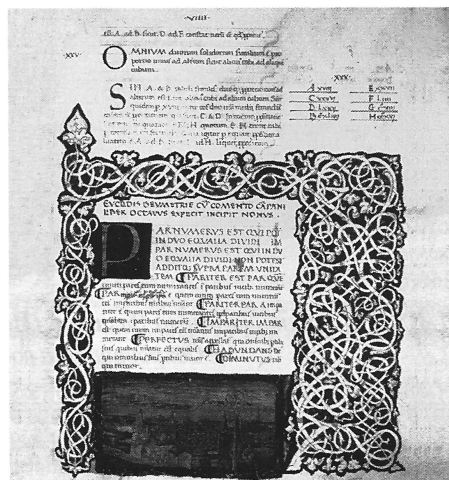
Ил. 2. Манускрипт речи императора Мануила II на смерть брата Теодора. Константинополь. 1409–1411 гг. Национальная библиотека Франции, Париж

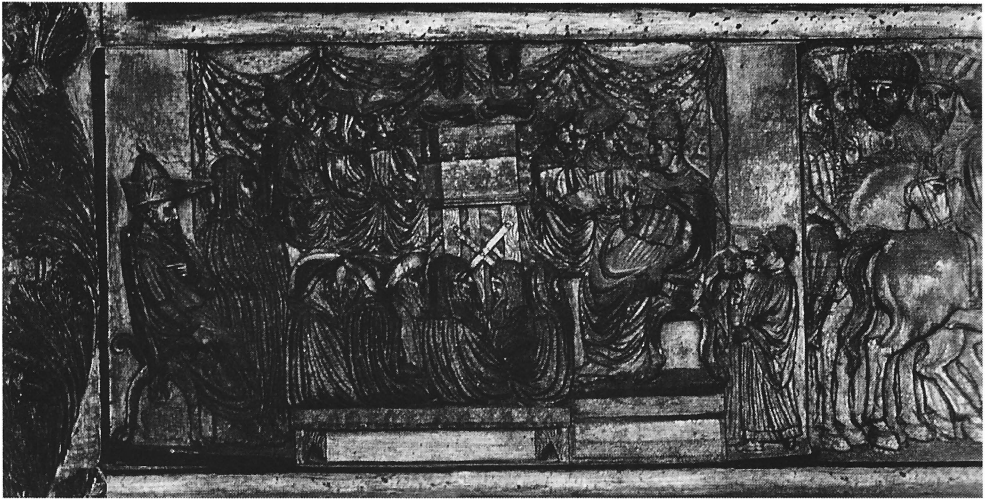
Ил. 3. Вид Константинополя (из «Книги островов и архипелагов» Кристофоро Буондельмонти). Ок. 1420–1430 гг. Библиотека Марциана, Венеция

Ил. 4. «Служебник» Исидора Киевского. Рубеж XIV–XV вв. Ватиканская библиотека, Рим

Ил. 5. Панорамный вид Рима, выполненный по методу Альберти (из манускрипта «Геометрии» Эвклида). 1457 г. Библиотека Ватикана, Рим

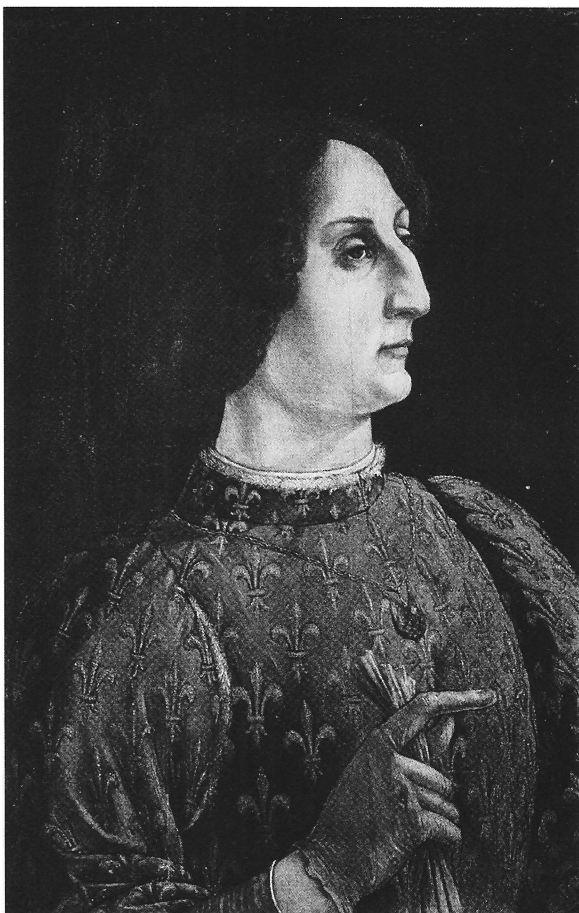
*Ил. 6. Ферраро-Флорентийский собор в рельефе Аверлино Филарете.
Двери базилики Св. Петра. 1433–1445. Рим*

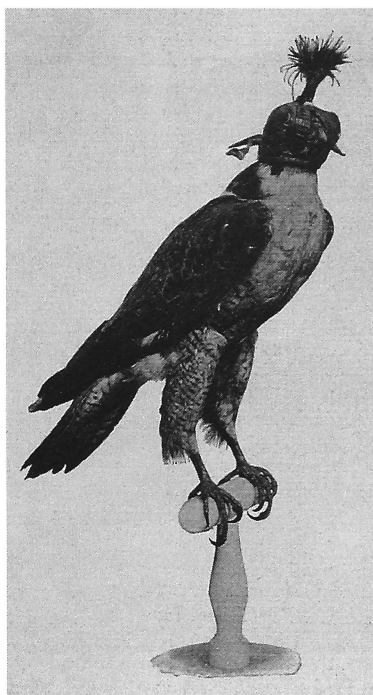
Ил. 7. Дом Виссариона. XV в. Рим

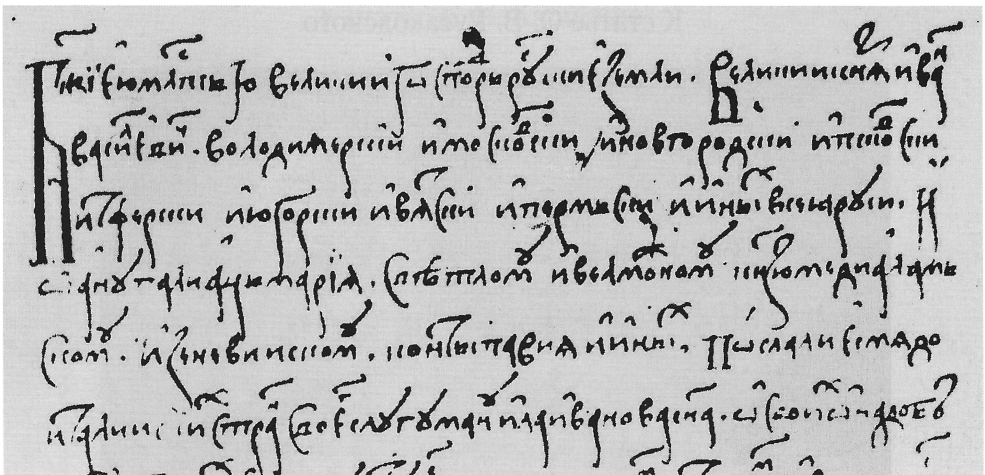
*Ил. 1. Иван III. Гравюра из
«Космографии» А. Теве. 1575 г.*

*Ил. 2. Пьетро Поллайоло. Портрет Галеаццо-
Мария Сфорца. 1471 г. Галерея Уффици*

*Ил. 3. Чучело кречета, который
был привезен из России ко двору
миланских герцогов в последней
четверти XV в. Музей
естественной истории Павии*

Ил. 4. Грамота Ивана III в Милан от 19 августа 1487 г.
Фрагмент. Государственный архив Милана

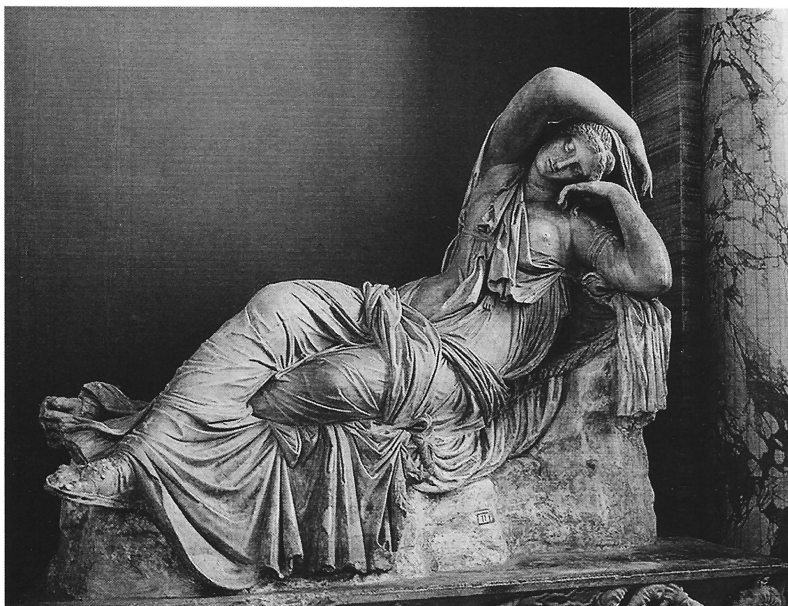

Ил. 5. Амброджо де Предис. Портрет Джан-Галеаццо Сфорца в образе св. Себастьяна. 1483 г. Кливлендский художественный музей

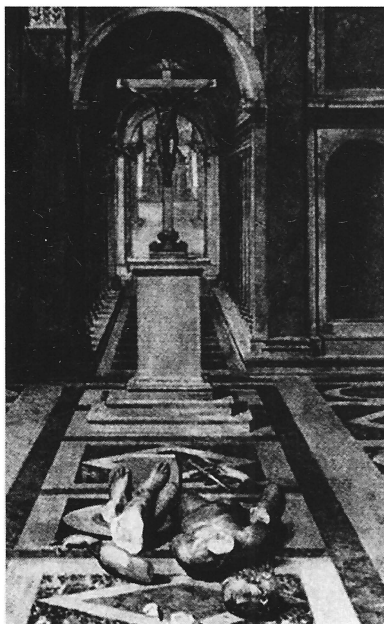
Ил. 6. Фрагмент «Алтаря Сфорца». Лодовико Моро с сыном Чезаре и Беатриче д'Эстэ с сыном Массимилиано, предстоящие перед Богородицей. 1494 г. Милан, Галерея Брера

К статье О. В. Русаковского

Ил. 1. Спящая Ариадна (Клеопатра). Мрамор. Римская копия II в. н. э. эллинистической скульптуры II в. до н. э. Рим, Ватиканские музеи

Ил. 2. Томмазо Лаурети. Триумф христианства. 1585 г. Фреска. Зал Константина, Рим, Ватикан

К статье Е. К. Карпенко

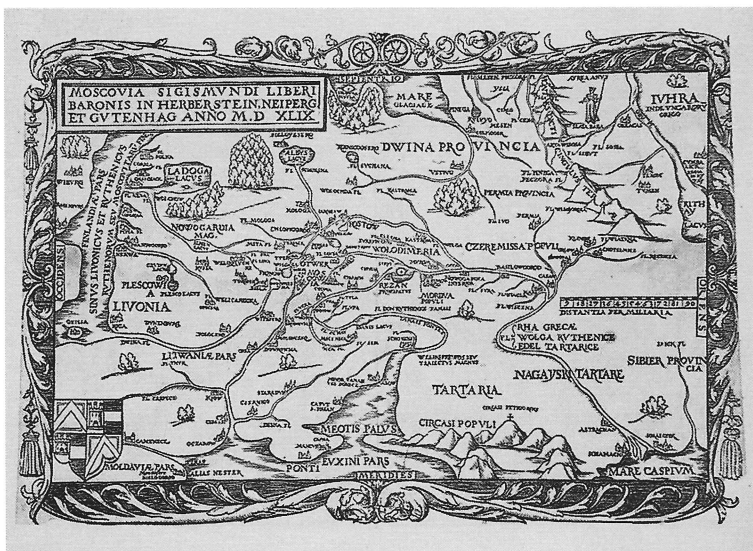
Ил. 1. Карта Антона Вида. Ок. 1537 г. Приводится по изданию: Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии. Киев. 1899 г. Репринт 2009 г.

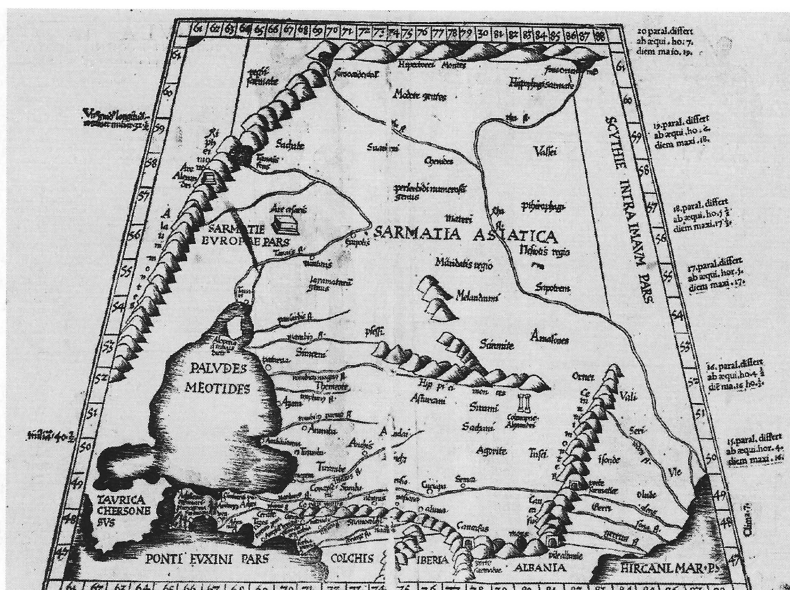
Ил. 2. Карта Энтона Дженикинсона. 1562 г. Приводится по изданию: Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии. Киев. 1899 г. Репринт 2009 г.

Ил. 3. Карта из издания С. Герберштейна. 1556 г.

Ил. 4. VIII карта Европы Птолемея. Страсбург. 1513 г.

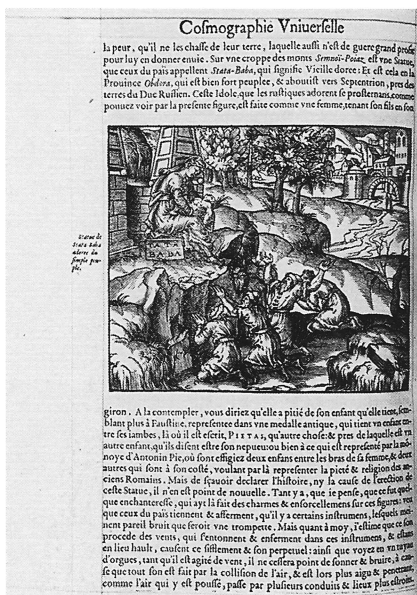
Ил. 5. Карта Азии Птолемея. Страсбург. 1513 г.

Ил. 6. Монета
с изображением
жены Антонина Пия
Фаустины Старшей.
Сестерций, медь. Дата
чеканки: 141–161 гг.
Монетный двор: Рим

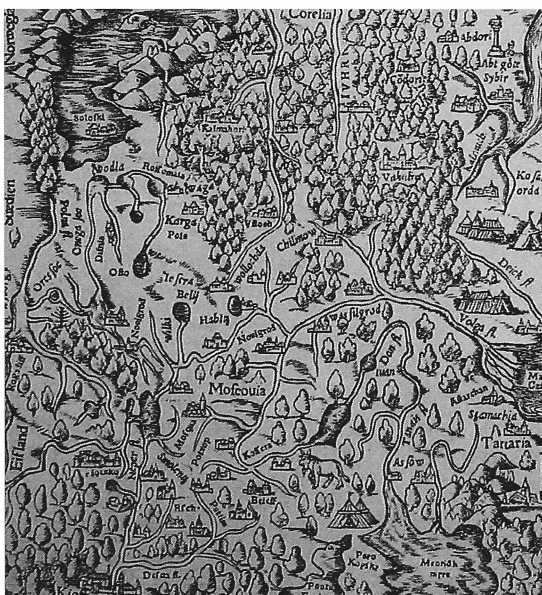

Ил. 7. Монета
с изображением головы
Антонина Пия (аверс) и
Фаустины Старшей (?)
с детьми (реверс).
Денарий, серебро. Дата
чеканки: 160–161 гг.
Монетный двор: Рим

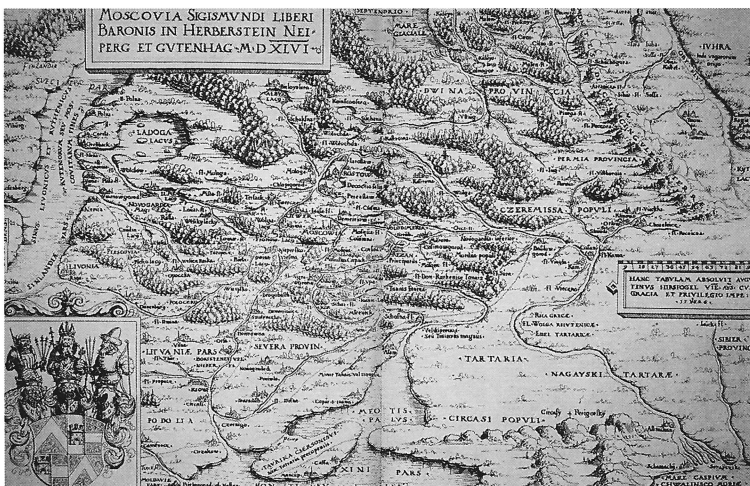

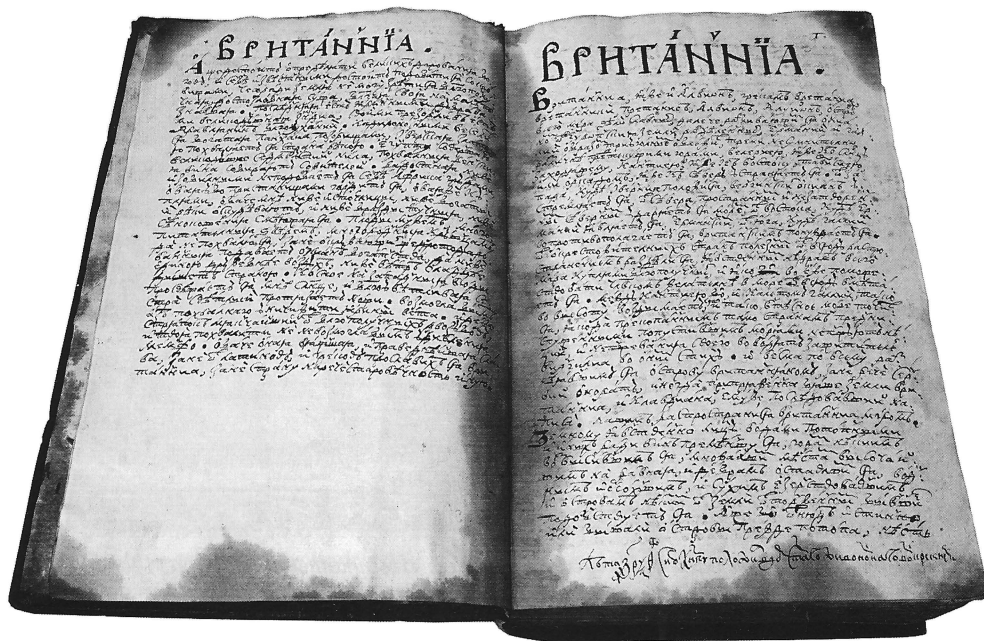
Ил. 8. Золотая баба. Гравюра.
«Космография» А. Теве.
Р. 1575. Л. 847в

Ил. 9. Карта Себастьяна Мюнстера
из «Всемирной космографии»
(издание 1559 г.) Приводится по изданию:
Кордт В. А. Материалы по истории русской
картографии. Киев. 1899 г. Репринт 2009 г.

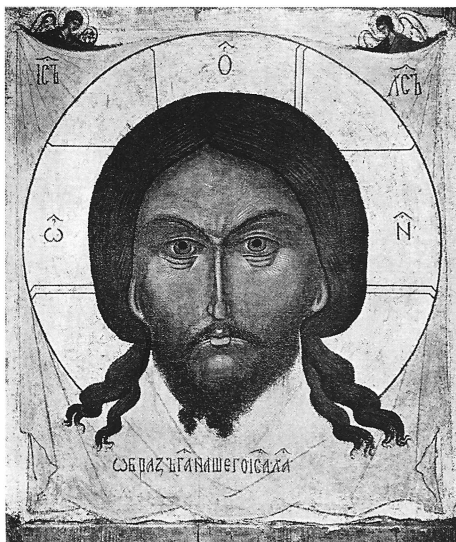

Ил. 10. Карта России С. Герберштейна, гравюра Августина
Гирифогеля, 1546 г. Приводится по изданию: Кордт В. А. Материалы
по истории русской картографии. Киев. 1899 г. Репринт 2009 г.

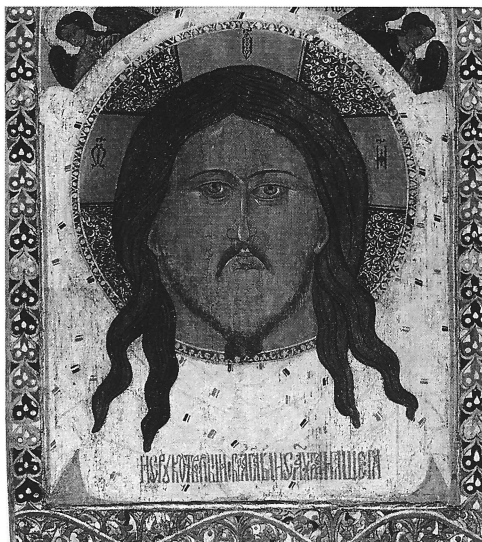

Ил. 1. Русский перевод «Британии» У. Кемдена с вкладной патриарха Никона. ГИМ

К статье Э. С. Смирновой

Ил. 1. «Образ Господа нашего Иисуса Христа». Псковская икона. Первая пол. XV в. Смоленский музей

Ил. 2. «Нерукотворный образ Господа Бога Иисуса Христа нашего». Северная икона кон. XVI в. Собрание А. Д. Липницкого

Ил. 3. «Образ нерукотворенны Господа нашего Иисуса Христа». Икона из села Коростна (Западная Украина). Кон. XV в. (?). Львов, Национальный музей

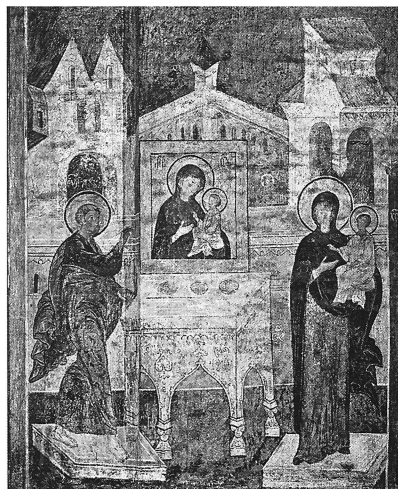
Ил. 4. Евангелист Лука пишет образ Богоматери Одигитрии.
Миниатюра новгородского
Евангелия апракос. 1480–1490-е гг.
БАН 13.1.26. Л. 195 об.

Ил. 6. Мастер круга Рафаэля.
Св. Лука пишет изображение
Богоматери. XVI в. Рим,
Академия Св. Луки

Ил. 5. Евангелист Лука пишет
икону Богоматери Владимирской.
Миниатюра Лицевого летописного
свода. Ок. 1568–1576 гг.
Второй Остермановский том.
БАН. 31.7.30-2. Л. 467

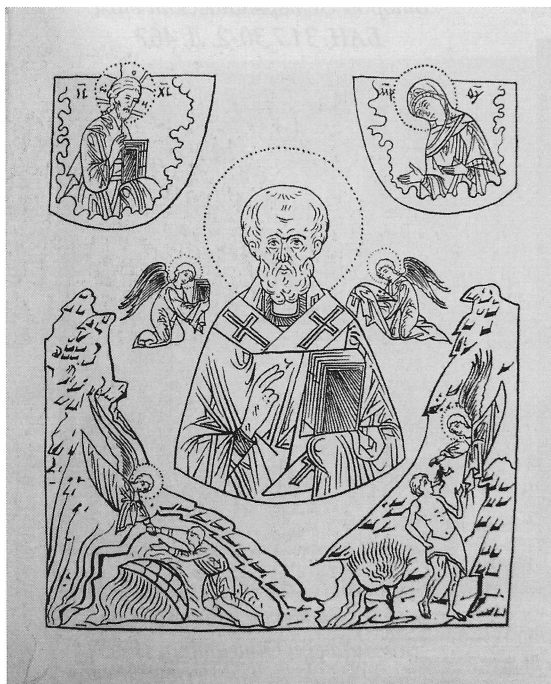
Ил. 7. Св. Лука пишет икону Бого-
матери Лиддской. Фреска собора
Богоматери Одигитрии Ново-
девичьего монастыря в Москве. 1598 г.

*Ил. 8. Доминикос Теотокопулос
(Эль Греко). Св. Лука пишет икону
Богоматери Одигитрии. Икона ок.
1560–1567 гг. Афины, Музей Бенаки*

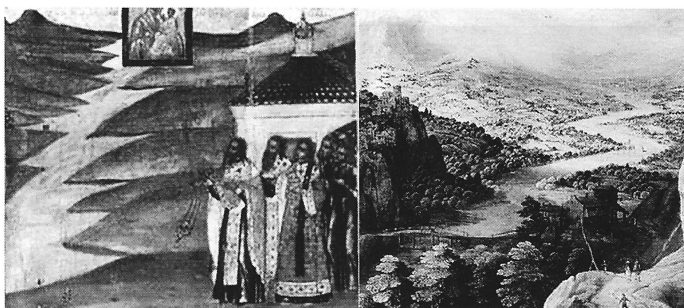
*Ил. 9. Св. Лука пишет икону
Богоматери Владимирской.
Икона нач. – первой пол. XVIII в.
Б. собрание М. Е. Елизаветина*

*Ил. 10. Св. Николай с ангелами
и чудесами. Прорись с иконы
из собрания иконописца
В. П. Гурьянова*

К статье С. А. Кирьяновой

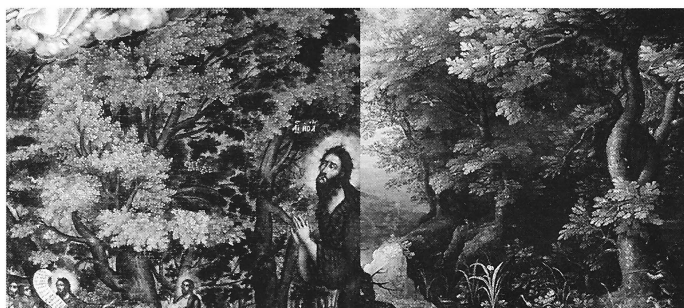
Ил. 1. Фрагменты рамы к иконе «Богоматерь Тихвинская», мастер Кирилл Уланов (1696/1697, МГОМЗ) и картины Тобиаса Верхакста «Речной пейзаж» (первая треть XVI в., частная коллекция)

Ил. 2. Фрагменты створки складня «Иоанн Предтеча – ангел пустыни» (кон. XVII в., ЦМиАР) и картины Пауля Бриля «Пейзаж с нимфами и сатирами» (1623, Мемориальный музей Аллен, Оберлин)

Ил. 3. Фрагменты иконы «Иоанн Предтеча в пустыне» (кон. XVII – нач. XVIII в., ШКМ) и картины последователя Жюль Конингсloo «Пейзаж» (сер. XVI в., частная коллекция)

Ил. 4. Фрагменты иконы Тихона Филатьева «Иоанн Предтеча в пустыне» (1689/1690, ГТГ) и картины Александра Кейринкса «Пейзаж с колесницей Венеры» (первая пол. XVII в., частная коллекция)

Ил. 1. Неизвестный художник. Портрет Г. И. Микулина М., ГИМ

Ил. 2. Сустерманс Юстус. Портрет И. И. Чемоданова. 1656 г. Флоренция, Галерея Уффици

Ил. 3. Неизвестный художник. Портрет Ф. Ф. Порошина. Был: Берлин, Королевский дворец. Фотография приведена в: Старые годы, июль–сентябрь, 1909 г.

Ил. 4. Гравюра с «Портрета П. С. Прозоровского со свитой» работы неизвестного художника (Санкт-Петербург, ГРМ). Фотография приведена в: Выставка Общества поощрения художников. Исторический альбом портретов известных лиц XV–XVIII вв. СПб., 1870. Отдел V. С. 52

Ил. 5. Уайт Р. Портрет П. И. Потемкина. Гравюра с портрета работы Г. Неллера (СПб., ГЭ)

О ТОМ, КАК В СВОЕМ ГЛАЗУ НЕ ВИДНО БРЕВНО, А В ЧУЖОМ ВИДНО СОРИНКУ: ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ XVI в.

Т. М. Руяткина

Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Московии, стиснутой между Литвой и татарами, — была ошеломлена внезапным появлением огромного государства на ее восточных границах.

*К. Маркс*¹

В 1462 г. Иван III наследовал княжество, размеры которого не превышали 430 тыс. кв. км, при вступлении на престол внука — Ивана IV в 1533 г. территория Руси увеличилась в шесть раз, достигнув 2800 тыс. кв. км. В общем, было чему удивиться «изумленной Европе», даже при современных средствах коммуникации, а не только тех, которыми располагало человечество в XV–XVI вв., когда дороги были трудными и опасными, а зачастую и просто неизвестными, а сведения — смутными и фантастическими. В Московию сначала стали проникать, а затем и хлынули иностранцы. Это были купцы, ремесленники, инженеры, военные, ученые, зодчие, оружейники, лекари, дипломаты, шпионы, авантюристы и просто искатели счастья. И многие из них оставляли служебные донесения, записки, письма, дневники, послания, трактаты, мемуары о России. В их числе сочинения венецианцев Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини, императорского посла Франческо да Колло, известного исследователя Московии Сигизмунда Герберштейна, наоборот, малоизвестного Рафаэля Волатерана, поляка Матвея Меховского, голландца Альберта Кампенского, немца Иоганна Фабри, итальянца Павла Йовия и другие².

Разные обстоятельства приводили иностранцев в русские земли, но попытки наладить дипломатические отношения и извлечь для себя те или иные внешнеполитические выгоды наряду с поисками новых торговых путей явно преобладали. Последнее обстоятельство было особенно важно для Англии, и англичане стали едва ли не самой мощной струей в потоке иностранцев, хлынувшим в Россию. Развивавшиеся буржуазные отношения чувствовали тесноту в национальных рамках и ощущали необходимость иметь в распоряжении

для сбыта своих товаров иностранные внешние рынки. Под влиянием этих экономических условий в Англии стали все больше внимания обращать на Россию, которая вследствие неразвитости промышленности и благодаря большим запасам неиспользованного сырья представляла для английского капитала внешний рынок колоссальной емкости. И англичане устремились сюда, преодолевая и страх неизвестности, и трудности пути, и сопротивление сопредельных России стран, заинтересованных в том, чтобы воспрепятствовать проникновению в нее западноевропейской культуры и законсервировать ее изоляцию³.

В 1553 г. «Торговая компания открытия стран, островов, государств и владений, еще не известных и не соединенных морскими путями» снарядила три корабля: «Добрая надежда», «Благое упование» и «Эдуард Благое Предприятие». Экспедиция должна была отыскать пути через северные моря в Индию и Китай. Возглавил ее сэр Хью Уиллоуби, а главным кормчим был назначен Ричард Ченслер. И хотя мечта о северных путях в страны Востока оказалась несбыточной, а два корабля погибли, зато были установлены торговые связи с Москвией, почти такой же загадочной, как и дальние восточные страны. В 1555 г. была создана особая «Московская компания» английских купцов. После этого англичане прибывали в Москву с торговыми и дипломатическими визитами практически постоянно. Соответственно и документов всякого рода скопилось великое множество. Американский историк С. Бэрон даже составил специальный «Путеводитель по опубликованным и неопубликованным документам по англо-русским отношениям в XVI веке, хранящимся в британских архивах»⁴.

В качестве источника в данном исследовании послужили сочинения упомянутых выше Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера, Энтони Дженкинсона, Томаса Соутэма, Джона Спарка, Уильяма Бэрроу, Ричарда Джонсона и других визитеров, посетивших Россию с 1553 до начала 1580-х гг.⁵ Но особенно информативны широко известные работы Джерома Горсея⁶, находившегося в России по делам коммерческой и дипломатической службы с 1563 по 1591 г., Джорджа Турбервилля⁷, секретаря посольства Томаса Рандольфа (1568–1569), и Дж. Флетчера⁸, английского посла в Москве при царе Фёдоре Иоанновиче (1588).

Все эти труды изучались и использовались историками многократно⁹. Редко кто из ученых не назвал английские записки о России XVI в. источниками пристрастными, написанными с высокомерных позиций, и в то же время их зачастую брали за основу своих исследований или, как минимум, признавали за ними роль свидетельства осведомленных наблюдателей о событиях, о которых порою умалчивали либо рассказывали весьма тенденциозно русские документы. Еще В. О. Ключевский заметил в свое время: «Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый с историей на-

рода, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать и выставить наиболее заметные черты, высказать впечатление мог полнее русских»¹⁰.

Вряд ли здесь имеет смысл останавливаться специально на обзоре этих трудов. В настоящей статье нет сколько-нибудь систематического изложения вопроса, поскольку это делалось неоднократно и идею о необходимости все-стороннего исследования имиджа-образа, стереотипа, представления, которое складывалось у одного народа о других народах, никак нельзя считать новой. Поэтому попытаемся выделить лишь один аспект — какие предметы и явления вызывали наибольшее удивление у англичан, какие стереотипы тяготели над ними, и каковы были основания для такого удивления.

Во многом под влиянием императорского посла в России и пытливого, дотошного, но пристрастного ее исследователя Сигизмунда Герберштейна¹¹, сочинения которого были переведены на английский язык и, вероятно, хорошо известны¹², англичане уделяли особое внимание описанию власти, личности монарха и политического строя далекой и непонятной страны. Красной нитью через записки Горсея и Флетчера проходит описание государственного устройства России при неизбежном частом сравнении его с английским, всегда в пользу последнего. Несмотря на личное знакомство с Иваном IV и Фёдором Иоанновичем, в этом вопросе они не слишком разбирались. Так, Флетчер утверждал, что первым, кто стал именоваться не Великим князем Московским, а царем, был Василий Иванович, отец Ивана Грозного¹³. Горсей хотя и верно говорил о венчании на царство Ивана IV, но путал череду событий, полагая, что случилось это после взятия Казани и Астрахани, а не до этого¹⁴. Об обряде коронования и миропомазания русских царей Флетчер рассказал, пожалуй, с излишней детализацией, вплоть до полного текста читавшихся в этом случае молитв¹⁵. По всей видимости, обряд казался ему удивительным и странным. Оба автора упомянули о затруднительной для иностранцев обязанности именовать царя непременно полным, длинным, неудобопроизносимым титулом¹⁶. «Этот титул, — писал Флетчер, — включает в себе все владения царя и явствует все его величие, по чему самому им весьма тщеславятся и гордятся, заставляя не только туземцев, но и иностранцев... повторять его вполне от начала до конца. Такое требование производит иногда большие неприятности и даже ссоры с Татарскими и Польскими послами, которые не хотят употреблять название царя...»¹⁷ Флетчер не забыл упомянуть о том, что и ему не хотелось произносить весь титул, который был «длиннее титула королевы Английской», но он был принужден к этому¹⁸. Из всех английских путешественников того времени именно он тщательно и подробно описал самодержавную власть, политику царя по отношению к разным сословиям общества, Боярскую думу, Земский собор, борьбу царя за централизацию государства, политику опричнины, порядок взимания налогов, систему приказов. В по-

следней, впрочем, он не разобрался, перепутав «четверти», то есть учреждения, ведавшие определенными территориями, с Посольским, Разрядным, Поместным приказами¹⁹. Интересно, что служащих этих государственных органов автор именовал «констеблями», не употребляя русских терминов.

Оценка, которая давалась описанной системе правления, довольно однозначная. Как в свое время Ричард Ченслер писал, что «страна эта называлась Московией... и русские варвары, в свою очередь, спрашивали у наших, откуда они»²⁰, так и в последующем английские путешественники называли увиденные порядки не иначе как «варварскими». «Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым ярким и варварским образом», — писал Дж. Флетчер²¹. Впрочем, в варварской стране варварские порядки, полагал Дж. Горсей, вполне оправданы. «По природе, — писал он, — этот народ столь дик и злобен, что, если бы старый царь (Иван Грозный. — *Т. Р.*) не имел такую тяжелую руку и такое суровое управление, он не прожил бы так долго, поскольку постоянно раскрывались заговоры и измены против него»²². Флетчер нашел подходящее, по его мнению, объяснение такой ситуации: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических»²³. По этому поводу историк О. В. Ким отметил: «В том, как европейцы характеризовали политическую систему русского государства, прослеживается вполне отчетливая европоцентристская тенденция. Московия в целом представлялась им частным случаем восточной деспотии...»²⁴ Одним словом, порядки варварские, политической культуры никакой, азиатчина — таков вердикт о политическом устройстве России.

Могло ли самовластье русского царя удивлять англичанина времен расцвета абсолютизма? Необходимость ликвидировать возможность рецидивов феодальной анархии, упрочение положения Англии в морской торговле, процесс первоначального накопления и рост мануфактур, необходимость подавления недовольства экспроприированных народных масс делали непреложным существование сильного королевского правительства²⁵. И со времен Генриха VII политика английских королей становится типично абсолютистской. Английские путешественники, безусловно, не могли не заметить и главного сходства. Не только в России царь наступал на права удельных князей и бояр, выдвигая вперед служилое дворянство, но и английские короли вели политику ущемления прав и привилегий старой феодальной знати. Учитывая большие экономические возможности, меньшую территорию, а также то, что политика Ивана Грозного — это всего лишь попытка установить самовластье в еще сословной, а не абсолютной монархии, можно констатировать, что политика английских королей от Генриха VII до Елизаветы была гораздо более жесткой.

И все же основания для удивления и осуждения деспотизма российских царей у англичан были. Конечно, английский парламент был учреждением

гораздо более самостоятельным, чем Боярская дума и даже Земский собор. И если англичане замечали это различие, пусть даже несколько чванливо, то у них были на то основания. Флетчер отмечал, что «предлагать билли по мнению отдельных лиц относительно какого-нибудь общепольного дела (как это делается в Англии) Русский Земский собор вовсе не дозволяет подданным»²⁶.

Кроме того, англичане, привыкшие к тому, что их парламент занимается вопросом о взимании налогов чуть ли не со времен «Великой хартии вольностей», конечно, не могли не отметить произвол в этом деле русского царя, взимавшего подати «...не для какой-нибудь надобности или потребности царя и государства, но по одному произволу и обычаю, впрочем, под некоторым предлогом Скифской, то есть грубой и варварской, политики... с целью грабить свой народ и обогащать свою казну». «По этому случаю, — продолжал Флетчер, — покойный царь Иван Васильевич обыкновенно говаривал, что народ сходен с бороδοю: чем чаще стричь ее, тем гуще она будет расти, или с овцами, которых необходимо стричь, по крайней мере, один раз в год, чтобы не дать им совершенно обрасти шерстью»²⁷.

Наконец, приехав из Англии, где разбогатевшие крестьяне с давних времен приносили оммаж и принимали звание рыцаря, путешественники, конечно, отмечали замкнутость сословий в России. Флетчер писал: «...установлено законами, чтобы никто не выходил из своего сословия, так что сын мужика, ремесленника или земледельца остается навсегда мужиком, ремесленником и проч., и не может идти далее, кроме того что, выучившись читать и писать, достигает до повышения в священники или дьяки»²⁸.

Справедливости ради, надо отметить, что, всегда имея в виду, что Россия — страна, вообще-то, варварская и правление в ней варварское, английские путешественники находили и положительные моменты в царствовании Ивана Грозного, и, может быть, тем более значимые, что происходили они не в «культурной» Англии, а в «дикий» России. Так, Ченслер говорил, что в умении повиноваться своему государю англичане могли бы и поучиться у русских: «...можно сказать, что русские люди находятся в великом страхе и повиновении... О, если бы наши смелые бунтовщики были в таком же подчинении и знали бы свой долг к своим государям!»²⁹ Флетчер писал, причем уже во времена Фёдора Иоанновича, из-за чего можно исключить простую лесть здравствовавшему монарху: «Царь Иван Васильевич, отец нынешнего царя, человек высокого ума и тонкий политик»³⁰. С этим перекликаются слова неизвестного англичанина, оставившего свои воспоминания о жизни при царском дворе в 1557–1558 гг.: «...он превосходит их [своих предшественников. — *T. P.*] в твердости и отваге: он не больше боится своих неприятелей, которых немало, чем сокол жаворонков»³¹. А Дж. Горсей посвятил анализу достижений Ивана Грозного несколько страниц, отметив и территориальные приобретения, и принятый Судебник, и урегулирование отношений с цер-

ковью, и строительство великолепных храмов³². Он отмечал даже своеобразную справедливость русского царя: «В 1575 году вслед за моровым поветрием начался большой голод... Города, улицы и дороги были забиты мошенниками, праздными нищими и притворными калеками... всем им было объявлено, что они могут получить милостыню от царя в назначенный день в Слободе. Из нескольких тысяч пришедших 700 человек — самых диких обманщиков и негодяев — были убиты ударом в голову и сброшены в большое озеро на добычу рыбам; остальные, самые слабые, были распределены по монастырям и больницам, где получили помощь»³³. Флетчер же называл «справедливость» царя показною. Так, он рассказал о публичной казни дьяка, принявшего в качестве взятки жареного гуся, начиненного деньгами. Провинившемуся поочередно отрубали руки и ноги, спрашивая, «вкусно ли гусиное мясо», а потом отрубили голову. Флетчер полагал, что это показное правосудие, чтобы «прикрыть притеснения, делаемые самим царем»³⁴. В этом плане его представления перекликались с мнением упомянутого выше Герберштейна, говорившего, что «справедливость в высшей степени чужда тираническому государству»³⁵.

Интересно, что и внешне Иван Грозный был симпатичнее Горсею: «Он был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос — настоящий скиф...» При том, что русский автор С. И. Шаховский по этому поводу писал: «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты...»³⁶

Писал Горсей также и о Фёдоре Иоанновиче, Борисе Годунове и о начале Смутного времени, но уже, в основном, в событийном плане. Однако между делом охарактеризовал царя Фёдора Иоанновича как «глупого сына... более чем слабого умом», а Бориса как «узурпатора»³⁷. О последнем он все-таки отозвался если не полностью положительно, то неоднозначно: «Он [Борис Годунов. — *Т. Р.*] приятной наружности, красив, приветлив, склонен и доступен для советов, но опасен для тех, кто их дает, наделен большими способностями... склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы и хорошо владеет своим голосом, лукав, очень вспыльчив, мстителен, не слишком склонен к роскоши, умерен в пище, но искушен в церемониях, устраивает пышные приемы иноземцам...»³⁸ Интересно, что Горсей воспроизвел довольно распространенную легенду о расправе Бориса с Фёдором Иоанновичем и отправке в монастырь вдовой царицы³⁹, своей сестры, а также о самоубийстве самого Бориса со всем семейством⁴⁰. Ни то, ни другое, как известно, не соответствует действительности. Царь Фёдор скончался сам в 1598 г., а царица Ирина по собственному желанию удалилась в монастырь. Борис же умер естественной смертью, хотя и внезапно, в 1605 г., по-видимому, от апоплексического удара⁴¹.

Один аспект правления русских царей, прежде всего Ивана IV, стоит рассмотреть особо. При всяком сравнении Ивана Грозного с современными

ему английскими и вообще европейскими правителями самым обсуждаемым является вопрос о его жестокости. Действительно, примерами его жестокости и описаниями всяческих ее проявлений буквально пронизаны сочинения Флетчера и Горсея. О покорении царем иноземных краев Горсей писал: «Ужасны были вопли гибнущих в жестокой резне, пожарах и опустошениях; женщин и девушек, раздетых донага, несмотря на мороз, без жалости избивали, привязывали по три и по четыре к хвостам лошадей и тащили полумертвых-полуживых, заливая кровью дороги и улицы, полные мертвых тел стариков, женщин, младенцев...»⁴² Впрочем, со своими соотечественниками царь обходился не лучше. Так, при расправе с Новгородом «он ворвался туда с тридцатью тысячами своих татар и десятью тысячами своей охранной стражи, которые обесчестили всех женщин и девушек, ограбили и захватили все, что находилось в этом городе, его казну, сосуды, сокровища, убили людей, молодых и старых». Горсей сообщал о 700 тысячах убитых, телами которых была запружена река Волхов⁴³. Эта цифра явно сильно преувеличена, хотя данные источников по этому поводу и мнения историков сильно расходятся: от 2 770 человек до невероятных 700 тысяч⁴⁴. Далее Горсей сообщил очень любопытный факт. Якобы царь для восстановления населения поверженного Новгорода переселял туда жителей окрестных городов и деревень, многие из которых умерли от чумы, разразившейся в результате разложения трупов новгородцев⁴⁵. Этот факт уникален, и ни в каких других источниках больше не сообщается.

Далее Горсей писал о царе: «Он и... его солдаты стали проводить свое время в ограблении и убийстве главной знати, богатейших сановников, а также лучших представителей купечества...»⁴⁶ Флетчер же рассказывал: «Чтобы показать власть свою над жизнью подданных, покойный царь Иван Васильевич во время прогулок или поездок приказывал рубить головы тем, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к его ногам»⁴⁷. После набега на Москву крымского хана Иван «распустил свою армию [опричное войско. — *Т. Р.*], которая не сделала в его защиту ни одного выстрела, допрашивал, пытал, мучил многих воевод и главных военачальников, приговорил некоторых к смерти, конфисковал их добро и землю, разорил их роды и семьи»⁴⁸. В сочинении Флетчера рассказано также о жестоком обращении с арестантами. Их заковывали в «такие тяжелые кандалы, какие они только в состоянии вынести», били по икрам за неуплату долга, добывали показания посредством истязаний: били кнутом, жарили на огне, выдирали части тела раскаленными щипцами⁴⁹. Горсей подробно живописал расправы с разного рода заговорщиками, имена которых он, впрочем, путал и не всегда верно называл. Один из них был «раздет донага, брошен в телегу и засечен до смерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрезали его спину, живот и конечности»⁵⁰. Другая расправа и

вовсе вызывает ужас. Приговоренный «был подвешен на виселице голым за пятки, четыре палача резали его тело от головы до ног, один из них, устав от этой долгой резни, ткнул нож чуть дальше, чтобы поскорее отправить его на тот свет, но сам он за это был тотчас же взят в другое место казней, где ему отрезали руку, а так как ее не залечили как следует, он умер на другой день»⁵¹. О казни князя Бориса Тулупова Горсей сообщал: «...будучи уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью, был посажен на кол, заостренный так, что, пройдя через все тело, он вышел у горла; мучась от ужасной боли и оставаясь живым 15 часов, князь разговаривал со своей матерью, княгиней, которую привели посмотреть на это ужасное зрелище. И она, почтенная добрая женщина, за этот же проступок была отдана на поругание сотне стрельцов. Ее раздувшееся, нагое тело было приказано отдать псарям, бросившим его голодным псам, растащившим его на куски, валявшиеся повсюду»⁵². Епископ Новгородский, по словам Горсея, «был обвинен в чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям Польши и Швеции, в мужеложстве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и других отвратительных преступлений». Он был брошен в темницу, одиннадцать его слуг повешены на воротах его дворца, а «его ведьмы были позорно четвертованы и сожжены». О казни «новгородских жен-колдуний» сообщали также и русские источники⁵³. Жуткой расправы не избежал и английский подданный, имевший различные сношения с Иваном, Элизиус Бомелиус (Бомелий), которого Горсей считал обманщиком и «врагом англичан». Его мучили на дыбе, били кнутом, затем «сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани, провезли через Кремль... бросили в темницу, где он и умер»⁵⁴. Горсей сообщил, что лицезрел замученного Бомелия лично, что должно было произвести неизгладимое впечатление.

В то же время, по замечанию Флетчера, знать наказывалась только за измену и нелояльность по отношению к царю. «Что же касается до лиц дворянского сословия, — писал он, — если кто из них окрадет или убьет бедного мужика, то их... легко наказывают или даже вовсе не призывают к ответу. Причина та, что простолюдинов почитают их холопами, или крепостными рабами»⁵⁵.

Флетчер полагал, что царь был самым страшным образом наказан за свою жестокость: «Другой старший брат [царевич Иван. — Т. Р.]... умер от головного ушиба, нанесенного ему отцом его в припадке бешенства палкою или... от удара острым концом ея, глубоко вонзившимся в голову. Неумышленность его убийства, — продолжал автор, — доказывается скорбю и мучениями по смерти сына, которая никогда не покидали его до самой могилы. Здесь видно правосудие Божие, наказавшее его жажду к пролитию крови убийством сына его собственною рукою...»⁵⁶

В другом же его сыне, убиенном царевице Дмитрие, Флетчер усматривал отцовские черты. Так, для того чтобы подтвердить, что это действительно сын Ивана, он рассказал, что мальчик любил наблюдать, как резали домашний скот, ничуть не боясь крови, как другие дети, а также забивал до смерти палкой кур и гусей⁵⁷.

И Горсей, и Флетчер отмечали, что жестокости опричнины вели к разорению страны. «Вам случается видеть, — писал Флетчер, — многие деревни и города, в полмилю или целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий... между Вологдой и Ярославлем... до пятидесяти деревень... совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя»⁵⁸. Из всего этого он делал, однако, совершенно потрясающий по своей неожиданности и нелепости вывод: «Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большею частию, желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига тиранского правления»⁵⁹. Ближайшее будущее показало, что это ни в малой степени не соответствовало действительности. Более того, в годы Смуты именно народ стал инициатором и главным участником борьбы с иноземными вторжениями. Английская действительность также не являла никаких примеров, чтобы народ для улучшения своего положения желал иностранного вторжения. Так что непонятно, откуда у Флетчера появилась такая мысль.

Столь большое внимание к жестокостям русского царя, сетования и удивление со стороны людей, приехавших из страны Генриха VIII, Марии Кровавой и Елизаветы, вызывают недоумение. Достаточно вспомнить хотя бы сценарий, разработанный для казни первого министра королевства, гуманиста Томаса Мора, правда, не реализованный. Хотя в итоге Мору просто отрубили голову, жуткая картина планировавшегося действия показывает, что нравы английских королей ничуть не отличались от нравов русского царя. Планировавшуюся, но не состоявшуюся в таком виде казнь во всех красках описал зять Томаса Мора Уильям Ропер. На суде, устроенном Генрихом VIII, Мор обвинялся в том, что в ответ на вопросы о главенстве короля в делах церкви «злонамеренно и преступно» молчал или уклонялся от ответа словами «дашь один ответ — погубишь свое тело, дашь другой ответ — погубишь свою душу». Последние слова Мора на суде были словами истинного гуманиста: «Я ничего больше не имею сказать, мои лорды, но истинно верю, чтобы... в будущей жизни на небесах мы могли... встретиться все вместе к нашему вечному спасению. И я прошу всемогущего бога сохранить и защитить его милость короля и послать ему добрый совет»⁶⁰. Суд постановил: «Вернуть его при содействии констебля Уильяма Кингстона в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить

по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту»⁶¹. Сопровождавший Мора констебль Кингстон был искренним другом Мора и впоследствии рассказывал его зятю и биографу Роперу: «Честное слово, мне было стыдно за себя... я чувствовал такую слабость духа, что он, которого я должен был утешать, был столь мужественен и тверд, что сам утешал меня»⁶². Опасаясь волнений и проявления сочувствия приговоренному со стороны горожан, король «милостиво» заменил мучительную казнь отсечением головы, и 6 июля 1535 г. Мор был казнен.

Всем известно, что правление взбалмошного и неуравновешенного Генриха VIII вообще было деспотическим и сопровождалось многими расправами с инакомыслящими, недругами и просто теми, кто попался под горячую руку. С годами Генрих становился все более кровожадным. В его правление к отсечению головы и сожжению на костре стали приговаривать не только мужчин, но и женщин⁶³. Вторая жена Генриха Анна Болейн, расправа над которой широко известна, была лишь первой в этом списке. Супруг шести жен, Генрих, по выражению историка Н. Эйдельмана, «сделал плаху элементом семейной жизни», при том что, в отличие от него, Иван Грозный все-таки не казнил ни одну из своих семи жен⁶⁴. В Англии практиковались ритуальные казни: когда возраст короля или время его правления были кратны числу «7», невинные жертвы должны были якобы искупить вину королевства⁶⁵. Широко известно истребление родов Куртене и Полей, заподозренных в попытках возвести на престол кардинала Реджинальда Поля, а также всего семейства пятой жены короля Екатерины Говард. На плаху был отправлен Томас Кромвель, в свое время поддерживавший короля в противостоянии с Мором⁶⁶. Такое истребление феодальных фамилий было обусловлено борьбой у трона, стремлением короля устрасшить феодальную аристократию и при всем различии в основных чертах очень напоминало то, что делал в России Иван Грозный.

Мария Тюдор, взошедшая на престол после казни «королевы девяти дней» 16-летней Джен Грей и ее сторонников, отправила на костер около 300 протестантов, включая Кранмера, Латимера, за что заслужила у протестантских историков прозвище «Кровавая»⁶⁷.

Но просвещенная Елизавета, в правление которой гуманистическая культура английского Возрождения достигла наивысшего расцвета, преуспела в деле уничтожения и католиков, и протестантов-кальвинистов гораздо больше. А описание, например, сцены казни католических священников Кэмпiona, Шервина и Брайента вполне в духе кровавых зрелищ, устраиваемых как при отце Елизаветы Генрихе VIII, так и при Иване Грозном в России. Трое осужденных были привязаны на телеге с петлями на шее, и, когда лошади рванули, жертвы повисли. Но петля у Брайента соскользнула, и он остался жив. Тем не менее палач начал методично расчленять тела как умерших, так и живого. Ему разворотили живот, вытащив кишки. Затем всем троим отрубили головы, четвертовали, а останки насадили на шесты, расставленные в местах скопления

народа⁶⁸. Елизавета расправилась с соперницей по трону Марией Стюарт, казнила своих приближенных и бывших фаворитов, в том числе графа Эссекса. И, конечно, рядом с этими громкими казнями постоянным фактором были истязания, пытки и казни рядового экспроприированного населения.

Так что же могло заставить англичан, приехавших из своей страны, с таким старанием живописать жестокости, чинимые русскими царями? Что они увидели в этом удивительного или необычного? Скорее всего, это было в основном психологическое воздействие тяготевших над ними стереотипов, в которых Россия представляла как страна априори дикая. Известно, что одна из характерных черт стереотипов состоит как раз в том, что реально существующие небольшие различия, в данном случае между степенью жестокости нравов в Англии и России, очень сильно преувеличиваются, чрезмерно обобщаются.

Устойчивость стереотипов обеспечивается, в частности, тем, что информация, соответствующая стереотипу, способствует его упрочению, а противоречащая — игнорируется. О том, что жестокость царя варварской страны как бы имела в виду заранее, говорит и тот факт, что английские авторы пользовались не только увиденным, но и непроверенными легендами. В частности, и Горсей, и Флетчер сообщали о том, что по приказу Ивана Грозного были выколоты глаза строителям Ивангорода, дабы они не построили более ничего подобного⁶⁹. Вероятно, англичане пересказали предание об участии строителей храма Василия Блаженного, в достоверности которого историки также сомневаются, хотя бы по причине того, что зодчие очень ценились на Руси.

И, наконец, на формирование стереотипа гораздо большее влияние оказывает отдельный яркий факт, чем точная, обширная, но пришедшая как бы извне, не имеющая эмоциональной окраски информация. Таким образом, невозможно предположить, чтобы английские путешественники ничего не знали о кровавых расправах с неугодными в своем отечестве. Однако, если они лично не видели домашних кровавых зрелищ, но оказались свидетелями хоть одной такой сцены в России (а Горсей упоминал о том, что он был непосредственным свидетелем некоторых расправ), это, безусловно, должно было убедить их в правильности восприятия этой страны как варварской и жестокой.

Научная, популярная и публицистическая литература полна статистики, какой государь XVI в. погубил большее число людей. Утверждают, что в Англии за это время только за бродяжничество было повешено 70 тысяч человек, во Франции в одну Варфоломеевскую ночь была перебита половина французской знати, а всего погибло 30 тысяч человек, вспоминают зверства шведского короля Эрика XIV и испанского Филиппа II⁷⁰. Причем в каждой стране, в том числе и в Англии, и в России, рассуждениям присущ тот дух, что «наш-то был еще ничего» по сравнению с другими. Так, в российских материалах утверждается, что жертвами Ивана Грозного стали 4–5 тысяч человек.

Вряд ли эта цифра может соответствовать действительности — разве что считают только публично казненных представителей знати. Общее количество жертв, конечно, меньше тех сотен тысяч, о которых сообщал Горсей, но много больше 4–5 тысяч. А главное, все эти подсчеты, сделанные в пылу полемики, вообще не меняют ни общей картины, ни сути. По жестокости европейские монархи XVI в. стоили друг друга, независимо от того, были ли это ренессансные государи просвещенных стран или правители страны, только вчера удивившей иностранцев самим фактом своего появления.

Одним из моментов сравнения английской и российской действительности не в пользу последней было сравнение войска. «Русский царь, — писал Флетчер, — надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил»⁷¹. Русское войско, по его описанию, было плохо организовано, плохо снабжалось, наступало беспорядочной толпой, издавая дикие звуки. Об этом же сообщал Р. Ченслер: «...на поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегут кругом...»⁷² Военачальниками назначали «не по степени храбрости или опытности в делах воинских», а «того, кто пользуется особенным значением по знатности своего рода»⁷³. Однако русские воины столь неприхотливы, что этому можно только подивиться. К тому же русский царь имел такое количество хороших пушек и снарядов, как ни один из христианских государей⁷⁴. Стоит заметить, что Флетчер не выводил недостатки русского войска из какой-то ущербности или неполноценности русских ратников, а объяснял их достаточно здраво: «...[русский воин. — *Т. Р.*] превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им в храбрости в самом исполнении воинских обязанностей. Это происходит часто от его рабского состояния, которое не позволяет развиваться в нем сколько-нибудь значительной храбрости или доблестям, а часто от недостатка в почестях и наградах, на которые ему нет никакой надежды, какую бы услугу он ни оказал»⁷⁵. А Р. Ченслер откровенно завидовал: «Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробить с ними [русскими. — *Т. Р.*] в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвастаться такими людьми...»⁷⁶ Впрочем, тут же имея в виду, что мало толку от достоинств русских солдат в нецивилизованной стране: «Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн»⁷⁷. Итак, в целом у всех английских авторов просматривается стремление обрисовать московитов неразумными и примитивными в организации войска, способах ведения боя, не умеющими использовать личные качества воинов, берущими только численностью, от которой тоже мало проку.

Имея ненадежных бояр, плохо обученное войско и не умея управлять иначе, как с помощью деспотизма, русские цари, согласно запискам английских путешественников, постоянно обращались за помощью и покровительством к Англии. Так, Горсей сообщал: «...царь послал в Англию за умелыми строи-

телями, архитекторами, плотниками, столярами и каменщиками, ювелирами, медиками, аптекарями и другими мастерами, выстроил каменное казнохранилище, а также большие барки и судна, чтобы в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море — прямом пути в Англию»⁷⁸. Отчасти это сообщение было основано на каких-то сведениях о переговорах Ивана IV с Елизаветой по поводу договора, впрочем, не состоявшегося, о возможном укрытии друг друга⁷⁹. Однако в 1572 г. в преддверии нового набега крымского хана царь, предположительно, мог отправить казну в Новгород, но отнюдь не в Англию⁸⁰. В записках Горсея вообще нелегко разобрать, где отражены реальные факты, по какой-то случайности известные только ему или сохранившиеся только у него, а где фантазия человека, у которого слухи и предположения удачно ложились на реально существовавший стереотип восприятия. Так, уникально известие Горсея о попытке сватовства Ивана IV к английской королеве Елизавете I. «Он подробно расспрашивал, — писал Горсей, — ...о том, сколько лет королеве Елизавете, насколько успешно могло быть его сватовство к ней. И хотя он имел причины сомневаться в успехе, так как две его жены были еще живы, а кроме того, королева отказывала в сватовстве многим королям и великим князьям, однако он не терял надежды, считая себя выше других государей по личным качествам, мудрости, богатству и величию»⁸¹. Все другие источники свидетельствуют о сватовстве царя к Мэри Гастингс, родственнице Елизаветы, которое Горсей также описал, но как событие, случившееся после не сладившегося сватовства к королеве⁸². Переговоры по поводу женитьбы царя на англичанке, по-видимому, были серьезными. Невеста, вероятно, на первых порах возгорелась желанием стать русской царицей. Елизавета вела переговоры о правах на престол будущего наследника. Но дело и тут не сладилось: невеста сказалась нездоровой, а переговоры вернулись в более реальное русло политического союза и торговых отношений⁸³. Так или иначе, Англия и Россия действительно были заинтересованы друг в друге, хотя и с разных позиций. Трудно судить, насколько реальными были планы русского царя жениться в Англии или укрыться там в случае опасности. А вот стремление англичан установить более тесные отношения очевидно. Горсей свидетельствовал, что Елизавета, как известно, женщина весьма образованная и склонная к изучению языков, интересовалась русским языком и поручила выучить его лорду Эссексу, что тот и сделал, преуспев в этом, и с немалым удовольствием⁸⁴.

Итак, определив для себя Россию как часть скорее восточного, азиатского, нежели европейского мира, как страну, нуждавшуюся в цивилизованном, желательно английском, покровительстве, путешественники обратили внимание, что «определенный парадокс, и даже курьез, заключался в том, что этот непонятный мир все же являлся христианским по своей вере»⁸⁵. Поэтому еще одним интересным аспектом восприятия англичанами российской действительности были их рассуждения по поводу православной религии и русской

церкви. С одной стороны, английские путешественники были готовы столкнуться с иным вероисповеданием в землях, где они бывали. В инструкции, составленной во время плавания Уиллоуби, говорилось: «Запрещается сообщать какому бы то ни было народу сведения о нашей религии, но предлагается обходить этот вопрос молчанием... делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете»⁸⁶. С другой стороны, в этом вопросе они наиболее единодушны и относятся к православной религии с явным осуждением. Так, посетивший Россию в 1579–1581 гг. Христофор Барроу сообщал, что закон у русских греческий и пишут они похоже на греков, при этом «ненавидят латинский язык и не имеют никакого отношения к римскому папе»⁸⁷. Церковь же греческая, по мнению англичан, «преисполнена многими суевериями и заблуждениями»⁸⁸. А Р. Ченслер говорил: «Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких неслыханно»⁸⁹. Большею частью осуждались те элементы православия, которые напоминали англичанам отвергнутые Реформацией католические догматы и обряды.

Во-первых, англичане отмечали, что церковники, мало разбираясь в Священном Писании, не могли его толковать как следует, а народ и вовсе ничего в этом не понимал. «Они почитают Ветхий и Новый Завет, — писал Ченслер, — но суеверие от этого не уменьшается. Ибо, когда священники читают, то в чтении их столько странностей, что их никто не понимает»⁹⁰. Флетчер также отмечал, что священники «не извлекают никакой особенной пользы из каких бы то ни было сведений или из самого Священного Писания, кроме того, что читают его и поют»⁹¹. Вообще, по его мнению, все заблуждения русских в делах веры вызваны признанием Священного Предания, что, как известно, было отвергнуто Реформацией, и незнанием Священного Писания. При этом Флетчер сетовал, что вообще-то русские могли бы изучать Священное Писание, потому что хотя оно в России на польском языке, но он очень схож с русским и не должен быть препятствием⁹². Однако известно, что Польша — страна католическая, Библия там читалась на латинском языке, а на русский язык Священное Писание было переведено еще во времена Киевской Руси. Трудно сказать, чем вызвано это ошибочное суждение: то ли тем, что реформированная англиканская церковь отвергала вообще обрядовую внешнюю сторону религии, характерную и для католицизма, и для православия, не вникая в разницу между ними, то ли презрительным и высокомерным отношением и к России, и к Польше, когда факт, что обе эти страны для Англии варварские, отодвигал на задний план различия между ними.

Во-вторых, английские путешественники подчеркивали, что православные наряду с папистами служат Христу «не только верой, но и делами». «Поэтому все заключается у них в молитвах, постах, обетах и приношениях Святым, подаянии милостыни, крестных знамениях и тому подобных обрядах», — писал Флетчер⁹³. В частности, строгое соблюдение поста называл «су-

еверным обычаем папистов». Он разбирал разницу в обрядах крещения, причастия, исповеди в англиканской и православной церквях и заключал: «Так совершаются у них таинства. Из этого легко можно видеть, в чем они отступают от постановлений Христовых и какие обряды прибавили сами от себя или же заимствовали у греков»⁹⁴. Соблюдение обрядов трактовалось не иначе как отсталость: «...как далеко отстали они от истинного познания и исполнения обязанностей христианской религии, променяв слово Божие на свои пустые предания и превратив все во внешние и смешные обряды без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения»⁹⁵.

В-третьих, все посетившие Россию обращали внимание на особое почитание икон. Х. Бэрроу отмечал, что хотя русские разные изваяния не почитали, но поклонялись «изображениям на досках»⁹⁶. Р. Ченслер подчеркивал: «Они не поклоняются и не почитают никакой иконы, сделанной не в их стране»⁹⁷. А Дж. Турбервилль писал: «Главнейшее место у них то, где висит их бог. Хозяин дома не сядет там никогда, лишь когда приходит лучший гость, он отводит его на это место. Пришедший должен поклониться богу до земли...»⁹⁸ Уже упоминавшийся неизвестный автор отмечал, что поклонение иконам было чрезмерное, с его точки зрения⁹⁹.

В-четвертых, английские путешественники единодушно осуждали монашество, представители которого, по мнению Ченслера, «самые отвратительные люди под солнцем»¹⁰⁰. Флетчер отмечал, что монахов в России великое множество, даже больше, чем у католиков. Все они невежественны и имеют такие нравы, что «каждый скромный человек поневоле должен замолчать»¹⁰¹. Любопытным исключением здесь стали заметки упомянутого выше неизвестного английского автора, посетившего Россию зимой 1557–1558 гг. Он также отметил, что монастырей в России очень много, но назвал их гостеприимными и полагал, что монахи помогали бедным¹⁰².

Особый интерес у англичан вызывали юродивые, почитавшиеся в России как святые. Флетчер писал: «Они ходят совершенно нагие, даже зимою в самые сильные морозы, кроме того, что по середине тела перевязаны лохмотьями, с длинными волосами, распущенными и висящими по плечам, а многие еще с веригами на шее или по середине тела»¹⁰³. Флетчер упоминал о юродивом, который ходил и поносил Годуновых, а также о некоем Василии, который «решался упрекать покойного Царя [Ивана Грозного. — Т. Р.]». На Горсея особенно большое впечатление произвело то, что юродивый встречал царя «смелыми проклятиями, заклинаниями, руганью и угрозами, называл его кровопийцей», а царь не просто не расправился с ним, а «содрогнулся от этих слов и просил его молиться об избавлении и прощении»¹⁰⁴.

В целом неприятие представителями реформированной англиканской церкви православия, напоминавшего им католицизм, — наиболее объяснимый и естественный момент в восприятии англичанами российских реалий. Степень ожесточенности, характерная для Реформации, и в Англии еще в го-

раздо меньшей степени, чем в других странах, предопределяла сугубо осуждающий тон. Любопытно, что, находясь под большим влиянием Герберштейна, и в вопросах описания вероисповедания тоже, англичане объясняли «неправильность» православной церкви с совершенно отличных, даже противоположных позиций по сравнению со своим предшественником. Описывая одни и те же, с их точки зрения, отклонения от истинной веры, англичане сетовали, что русские похожи на католиков, а католик Герберштейн с негодованием восклицал: «Ну, чисто протестанты»¹⁰⁵.

Единственное, что не вызвало у английских путешественников осуждения, но и одобрения тоже, это почти полное отсутствие в России преследований по делам веры¹⁰⁶. В самом деле, такие дела в России были крайне редки, в отличие от католических и протестантских стран, где религиозный террор имел в это время чудовищные размеры. Интересно, что англичане не только высказывали свое неприятие православной религии, но могли заметить такое же неприятие в отношении их собственного вероисповедания со стороны русских: «...русские не считают нас за христиан, и о нас они говорят, что мы не христиане, так как не носим, как они, крестов»¹⁰⁷.

Отдельное внимание англичане уделяли образу жизни и быту русского народа. Не удивительно, что многие его особенности они усматривали в чрезвычайно холодном климате. Русская зима — испокон веков одно из самых удивительных, непостижимых и пугающих явлений для иностранцев. После гибели двух кораблей экспедиции Х. Уиллоуби, не имевшей подходящего снаряжения для полярной зимовки¹⁰⁸, страх перед русскими морозами, очевидно, долго должен был сохраняться в памяти путешественников, даже если они странствовали не в полярных широтах, а южнее. «Когда вы выходите из теплой комнаты на мороз, — писал Флетчер, — дыхание ваше спирается, холодный воздух душит вас... одни совсем замерзают, другие падают на улицах; многих привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении; иные отмораживают себе нос, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее»¹⁰⁹. Дж. Турбервилль с удивлением отмечал, что в морозные зимы, заботясь о скоте, русские содержали его прямо в избах¹¹⁰. Еще большее удивление вызывало то, что умершие зимой не погребались из-за смерзшейся земли и лежали до прихода весны¹¹¹. Интересно, что русские холода Турбервилль уравнивал и ставил в один ряд с самыми худшими, с его точки зрения, недостатками русских: «Холод исключительный, люди грубы, князь полон коварства, государство столь переполнено монахами, монашками, священством на каждом углу, манеры столь близки к турецким, мужчины столь вероломны, женщины развращены, храмы забиты идолами»¹¹². Флетчер описывал, что средством борьбы с холодом были печи, которые «так нагревают дом, что иностранцу сначала, наверно, не понравится», а также частое посещение бань (по два или три раза в неделю). Но обе эти диковинки вызывали у него не любопытство, а, скорее, осуждение. По его мнению, русские имели болезненные и сморщенные лица,

потому что «они постоянно сидят в жарких покоях, занимаются топкой бань и печей и часто парятся»¹¹³. Такое представление, вероятно, было достаточно распространенным в Западной Европе в XVI–XVII вв. Общественные бани и горячая вода считались вредными из-за веры в то, что «телесные соки уходили через расширенные поры, приводя к потере жизненных сил, слабости, болезням»¹¹⁴.

Отдельная история — это пресловутые медведи, сопровождавшие повсюду русских людей, как полагали иностранцы с давних времен до наших дней. Медведями буквально населены страницы их путевых заметок. «Часто случается, — писал Флетчер, — что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их: тогда жители принуждены бывают спасаться бегством»¹¹⁵. Уже в этом простом описании присутствует явное преувеличение. Можно предположить, что диких зверей поблизости человеческого жилья в XVI в. было намного больше, чем сейчас, можно представить стаю волков, задравшую одинокого путника или забравшуюся в овчарню. Но поверить в то, что в зимний период, когда медведи спят, они нападали на села, да еще стаями, совершенно невозможно. Скорее всего, это преувеличенные слухи о каком-нибудь медведе-шатуне, которые удачно вписались в стереотип Флетчера о России.

Турбервилль свидетельствовал, что в каждом доме вместо постели использовали медвежьи шкуры, что также не вызывает доверия. Здесь, возможно, сыграл роль как раз тот самый фактор формирования стереотипа как запоминающаяся единичная, но яркая информация, так как самому Турбервиллю, по его словам, пришлось однажды ночевать на медвежьей шкуре. Он вспоминал: «...я стоял в ужасе, не решаясь преклонить колени на медведя. Мне и Стаффорду, моему товарищу по ночлегу, пришлось так ложиться, и все же мы хвалили Господа, что ночь провели благополучно»¹¹⁶. Дженкинсон, описывая свое путешествие по России, уверял, что медвежьими шкурами устилали сани: «Если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дому пешком, но зимой ездит на санях, а летом верхом; в санях он сидит на ковре или на шкуре белого медведя»¹¹⁷.

Флетчер описывал развлечения с медведями. На потеху царю устраивались бои людей с медведями в огороженном круге. Проигравшие погибали от когтей зверя, а выигравшие и проявившие ловкость в качестве награды всего лишь допускались в царские погреба, где могли напиться допьяна¹¹⁸. Кажется, эта жестокая забава не должна слишком удивлять англичан, на родине которых практиковались если не бои с медведями, то, по крайней мере, их травля собаками¹¹⁹.

Дж. Горсей описал казнь монахов, затравленных медведями. «Зрелище это, — писал он, — не столько приятно для царя и его приближенных, сколько оно было ужасным и неприятным для черни и толпы монахов и священников...»¹²⁰ Это известие уникально и не встречается ни в каких

других источниках. В Псковской летописи было известие о похожей казни Новгородского архиепископа Леонида, которого якобы затравили собаками, одев в медвежью шкуру¹²¹. Оба эпизода достоверно не подтверждены.

В целом можно отметить, что, какие бы реальные эпизоды ни стояли за всеми этими рассказами, их обилие и неправдоподобность многих из них говорят о стереотипности восприятия англичанами дикой, в их понимании, России.

Английские путешественники единодушно отмечали крайнюю бедность русского народа. «Бедняков здесь неисчислимое количество, — писал Ченслер, — и живут они самым жалким образом»¹²². Флетчер говорил, что русские крестьяне не имели никаких прав, находились в униженном состоянии, подвергались чрезвычайным притеснениям¹²³. Упомянувшийся уже неизвестный автор писал: «Здесь очень много бедного люду, среди которых ежедневно умирают от недостатка пищи»¹²⁴. Трудно оспаривать бедственное и бесправное положение русского народа в XVI в., но также нельзя не вспомнить, что в Англии экспроприированное крестьянство жило не богаче. Нужда, огораживания, сгон крестьян с земли, толпы «закоренелых нищих», жестокое законодательство против них — так жила сама Англия. Поэтому брезгливое отношение к образу жизни русского простолюдина весьма и весьма субъективно. Отметив недостатки россиян, иностранцы не увидели явного сходства с бытом и образом жизни своих земляков. Отчасти это могло проистекать из того, что, принадлежа к высшему сословию, они были чужды основной массе своего народа, просто-напросто не были знакомы с его культурой и бытом. Пребывая в придворной среде, они не видели истинной жизни английского крестьянина. Но в России им пришлось столкнуться не только с царским бытом, но и непосредственно наблюдать жизнь народных низов и даже останавливаться на ночлег в крестьянских избах. Кроме того, наслаивалось влияние все тех же стереотипов, в соответствии с которыми путешественники искали и замечали в основном то, что было уже описано иностранцами до них.

Моральные качества и нравы русских людей воспринимались преимущественно с позиции осуждения. Ченслер писал: «Русские по природе очень склонны к обману; сдерживают их только сильные побои»¹²⁵. Флетчер тоже отмечал склонность к обману, а также грубость, жестокость, неводержанность, преступные наклонности, чрезмерность в употреблении спиртных напитков¹²⁶. Энтони Дженкинсон, совершивший путешествие через Россию в Среднюю Азию в 1558–1560 гг., замечал, что в каждом городе важное место занимала корчма и русские пропивали там все свое добро и даже собственных детей¹²⁷. В описании России неизвестного англичанина, прожившего там зиму 1557–1558 гг., говорилось: «...только немногие русские трезвы; пьют они день за днем, и это не считается у них порочным или позорным». Правда, неизвестный автор уточнял, что описывал не повседневную картину, а празднование Масленицы¹²⁸. Он же отмечал, что свадьбы, которые ему казались «неторжественными» и «отвратительными», всякий раз превращались в по-

пойку¹²⁹. Турбервилль называл пьянство отличительной чертой русских — «народа, способного быть в свите Бахуса». Он же, описывая сцены разврата, утверждал, что «мужик ведет животную жизнь, предпочитая мальчика в постели женщине»¹³⁰. Это утверждение более чем сомнительно. Впрочем, из всех авторов Турбервилль самый недоброжелательный наблюдатель, к тому же самый некомпетентный. Большинство ученых полагает, что русским языком он не владел, русскими письменными источниками не пользовался и находился под сильным влиянием записок Сигизмунда Герберштейна, у которого заимствовал факты и целые страницы, но, к сожалению, не заимствовал проницательность и попытки объективного подхода, свойственные тому¹³¹.

Единодушны англичане были в описаниях российских женщин. «В обращении со своими женами, — писал Флетчер, — мужья обнаруживают варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными»¹³². В записках неизвестного англичанина о зиме 1557–1558 гг. говорилось, что в России принято бить жену кнутом¹³³. Хотя в этот период повсеместно в Европе, а отнюдь не только в России, «пространство женщины ограничивается нормами и запретами в равной степени и у бедной крестьянки, и у принцессы»¹³⁴. Достоин осуждения, с точки зрения Флетчера, «грубый обычай», согласно которому мужчина мог под видом благочестия уйти в монастырь, оставив жену на произвол судьбы¹³⁵. Сами же женщины, по его наблюдению, «белятся и красятся так много», что превращаются «в красивые куклы». Флетчер находил это некрасивым и вредным для кожи, удивляясь, что российским мужчинам это нравится¹³⁶. А Турбервилль добавлял: «Едва ли не самый беднейший во всей земле мужчина покупает ей румяна и краски, позволяя жене это. С их помощью она мажет и красит свою смуглую кожу, наряжается и подводит свое закопченное лицо, брови, губы, щеки, подбородок»¹³⁷. Он полагал, что русские женщины развратны, «следуют плотским грехам и привычке к недостойной жизни» и, чтобы вернуть долги пьяницы-мужа, «превращают в публичный свой дом»¹³⁸. Вообще иностранные путешественники нередко тенденциозно изображали положение женщины в русской семье, и их утверждение об общей безнравственности женщин не имело ничего общего с действительностью.

Пытаясь быть объективным, Флетчер признавал, что русские «обладают хорошими умственными способностями», но не развивают эти дарования «воспитанием и наукой». Он писал: «Правда, они могли бы заимствоваться... от поляков и других соседей своих; но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям других стран». Он отмечал также, что власти осознанно избегали улучшения образования в стране, что объясняется «их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование»¹³⁹. Хотя с этим нельзя согласиться полностью, так как объективные условия развития играли все-таки большую роль, чем какие-то осознанные действия властей, но отчасти это справедливо. Широкое распространение в это

время имела идея Москвы как Третьего Рима, оказавшая огромное влияние на развитие государственной идеологии русского самодержавия. России предписывалась роль единственной хранительницы православной веры, вселенского царства, что было созвучно устремлениям московских государей, связанным с укреплением политических позиций и самодержавия. Тем самым открывалась возможность превращения провиденциалистской идеи в аргумент государственной идеологии и политики. Постепенно, по мере укрепления основ русского самодержавия и его идеологии, учение о Москве как Третьем Риме из факта консолидации нации превращалось в охранительно-консервативную силу¹⁴⁰. И это самодовольство, мешавшее заимствованию чьего-либо опыта, безусловно, мог заметить Флетчер. С другой стороны, ему ли было удивляться? Англия XVI в., может, и с большими основаниями и на принципиально иной основе, но тоже ощущала свое превосходство, если и не игнорируя чуждый ей опыт, то, во всяком случае, поглядывая на него высокомерно.

Вывод, сделанный после всех этих наблюдений, лучше всех сформулировал Дж. Горсей: «Сказать правду, из всех известных народов и царств в мире нет ни одного, которое могло бы сравниться с нашей трижды благословенной Англией и ее народом — ангельским царством Ханаана»¹⁴¹.

Подводя итоги, не будем останавливаться подробно на различиях в трудах самих английских авторов. Понятно, что они значительны, ибо их оставили разные по своим способностям и субъективным характеристикам люди. Сочинение Флетчера — систематическое, с претензией на полноту и научность, изложение климатических условий, жизни, государственного устройства, хозяйства, быта и нравов русского общества. Горсей описывал эти же вопросы хотя и достаточно подробно, но как бы походя, излагая канву событий, в которых он участвовал и о которых ему было известно. Турбервилль облек свои заметки в распространенную тогда форму писем. У Х. Уиллоуби находим служебную инструкцию. Писали они и о личных наблюдениях, и с чужих слов. Жили в России годами, как Горсей, или только проехали через нее, направляясь в восточные страны, как Дженкинсон. Претендовали на объективность, как Флетчер, или открыто высказывали неприязнь, как Турбервилль. Все в той или иной мере списывали друг у друга и включали в текст расхожие представления, особенно из записок императорского посла в России Сигизмунда Герберштейна, с текстами которого, вероятно, были хорошо знакомы. Горсей знал русский язык, а Турбервилль его, очевидно, не знал вообще. Кто-то пытался находить английские эквиваленты русским словам, а кто-то оставлял русские термины, подставляя английские окончания. Все это заслуживает отдельного большого разговора, но здесь, вероятно, можно в известной мере абстрагироваться от этих различий, так как на стереотип восприятия они влияли незначительно.

Высокомерие первой державы мира, коей Англия себя уже начинала ощущать, отчуждение между Западной Европой и Россией, боязнь ехать на край

света, совершенное неведение западноевропейского общества о положении и судьбах далекой северной земли способствовали формированию стереотипа, в котором Россия представляла как страна непонятная, странная и варварская, но заманчивая для установления отношений с ней в целях политического сотрудничества и торговли. Поэтому «ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отдаленная лесная Московия»¹⁴². В то же время два мира, значительно отличавшиеся друг от друга по многим параметрам и недостаточно осведомленные друг о друге, были уже отягощены «грузом традиции и заранее заданными установками, как идеологическими, так и мировоззренческими»¹⁴³. Исследователь О. В. Ким отмечал по этому поводу: «В сочинениях многочисленных европейских путешественников, дипломатов, наемников и купцов констатируется образ совершенно инаковой, непонятной цивилизации непостижимого народа, таящей в своих негостеприимных снегах и обширных пространствах неясные угрозы»¹⁴⁴. Априорные представления о том, что Россия иная, чужая, непонятная страна, зачастую не давали увидеть ее сходства с Англией даже там, где это сходство было ярко выраженным.

В заключение следует признать, что внимание англичан к России и все их заметки по этому поводу, безусловно, были составной частью соприкосновения мира ренессансного, для Англии даже на стадии наивысшего его расцвета, с миром другой, весьма далекой от этого культуры. Однако трудно сказать однозначно об авторах как о представителях ренессансной культуры. Во всяком случае, такое утверждение нуждалось бы во множестве оговорок. Представляется, что это были дети своей эпохи во всем ее многообразии. Они были включены в процесс английской экспансии, характерной для эпохи первоначального накопления, они были пропитаны реформационными идеями, следствием чего стало отчасти настороженное, отчасти агрессивное отношение к православной церкви. С ренессансным духом их роднили дерзновение, необыкновенная пытливость, наблюдательность, разносторонность интересов, которые проявлялись тем больше, чем первобытнее и малоизвестнее казалась им страна, куда они попали, а также назидательность по отношению к будущим путешественникам и декларированное стремление принести своими заметками пользу родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Marx K. Die Geschichte der Geheimdiplomatie im 18. Jahrhundert // Der letzte Wille des Tschingis Khan // Der Spiegel, 1977. № 21. S. 218.

² См.: Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 6–7.

³ См. об этом: Трапезников В. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI–XVII веках. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kolamap.ru/library/1922_trapzchnikov.htm

⁴ *Baron S. H. Guide to Published and Unpublished Documents on Anglo-Russian Relations in the 16th Century in British Archives // Canadian-American Slavic Studies. 1977. № 11. P. 354–384.*

⁵ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье ; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л., 1938. Материалы этого сборника взяты из издания: The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nations. London, 1598–1600, переизданного в 1902 г.*

⁶ Речь идет о трудах: «Путешествия сэра Джерома Горсея», «Торжественная и пышная коронация Фёдора Ивановича, царя русского и проч. 19 июня 1584 года, увиденная мистером Джеромом Горсеем, джентльменом и слугой ее величества, человеком много путешествовавшим и испытывавшим в тех краях. Сюда же присоединено описание его путешествия по суше из Москвы в Эмден», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея, эсквайра, ныне рыцаря, посланного от ее величества к царю России в 1585 и 1589 годах». См.: *Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990.*

⁷ *Турбервилль Дж. Стихотворные послания — памфлеты из России XVI века // Горсей Дж. Указ. соч. С. 245–275.*

⁸ *Флетчер Дж. О государстве Русском // Накануне Смуты / сост. и коммент. С. Елисеева. М., 1990. С. 481–620.*

⁹ Список важнейших исследований конца XIX и первой трети XX вв., касающихся сношений России и Англии в XVI столетии, основанных на записках английских путешественников, см.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Предисловие. С. 25–26. См. также: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVIII вв. М., 1973; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982; Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. Л., 1984; Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI века // Международные связи России до конца XVI в. М., 1961; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений к. XV — нач. XVI в. М., 1980; Она же. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.*

¹⁰ *Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 45.*

¹¹ См.: *Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. О влиянии Герберштейна также см.: Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884; Кудрявцев О. Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. СПб., 2003.*

¹² О переводах на английский язык см.: *Герберштейн С. Указ. соч. Т. 2. С. 210–212.*

¹³ *Флетчер Дж. Указ. соч. С. 497.*

¹⁴ *Горсей Дж. Указ. соч. С. 51.*

¹⁵ *Флетчер Дж. Указ. соч. С. 499–501.*

¹⁶ *Горсей Дж. Указ. соч. С. 51; Флетчер Дж. Указ. соч. С. 501–502.*

¹⁷ *Флетчер Дж. Указ. соч. С. 501.*

¹⁸ Там же. С. 502.

¹⁹ Там же. С. 512–514.

²⁰ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 53.*

²¹ *Флетчер Дж. Указ. соч. С. 502.*

²² *Горсей Дж. Указ. соч. С. 90.*

²³ *Флетчер Дж. Указ. соч. С. 502.*

²⁴ *Ким О. В. Люди последних времен: русское общество XVII века глазами иностранцев // Медиевистика XXI века: власть, социальные связи, насилие в период перехода от средневековья к новому времени. Томск, 2009. С. 120.*

²⁵ См. подробно об Англии XVI века: *Штокмар В. В. История Англии в средние века. СПб., 2001. С. 131–180.*

²⁶ *Флетчер Дж. Указ. соч. С. 505.*

- ²⁷ Там же. С. 524.
- ²⁸ Там же. С. 533.
- ²⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 61.
- ³⁰ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 507.
- ³¹ Известия англичан о России XVI в. / пер. с англ. С. М. Середонина. М., 1884. С. 21.
- ³² Горсей Дж. Указ. соч. С. 90–93.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 525–526.
- ³⁵ Цит. по: Кудрявцев О. Ф. Двойкий образ России. С. 204.
- ³⁶ Цит. по: Горсей Дж. Указ. соч. Примечания. С. 194.
- ³⁷ Там же. С. 132.
- ³⁸ Там же. С. 133.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 135.
- ⁴¹ См. об этом: Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983; Он же. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
- ⁴² Горсей Дж. Указ. соч. С. 53.
- ⁴³ Там же. С. 54.
- ⁴⁴ См. об этом подробнее: Там же. Примечания. С. 176.
- ⁴⁵ Там же. С. 55.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 504.
- ⁴⁸ Горсей Дж. Указ. соч. С. 57.
- ⁴⁹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 534–537.
- ⁵⁰ Горсей Дж. Указ. соч. С. 62.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 62–63.
- ⁵³ Там же. С. 74–75. См. также: Там же. Примечания. С. 186.
- ⁵⁴ Там же. С. 74.
- ⁵⁵ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 537.
- ⁵⁶ Там же С. 498.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 530–531.
- ⁵⁹ Там же. С. 517–518.
- ⁶⁰ Roper W. The life of Sir Thomas More. London, 1935. P. 94–96.
- ⁶¹ Stapleton T. The life and illustrious Martyrdom of Sir Thomas More. London, 1966. P. 176.
- ⁶² Roper W. Op. cit. P. 97.
- ⁶³ Бурова И. И. Две тысячи лет истории Англии. СПб., 2002. С. 159.
- ⁶⁴ См. об этом: Мельница заблуждений: Грозный меняет обличье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.ru/science/useful/22-07-2011/1984650-ivan_terrible-2. О взаимоотношениях европейских монархов с женами и детьми также см.: Мухин О. Власть, жестокость и кровные узы: семейные отношения европейских монархов раннего нового времени (типичное и особенное) // Медиевистика XXI века. С. 128–155.
- ⁶⁵ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 125.
- ⁶⁶ См.: Штокмар В. В. Указ. соч. С. 165–166.
- ⁶⁷ Там же. С. 167–168; Эриксон К. Елизавета I / пер. с англ. Н. Анастасьева. М., 2001. С. 133.
- ⁶⁸ Эриксон К. Указ. соч. С. 353.
- ⁶⁹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 548; Горсей Дж. Указ. соч. С. 52.
- ⁷⁰ См., например: Мельница заблуждений: Грозный меняет обличье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.ru/science/useful/22-07-2011/1984650-ivan_terrible-2; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 125.
- ⁷¹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 544.

- ⁷² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 60.
- ⁷³ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 541–546.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 544.
- ⁷⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 60.
- ⁷⁷ Там же. Об отношении иностранцев к русскому войску также см.: *Середонин С. М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в к. XVI в. СПб., 1891.
- ⁷⁸ Горсей Дж. Указ. соч. С. 59.
- ⁷⁹ См.: *Бурова И. И.* Указ. соч. С. 243.
- ⁸⁰ См.: *Горсей Дж.* Указ. соч. Примечания. С. 178.
- ⁸¹ Там же. С. 63.
- ⁸² Там же. С. 81.
- ⁸³ См. об этом: *Бурова И. И.* Указ. соч. С. 244; *Горсей Дж.* Указ. соч. Примечания. С. 189.
- ⁸⁴ *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 112.
- ⁸⁵ *Ким О. В.* Указ. соч. С. 121.
- ⁸⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 34.
- ⁸⁷ Там же. С. 114.
- ⁸⁸ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 505.
- ⁸⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 64.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 572.
- ⁹² Там же. С. 585–586.
- ⁹³ Там же. С. 584–585.
- ⁹⁴ Там же. С. 582.
- ⁹⁵ Там же. С. 593.
- ⁹⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 114.
- ⁹⁷ Там же. С. 62.
- ⁹⁸ *Турбервилль Дж.* Указ. соч. С. 254.
- ⁹⁹ Известия англичан о России XVI в. С. 24.
- ¹⁰⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 66.
- ¹⁰¹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 574–576.
- ¹⁰² Известия англичан о России XVI в. С. 23.
- ¹⁰³ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 576.
- ¹⁰⁴ Горсей Дж. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁰⁵ См.: *Кудрявцев О. Ф.* Двойкий образ России. С. 212.
- ¹⁰⁶ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 586.
- ¹⁰⁷ Известия англичан о России XVI в. С. 26.
- ¹⁰⁸ См. об этом: *Трапезников В.* Указ. соч.
- ¹⁰⁹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 486.
- ¹¹⁰ *Турбервилль Дж.* Указ. соч. С. 252. Ср.: *Громов Г. Г.* Русское крестьянское жилище XV–XVII вв. по письменным источникам // Вестник Моск. ун-та. Сер. История. 1965. № 6. С. 35–48.
- ¹¹¹ *Турбервилль Дж.* Указ. соч. С. 253.
- ¹¹² Там же. С. 258.
- ¹¹³ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 598–599.
- ¹¹⁴ История женщин на Западе: В 5 т. / под ред. Ж. Дюби, М. Перро. Т. 3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под ред. Н. Дэвис, А. Фарж; пер. с англ. СПб., 2008. С. 61–62.
- ¹¹⁵ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 486.
- ¹¹⁶ *Турбервилль Дж.* Указ. соч. С. 254.
- ¹¹⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 82.
- ¹¹⁸ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 595–596.
- ¹¹⁹ *Бурова И. И.* Указ. соч. С. 245.

- ¹²⁰ Горсей Дж. Указ. соч. С. 67.
¹²¹ Там же. Примечания. С. 183.
¹²² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 64.
¹²³ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 529–533.
¹²⁴ Известия англичан о России XVI в. С. 28.
¹²⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 64.
¹²⁶ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 602–603.
¹²⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 81.
¹²⁸ Известия англичан о России XVI в. С. 18.
¹²⁹ Там же. С. 26–27.
¹³⁰ Турбервилль Дж. Указ. соч. С. 259.
¹³¹ Там же. Предисловие. С. 247–248.
¹³² Флетчер Дж. Указ. соч. С. 589.
¹³³ Известия англичан о России XVI в. С. 28.
¹³⁴ История женщин на Западе. Т. 3. С. 17.
¹³⁵ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 589.
¹³⁶ Там же. С. 599.
¹³⁷ Турбервилль Дж. Указ. соч. С. 260.
¹³⁸ Там же. С. 259–260.
¹³⁹ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 601–602.
¹⁴⁰ См. об этом: Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 49–50; Панарин А. С. и др. Философия истории. М., 1999. С. 264–269; Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
¹⁴¹ Горсей Дж. Указ. соч. С. 140.
¹⁴² Ключевский В. О. Указ. соч. С. 43.
¹⁴³ Синицына Н. В. Два мира: возможность взаимопонимания // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 49.
¹⁴⁴ Ким О. В. Указ. соч. С. 126.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И РЕНЕССАНСНЫЕ ГОСУДАРИ

М. А. Юсим

Существует такое понятие, как «ренессансный государь», хотя оно по понятным причинам не может быть очень четким и однозначным. С одной стороны, ренессансными государями можно называть всех правителей, принадлежащих к определенной эпохе и странам, подобно тому, как мы говорим «советские люди», «средневековые монахи» и т. п. С другой стороны, указанное понятие подразумевает некую идею ренессансного государя, некий идеал или антиидеал, который отсылает нас, например, к Макиавелли с его рассуждениями о новом государе, а также к образам итальянских ренессансных синьоров, с их утонченностью и образованностью и в то же время необыкновенной широтой натуры, что позволяло им перевоплощаться то в защитников общего блага, то в жестоких и коварных злодеев. Можно вспомнить еще и историко-материалистический тезис о прогрессивных деятелях раннего абсолютизма, к которым причислялись такие монархи, как Людовик XI Французский, Генрих VIII Английский да и российский Иван IV, о котором, собственно, пойдет речь¹.

Можно, таким образом, сразу отметить, что российские правители XV–XVI вв. в общем-то не исключались из ряда европейских государственных деятелей своего времени, но вместе с тем чаще всего противопоставлялись им и современниками, и позднейшими историками. Поэтому, на мой взгляд, уместнее будет говорить об Иване Грозном, не как о «ренессансном государе», хотя такие прецеденты уже есть², но как о первом русском царе и о ренессансных государях, что предполагает как сравнение и иногда проведение параллелей, так и обращение к конкретике взаимоотношений и взаимного восприятия, что позволяет создать для общих рассуждений более или менее твердую историческую почву. (К тому же это позволяет не касаться почти неизбежных вопросов о том, был ли на Руси Ренессанс, что это такое и чем он отличался и т. п.)

Конечно, Ивану Васильевичу, в силу его профессиональных занятий или, историчнее сказать, его положения, доводилось иметь дело со многими государями, и не только ренессансными, и не только в характерных для рассматриваемой тематики коллизиях, тем не менее в числе его друзей и врагов были такие колоритные личности, как Елизавета Английская, польские коро-

ли Сигизмунд-Август и Стефан Баторий, шведский король Эрик XIV и другие, что позволяет ставить вопрос в интересующем нас аспекте³.

Четко систематизировать понятие «ренессансного государя», обозначить его главные черты или главную черту, по-видимому, нельзя, как и нарисовать идеальный исторический портрет обобщенного ренессансного государя, но можно говорить о некоторой совокупности черт⁴, которая будет определена в конечном итоге, разумеется, в разном наборе, где одни черты будут присутствовать, а другие отсутствовать, одни главенствовать, а другие оттенять, и по большей части все эти черты будут объясняться наличием общих исторических судеб, а в какой-то степени, вероятно, и наличием типологических закономерностей развития человеческих обществ на разных этапах их истории.

Ренессанс, как всем хорошо известно, породила косвенным образом античная культура, громко заявившая о себе в христианской Европе после так называемых Средних веков, и именно там, где была жива память о греко-романской цивилизации, он и принес наиболее богатые плоды. В Италию напоминание об этой традиции принесли греческие ученые, как правило, так или иначе связанные с церковью, — они же были носителями восточно-христианской традиции и на Руси. Здесь не было или почти не было античных городов, но преемственность по отношению к греко-римской культуре ощущалась во многих аспектах.

Традиции государственности. Наличие или отсутствие феодализма на Руси и даже вообще ее «средневековость» могут вызывать и вызывают споры, но политическая и во многом типологическая ее близость к Западной Европе, по крайней мере в домонгольский период, не подлежит сомнению. Все христианские страны в той или иной степени подверглись начиная с XIV–XV вв. влиянию ренессансной культуры, в том числе и абсолютные монархии. Однако собственно родиной Ренессанса является итальянский город, наследник античного полиса, который для многих историков является полной противоположностью русскому, где самоуправление было подавлено. Не следует забывать, однако, что устройство первых русских городов было гораздо ближе к «демократии», они имели народные собрания (вече), а русские городские республики, Новгород и Псков, достигли большого могущества. Москва, основанная владими́ро-суздальским князем, также была городом, и Московская империя росла, постепенно присоединяя к главному городу другие городские княжества, как и полисный Рим.

В целом московские князья имели не меньше оснований считать Римскую империю (Первый и Второй Рим) главным, если не единственным (архетипическим) образцом «государства» (суверенной политической единицы, монархии, «синьории») и строить полужановские генеалогии, возводящие их род к римским императорам.

Иван Грозный считал себя потомком Пруса, брата цезаря Августа⁵, он прямо упоминает в разговоре с Магнусом Датским о своем немецком проис-

хождении⁶, и, даже если сделать скидку на дипломатию, здесь виден некий достоверный идеологический фундамент. Средневековые люди верили в голубую кровь (сегодня это была бы вера в различие наборов хромосом), в древность и благородство происхождения, которое дает право на власть, на принадлежность к политическому сословию («нации»). Эта идея служила одним из обоснований для распространенного в Средние века обычая приглашать государей из-за моря — властителями рождаются, а не становятся — это господствующий взгляд, наверное, до времен Макиавелли, хотя легенды о божественном (что важно) избрании простых людей вождями существовали всегда. Правда, было и другое обоснование этих призываний — отсутствие местных связей и пристрастий, уменьшающее угрозу «коррупции»; поэтому подеста в Италии и русских князей в Новгороде приглашали извне.

Идея о прирожденности права на власть скорее чужда ренессансному гуманизму, но она не мешала воспитанным в его духе западным абсолютным монархам. Римские корни могли дать очень причудливые плоды, гибрид республиканской свободы и подчиняющейся законам, воплощающей общественное благо, исполняющей божественные заповеди просвещенной монархии. Необходимость и полезность власти одного лица, хотя бы в сочетании с элементами аристократии и демократии, — атрибут ренессансной государственности.

Тяга русских правителей к Западу объяснима, но иногда она выглядит почти иррациональной. При Иване IV главная угроза Москве исходила с Юга, но он упорно стремился подчинить себе Ливонию, претендовал на польский престол, рассчитывал найти для себя убежище в Лондоне.

Его тяга к Западу во внешней политике восходит к урокам деда, Ивана III, и отчасти объясняется желанием опереться на наследуемый авторитет империи через Византию, с которой у России была прямая и многовековая связь, подкреплённая идеологически, — в отличие от турок, обосновавшихся на ее территории иноверцев. Империя в ренессансную эпоху оставалась образцом государства, и все властители старались возвести свою генеалогию к римлянам. Иван Грозный не был исключением.

Он постоянно указывает на ущербность некоторых своих дипломатических партнеров (шведские короли, Баторий) в силу того, что они были избраны, и отказывается величать их братьями⁷. Даже Елизавета Английская, которую он иногда соглашался именовать сестрой, на которой он собирался жениться и у которой временами хотел искать убежища, вызывает у него сомнения с точки зрения полной легитимности — он подозревает, что она зависит от решений «торговых мужиков», то есть не может полностью располагать своей волей, как «пошлая девица», что означает обыкновенная, рядовая девушка, не царских кровей⁸.

Ключевой вопрос своей эпохи о свободе воли, который был пунктом разногласий между католичеством и протестантизмом и вызвал полемику Эразма Роттердамского с Лютером, Иван решает, судя, в частности, по послани-

ям к Курбскому, в пользу отсутствия «самовластья»⁹. Но для царя, который как наместник Бога на земле волен казнить или миловать своих подданных, в этом смысле делается исключение.

Вместе с тем царю не чуждо и представление о всеобщем равенстве — хотя бы перед Богом, как явствует из его ностальгических замечаний о прежних монастырских порядках, при которых были равны и боярин и холоп¹⁰.

Топос противопоставления варварской Московии цивилизованному Западу дошел до нас именно от ренессансной эпохи, и, возможно, он определяет некоторые исторические оценки задним числом.

Казалось бы, разителен контраст между москвитом и Стефаном Баторием, который представляется И. де Мадариага¹¹ типично ренессансным властителем. Баторий дважды предлагает Ивану решить спорные вопросы на рыцарском поединке — ход, не такой уж редкий на Западе еще и в то время и не вызвавший со стороны царя никакого отклика, — но правильно ли было бы видеть здесь взаимное непонимание цивилизаций? На Руси существовал обычай судебных поединков, и они были узаконены, в частности, в Судебнике 1550 г. Однако уже в Средние века трудно найти реальный пример состоявшейся дуэли между государями где бы то ни было (если не вспоминать Мстислава и Редедю), вызовы — другое дело¹². К тому же Иван отнюдь не считал Батория ровней себе, что вообще исключало возможность поединка. Навряд ли и польский король помышлял о нем реально.

Некоторые другие черты, характерные для облика ренессансных государей. Внимание к звездам и небесным знамениям — оно было вполне присуще Ивану IV, и им в известной степени объясняется влияние знаменитого врача Бомелия. Гонения на просвещение — вот что стало главным упреком в адрес деспотической Московии допетровского времени. Но лично к царю Ивану этот упрек трудно применить: он хорошо разбирался не только в Священном Писании, но был знаком и с античной историей; он владел большой библиотекой, каков бы ни был на деле ее состав; наконец, он был писателем, возможно, делал пометки в летописи и, более того, был чуть ли не единственным российским правителем до Петра, который оставил обширную переписку, носившую, вполне в ренессансном духе, одновременно личный и публицистический характер.

Личное начало — это могут быть ключевые слова в разговоре о ренессансном государе. Коварство и жестокость — сегодня это общепризнанная черта ренессансной политической жизни, объяснимая, на мой взгляд, присущей ей незавершенностью разделения личности правителя и властной функции.

Личное начало может ассоциироваться со свободой, изменчивостью, с переменами. М. Чернявский видит ренессансные черты правителя в идее грозы, то есть устрашения склонных к своеволию подданных, и в независимости от норм. Ренессансные государи хорошо знали разницу между законным правителем и тираном, но они были склонны к творчеству и некоторому идеализ-

му, к погоне за совершенством. Ренессанс был временем утопий, питавших, в свою очередь, скептицизм таких писателей, как Макиавелли и Гвиччардини.

Иван Грозный был государем-идеалистом, то есть считал своей божественной миссией исправление подданных, отчасти насаждение справедливости путем суровых наказаний, как Влад Цепеш-Дракула. В то же время он был «новым государем» в макиавеллиевском смысле, первым царем и первым великим экспериментатором в России, он проводил разнообразные реформы, вводил опричнину, уходил в тень (воцарение Симеона Бекбулатовича). В дальнейшем подобные коллизии постоянно повторялись в отечественной истории; видимо, в XVI в. она встала на некие твердые рельсы.

Были ли в деятельности Ивана IV специфические ренессансные черты и были ли они определяющими? Говорим ли мы о «средневековом государе» или о государе Нового времени в пику ренессансному? Лишь отчасти. Как и в других случаях, говоря о Ренессансе как переходной эпохе, мы затрудняемся четко разделить старое и новое, они сливаются. Тип ренессансного самовластного государя, сильной и амбициозной личности, склонной к авантюрам, рациональной и высокообразованной, скептически относящейся к Церкви и оспаривающей у нее светские полномочия¹³, формируется на Западе начиная еще с Фридриха II в XIII в. и как эстафета переходит к просвещенным абсолютным монархам XVIII столетия. Иван Грозный, с некоторыми очевидными оговорками, вполне может быть соотнесен с этим рядом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. Энгельс, перечисляя страны, где совершался переход от феодализма к централизованному государству, упоминает Ивана III: «Даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» (*Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии* // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 21. С. 107).

² *Cherniavsky M. Ivan the Terrible as Renaissance Prince* // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27, № 2. P. 196.

³ Ср.: *Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь* / пер. с англ. М., 2007. И. де Мадариага уделяет этим сравнениям, как и вообще сопоставлению Московии XVI в. и Запада, много внимания, поэтому некоторые соображения навеяны ее книгой, и отсюда взяты отсылки к ряду материалов.

⁴ Ренессансный государь — это довольно расплывчатый, неопределенный, во многом противоречивый образ. Противоречивый потому, что сам Ренессанс, переходная эпоха, впитал в себя черты и Античности, и Средних веков, и языческой, и христианской культуры, и республиканизм, и монархизм, и элитарность, и некоторую народность, и веру в астрологию и магию, и веру в науку и т. д.

⁵ См.: Сказание о князьях Владимирских // Библиотека литературы Древней Руси / пер. Л. А. Дмитриева; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. Также см. <http://www.pushkinskijdom.ru>.

⁶ «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, и преданности моей последнему (ибо сам я немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на

то, что я имею двух сыновей, одного семнадцати и другого тринадцати лет, — ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны». *Шербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Отд. II. С. 34. Цит. по: *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 464. Примеч. 36. Иногда и современники воспринимали первого русского царя как «западника»: по воспоминаниям Джерома Боуса, последнего посла Елизаветы к Ивану Грозному, после его смерти дьяк Щелкалов сообщил ему, что «английский царь умер»: «There was now no more fauour left for the ambassadour in Moscouia: for the chancellor Shalkan had now sent him word that the English Emperor was dead: he had now nothing offered him but dangers and disgraces too many» (A brief discourse of the Voyage of Sir Jerome Bowes, Knight, her Majesties Ambassador to Iwan Wassilewich in the year 1583 // The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation v. 4 by Richard Hakluyt. Part 4 out of 8).

⁷ «Кроме нас да турецкого султана, ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет; потому они и выпрашивают себе почести; а мы от государства господари, начавши от Августа-кесаря из начала веков, и всем людям это известно» (Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. III. Гл. 6. С. 624–625). Ср.: *Мадапуага И. де.* Указ. соч. С. 504.

⁸ «И мы чаяли того что ты на своем государстве государыня и сама владееш и своей государьской чести смотриш и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом чину как есть пошлая девица» (*Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею. 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. № 28, 24.10.1570. С. 109).

⁹ «Ты пишешь еще, брат наш, что бог создал человека, даровав ему вольность и честь, но твое писание далеко отстоит от истины: уже первому человеку Адаму, созданному самовластным и могучим, бог дал заповедь — не есть плодов от одного дерева, и когда он нарушил эту заповедь, как сурово он был наказан! Вот первая неволя и бесчестие: от света ко тьме... от покоя к завоеванию хлеба трудом, от нетления в истление, от жизни к смерти» (Послания Ивана Грозного / под ред. Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. Послание И. Д. Бельского Сигизмунду / пер. Я. С. Лурье. С. 417–421. Ср.: *Мадапуага И. де.* Указ. соч. С. 303).

¹⁰ «Это ли путь спасения, если и в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: “Нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе”? Как же они едины, если боярин — по-старому боярин, а холоп — по-старому холоп? ...когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Бельскому, а сын знатного князя делал одно дело с мужиками... А ныне то и слово: тот знатен, а тот еще выше, — так тут и братства нет. Ведь когда люди равны, тут и братство, а коли не равны, какому тут быть братству?» (Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в Кириллов монастырь, игумену Козьме с братиею во Христе (1573) // Сочинения Ивана Грозного / предисл., коммент., сост. Т. В. Чумаковой. СПб., 2000. С. 163).

¹¹ *Мадапуага И. де.* Указ. соч. С. 419. Такое выражение, как «муж рыцерский», в письме Курбского она объясняет влиянием западной культуры. Рыцарские ценности исповедует Иван Пересветов, который так изображает идеал «воинника»: «смертной игрою играти и чести себе добывати...» (Сочинения И. Пересветова / подгот. текста А. А. Зимина; под ред. Д. С. Лихачева; примеч. Я. С. Лурье. М.; Л., 1956. С. 158). Пересветов также познакомился с западными идеями, однако он обращается к русскому царю и рассчитывает быть понятым. Его мнение о судебных поединках, впрочем, своеобразно: он предлагает резаться бритвами вслепую, что превращает поединок в разновидность ордалии, Божьего суда.

¹² Государи XIV–XV вв., которые или которым предлагали решить дело поединком: Карл Люксембургский (отец императора Карла IV), Роберт Анжуйский, король Неаполя;

Филипп III Добрый, герцог Бургундский (1396–1467). (В последнем случае доводы в пользу поединка полностью совпадают с доводами Батория: нестерпимое оскорбление и нежелание проливать кровь христиан-подданных в войне.) Пример Карла V и Франциска I см.: *Мадариага И. де. Указ. соч. С. 435.*

¹³ Это вполне применимо к Ивану IV, который, будучи истово верующим, довольно бесцеремонно вмешивался в церковные вопросы и ограничивал владения монастырей. Как пишет И. де Мадариага, Дж. Горсей сравнивает царя в этом отношении с Генрихом VIII: английский путешественник «упоминает также о часто высказываемом Иваном желании распустить монастыри и вернуть их земли знати, которой они изначально принадлежали, чтобы тем самым восстановить “цветущее положение государства, чему хорошим примером храбрый король Англии Генрих VIII”» (*Мадариага И. де. Указ. соч. С. 456*).

РУССКИЕ ПОСЛЫ ПЕРЕД КУПИДОНАМИ И ВЕНЕРАМИ: ФРАГМЕНТЫ «МОСКОВИИ» А. ПОССЕВИНО В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ ОБ ИСКУССТВЕ ЭПОХИ КОНТРРЕФОРМАЦИИ

О. В. Русаковский

13 сентября 1582 г. в Рим въехал посольство, направлявшееся от русского царя Ивана IV к папе Григорию XIII. Московский посол Яков Молвянинов должен был передать понтифику, а до этого и германскому императору Рудольфу II, с которым он встретился в июле на рейхстаге в Аугсбурге, верительные грамоты своего государя и провести с ними переговоры о налаживании возможно более тесных политических и церковных контактов Московского государства, только что потерпевшего тяжелейшее поражение в Ливонской войне, с католической Европой, в частности, об организации общехристианской лиги против турок. Сопровождал русского дипломата иезуит Антонио Поссевино, возвращавшийся из своей миссии в Московию, в ходе которой он несколько раз был принят самим царем и способствовал заключению Ям-Запольского мира между русским государством и Речью Посполитой. С дипломатической точки зрения как миссия Поссевино, так и последовавшее за ней посольство Молвянинова завершились неудачей и не имели существенных внешнеполитических последствий¹. Известны они прежде всего благодаря вышедшему в свет в 1586 г. сочинению Поссевино «Московия», в котором иезуит описал свое пребывание в русских землях, обычаи москвитов и устройство их государства, обстоятельства заключения Ям-Запольского мира и обратный путь в Рим. Уделил он внимание и некоторым подробностям путешествия русских послов по Германии и Италии.

Описывая пребывание русских послов в Вечном городе, Поссевино, между прочим, сообщал: «Но когда римские знатные люди привели их во дворец на Капитолии, проявив свою любезность и чисто римское радушие, и один из них предложил им (как будто это имеет какое-нибудь значение) внимательно рассмотреть куски античных статуй, ненужные памятники языческим богам, они ко всему этому (и справедливо) отнеслись с отвращением. Их больше всего отталкивало (а это и любому христианину должно внушать отвращение) то, что они видели в тех местах, где останавливались, в домах и садах некоторых людей, которым, по-видимому, больше по вкусу купидоны и веныры, не-

жели Христос и Пресвятая Дева, изображение постыдных сцен или замечали лики (даже и святых), написанные для забавы, или статуи обнаженных людей и прочие дьявольские измышления»².

В настоящей работе я попытаюсь рассмотреть сообщение Поссевино в трех аспектах. Во-первых, стоит попытаться установить степень фактической достоверности рассказа Поссевино о посещении русскими послами дворца на Капитолии и садов римской знати и об их реакции на увиденные там произведения античного и ренессансного искусства. Во-вторых, необходимо понять, какую роль данный фрагмент играет для построения образа московских послов и русских вообще в «Московии». Наконец, следует определить место рассматриваемого пассажа в полемике об искусстве и коллекционировании в дискурсе эпохи Контрреформации и в контексте взглядов самого Поссевино.

Прежде всего необходимо отметить, что все известные сообщения о том, что русские послы осматривали в Риме коллекции античных статуй, исходят исключительно от Поссевино. Сами русские послы в своем отчете подробно описывают въезд в Рим и торжественную встречу, устроенную им (13 сентября)³, а также обе аудиенции у папы (16 сентября и 1 октября)⁴, ни словом ни упоминая об увиденном в городе. Эта практика, впрочем, была обычна для их отчета, в котором детально описывались официальные церемонии, в особенности те их аспекты, которые могли трактоваться как свидетельство почтения или, напротив, неуважения иноземцев к послам и представляемому ими государю, материальные условия содержания, а также сообщались общие сведения по государственному устройству и нынешнему политическому положению посещаемых земель. Прочие подробности при этом почти полностью игнорировались. Исключение было сделано для Венеции, описанию географии и градостроительных особенностей которой составители отчета посвятили значительное отступление⁵. Тот факт, что русские послы не удостоили описанием даже главнейшие церковные святыни Рима, которые они, по словам Поссевино, также с благоговением посещали⁶, можно объяснить отчасти тем, что о них достаточно подробно сообщал в своем отчете московский посланник Истома Шевригин, побывавший в Риме в феврале–марте 1582 г.⁷

Рассказ о самом пребывании в городе послы ограничивают несколькими фразами: «А пристав у Якова был Антоней Посевинус и стоял с Яковом на одном дворе⁸, а под ним были папины коморники, попы: Филипко Котин с товарищи, десять человек; да и повары были папины. А с двора Якова и Тишину и толмача, по Антоньеву приказу, не пускали никуда»⁹. Большого доверия заслуживает, как представляется, все же сообщение Поссевино. «Московия» была издана в 1586 г. (а писалась, вероятно, отдельными блоками в период 1581–1585 гг.¹⁰), и едва ли ее автор мог позволить себе упоминать в ней полностью вымышленный факт прогулок русских послов в сопровождении римской знати, зная, что может быть уличен в прямой лжи множеством сви-

детелей. Косвенно это подтверждает и сообщение из рукописных «Анналов», посвященных деятельности Поссевино и возникших, видимо, при его участии в Обществе Иисуса в первые годы понтификата Павла V (1605–1621)¹¹. В них повторяется утверждение о том, что московиты посетили «сады, где сохраняются памятники старины»¹², причем здесь оно не несет никакой идеологической нагрузки и едва ли требовалось в качестве вымысла. Кроме того, известно, что Молвянинов и Тишина в своем отчете обошли вниманием некоторые известные не только со слов Поссевино, но и из независимых источников, прежде всего венецианской дипломатической переписки, скандальные эпизоды (например, посещение греческой церкви в Венеции, вызвавшее гнев Поссевино¹³) и вполне могли умолчать и о своих контактах с римской знатью, если те также проходили напряженно.

Все независимые по отношению к Поссевино источники сходятся на том, что русские послы во время своего пребывания во дворце Колонна были снабжены экипажами, на которых послы, несомненно, отправлялись на аудиенции и которые могли использоваться для выездов в город¹⁴. В таких поездках, если они действительно имели место, послов значительную часть времени обязательно должен был сопровождать сам Поссевино, но он довольно часто отлучался для докладов Григорию XIII и кардиналу Галли как до первой аудиенции Молвянинова (видимо, днем 15 и утром 16 сентября), так и после нее, а также, несомненно, встречался с руководством Общества Иисуса. В это время послы могли выезжать и в сопровождении римской знати, многие из представителей которой участвовали в их встрече при въезде в Рим. Как сообщает А. Чьяппи в изданном в 1591 г. жизнеописании Григория XIII, официально вопросами приема послов ведал, разумеется, не Поссевино, а назначенный папой майордом, кардинал Алессандро Мусотто¹⁵. Могли московиты посещать и частные дома, в пользу чего говорит прямое свидетельство Поссевино (косвенным доводом против может служить молчание о таких визитах венецианского посла, который достаточно внимательно следил за деятельностью Молвянинова в Риме). Во многих аристократических дворцах к тому времени уже существовали значительные коллекции античной пластики, хотя крупнейшие римские частные собрания подобного рода (на виллах Людовизи и Боргезе) возникли только в начале XVII в. и размещались вне городских стен¹⁶. Добавлю, что в самом дворце Колонна подобное собрание отсутствовало.

К сожалению, сведения о перемещениях русских послов в Риме и о том, какие произведения античного и ренессансного искусства они могли видеть, исключительно скудны. В «Анналах» Поссевино упоминает, наряду с Капитолийским дворцом, Термы и некие «наиболее известные храмы, коллегии и семинарии города». В «Московии» к ним добавлены «большие богадельни», из которых отдельно назван Госпиталь Святого Духа, а также некие «расписные залы»¹⁷. Во всех этих местах послы, очевидно, могли видеть современную духовную живопись, вызывающую у Поссевино только положительные оцен-

ки. Едва ли можно, если признать истинным сам факт прогулок по городу, сомневаться в достоверности сообщения об осмотре собора Святого Петра¹⁸. Прояснить все вопросы, связанные с перемещениями послов по Риму, могли бы ежедневные сообщения о положении дел в городе (т. н. *avissi*)¹⁹, оставшиеся для меня недоступными.

Особняком стоит вопрос о том, осматривали ли Молвянинов и его спутники дворцовый комплекс в Ватикане. Большая официальная аудиенция была дана им Григорием XIII 16 сентября во дворце Святого Марка, принадлежавшем Венецианской республике, но в некоторых случаях использовавшемся для папских приемов. Второй раз понтифик принял их 1 октября, причем место этой второй аудиенции, проходившей в узком кругу, на основании опубликованных источников определить не удастся. Согласно отчету самих послов, они оба раза приезжали к папе «на двор»²⁰, что по крайней мере в первом случае является несомненной, хотя и естественной ошибкой с их стороны (дворец Святого Марка не мог подпадать под подобное определение). При этом относительно приема 1 октября они указывают: «А приезд был на двор по тому ж, как наперед того у папы были»²¹, что, впрочем, относится, скорее, лишь к неизменно фиксируемому в их отчете церемониалу встречи, но не к месту аудиенции.

Итак, можно с большой долей вероятности допустить, что ситуации, подобные описанной Поссевино, при тех или иных обстоятельствах имели место. Какова должна была быть реакция русских послов на демонстрируемые им языческие статуи, в том числе обнаженные, и на произведения живописи, разительно отличающиеся от привычной им православной иконописи? Для рассмотрения возможных вариантов ответа на этот вопрос необходимо проанализировать два важнейших для нашей темы в целом отрывки из писем Поссевино его основному корреспонденту в римской курии, государственному секретарю Святого Престола Толмео Галли, кардиналу Комо. Подчеркну, что речь идет о деловой переписке, не предназначенной, в отличие от «Московий» или «Анналов», ни для публикации, ни для широкого распространения.

В письме из Падуи от 11 августа 1582 г. Поссевино извещал кардинала Комо о намерении направиться вместе с русскими послами в Рим и просил подготовить все необходимое для их встречи. Отдельно затронул он и проблеме размещения послов: «Кроме того, представляется весьма полезным, чтобы в Риме он [посол. — *О. Р.*] проживал не во дворце какого-либо кардинала или иного вельможи, но, скорее, в покоях, весьма отдаленных от Бельведера, и при этом в таких, где нет ни украшений, ни росписей с изображениями обнаженного тела или демонстрирующих иную непристойную вольность, поскольку москвиты останутся необычайно возмущены ими; можно было бы рассчитывать на любые священные образы, помещенные на возвышении, которые изображали бы Спасителя и Пресвятую Деву»²².

В объемном письме из Анконы от 6 сентября, целиком посвященном деталям предстоящего приема послов в Риме, Поссевино возвращается к воз-

можной негативной реакции московитов на непристойные, с их точки зрения, росписи в жилых покоях. Он рекомендует скрыть в Бельведере, если посла все же будет решено поселить там, «изображения обнаженного тела или языческие, такие, как Клеопатра Бельведерская и иные сходные, с какой бы то ни было точки зрения неподобающие вещи, чтобы они [послы. — *О. Р.*] не остались, как я писал, возмущенными и не утвердились в своих заблуждениях»²³.

Оба приведенных фрагмента заслуживают комментария. Согласно им, Поссевино считал возможным, хотя и не оптимальным, решением поселить Молвянинова в Бельведерской вилле — части Ватиканского дворца (а сам кардинал Комо, если судить по тому, что во втором письме Поссевино говорит об этом обстоятельстве как об уже решенном, в какой-то момент склонялся именно к этому варианту). Она действительно использовалась в XVI–XVII вв. для размещения особо важных послов, коронованных особ или знаменитых гостей, пользовавшихся благосклонностью пап. В 1525 г. подобной чести Климент VII удостоил московского посла Дмитрия Герасимова²⁴, о чем Поссевино должен был быть осведомлен из сочинения Павла Йовия²⁵, которое он изучал как один из немногих источников сведений о русском государстве²⁶. Истома Шевригин, приезжавший в Рим в 1580 г., был поселен в частном дворце Якопо Бонкомпаньи²⁷, но к встрече Молвянинова готовились значительно более тщательно, и Поссевино, а возможно, и кардиналу Комо его размещение в Бельведере могло казаться уместным. Отказ от этого первоначального намерения едва ли можно рассматривать как умаление значимости посольства (в остальном прием, оказанный Молвянинову, был необычайно пышным) или как следствие опасений, связанных с противоречащим этикету поведением послов.

Большинство античных скульптур, собранных в первой половине XVI вв. в Ватиканском дворце и конкретно в Бельведере, были к 1582 г. или вывезены из него, или закрыты ширмами в силу причин, о которых речь пойдет ниже. К числу немногих исключений принадлежала упомянутая Поссевино «Бельведерская Клеопатра». Речь идет об античной полуобнаженной статуе дремлющей Ариадны (*ил. 1*), купленной для Бельведера Юлием II и вплоть до XVIII в. ошибочно атрибутировавшейся как изображение Клеопатры. В начале 1550-х гг. статуя была перенесена во внутренние покои Ватиканского дворца, где вокруг нее был устроен небольшой декоративный источник²⁸. Поссевино специально акцентирует внимание на ней, поскольку это была одна из относительно немногих скульптур, еще выставленных на публичное обозрение, и, вероятно, самая известная из них, отмеченная при этом явным эротизмом.

Итак, Поссевино еще до приезда послов в Рим всерьез, а не в качестве риторических упражнений высказывал опасения относительно их реакции на неподобающие статуи и фрески. Весьма вероятно, что он одновременно засвидетельствовал и отстаиваемое им мнение о непристойности подобных изображений в принципе, зная, что его адресат должен, по крайней мере но-

минально, это осуждение разделять. Толмео Галли²⁹ происходил из провинциальной купеческой семьи, тесных связей с римской знатью не имел и возвысился благодаря поддержке таких людей, как папы Пий V и Григорий XIII, кардинал Карло Борромео и другие, отстаивавших посттридентскую программу очищения церкви, составной частью которой было и требование отказа от непристойных изображений, о чем речь пойдет далее.

Сообщая кардиналу Комо о своих опасениях, Поссевино не подтверждает их ссылками на уже произошедшие инциденты, относящиеся к реакции москвитов на европейское искусство. Вполне возможно, что мелкие конфликты по этому поводу могли иметь место: Молвянинов и Поссевино до Падуи останавливались на ночь в Вероне, Виченце и первый раз в той же Падуе³⁰ и более чем на две недели в Венеции³¹. Их пребывание в Венеции, впрочем, достаточно хорошо освещено изданными венецианскими источниками, которые о подобных случаях не упоминают. О разного рода столкновениях с русскими послами по этикетным и бытовым вопросам, имевших место, известно, однако, очень хорошо, преимущественно со слов Поссевино. В уже цитировавшемся письме от 6 сентября он указывает на три подобных эпизода, произошедших в Аугсбурге, Падуе и Венеции³². 7 августа Поссевино подал венецианскому Совету Десяти официальную жалобу в отношении поведения Молвянинова и его спутников³³.

Выпады автора «Московии» в адрес Молвянинова можно было бы объяснить тем, что русский посол, по существу, не сделал для воплощения в жизнь проекта общехристианской антитурецкой лиги, который активно поддерживал сам Поссевино, ничего сверх своих формальных обязанностей перед царем, послания которого он должен был передать польскому королю, императору, венецианскому дожу и папе. Вероятно, имела здесь место и личная неприязнь между дипломатами; во всяком случае, о предшественнике Молвянинова, Истоме Шевригине, Поссевино отзывается с большим уважением, отрицая его вину в инцидентах, произошедших во время их совместного путешествия³⁴, и упоминая о личном желании Шевригина посетить папских посланников в Москве³⁵. Независимые источники, прежде всего донесения венецианского посла в Риме Леонардо Дондано, также содержат некоторые примеры несдержанности и высокомерия Молвянинова и грубых нарушений им норм дипломатического этикета. Шевригин же характеризуется в итальянских источниках как «человек благороднейшей стати и прекраснейшей наружности»³⁶.

Итог всех приведенных рассуждений видится следующим. Русские послы во время своего пребывания в Италии вообще и в Риме в частности с высокой степенью вероятности видели коллекции античной скульптуры и совершенно точно — произведения ренессансной живописи, в том числе с изображением обнаженного тела. Учитывая их культурные и религиозные стереотипы, подобные изображения могли пробудить у них прежде всего неприязнь, а если

принять во внимание приписываемые лично Молвянинову несдержанность и высокомерие, то их реакция могла быть довольно резкой. Важно отметить, однако, что для последующего изложения истинность или ложность всего рассматриваемого эпизода вообще не имеют значения. В дальнейшем я буду рассматривать только ту роль, которую этот фрагмент, вне зависимости от его правдивости, играет в структуре «Московии», и его место в иных полемических построениях Поссевино.

Для восстановления контекста сообщения Поссевино об инцидентах, сопровождавших посещения русскими послами домов римской знати, необходимо кратко остановиться на образе русских вообще и Молвянинова в частности в «Московии». Поссевино характеризует москвитов в целом как ограниченных противников европейской светской культуры. «Я уже не удивлялся тому, что остается в сердцах людей, которые не могут вынести блеска и величия других народов», — пишет он, сравнивая разрушения, причиненные русскими войсками Риге, с разорением Рима готами³⁷. Причиной этому Поссевино в другом месте своего сочинения называет то, что москвиты постоянно пребывают в рабстве у своих князей и потому столь привычны к собственному образу правления, что не придают большого значения виденному в других государствах³⁸.

Разумеется, определяющим фактором в отношениях русских к иноземцам Поссевино виделось присущее первым упорство в схизме. Автор «Московии» посвятил значительное число полемических сочинений и писем своим римским корреспондентам описанию заблуждений схизматиков (как собственно греков, так и русских, которые, по его мнению, добавили к первоначальной схизме множество собственных ошибок) и пропаганде идеи присоединения московской митрополии к Флорентийской унии. Высокомерие в делах веры в особенности свойственно великому князю, чему Поссевино приводит множество примеров, но это заблуждение разделяют и знать, и духовенство. Стереотипы, навязываемые Поссевино своим читателям в отношении русских вообще, актуализируются в характеристике, данной им Молвянинову и его спутникам. Эта характеристика в целом и во многих деталях, очевидно, повторяет негативное мнение, сложившееся у автора «Московии» еще на пути в Рим, зафиксированное в его письмах к кардиналу Комо и подтверждаемое сообщениями иных источников. Во многих случаях она, вероятно, отражала действительную реакцию Поссевино на поведение послов, хорошо вписываясь в то же время в общие для его сочинения риторические схемы.

Московские послы в изображении Поссевино предстают людьми, озабоченными прежде всего объемом почестей и подарков, которые доставляют им европейские государи, готовыми на все ради исполнения царской воли, но в то же время мелочно жадными и алчными. Они не признают обычных норм дипломатического этикета, не ценят гостеприимства и не интересуются церемониалом самых значимых европейских дворов, императорского и папского

(последнее заведомо неверно: именно церемониальным вопросам уделена большая часть отчета Молвянинова). Человеку, которому будет поручено общение с русскими послами в будущем, мрачно заключает Поссевино, надлежит «усердно готовить себя к терпению и мудрости, которые нужно почерпнуть от Бога через молитвы»³⁹.

«Московия» содержит несколько фрагментов, прямо характеризующих обычное для русских отношение к православным и католическим святым образам. Повествуя о своем пребывании в Московском государстве, Поссевино пишет: «Заметив, что кто-нибудь по простоте своей молится тем иконам, которые в почете у католиков, они говорят: “Не молись, ведь они не нашей веры”... Они не хотели ни молиться нашим иконам, ни оказывать им какие бы то ни было знаки уважения (в то время как свои иконы они почитают очень ревностно), ни делать что-нибудь в этом роде»⁴⁰.

В своих рекомендациях о том, какие дары следует посылать русскому царю, Поссевино отмечает: «Следовательно, будут одобрены и охотно приняты: вещи такого же рода, некоторые большие сосуды из серебра с отделкой золотом, в которые в Германии вкладывается больше труда, чем материала, также шелковые ткани, затканые золотом со своеобразным большим искусством, святые иконы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом (на которых не должно быть изображения обнаженного тела), с надписью, сделанной греческими буквами, чтобы было ясно, что изображает эта икона, и написанные по греческому образцу»⁴¹. Упоминание об отвращении православных к изображениям обнаженного тела носит здесь, как будет показано далее, далеко не столь принципиальный характер, как в рассказе о посещении Рима, и никак не оценивается ни положительно, ни отрицательно. Эта ремарка сопровождается перечислением прочих сугубо материальных черт, отличающих православные образы от католических (богатство оклада и наличие греческих надписей), которые никак не могли удостоиться позитивной оценки Поссевино. При прощании с Молвяниновым, возвращавшимся в Москву, он «передал им прекраснейшую икону Спасителя, посланную вашим святейшеством московскому князю (она написана на медном основании, на ней надпись греческими буквами; заключена она в оправу из слоновой кости с серебряными цветами)»⁴².

Еще более существен следующий фрагмент, относящийся уже к пребыванию русских послов в Италии: «Когда мы были в Римини в доме префекта города, они убрали святого образа, чтобы на их месте поместить свои, маленькие, расписанные по греческому образцу. Мы, убрав эти последние, поставили прежние [на место], чтобы в среде католиков они не действовали столь дерзко. Поэтому позже они стали вести себя менее своевольно»⁴³. Это сообщение не согласуется ни с идиллическим описанием посещения москвитями римских церквей, ни с содержащейся в письме кардиналу Комо рекомендацией поселить Молвянинова и его спутников в комнатах, расписанных изображениями Христа и Богородицы, причем поместить эти образы «на возвышении», то есть

по крайней мере в этом отношении уподобить их русским иконам, надеясь, что послы адекватно воспримут такую замену. Не находит оно параллелей и в уже упоминавшемся перечне инцидентов из письма от 6 сентября. Рассказ о случае в Римини, однако, превосходно вписывается в общую тенденцию изображения москвитов как народа, упорствующего в схизме вплоть до не-
лестностей, а лично Молвянинова — как человека, который в силу своей необразованности, дерзости и упрямства попирает очевидные нормы приличия.

Некоторым особняком среди высказываний Поссевино по интересующему нас сюжету стоит отрывок из «Московского посольства» — донесения о русском государстве, составленного на основе письма Поссевино от 28 апреля 1582 г. генералу Общества Иисуса Клаудио Аквавиве и дополненного в части обзора обычаев и жизненного уклада москвитов заметками другого иезуита, Джованни Паоло Кампани⁴⁴. «Посольство» было опубликовано в 1584 г. в ежегоднике Общества⁴⁵. Приводимый пассаж принадлежит Кампани, но несомненно, что Поссевино, готовивший публикацию текста в целом, должен был разделять его суждения или, как минимум, не считать их ложными или вредными для целей Общества.

«Лики святых, — замечает Кампани, — они пишут с исключительной скромностью и строгостью, гнушаясь тех икон, которые лишены славянской надписи, и тех, на которых есть непристойное изображение обнаженных частей тела. А ведь это может служить известным упреком нашим живописцам, которые, чтобы показать свое искусство, на картинах до предела обнажают грудь, ноги и прочие части тела и скорее пишут легкомысленные (*lascivas*), чем святые, картины»⁴⁶. Можно заметить, что Кампани, в отличие от Поссевино, с симпатией отзываясь о русской иконописи и противопоставляя ее современной для себя западной живописи не в пользу последней.

Таким образом, Поссевино в рассматриваемом фрагменте намеренно отступил от стандартного способа уничижительного изображения нравов москвитов и образа действий лично Молвянинова, позволив себе в одном конкретном случае поддержать суждения схизматиков как истинно христианские и даже привести их в пример своим легкомысленным единоверцам, ради того чтобы высказать и проиллюстрировать ярким примером отстаиваемую им самим позицию относительно создания и коллекционирования непристойных изображений. Прием этот (противопоставление отдельных положительно характеризующих черт чуждой, чаще всего иноконфессиональной и потому враждебно воспринимаемой среды отдельным же недостаткам собственного общества) хорошо известен в публицистике раннего Нового времени, прежде всего на примере отношения христианской Европы к Османской империи. Примечательно здесь именно то, что Поссевино, кроме описываемого случая, такой прием практически не использует.

Критика коллекционирования и создания новых неподобающих изображений и борьба за очищение искусства от того, в чем видели проявления

язычества, велась с переменным успехом в римской курии и близких к ней кругах еще с начала XVI в. В период понтификата Юлия II (1504–1513) в Ватиканском дворце была собрана самая значительная в тогдашнем Риме⁴⁷ коллекция античной скульптуры, за пополнением которой папа следил лично. Наиболее известные статуи этого собрания (Аполлон Бельведерский, Лаокоон, Бельведерский торс, уже упоминавшаяся Ариадна (Клеопатра), Венера с Купидоном и некоторые другие) были выставлены в Бельведерском дворике Ватиканского дворца⁴⁸. Сразу же после смерти Юлия II его увлечение коллекционированием изображений языческих богов подверглось критике как неподобающее для первосвященника. Уже в 1513 г. Джанфранческо Пико делла Мирандола, племянник знаменитого философа, опубликовал поэму «Об изгнании Венеры и Купидона», в которой порицал покойного понтифика за приязнь к языческим богам и призывал к тому, чтобы удалить все статуи, собранные Юлием II в Ватикане, из этого священного для христианской веры места⁴⁹. (Показательно, что, как и автор «Московии» семьдесят лет спустя, Джанфранческо Пико говорит именно о статуе Венеры и Купидона, имея в виду как конкретную скульптуру из коллекции Юлия II, так и изображения древних богов вообще. Едва ли здесь можно говорить о прямом заимствовании со стороны Поссевино; скорее, оба автора руководствовались сходной логикой: Венера и Купидон одновременно представляют языческих богов и олицетворяют сладострастие.) Во время короткого понтификата Адриана VII (1522–1523), сочувствовавшего идеям «*devotio moderna*» и в значительной мере чуждого итальянских представлений о престижности покровительства искусствам, статуи Бельведерского дворика были официально названы «идолами» и впервые закрыты в своих нишах деревянными ширмами, которые, впрочем, вскоре были сняты⁵⁰.

Важнейшей вехой в борьбе за очищение изобразительного искусства от непристойных и языческих мотивов стало принятие 3–4 декабря 1563 г. на последней сессии Тридентского собора декрета «О призвании, почитании и реликвиях святых и священных изображениях». Согласно ему, «всякое суеверие в призвании святых, почитании реликвий и в использовании церковью изображений должно быть отвергнуто, всякое низкое стяжательство исключено, всякая непристойность, наконец, избегаема, чтобы, таким образом, не позволяли писать ни на картинах, ни в качестве украшения распутные в своей красоте изображения»⁵¹. Главным инициатором принятия декрета являлся кардинал Лотарингский Шарль де Гиз, основной целью которого было добиться официального подтверждения дозволенности и святости изображений и осуждения иконоборчества, волны которого прокатились по Франции именно в 1563 г.⁵²

Таким образом, декрет явился скорее проявлением реакции на действия кальвинистов и не регулировал частные вопросы художественной практики. Тем не менее он создавал основу для принятия конкретных решений.

21 января 1564 г. на Тридентском соборе конгрегация постановила: «Росписи в Апостольской капелле [Сикстинская капелла в Ватикане. — *О. Р.*] должны быть переработаны, подобным же образом [следует поступать] в других церк-вах, если те выставляют что-либо непристойное или очевидно ложное»⁵³. В соответствии с этим решением уже в следующем году были начаты работы по исправлению «Страшного Суда» Микеланджело и фресок Мазаччо в ка-пелле Бранкаччи, хотя стоит отметить, что подобные акции никогда не при-нимали системного, обязательного для всех храмов характера⁵⁴.

Решения 1563–1564 гг. имели значение и для практики собирательства древних статуй, в особенности при папском дворе. Уже в 1566 г. Пий V рас-порядился перенести большую часть коллекции античной пластики из Ва-тикана в Капитолийский дворец (где ее и видели русские послы). Эта ак-ция именовалась в официальной пропаганде «даром» («*donum ex Vaticano in Capitoilium*»), но по существу была именно тем «изгнанием» античных богов из резиденции главы церкви, к которому призывал еще Джанфранче-ско Пико. Исключение было сделано лишь для скульптур, находившихся в Бельведерском дворике (а также немногих композиций во внутренних по-коях, в том числе уже упоминавшегося фонтана Клеопатры), но все они, кроме Бельведерского торса, были еще за несколько лет до этого закрыты деревянными щитами, формально для защиты их от легкомысленных посе-тителей, которые якобы могли повредить их⁵⁵. Таким образом, Поссевино, рекомендуя скрыть за ширмой фонтан Клеопатры, апеллировал к относи-тельно недавнему воплощенному в жизнь решению, которое было хорошо известно его адресату.

Последняя треть XVI — начало XVII в. — это период формирования контр-реформационной теологии образа⁵⁶. Следует кратко отметить две характер-ные и довольно любопытные черты этого процесса. Во-первых, все важней-шие трактаты, посвященные теологическим аспектам художественной теории и практики, создаются уже после решений Тридентского собора и упомяну-тых выше мер по их воплощению в жизнь. Во-вторых, суждения, высказывае-мые в них, во всяком случае в рассматриваемых аспектах, не представляют собой ничего специфически контрреформационного, а являются повторени-ем идей, довольно часто высказывавшихся гуманистами первой половины XVI в.⁵⁷ Это, в свою очередь, предопределило известную умеренность религи-озной реакции на ренессансное наследие.

Поссевино был одним из теологов, внесших наиболее существенный вклад в разработку и детализацию официальных посттридентских пред-ставлений об изобразительном искусстве⁵⁸. В своем главном энциклопеди-ческом труде «Избранная библиотека»⁵⁹, который вышел в свет в 1593 г. и представлял собой компендиум сведений по разным областям знаний, снабженный библиографической информацией и краткими разъяснениями официальной церковной позиции по каждой из них, он отвел этим вопро-

сам специальный раздел, посвященный языческой, профанной и христианской поэзии и живописи⁶⁰, который неоднократно переиздавался впоследствии отдельной книгой⁶¹. Представляется возможным допустить, что во время написания соответствующих фрагментов «Московии» Поссевино руководствовался той же позицией, которую он впоследствии изложил и в своем главном сочинении.

Для нашей темы важны два следствия посттридентской теологии образа, которые не были напрямую связаны друг с другом. Во-первых, порицалось коллекционирование статуй античных богов, в котором усматривалась опасность впадения в язычество и поклонения идолам⁶². Если собирательство изображений древних богов считалось недостойным христианина, то борьба с ними, напротив, восхвалялась. Поссевино в «Избранной библиотеке» приводил в качестве примера такой борьбы Григория Великого, повелевшего разрушить языческих идолов (сложно сказать, насколько эта похвала могла переноситься на Григория XIII, к моменту издания «Избранной библиотеки» уже покойного), и Бонифация IV, превратившего в 609 г. Пантеон в христианскую церковь, а из пап, его современников, — Пия V (1566–1572) за упоминавшееся выше аналогичное очищение от языческих скульптур резиденции в Ватикане и Сикста V (1585–1590), который распорядился заменить статуи императоров Траяна и Марка Аврелия на их триумфальных колоннах изображениями апостолов⁶³. Лучшей иллюстрацией официальной позиции Святого Престола по данному вопросу на момент выхода «Московии» служит подробный заказ, данный в 1582 г. Григорием XIII Томмазо Лаурети на роспись свода в Зале Константина в станцах Ватикана, которая была завершена уже при новом понтифике Сиксте V в 1585 г., на сюжет «Триумф христианства»⁶⁴. Живописцу предписывалось изобразить низвержение идолов по приказу Константина и алтарь в перспективе храма с установленным на нем распятием, на полу у подножия которого лежали бы осколки разбитой статуи Меркурия⁶⁵ (в ходе работ сюжет с низвержением идолов был вынесен на откосы окон, а «Триумф креста» занял место в центре свода) (ил. 2).

В свете изложенного возможна оценка соответствующего пассажа из «Московии». Поссевино, несомненно, выступает против собирательства памятников античности как занятия, которое «должно внушать отвращение любому христианину». Вместе с тем он не именует статуи идолами, угрожающими истинной вере, а лишь называет их «ненужными памятниками языческим богам» и приписывает поведение вельмож, показывавших их москвитам, не злонамеренности, а лишь «традиционному римскому радушию». Таким образом, позиция Поссевино в «Московии» отличается известной умеренностью, проявленной не в последнюю очередь, вероятно, вследствие нежелания излишне хвалить нравы схизматиков в сравнении с католиками.

Вторым заслуживающим нашего внимания аспектом контрреформационной художественной теории было отношение к изображению обнаженно-

го тела. Необходимо отметить, что как неподобающие порицались далеко не все подобные изображения, а лишь те, которые могли квалифицироваться как проявления «непотребства» (*lascivitas*). Фактически речь шла о недопустимости эротических изображений, могущих вызвать у зрителя греховные помыслы (строго говоря, понятие *lascivitas* включало в себя еще и разного рода «несерьезные» сюжеты, с помощью которых высмеивались традиционные социальные или этические нормы), в то время как сами по себе изображения обнаженного тела могли в некоторых случаях дозволяться⁶⁶. Классическим примером подобного рода может служить высокая оценка, которую Поссевино дал статуе Лаокоона как образцу для изображения мученичества, достойному подражания христианских скульпторов и живописцев и не содержащему в себе ничего непристойного⁶⁷. Критика «Страшного Суда» Микеланджело была во многом вызвана не только обилием в нем изображений обнаженных тел, но и тем, что многие их позы виделись противникам фрески непристойными. Впрочем, относительно широко было распространено и мнение о том, что ответственность за проявление *lascivitas* лежит не только на художнике, но и на зрителе, если этот последний усматривает в рассматриваемом произведении непристойные мотивы в силу собственной испорченности⁶⁸.

Поссевино в «Московии» в данном случае проявляет, как кажется, большую нетерпимость к творцам и поклонникам современного искусства, чем к собирателям античных статуй. Если в донесении Кампани речь идет только о заслуживающем известного упрека легкомыслии художников, увлеченных собственным искусством изображения обнаженного тела, а в рекомендациях относительно отправки даров москвитам говорится лишь о том, что те негативно воспринимают любое изображение обнаженного тела на священных образах (что, как следует из сказанного выше, не соответствовало стандартной позиции посттридентских теологов), то в рассказе о посещении Рима уже прямо сказано об отвращении русских послов к «изображениям постыдных сцен» (*ad lasciviam depictas*, дословно «написанным для непристойности») и прочим «дьявольским измышлениям». «Выдумками сатаны», противными совести художников, изнеживающими душу, подогревающими дурные желания и приводящими к скорым злодеяниям, называет Поссевино изображения обнаженного тела и в «Избранной библиотеке»⁶⁹.

Необходимо отметить еще одно существенное обстоятельство. Именно во второй половине XVI — начале XVII в. многие религиозно ангажированные теоретики искусства в Италии выражают интерес к византийской иконописи, строгой и чуждой светских мотивов, как к образцу для подражания и в чисто художественном, и в нравственном плане. Считалось также, что в священных образах восточной церкви могли как воспроизводиться изначальная христианская иконографическая традиция, основателем которой, по преданию, был евангелист Лука, так и передаваться в относительной целостности внешний облик персонажей Священной Истории⁷⁰. Дискуссии о необходи-

мости для современных живописцев ориентироваться на раннехристианские и восточные образцы особенно активизировались после открытия в 1578 г. римских катакомб с сохранившимися в них изображениями⁷¹. (Реальных иконографических последствий подобные призывы, впрочем, не имели⁷².)

Некоторое влияние подобного восприятия иконописи заметно в донесении Кампани, но Поссевино в «Московии» остался ему совершенно чужд. О православных образах и их почитании он неизменно отзывается враждебно и во всех случаях противопоставляет их изображениям, которые есть у католиков. Упоминание о том, что в Московию следует отсылать иконы, написанные по греческому образцу, вообще появляется у него только после сообщений о том, что эти иконы должны быть украшены драгоценными камнями и снабжены греческой надписью. Русские послы в его рассказе не принимают легкомысленные и непристойные изображения, показанные им в Риме не потому, что они знакомы с некоей более нравственно чистой традицией, а просто потому, что это подобает «любому христианину». Их принадлежность к схизме в рассматриваемом фрагменте не акцентируется. Поссевино негативно оценивает православную веру во всех ее проявлениях, отличных от католической, но в данном случае оказывается, что нравы римской знати недостойны христиан и при этом случайным образом отличаются от соответствующих норм, принятых у схизматиков, что не делает сами эти нормы правильными в каком бы то ни было отношении. (Именно так можно трактовать высказанное в письме к кардиналу Комо опасение, что послы, осмотрев непристойные изображения, могут «утвердиться в своих заблуждениях».)

Таким образом, рассмотренный эпизод служит яркой иллюстрацией официальной позиции католической церкви середины 80-х гг. XVI в. по проблеме коллекционирования античных статуй и «непристойных» изображений современной автору «Московии» живописи. Русские послы в этих обстоятельствах оказались, вне зависимости от их реального поведения, персонажами назидательного исторического анекдота, созданного Поссевино и предназначенного для использования в рамках иной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О дипломатических контактах Московского государства и Святого престола в XVI в. и в частности о миссии Поссевино, см.: *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1897. Vol. II; *Idem.* Un nonce du pape in Moscovie. Paris, 1886; *Idem.* Papes et tsars (1547–1597) d'après des documents nouveaux. Paris, 1890; *Lerpigny M.* Un arbitrage pontifical au XVIe siècle. Mission diplomatique de Possevino, 1581–1582. Bruxelles, 1886.

² «Sed cum in Capitolii palatium a Romanis Patriciis advecti, et Romana magnanimitate humanissime accepti, fragmenta marmorum antiquorum, ineptasque gentilium Deorum memorias, a quodam rogarentur (quasi maximi res essent momenti) ut attentius inspicerent, omnia (nec immerite) contemserunt. Et illud enim eos maxime offendebat (quod et cuilibet Christiano detestandum est) cum vel in hospitiiis signa turpitudinum cernerent, vel imagines (etiam pias) ad lasciviam depictas,

nudas vero statuas, et caetera diabolica figmenta, in aliquorum domibus, et hortis cernerent, quibus cupides et veneres plusquam Christus, et Beatissima Virgo sapere videbantur» (*Possevinus* A. De Moscovia // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berolinum; Petropolis, 1842. Vol. II. P. 275–366. Здесь P. 298*). Русский перевод здесь и далее в статье приводится по изданию: *Поссевино А. Исторические сочинения о России / пер. и коммент. Л. В. Годовиковой. М., 1983.*

³ ПДС. СПб., 1851. Ч. 1. Т. 1. Стб. 860–897 (здесь стб. 881). Характеристику посольского списка Я. Молвянинова см.: *Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков: из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 183–186, 191–192.*

⁴ ПДС. Ч. 1. Т. 1. Стб. 882–885.

⁵ Там же. Стб. 876.

⁶ *Possevinus* A. De Moscovia P. 299.

⁷ ПДС. СПб., 1871. Ч. 1. Т. 10. Стб. 17–30. О миссии Шевригина см.: *Лухачев Н. П. Антоний Поссевин и Истома Шевригин. СПб., 1900; Он же. Упоминания Истома Шевригина по возвращении его из посольства в Италию. СПб., 1913.*

⁸ В действительности во дворце длительное время отсутствовавшего кардинала Марко Антонио Колонны; см.: *Possevinus* A. De Moscovia. P. 298.

⁹ ПДС. Ч. 1. Т. 1. Стб. 881.

¹⁰ О времени написания «Московии» см.: *Поссевино А. Указ. соч. С. 232 (Комментарии. Книга I. Введение); см. также: Там же. Примеч. 59 к книге II.*

¹¹ *Archivum Romanum Societatis Iesu. Opera Nostrorum. 336. Annalium quinquaginta annorum, quos sacerdos è Societate Jesu iussus est scribere ijs de rebus ad quos missus fuit. Decas Prima.*

¹² «Spectaculo isto permoti Mosci ubi Urbis ipsius situm plateas, Sti. Petri Aedem, Arcem, vixos aspexere, attoniti obtupvere, Reductis ad Cardinalis Columnae Paltium, quod ipsis paratum erat Hospitium, cibos, lautiaque, praebita, Urbis celebriora Tempia, Collegia, Seminaria, Horti, ubi antiquitatis extant monumenta, Termaque ostensae, donec Pontifex ex Algido, ubi fuerat, Romam illos publico in consistorio auditurus, redijt...» (*Ibid. 434r*).

¹³ *Possevinus* A. De Moscovia. P. 298.

¹⁴ Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves / Publiés et annotés par le P. Pierling. Paris, 1887. P. 218; *Ciappi A. Compendio delle eroiche e gloriose azioni e santa vita di Papa Grigorio XIII. Roma, 1591. P. 60.*

¹⁵ *Ciappi A. Op. cit. P. 60.*

¹⁶ *Daltrop G. Antikensammlungen um 1600 in Rom // Antikenrezeption in Hochbarock. 1989. S. 37–58. Здесь S. 46.*

¹⁷ *Possevinus* A. De Moscovia. P. 299.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Обзор этих и иных неопубликованных источников см.: *Pastor L. von. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 9. Geschichte der Päpste im Zeitalter der katholischen Reformation und Restauration: Gregor XIII. (1572–1585). Freiburg im Breisgau, 1923. S. 699–701.*

²⁰ ПДС. Ч. 1. Т. 1. Стб. 882, 884.

²¹ Там же. Стб. 884.

²² «Di piu pare che sarà molto spediante che egli in Roma non si alloggi in casa di alcun cardinale o altro signore ma forse nelle stanze piu remote di Belvedere, nelle quali parimente non sieno ornamenti o pitture con imagini nude, o significanti alcuna liberta lasciva percioche i Moscoviti restano maravigliosamente scandalizati, et potrebbe porsi per ciascuno alcune imagini sante in pittura in luogo rilevato et alto, quali sarebbono del Salvatore et della Beatissima Virgine» (*Bathory et Possevino. Possevino au cardinal de Côme. 14 août 1582. P. 167*).

²³ «Per amore di Nostro Signore vostra signoria illustrissima si degni ordinare che si avisi chi avesse cura di porre o panni di razza o altro in Belvedere (se ivi alloggierà l'ambasciator) che non ci si pognano panni nei quali sieno imagini o ignude o etniche; et che quella Cleopatra di Belvedere et simili altre cose poco decenti non sia in alcuno modo veduta, percioche ne restano, come scrissi, scan-

dalizatissimi et si confermano nei loro errori» (Bathory et Possevino. Possevino au cardinal de Côme. 6 septembre 1582. P. 217).

²⁴ *Pastor L. von.* Op. cit. Bd. 9. S. 699.

²⁵ *Jovius P.* De legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pontificem Maximum liber // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.* Berolinum; Petropolis, 1841. Vol. I. Pars II. P. 1–13.

²⁶ *Possevinus A.* De Moscovia. P. 279.

²⁷ *Ciappi A.* Op. cit. P. 57.

²⁸ О статуе Ариадны см.: *Die Skulpturen des Vatikanischen Museums* / hg. von W. Amelung. 1908. Bd. II. S. 636–643; *Köhn S.* Ariadne auf Naxos. Rezeption und Motivgeschichte von der Antike bis 1600. München, 1999. S. 140–179.

²⁹ Его биографию см.: Gallio (Galli), Tolomeo // *Dizionario Biografico degli Italiani.* Roma, 1998. Vol. LI. P. 685–690.

³⁰ ПДС. Ч. 1. Т. 1. Стб. 874–875.

³¹ Там же. Стб. 875–879.

³² Bathory et Possevino. P. 214–217.

³³ Bathory et Possevino. Discours de Possevino au Conseil des Dix. 7 août 1582. P. 142–147.

³⁴ *Possevinus A.* De Moscovia. P. 297.

³⁵ Ibid. P. 277.

³⁶ По высказыванию мантианского посланника при папском дворе Одескальки. Цит. по: *Pastor L. von.* Op. cit. Bd. 9. S. 700. Anm. 2: «E huomo di nobelissimo aspetto et di bellissima presenza».

³⁷ «Jam non mirarer, quid remaneret in cordibus gentis, que splendorem, ac majestatem aliorum populorum ferre non posset». (*Possevinus A.* De Moscovia. P. 299).

³⁸ Ibid. P. 291–292.

³⁹ «Quae fusius narranda putavi, ut si cui aliquando tale negocium obtigerit, praevisa minus eum feriant: isque ad patientiam, et prudentiam, a Deo per orations hauriendam, sedulo se comparet» (Ibid. P. 299).

⁴⁰ «Cum vero imaginem aliquam piam ex iis, quibus Catholici utuntur, a suis simplicioribus coli animadvertunt, Ne colas, ajunt, quia nostrae fidei non sunt... nec item nostras imagines venerari, aut ullo in honore habere (cum suas tantum non adorent) nec alia id genus facere volebant» (Ibid. P. 276).

⁴¹ «Ejusdem igitur generis res, seu vasa aliqua magna argentea deaurata, quae in Germania plus habent operis, quam meteriae; sericum item, insigni aliquot opera auro intextum; imaginesque piae gemmis et unionibus ornatae (sed quarum nudo corpore picture non sit) Graecis vero literas inscriptae, ut cujusnam imago sit constet, ac pro more Graecorum depictae, probabuntur, et libentissime accipientur» (Ibid. P. 306).

⁴² «Tradita item a me pulcherrima Salvatoris imagine (quae missa a Vestra Beatitudine ad Moscum, in aere picta et Graecis litteris additis, ebore, argenreisque flosculis continebatur)...» (Ibid. P. 299).

⁴³ «Arimini (!) cum essemus, in domo Praefecti civitatis, pias imagines amoverant, ut parvulas quasdam suas, ritu Ruthenico depictas, apponerent. His ablatis, cum priores reposuissemus, ne quid ea in re insolentius inter Catholicos agerent, minus postea licenter sese gessere» (Ibid. P. 298).

⁴⁴ *Possevinus A.* Missio Moscovitica. Paris, 1882. Русский перевод: *Поссевино А.* Указ. соч. С. 190–213.

⁴⁵ *Annuae litterae Societatis Iesu anni MMDLXXXII.* Roma, 1584. P. 226–272.

⁴⁶ «Sanctorum autem imagines pingunt singulari modestia, et gravitate, abominanturque imagines illas, quae aut Rhutenica inscriptione careant, aut membra corporis indecore nudata babeant; non sine aliqua nostrorum pictorum reprehensione, qui dum ut artem suam ostentent summa pectoris,

crura ceterasque partes nudant; lascias potius, quam pias imagines pingunt» (*Possevinus A. Missio Moscovitica*. P. 80–81).

⁴⁷ О более ранних светских коллекциях XV в. см.: *Brummer H.-H.* The Statue Court in the Vatican Belvedere. Stockholm, 1970. P. 17. Note 3.

⁴⁸ *Nesselrath A.* Il cortile delle statue: luogo e storia // Il cortile delle statue. Der Statuenhof des Belvedere in Vatican. Akten des Internationalen Kongresses zu Ehren von R. Krautheimer. Rom, 1992 / hg. von M. Winner. 1998. S. 1–16; *Brummer H.-H.* On the Julian Program of the Cortile delle Statue in the Vatican Belvedere // Ibid. S. 67–81; *Gombrich E.-H.* Symbolic Images. Studies in the Art of the Renaissance. 1972. P. 104–108.

⁴⁹ *Pico della Mirandola G.-F.* Opera omnia. Torino, 1971. Vol. II; *Idem.* Accompanying letter to Lilio Gregorio Giraldi, August 1512; introductory letter to Conrad Peutinger, 1513 // *Gombrich E.-H.* Op. cit. P. 273–274. Appendix II. О сочинении Пико см.: *Gombrich E.-H.* Op. cit. P. 105–106; *Brummer H.-H.* On the Julian Program... P. 67–68.

⁵⁰ *Gombrich E.-H.* Op. cit. P. 107–108; *Brummer H.-H.* On the Julian Program... P. 67.

⁵¹ «Omnis porro superstitio in sanctorum invocatione, reliquiarum veneratione et imaginum sacro usu tollatur, omnis turpis quaestus eliminetur, omnis denique lascivia vitetur, ita ut procacii venustate imagines non pingantur, non ornentur; et sanctorum celebratione ac reliquiarum visitatione homines ad commessiones atque ebrietates non abutantur, quasi festi dies in honorem sanctorum per luxum et ac lasciviam agantur» (Concilium Tridentinum. T. IX. Concilii Tridentini Actorum Pars VI. Friburgi Brisgoviae, 1965. P. 1078).

⁵² *Baumgarten J.* Konfession, Bild und Macht. Visualisierung als katholisches Herrschafts- und Disziplinierungskonzept in Rom und im habsburgischen Schlesien (1560–1740). Hamburg, 2004. S. 34; *Hecht Ch.* Katholische Bildertheologie im Zeitalter von Gegenreformation und Barock. Studien zu Traktaten von Johannes Molanus, Gabriele Paleotti und anderen Autoren. Berlin, 1997. S. 15.

⁵³ «Picturae in capella Apostolica cooperiantur, similiterque in aliis ecclesiis, si quae aliquid obscenum aut evidenter falsum ostendant...» (Concilium Tridentinum. T. IX. Pars VI. P. 1149).

⁵⁴ *Hecht Ch.* Op. cit. S. 284.

⁵⁵ *Daltrop G.* Op. cit. S. 37.

⁵⁶ При дальнейшем изложении я опирался в основном на упомянутую монографию К. Хехта.

⁵⁷ *Hecht Ch.* Op. cit. S. 21.

⁵⁸ См.: *Donnelly J.-P.* Antonio Possevino S. J., as a Counter-Reformation Critic of the Arts // The Journal of the Rocky Mountain Medieval and Renaissance Association. 1982. Vol. 3. P. 153–164; *Baumgarten J.* Op. cit. S. 117–123; *Hecht Ch.* Op. cit. S. 21.

⁵⁹ *Possevinus A.* Bibliotheca selecta. Roma, 1593.

⁶⁰ Ibid. Pars II. Liber XVII. P. 259–321.

⁶¹ Впервые: *Possevinus A.* Tractatio de poesia ethnica, humana et vabulosa. Lugdunum, 1595.

⁶² *Hecht Ch.* Op. cit. S. 296–313.

⁶³ *Possevinus A.* Bibliotheca selecta. Pars II. P. 319.

⁶⁴ См.: *Daltrop G.* Op. cit. S. 39. О программе Григория XIII по переустройству Ватиканского дворца см.: *Pastor L. von.* Op. cit. Bd. 9. S. 826–835.

⁶⁵ «Nel mezzo della volta pensò dipinger quella degna attion di Costantino, quando commandò per tutte le parti del suo imperio si gettassero a terra gl' idoli e s'adorasse Christo nostro redentore, ma essendo piaciuto al signor di tirar a se quell' anima benedetta, il nominato Tomaso non la possete far adornata di figure, come desiderava, per non esserli stato concesso dal successore d'essa fel. mem., ma nondimeno fece in quel luogo una prospettiva di un tempio in mezzo al quale un altare con un crocifisso, e per terra una statua di Mercurio frassata, che significano la medesima intentione» (Memorie sulle pitture et fabriche // *Pastor L. von.* Op. cit. Bd. 9. S. 907).

⁶⁶ *Hecht Ch. Op. cit. S. 266–296.*

⁶⁷ *Possevinus A. Bibliotheca selecta. Pars II. P. 319. Cp.: Hecht Ch. Op. cit. S. 301.*

⁶⁸ *Hecht Ch. Op. cit. S. 271–274.*

⁶⁹ «Quod si gentiles ipsi Philosophi, Plato, Aristoteles, ac reliqui picturas nudarum mulierum prohibuere, quod earum aspectu animi effaeminarentur, prava foverentur desideria, et ad scelera proniores redderentur... Nudae imagini pictorum conscitiae contrariae... Statuae nudae a Satana invente» (*Possevinus A. Bibliotheca selecta. Pars II. P. 320*).

⁷⁰ *Hecht Ch. Op. cit. S. 275, 335–347.*

⁷¹ *Daltrop G. Op. cit. S. 39–40.*

⁷² *Hecht Ch. Op. cit. S. 335.*

ОДНО ИЗ «САМЫХ СЛАВНЫХ ГОСУДАРСТВ» МИРА: МОСКОВИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЛУИ ЛЕ РУА

Д. В. Самотовинский

В XVI в. Московское государство, наряду с мусульманским миром в лице прежде всего Османской империи и Новым светом, стало для христианского Запада одним из «значимых других», то есть «другим», относительно которого в первую очередь определяли себя, в котором искали воплощение или отсутствие высших культурных ценностей, с которым связывали надежды или опасения за судьбы своего мира.

Сразу отметим, что французы XVI в., так много сделавшие для «открытия» турок¹ и народов Нового света², не участвовали в «открытии» Московии, не оставили о ней оригинальных и широко известных в XVI в. сочинений³. Этому есть очевидные причины. Хотя имеются данные о дипломатических и торговых контактах между двумя государствами⁴, все же они носили скорее эпизодический характер. Во Франции XVI в. Московия не рассматривалась как значимый политический и торговый партнер. Однако интерес к ней все же был. Он удовлетворялся главным образом за счет иностранных сочинений. Образованному французскому читателю были доступны все важнейшие и наиболее значительные труды, касавшиеся Московии: Матвея Меховского (1517), Иоганна Боэмия (1520), Павла Йовия (1525), Иоганна Фабри (1526), Альберта Кампенского (1543), Себастьяна Мюнстера (1544) и Сигизмунда Герберштейна (1549)⁵.

Более того, в 1570 г. известный переводчик и историк Франсуа де Бельфоре (François de Belleforest, 1530–1583)⁶ издал первый, написанный французом, историко-этнографический труд «Всеобщая история мира»⁷, в котором была глава о Московии. Сочинение посвящалось, по словам автора, «нравам, политическому строю, образам жизни»⁸ народов мира, включая Новый свет. Главным источником для сочинения Ф. де Бельфоре стал популярный труд И. Боэмия⁹. Раздел, посвященный Московии, основан также по большей части на тексте И. Боэмия, но дополнен сведениями из других источников, прежде всего из труда С. Герберштейна¹⁰.

В 1575 г. Ф. де Бельфоре издал свой перевод на французский «Всеобщей космографии» Себастьяна Мюнстера, претендуя на соавторство на основании того, что существенно ее дополнил¹¹. Раздел, посвященный Московии, правда, не претерпел каких-либо изменений по сравнению с текстом Мюнстера¹².

Большой интерес для нас представляет другое этнографическое сочинение — «Всеобщая космография» путешественника и королевского космографа Андре Теве (André Thévet, 1516–1592)¹³, также вышедшая в 1575 г.¹⁴ Совершив путешествия в Левант и Бразилию, А. Теве никогда не был в Московии и пользовался сведениями С. Герберштейна, Павла Йовия и др. В то же время он избегал доверяться И. Боэмию и С. Мюнстеру, которых столь почитал Ф. де Бельфоре.

Картина нравов и порядков Московии во «Всеобщей истории мира» Ф. де Бельфоре и во «Всеобщей космографии» А. Теве складывается преимущественно из черт, которые не могли казаться привлекательными европейскому читателю.

Вслед за Боэмием Ф. де Бельфоре заявляет о пристрастии москвитов к распутству, которое они считают позволительным, если оно не вредит браку, и пьянству, которое даже похвально¹⁵, с неодобрением пишет о распространенной (даже среди духовенства) практике ростовщичества¹⁶, об ужасной практике продажи в рабство себя (даже знатными людьми!), своих жен и детей ради праздной и вольготной жизни¹⁷. А. Теве, касаясь вопроса о пьянстве, предпочитает следовать за С. Герберштейном, сообщая о том, что московский государь запрещает своим подданным употреблять вино, кроме нескольких раз в году; лишь своих телохранителей он не стеснил запретом, построив для них специальный город неподалеку от Москвы — «Naly»¹⁸. Опираясь на С. Герберштейна, и Ф. де Бельфоре, и А. Теве также заявляют о нечестности русских купцов¹⁹. Впрочем, А. Теве делает исключение в плане нравов для жителей Новгорода Великого, который до недавнего времени был «свободным», независимым от князя. Новгородцы — «народ самый честный и учтивый». «Однако, — добавляет он, — благодаря постоянным контактам они начинают облачаться в дикую природу тех, кто ими повелевает»²⁰.

Оба автора отмечают воинственность москвитов, описывают их военную организацию, вооружение²¹. Ф. де Бельфоре отмечает, что с недавних пор москвиты начали использовать огнестрельное оружие, но до сих пор прекрасно владеют луком. Этот факт позволяет ему сравнить москвитов с варварами-скифами: они — «поистине скифы»²². А. Теве прямо сравнивает военное искусство москвитов с тактикой кочевых племен Северной Африки: они идут в бой «безо всякого порядка, на манер арабов и мавров»²³. Описывая вооружение воинов, в частности, говоря о защитном шлеме, он находит ближайший аналог ему у «дикарей Шотландии»²⁴. Очевидно, что военное дело москвитов характеризует их в глазах обоих авторов и читателя как воинственных, но безыскусных «варваров».

В сочинениях Ф. де Бельфоре и А. Теве Московия предстает как мир, не лишенный письменной культуры, но все же слабо ее освоивший по сравнению с христианским Западом эпохи Возрождения²⁵. Ф. де Бельфоре отмечает, что круг наук, изучаемых москвитями, крайне ограничен: они изучают греческий, грамматику и музыку, остальными же науками пренебрегают²⁶. А. Теве уверен, что на Руси неглубоко освоено византийское богословское наследие: образованные представители духовенства «не столь учены и не искушены в грехах»²⁷.

Ф. де Бельфоре также отмечает, что у москвитов также есть система правосудия и писанные законы (Судебник Василия III), карающие в соответствии с тяжестью преступления²⁸, но благоприятное впечатление сводится на нет информацией о крайней коррумпированности судей²⁹.

Не менее явно разрыв между двумя мирами для обоих авторов проявляется в облике городов. Для человека западной культуры город был пространством, в котором в качестве строительного материала господствует камень. На Руси иностранцев ждала другая картина — господство дерева в городском строительстве. Даже Москва была преимущественно деревянной. Это обстоятельство многие путешественники и писатели отмечали как факт контрастный по отношению к их привычному миру³⁰. Ф. де Бельфоре и А. Теве также подчеркивают, что Москва, за исключением Кремля и нескольких церквей, деревянная³¹. Однако А. Теве идет дальше. Описывая Кремль, одну из немногочисленных каменных построек в Москве, отличающуюся к тому же великолепием, он отмечает: «И не подумайте, что это строение, его описание или модель произошло из головы этих варваров, но оно было создано мастерами из Италии, которых герцог побудил приехать просьбами и обещаниями великой награды, в чем он их никоим образом не обманул»³². Таким образом, А. Теве не подразумевает, а прямо заявляет, что москвиты — варвары, не ведающие искусства монументальной каменной архитектуры, являющегося отличительной чертой цивилизованного мира.

Как Ф. де Бельфоре, так и А. Теве много внимания уделяют вопросам религии москвитов. Оба традиционно подчеркивают раскольниковый характер Русской церкви и ее «заблуждения», то есть отличия от Римской. Однако основной акцент делается все же на сходствах и на том, что москвиты, при всех их «заблуждениях», ближе к истинной вере, чем протестанты. Ф. де Бельфоре подчеркивает, что они признают таинство исповеди³³, у них в почете монашество, ведущее строгий образ жизни³⁴, они почитают святых, соблюдают посты, платят церковную десятину, идущую на помощь бедным, немощным, многодетным³⁵.

А. Теве четко заявляет: «Москвит — не неверный, как о том кричат, но истинный христианин, что лучше всего подтверждается тем, что вытекает из его религии и строгого следования ей»³⁶. Он подчеркивает искреннее благочестие русских, суровость жизни черного духовенства³⁷, подвижничество

отшельников-столпников³⁸ и миссионеров, сеющих истину среди диких северных народов с опасностью для жизни³⁹. Оба автора отмечают, что в Московии нет проповедников, толкующих на свое усмотрение книги Священного Писания, что является источником споров и разногласий, в которых погряз христианский Запад⁴⁰.

А. Теве, вслед за Павлом Йовием, Иоганном Фабри и Альбертом Кампенским⁴¹, даже верил в возможность «возвращения» москвитов в лоно римского католицизма: «И мне кажется, — признается он, — было бы не очень трудно вернуть их, если бы они захотели услышать нашу Церковь»⁴². Этому делу может помочь неискушенность москвитов в богословских вопросах, ибо «они не столь учены и не искушены в грехах, чтобы католики с их книгами не смогли привести их к истине»⁴³.

Характеризуя политический строй Московии, Ф. де Бельфоре пересказывает фрагмент из И. Боэмия о том, что москвиты не приемлют титула «короля» и их правитель довольствуется титулом «герцога»⁴⁴. Однако вслед за этим он приводит сведения С. Герберштейна о том, что последние московские князья начали титуловать себя «царями»⁴⁵. Приводя два противоречивых свидетельства, Ф. де Бельфоре не высказывает свою позицию. Однако далее он в духе С. Герберштейна четко формулирует сущность политической системы и режима Московии: «Все москвиты, сколь бы знатными они ни были бы, признают себя холопами, то есть рабами, герцога, так же как турки поступают в отношении своего монарха»⁴⁶. А. Теве выражался еще четче: москвиты находятся под властью «тиранов», распоряжающихся жизнями и имуществом своих подданных и сравнимых разве что с деспотами «Африки и Эфиопии». Таков был Василий III и ныне правящий Иван IV (ошибочно названный у А. Теве Иваном III)⁴⁷. Но подданные, отмечает А. Теве под влиянием С. Герберштейна, не просто покорно переносят правление своих тиранов, они почитают их проводниками и выразителями Божьей воли⁴⁸, а себя именуют холопами государя⁴⁹.

Таким образом, очевидно, что для Ф. де Бельфоре и А. Теве Московия не принадлежала *их* миру — христианскому Западу эпохи Возрождения с его развитой культурой, гражданскими и политическими порядками, нравственными устоями. Однако было бы неверно утверждать, что москвиты в глазах французских этнографов ничем не отличаются от племен севера Европы, Африки, Нового света, в отношении которых определения «варвары» и «дикари» используются часто⁵⁰. Во всемирном контексте Московия была неким «третьим», «промежуточным миром», сочетавшим в себе черты цивилизованного христианского общества и общества варваров.

Однако вторая половина XVI в. знала и другую Московию. В период Религиозных войн во Франции (1562–1598) зародилась и развивалась идеология абсолютизма. В связи с этим образ Московского государства, олицетворявшего сильную единоличную власть, не встречающую сопротивления

подданных, оказался востребованным сторонниками абсолютной монархии. В их трудах Московия уже не определялась как «тирания».

Особую роль в эволюции образа Московии сыграл выдающийся политический мыслитель Жан Боден (Jean Bodin, 1529 или 1530–1596). В 1566 г. вышел его знаменитый трактат «Метод легкого изучения истории» (*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*), посвященный вопросам изучения исторических сочинений⁵¹ и выработки на этой основе идеального политического устройства. В нем, в частности, Ж. Боден доказывает превосходство монархии как самой богоугодной, естественной и древней формы правления⁵². Самые могущественные, обширные и стабильные государства — это именно монархии, но не аристократии и не демократии. Таковы были и есть державы турок, персов, индийцев, абиссинцев, татар, испанцев, захвативших большие территории в Новом свете, пунийцев (карфагенян), готов, бриттов, поляков, галлов (французов) и *московитов*⁵³. Таким образом, в один ряд ставятся государства, разделенные в умах европейцев формами правления, уровнем культуры и религиями. Ж. Боден, сознавая все эти различия, тем не менее, объединяет эти державы, видя в них общее, касающееся единовластия, могущества и стабильности. Московия — одно из воплощений этих наиболее ценимых французским мыслителем черт.

В 1576 г. Ж. Боден издал фундаментальный труд по вопросам политической теории «Шесть книг о государстве» (*Les Six Livres de la République*). В этом трактате он развил политические идеи, изложенные ранее в «Метод», еще шире используя образ Московии для иллюстрации отвлеченных положений. Исследователь Маршал По подробно изучил этот вопрос⁵⁴. Заимствуя основную часть информации о Московии из «Записок» С. Герберштейна⁵⁵, Ж. Боден не следует за их автором в резко негативной оценке государства московитов как крайней формы тирании. Напротив, будучи апологетом сильной монархической власти, Ж. Боден делает из Московии образец именно такого государства, оценивая его уже не как тиранию, а как образец монархии «сеньориальной» (*seigneuriale*)⁵⁶ или деспотии (по Аристотелю) — законной формы правления, наиболее древней и естественной из всех.

Как отметил Маршал По, Ж. Боден, позаимствовав у Аристотеля классификацию монархических государств, определил сущности деспотической («сеньориальной») и тиранической форм единовластия иначе. Аристотель полагал, что деспотия отличается от тирании тем, что деспот имеет абсолютную власть над подданными, по природе склонными к рабству (прежде всего народы Азии), и, следовательно, не нарушает природного порядка, тиран же — это правитель, поработивший свободолюбивых людей, нарушивший природный закон. Ж. Боден не признавал существования рабства «по природе», но лишь рабства «по закону», в частности «по праву справедливой войны». Основа деспотической власти — это право государя, победившего в «справедливой войне»⁵⁷, распоряжаться жизнями и имуществом покоренных⁵⁸.

Тем не менее и для Аристотеля, и для Ж. Бодена деспотия («сеньориальная монархия») была законной формой правления, в отличие от тирании⁵⁹. Подобная «рекатегоризация» государства московитов приводит у Ж. Бодена к положительной оценке деяний правителей Московии. Из тирана Василий III превращается в героя: он освободил московитов от ига и сделал государство чрезвычайно могущественным⁶⁰.

Однако Ж. Боден не был первым и единственным, кто переосмыслил понятие тирании и «рекатегоризировал» Московию. Одновременно с ним свою теорию монархии и историческую концепцию разрабатывал Луи Ле Руа (Loys Le Roy, ок. 1510–1577)⁶¹, известный переводчик и комментатор Платона, Аристотеля и других древнегреческих авторов, политический и исторический мыслитель, который также широко использовал пример Московии.

Одно из первых упоминаний о Московии как одной из выдающихся держав в мировой истории у Л. Ле Руа содержится в комментариях к «Политике» Аристотеля (1568). В одном из комментариев Л. Ле Руа воспроизводит мысль Макиавелли (прямо ссылаясь на итальянского гуманиста и его «Рассуждения») о том, что с течением времени доблесть в мире не иссякает, но лишь меняет свое местопребывание. Макиавелли утверждал, что в древности доблесть поочередно сосредотачивалась в великих империях — Ассирийской, Мидийской, Персидской, Римской. После крушения Римской империи она распределилась среди многих государств и народов, пребывая во Французском королевстве, Османской империи, государстве египетского султана (мамлюков), в германских землях и у арабов⁶². Примечательно, что «доблесть», согласно Н. Макиавелли, одинаково почтила своим присутствием государства Древнего Востока, Древний Рим, некоторые современные государства Европы и Османскую империю, не ведая различия между религиями, между варварством и цивилизацией, между различными формами государств⁶³. Эта индифферентность «доблести» указывает на то, что Н. Макиавелли применяет лишь один критерий в оценке государства — военно-политическое могущество.

В список государств, воплощающих «доблесть» современного мира, итальянский мыслитель мог бы естественным образом включить и Московскую Русь, но перечень отражал кругозор мыслителя, писавшего свой труд в 1513–1517 гг., до «открытия» Московии на Западе.

Л. Ле Руа приводит мысль Макиавелли почти дословно. Он сохраняет перечень древних держав, в которых сосредоточивалась доблесть, однако вносит существенные изменения в список современных государств — носителей доблести, привнося в схему Макиавелли свой опыт. «Доблесть, — пишет Л. Ле Руа, — имела свое изначальное местопребывание в Ассирии, откуда она переместилась в Мидию, затем перешла в Персию, в конце концов, так она блуждала, пока не пришла обитать в Рим. И хотя со времени крушения Римской империи не было ни такого, чтобы она сохранялась длительное время,

ни такого места, где бы мир имел свою доблесть собранной и единой, это восполняется тем, что она [доблесть] распространена по многим местам, как-то Франция, Кастилия, Португалия, Германия, Англия, Польша, *Московия*, империи турок и султана [Египта]...»⁶⁴ (курсив мой. — Д. С.). Как видим, Л. Ле Руа практикует тот же подход, что и Н. Макиавелли, к выделению выдающихся государств, включая в их число и Московию.

Еще более отчетливая позитивная оценка Московии дана Л. Ле Руа в сочинении «Рассуждение об истории французской и всеобщей нашего времени, удивительные события которого кратко изложены» (1567)⁶⁵. В этом труде Л. Ле Руа впервые изложил собственную схему истории человеческой цивилизации, включив в нее в том числе и Московию. Согласно Л. Ле Руа, история человечества знала несколько периодов расцвета цивилизации, когда, с одной стороны, достигали пика могущества великие державы, а с другой, расцветали науки и искусства. Так было при выдающихся государях — Кире Великом, Александре Великом, Октавиане Августе, во времена расцвета Арабского халифата и, наконец, в настоящее время. Современную эпоху Л. Ле Руа представлял в первую очередь как время беспрецедентных открытий и изобретений: «...За последние сто лет не только были извлечены на свет вещи, сокрытые прежде во мраке невежества, но также были узнаны многие другие, которые были древним совершенно неведомы: новые моря, новые земли, новые обличья людей, нравы, законы, обычаи, новые травы, деревья, смолы, соки, плоды, минералы, птицы, рыбы и иные животные, новые пути небесные и океанические, прежде неизведанные, были увидены новые звезды, сделаны новые изобретения, как то: книгопечатание, артиллерия, употребление иглы и магнита мореплавателями. Были восстановлены языки...»⁶⁶ Описав достижения эпохи в сфере культуры и науки, Л. Ле Руа подчеркивает уровень развития военного искусства и могущества современных государств, продолжая воздавать хвалу своему веку: «...Способы ведения войны, осады и взятия крепостей ныне весьма отличны от тех, что были в прошлом, и более разрушительны; монархии Константинополя [*Османская империя*], Великого Хана, Катая, *Московита* являются не менее могущественными, чем столь прославленные древние»⁶⁷ (курсив мой. — Д. С.).

Таким образом, Московское государство (в ряду других государств) олицетворяет могущество современной эпохи, не уступающей древности и даже превзошедшей ее в отдельных отношениях. Никогда прежде Московия не удостоивалась упоминания в подобном контексте и с подобным значением.

В сочинении «О превратности» (1575)⁶⁸ Л. Ле Руа усложняет свою историческую схему и наполняет ее богатым историческим материалом⁶⁹. Найдет свое место в этой схеме и Московия, которая не просто упоминается, но уже удостоивается краткого описания. История человечества представлялась Ле Руа в виде череды так называемых героических (*Héroïques*) эпох — периодов, когда наивысшего расцвета одновременно достигали культура

(la sapience) и военное могущество (la puissance). В эти эпохи рождались как выдающиеся правители, полководцы, так и выдающиеся ученые, художники; совершались как великие завоевания, так и великие изобретения, открытия, создавались шедевры литературы и искусства. Согласно Л. Ле Руа, впервые «могущество и мудрость» достигли своих вершин у «первых и самых славных народов мира» — древних египтян (при царе Сесострисе), затем у ассирийцев (при царе Нине), персов (при Кире Великом), греков (при Александре Македонском), римлян (при Юлии Цезаре и Октавиане Августе), арабов и, наконец, в «этот век» (ceste aage) — современную эпоху⁷⁰. На современном «героическом веке», в контексте которого автор рассматривает Московию, следует остановиться подробнее. Критерием «героического века» для Ле Руа, как мы уже говорили, является расцвет в определенный промежуток времени культуры и военного могущества. Культурные достижения современности отождествляются автором с расцветом «наук и искусств» «на Западе за последние два столетия» — у итальянцев, французов, немцев, фламандцев, англичан, шотландцев, поляков, венгров, испанцев; он начался с деятельности Франческо Петрарки. Расцвет могущества отождествляется Ле Руа с военной силой и военно-политическими достижениями Тамерлана, держав Османов, мамлюков, Сефевидов, китайцев и др.⁷¹

Московия в сочинении Л. Ле Руа также представлена как одно из сильнейших государств современного мира. Ее краткое описание мы приводим полностью: «Также есть великий князь, то есть герцог (le grand Knes ou duc), Московии, могущественнейший владетель земель на Севере, господство которого простирается приблизительно на три месяца пути. И он владеет бесчисленными народами, провинциями, герцогствами, княжествами, которые императоры Московии стяжали одно за другим посредством оружия или иными способами, кои они время от времени являли, как то: Владимир, Новгород, Псков, Смоленск, Тверь, Югра, Пермь, Вятка, Белгород, Новгород, нижний Чернигов⁷², Ржев, Вологда, Рязань, Ростов, Казань, Астрахань и другие, каковые докучно перечислять из-за грубости названий. Говорят, что среди всех этих сеньорий есть семь главных, от которых он может брать, когда надобно, семьсот тысяч воинов — все конные, — а именно: от Пскова — сто тысяч, от Новгорода — сто тысяч, от Твери — сто тысяч, каковые суть три самые большие сеньории из тех, что есть. От Смоленска, герцогства, отобранного у короля Польши, — другие сто тысяч и сто тысяч от герцогства Московского, где находится большой город Москва, местопребывание государя. Пределы его империи заходят в Азию, вплоть до Каспийского моря, соприкасаясь с владениями Сефевии. И одержав в сражении победу над королем Швеции, он вторгся в земли Ливонии, где с этой стороны берет начало Германия, и завоевал Ригу и Ревель⁷³, два больших города, принадлежавших магистру-герцогу и тевтонским рыцарям. Он превзошел в жестокости и суровости господства всех монархов мира, обретя такую власть

над своими подданными, духовными и светскими, что может располагать по своему изволению их жизнями и имуществом, без того, чтобы кто-то осмелился ему перечить по какому-нибудь поводу. Они открыто провозглашают, что воля государя — воля Божья, и все, что он делает, он совершает согласно божественному провидению. Посему его называют ключником рая и постельничим Бога, исполнителем его воли. По этой причине он за недолгое время стал столь могущественным, что его опасаются все соседи, как то: татары, шведы, поляки, ливонцы и даже сами турки»⁷⁴.

Описание Московского государства построено таким образом, чтобы сформировать у читателя образ Московии как внутренне единой, организованной и могущественной державы: подчеркиваются обширность владений московского князя, многочисленность подвластных ему «сеньорий», невероятная многочисленность конного войска⁷⁵, упоминаются успехи в Ливонской войне. Описание завершается пассажем о политической системе Московии, текстуально сходным с сообщением С. Герберштейна⁷⁶. Л. Ле Руа как будто бы повторяет клише об абсолютной власти московского правителя, рабской покорности подданных. Однако далее следует утверждение, не заимствованное у С. Герберштейна. Именно благодаря своей абсолютной власти московский князь добился выдающихся военных успехов. Таким образом, образ правления правителя Московии, характер его отношений с подданными осмысливаются Л. Ле Руа как основная причина могущества державы и в этом обретают позитивный смысл. Причем монархия московитов не единственное государство, преуспевшее за счет абсолютного повиновения подданных правителю. Многие монархии «достигали пика могущества и славы человеческой, и по обширности территории суть первые в мире, как то: [монархии] египтян, ассирийцев, мидян, персов, а сегодня катайцев, абиссинцев, *московитов*, турок, каковые стали чрезвычайно могущественными, будучи длительное время под царским правлением, более благодаря единству и непременному повиновению, которое они проявляли в отношении своего государя, нежели благодаря иным добродетелям»⁷⁷ (курсив мой. — Д. С.).

Но каким же образом подобный политический строй мог оцениваться положительно гуманистически образованным человеком той эпохи, в политическом сознании которого было заложено понятие «тирания»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в общих чертах рассмотреть политические взгляды Л. Ле Руа, в частности его представления о монархии как наилучшей форме правления. Очевидно, что монархическая ориентация гуманиста была связана с его тревогой по поводу затянувшегося хаоса, порождаемого Религиозными войнами и нападками кальвинистов на устои французской монархии.

Как и Ж. Боден, Л. Ле Руа видит в монархической форме правления воплощение божественного и универсального принципа единоначалия. Повиновение единому начальнику для Ле Руа — закон природы, то, что поддерживает

единство любого человеческого сообщества, ибо «без повиновения [единому главе] ни дом, ни поселение, ни город, ни весь род человеческий не могут сохранять прочность и длиться»⁷⁸.

В силу своей природы монархия является наиболее распространенной формой правления. И той формой, которая присуща народам «наиболее славным», достигшим великого могущества. «Почти все древние народы, наиболее славные, жили под царским правлением, как то: скифы, эфиопы, инды, ассирийцы, мидяне, египтяне, бактрийцы, армяне, македоняне, евреи, римляне. Так и сегодня наиболее славные народы живут на этот же манер, как то: французы, испанцы, англичане, поляки, датчане, *московиты*, татары, турки, абиссинцы, мавры, агиамы, чагатайцы, каттайцы»⁷⁹ (курсив мой. — Д. С.). Как мы видим, Московское государство, служа примером (одним из многих) божественного монархического принципа, обретает значение одного из его воплощений. Складывается впечатление, что в политическом лексиконе гуманиста нет понятия «тирания» и что любая форма единоличной власти приветствуется и сакрализуется.

В сочинении «О превосходстве царской власти» (1575) Л. Ле Руа стремится доказать превосходство единовластия над всеми другими формами правления, называя монархию формой правления самой богоугодной, наиболее укорененной в природе, долговечной и обеспечивающей наивысшее могущество. Согласно Л. Ле Руа, «наибольшая часть человеческого рода всегда жила при царях; и на малое число республик в мире приходится бесконечное число царств. Так, монархии держались народы наиболее древние, а именно: египтяне, эфиопы, скифы, армяне, ассирийцы, бактрийцы, мидяне, персы, лидийцы, македоняне, парфяне, сирийцы, каппадокийцы, колхи, вифинцы, фригийцы, троянцы, евреи, александрийцы, нумидийцы, мавританцы; также те, кто жили позже: константинопольцы, готы и вандалы, аланы, гунны, лангобарды, сарацины, мамлюки, трапезундцы, боснийцы, сербы, албанцы; так же сегодня монархии держатся [народы] наиболее славные, как то: французы, испанцы, португальцы, шотландцы, датчане, шведы, поляки, венгры, немцы, *московиты*, турки, абиссинцы, жители Туниса, Марокко и Феса, чернокожие остальной Африки, каттайцы, китайцы, жители Каликута, Кочина, нарсингцы, кочевые татары и арабы, бразильцы, перуанцы, канадцы и бесчисленные иные, живущие при царях, как в трех частях света, так и в землях, недавно открытых, и не только на Востоке и Западе, но и на Севере и Юге»⁸⁰.

В то же время Ле Руа мыслил категориями политической философии античности, в частности Аристотеля. Каким же образом в этой категориальной сетке находилось место Московии и другим монархиям, которые традиционно оценивались людьми Ренессанса как тиранические? Ответ на этот вопрос может быть дан в результате анализа упоминаний Московского царства в комментариях к «Политике» Аристотеля. В своих комментариях Л. Ле Руа не просто излагает и разъясняет классификацию форм правления

Аристотеля. Она является для него инструментом упорядочивания исторической реальности. В классификационных ячейках Аристотеля находят себе место не только государства древности, но и современности — в частности, Московия.

Л. Ле Руа принимает аристотелевскую классификацию форм правления, выделяя три доброкачественные формы правления (царство, аристократия, полития) и три извращенные (тирания, олигархия, демократия). Московское государство неизменно фигурирует в комментариях к тексту «Политики» в качестве иллюстрации именно царской формы правления, а не тирании.

Как известно, Аристотель в «Политике» дает достаточно сложную, не всегда логически прозрачную классификацию видов царской власти. Поначалу он выделяет четыре разновидности монархии: 1) «законная монархия» в виде пожизненной стратегии (в Лакедемоне), 2) наследственная деспотия (у азиатских варваров), 3) выборная эсимнетия (у греков), 4) царская власть «героических времен». Л. Ле Руа так комментирует этот отрывок: «Рассмотрев государство в общем, он [Аристотель] сейчас говорит в частности о его видах. И прежде всего о царстве, которое есть наилучшая форма из всех. Известно же четыре вида, [царской власти]. Первый существовал в древности в Лакедемоне, а сегодня в Арагоне, согласно Сепульведе. Второй — наподобие как в царствах варваров, которые хотя являются законными и наследственными, все же придерживаются власти сеньориальной, каковые суть государства Турка, *Московита* и Пресвитера Иоанна. Таково было уже сказанное Персидское царство, согласно Платону (Законы. III) и Исократу (Панегирик). Третий — выборный, не наследственный: в некоторых местах [царская власть этого вида] пожизненная, как то в Германской Империи, Королевстве Польском, Богемском, Датском и Венгерском; в других местах временная, наподобие диктатуры в Риме. Четвертый — героических времен, которая не узурпировалась изначально посредством силы, но вручалась добровольно народами...»⁸¹

Таким образом, Л. Ле Руа относит Московию, наряду с Османской империей, государством Пресвитера Иоанна, Древнеперсидским царством и прочими «царствами варваров», к разряду монархий с «сеньориальной властью» (деспотической и наследственной). «Сеньориальная, или господская» (*seigneurial ou dominique*) власть, — поясняет он, — означает, что «господин повелевает абсолютно по своей воле, обладая абсолютной властью над смертью и жизнью своих подданных, какова в древности была власть царя персов... а сегодня власть в Турции, где великий сеньор делает все на свое усмотрение, не будучи ограниченным определенным законом; и подданные вынуждены ему подчиняться, словно животные, и выполнять все, что он прикажет. Московит и Пресвитер Иоанн поступают так же»⁸².

Эта разновидность монархии однозначно определяется Аристотелем как разновидность царской власти, и Л. Ле Руа в точности следует Аристотелю. Отличие «сеньориальной монархии» от тирании Ле Руа, вслед за Аристотелем, видит в следующем: «...сеньориальное правление — это правление над

рабами по природе»⁸³, то есть это власть, основанная на добровольном подчинении подданных, которые по своей природе склонны к рабству, а «тирания в собственном смысле слова — это когда власть осуществляется сеньориально над свободными, вынуждаемыми и принуждаемыми силой»⁸⁴, «власть сеньориальная близка к тиранической, если сеньор и раб не предрасположены к этому по природе»⁸⁵.

Однако, выделив четыре вида царской власти, Аристотель в дальнейшем делает неожиданный поворот: он добавляет пятый вид монархии — «всеобъемлющая царская власть». А затем заявляет, что лишь эта последняя и «законная монархия» лакедемонян (первый вид) представляют собой в подлинном смысле две формы монархии, остальные же три формы не являются самостоятельными, но всего лишь промежуточными вариантами между крайне ограниченной царской властью и безграничной царской властью. Более того, далее из «Политики» следует, что «законная монархия», представляющая собой лишь пожизненную стратегию, и вовсе не может считаться формой монархии, ибо пожизненная стратегия может существовать при различных видах государственного устройства. Таким образом, единственно достойной рассмотрения Аристотель считает «всеобъемлющую царскую власть», когда «один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же, как управляет общими делами то или иное племя или государство. Такого рода царская власть есть как бы власть домохозяйственная: подобно тому, как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть в сущности домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами»⁸⁶.

Л. Ле Руа, давая комментарий к определению Аристотелем «всеобъемлющей царской власти», вновь упоминает о Московии. «Абсолютное царство, — пишет гуманист, — это то, в котором воля царя есть закон, его слово — приговор, а его жизнь — образец для поведения, что делать хорошо и что плохо. Таким образом повелевали многие римские императоры, узурпировав всю власть над жизнью и смертью, имуществом и честью подданных. Таков сегодня великий князь, или герцог, Московии. Он превзошел в жестокости и суровости господства всех монархов мира, обретя такую власть над своими подданными, духовными и светскими, что может располагать по своему изволению их жизнями и имуществом, без того, чтобы кто-то осмелился ему перечить по какому-нибудь поводу. Они открыто провозглашают, что воля государя — воля Божья, и все, что он делает, он совершает согласно божественному провидению»⁸⁷. Таким образом, Московия теперь определяется Л. Ле Руа как «абсолютное царство». Не забывает Л. Ле Руа включить в эту категорию и государства, которые ранее фигурировали вместе с Московией как «сеньориальные», — государство Пресвитера Иоанна, Древнеперсидское царство, Османскую империю. В оценочных суждениях Л. Ле Руа, касающихся этих государств, явно присутствует негативная оценка их по-

литического строя. Говоря о царях Персии, он замечает, что они довели государство до «чрезмерного господства и рабства, свойственных более тирании, чем царству»⁸⁸. Однако в своих оценках Л. Ле Руа все же не переходит грань, за которой Московия и близкие по строю государства не могут быть квалифицированы иначе, как тирании.

Если в комментариях к «Политике» Л. Ле Руа ассоциировал Московию с древневосточными «варварскими царствами», Османской империей, а московитов с азиатами, от природы склонными к рабскому подчинению и деспотическому правлению, то в сочинении «О превратности» (1575) он неожиданно меняет свое мнение. Теперь московиты как жители крайних северных широт и эфиопы как обитатели крайних южных широт представлены в качестве людей, не способных подчиняться какой-либо власти, если она не «полностью тираническая», и они противопоставляются сервильным азиатским варварам. «Монархии египтян, ассирийцев, мидян, персов, парфян, — пишет Л. Ле Руа, — сходны тем, что они были по преимуществу основаны в землях Азии, плодородных и с умеренным климатом, где люди человеческие и сговорчивые, то есть от природы сервильные, как утверждают Гиппократ и Аристотель»⁸⁹. Жители же, удаленные от умеренного климата, совсем не умеют повиноваться и очень трудны в управлении и не могут терпеть сколь-нибудь долгое правление⁹⁰, если оно не полностью тираническое, каковы суть [подданные] Московита на крайнем Севере и Абиссина в Эфиопии: великий князь в одной стране и Пресвитер Иоанн в другой повелевают весьма сурово, дабы держать в повиновении подданных, каковые все придерживаются одного общего мнения: все, что ни делают их государи, они совершают согласно неизменной Божьей воле»⁹¹.

На первый взгляд, Л. Ле Руа кардинально меняет свой взгляд на Московию и московитов: из деспотии Московия превращается в тиранию, а московиты из рабов «по природе» — в прирожденных свобододолюбцев, не терпящих никакой власти. Однако в определенном смысле Л. Ле Руа остался на тех же позициях: московиты нуждаются в абсолютной власти, которая хоть и парадоксальным образом, но соответствует их природе, а следовательно — не противостоит ей.

Относил ли Л. Ле Руа московитов к варварским народам? Нетрудно заметить, что он склонен сблизать Московию с азиатскими деспотиями древности и современными турками, эфиопами и др. И не только по политическому строю, но и по образу жизни. Комментируя утверждение Аристотеля о том, что у варваров, в отличие от греков, положение жены в семье не отличается от положения раба, гуманист отмечает, что «варвары, плохо следуя порядку и провидению природы», действительно допускают подобное. Примером могут служить турки и «африканцы», не позволяющие своим женам выходить из дома, не прикрыв все тело и без сопровождения, а участь жены ландскнехта — идти за своим супругом в поход, нагруженной багажом»⁹².

Примером подобного варварского отношения к супругам являются и жители Московии: «Те, кто пишет о северном народе москвитов, христианском на греческий манер, сообщают, что жены содержатся там исключительно в комнатках, их не приглашают на праздники, не дозволяют войти до церкви или выйти на публику»⁹³. Таким образом, москвиты, наряду со многими другими народами, относятся у Л. Ле Руа к варварским. Однако зачастую варвары у Л. Ле Руа могут служить образцом добродетелей. Например, турки, квалифицируемые им как «народ весьма варварский», одновременно восхваляются как люди чрезвычайно неприхотливые, терпеливые, благочестивые, мужественные⁹⁴. Все это говорит о том, что негативизм Л. Ле Руа по отношению к так называемым варварам весьма относителен и почти не влияет на его восприятие Московии.

Если говорить о религиозном аспекте восприятия Руси, то Л. Ле Руа нигде не противопоставляет католический мир, членом которого он являлся, и московско-православный, как это делали в то же самое время Ф. де Бельфоре, Андре Теве, а также Павел Йовий, Иоганн Фабри и Альберт Кампенский, со снисхождением (а значит, все же свысока) относившиеся к некоторым «заблуждениям» благочестивого народа. Подобная позиция обусловлена тем, что Л. Ле Руа склонен видеть во всех христианских конфессиях прежде всего единую сущность и не придавать значения догматическим и культовым отличиям. Говоря, например, о торжестве христианства на земном шаре, он с удовлетворением отмечает, что оно достигло в настоящее время не только удаленных уголков Старого и Нового света, но и «окраинных народов Севера, благодаря шведам и москвитам»⁹⁵. Как мы видим, лютеранство (!), распространяемое шведами, и православие (!), проповедуемое москвитами, ставятся здесь в один ряд и оцениваются позитивно. Более того, для Л. Ле Руа было свойственно полагать, что даже те религии, которые не покоятся на «откровении» (соответственно квалифицируются как «человеческие»), все же несут в себе зерно истины. У всех народов, несмотря на различия в «способе поклоняться Богу», есть ряд общих религиозных верований и норм, проистекающих из естественной религиозности, присущей человеку как таковому. Прежде всего это почитание единого Бога-творца, пусть и под разными именами и различными способами: «Ведь, хотя большая часть [людей] не знает, какого Бога и как следует почитать, все, однако, едины в том, что следует чтить, бояться и молить одного Бога, создателя всех вещей, — того, который признается не только у первых и самых древних народов, таких, как эфиопы, индийцы, армяне, халдеи, евреи, ассирийцы, египтяне, греки, римляне, галлы, но также у готов, вандалов, сарацин, татар, турок, персов, катайцев, или китайцев, и не только в нашем полушарии, но также у антиподов и дикарей недавно открытых земель»⁹⁶.

Л. Ле Руа не только не противопоставлял католический и православный миры, но и никогда не рассматривал москвитов как потенциальных католи-

ков, как это делали Андре Теве, Павел Йовий, Иоганн Фабри и Альберт Кампенский. Наблюдая раскол христианского мира, Л. Ле Руа пришел к выводу о том, что религиозное многообразие неизбежно и не должно преодолеваться человеческими усилиями. Только Бог, подчеркивает гуманист, «может, когда ему будет угодно, обратить весь мир к единому способу, которым он повсеместно будет почитаем всеми в согласии, утихомирив те раздоры и прекратив столькие войны и жестокости, происходящие из-за различия религий»⁹⁷. Все же человеческие усилия в этом направлении тщетны и, как правило, оборачиваются противными Богу насилием и хаосом.

Таким образом, можно говорить о некоем «повороте» в восприятии Московии у Ж. Бодена и Л. Ле Руа; он, очевидно, был напрямую связан с теми общими мировоззренческими установками, сделавшими их в условиях хаоса Религиозных войн «политиками», людьми, которые почитали высшим благом мир и спокойствие во Франции и были готовы помыслить свое королевство (как и любое другое государство) религиозно неоднородным и связанным не узами единой веры, но узами единого языка, обычаев, подданства и почтительного повиновения короне. И Ж. Боден, и Л. Ле Руа видели в монархической власти единственный реальный инструмент преодоления хаоса и установления мира в обществе, разрываемом противоречиями, придавая ей божественный и естественный характер.

Особенности восприятия Московии у этих мыслителей состоят в том, что они, не идеализируя Московию и не оценивая все ее порядки исключительно положительно, увидели в ней пример общества, обладающего внутренним единством и стабильностью, жизнеспособностью и силой. Именно это привлекало в далекой Московии мыслителей, обеспокоенных окружающим их хаосом и потрясениями и мечтавших о «возрождении и излечении страждущего христианского мира»⁹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Установление с Османской империей дипломатических и торговых контактов способствовало появлению во второй половине XVI в. мощной традиции ориентализма (Пьер Белон, Никола Николе, Гийом Постель, Андре Теве и др.). См., например: *McCabe I. B. Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism and the Ancien Régime. Oxford: Berg, 2008.*

² Усилия французов по проникновению в устье р. Св. Лаврентия, в Бразилию и Флориду способствовали росту интереса к Новому свету и появлению специальных сочинений. Среди наиболее известных — труды Андре Теве и Жана де Лери. См.: *Lestringant F. Le Huguenot et le sauvage. L'Amérique et la controverse coloniale, en France, au temps des guerres de Religion (1555–1589). Genève: Droz, 2004; Окунева О. В. «Столь успешно начатое дело, стоившее многих трудов...»: антарктическая Франция в Бразилии XVI в. // Латинская Америка. 2004. № 12. С. 51–66.*

³ Хотя еще в 1414 г. бургундский рыцарь Гильбер де Ланноа, дипломат и просто любознательный путешественник, посетил Новгород и Псков. Его путевые заметки были опубликованы лишь в XIX в. См.: *Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et Ambassades*

рыцаря Гильбера де Ланнуа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1. С. 47–50; *Кудрявцев О. Ф.* Великая Русь рыцаря де Ланноа: Первое западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 76–79. В 1586 г. корабль из Дьеппа посетил Архангельск с торговыми целями. Один из участников путешествия, Жан Соваж, оставил о нем краткую записку, опубликованную лишь в XIX в. Русский перевод: [Соваж Ж.]. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Дьеппского, в 1586 году // Русский вестник. 1841. Т. 1. Вып. 1. С. 223–230.

⁴ Есть данные, что в 1572 г. в Москве находился посол Карла IX, заключивший торговое соглашение. См.: *Liechtenhan F.-D.* Les découvreurs de la Moscovie: l'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou // Histoire, économie et société. 1989. № 4. P. 504. Достоверно известно об одном, возможно, первом и единственном в XVI в., торговом контакте 1586 г. (см. примеч. 3).

⁵ Все тексты переведены на русский язык. См.: Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / сост., автор введ. ст., примеч. и указ. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997; *Сынкова И.* Иоганн Боэмус и его книга «Нравы, законы и обычаи всех народов» // Белорусский исторический обзор. 2007. Т. 14. Тетради 1–2. С. 187–206. URL: <http://belhist.ru/2012/11/irina-synkova-iogann-bajemus-i-ego-kniga-nravu/> (дата обращения: 16.01.2013) (в статье приведен текст главы о Московии в оригинале и в русском переводе автора); *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л.: АН СССР. 1936; *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М.: МГУ. 1988. О западных сочинениях, описывающих Россию в XVI в., см.: *Кудрявцев О. Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 6–34; *Он же.* Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л. М. Брагиной. СПб., 2003. С. 186–215; *Он же.* «Угнетенные чрезвычайным рабством»: Об одном стереотипе восприятия русских европейцами первой половины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. С. 24–29; *Рое М.* A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000; *Mund S.* Orbis Russiarum: genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève: Droz, 2003 (см. рецензию: *Кудрявцев О. Ф.* Неузнанная цивилизация: заметки по поводу книги Стефана Мунда «Orbis Russiarum. Генезис и развитие представлений о «Русском мире» на Западе в эпоху Возрождения» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3. С. 121–126); *Liechtenhan F.-D.* Op. cit.

⁶ О жизни и творчестве Ф. де Бельфоре см.: *Simonin M.* Vivre de sa plume au XVIe siècle ou La Carrière de François de Belleforest. Genève: Droz, 1992.

⁷ Мы пользовались вторым изданием: *Belleforest F. de.* L'histoire universelle du monde. Paris: Gervais Mallot, 1572.

⁸ Ibid. Preface au lecteur (пагинация отсутствует).

⁹ Сочинение Иоганна Боэмия (Johann Voemus, ок. 1483–1535) «Нравы, законы и обычаи всех народов» (*Mores, leges et ritus omnium gentium*) впервые вышло в 1520 г. и много раз переиздавалось, в том числе во Франции на латинском языке в 1536, 1541, 1561 (Лион), 1538 (Париж). Источники сведений о Московии И. Боэмия, прежде всего, сочинения Матвея Меховского и Энея Сильвия Пикколомини.

¹⁰ Сочинение Сигизмунда фон Герберштейна (Siegismund Freiherr von Herberstein, 1486–1566) «Записки о Московии» (*Regum Moscoviticarum commentarii*, 1549) признается исследователями наиболее влиятельным и фундаментальным трудом о России в Европе эпохи Возрождения. В XVI в. был известен во Франции в латинском варианте.

¹¹ *Münster S., Belleforest F. de.* La cosmographie universelle de tout le monde. Paris: chez Michel Sonnius, 1575. Т. 1. На титульном листе значится: «Автор отчасти Мюнстер, но [его произведение] весьма prominently увеличено, украшено и обогащено Франсуа де Бельфоре». «Всеобщая космография» Себастьяна Мюнстера, впервые изданная в 1544 на немецком, в 1550 — на латин-

ском, в 1558 на итальянском, а в 1552 на французском языке в Базеле (переиздания — в 1556, 1560, 1565, 1568 гг.): *Münster S. La cosmographie vniverselle, contenant la situation de toutes les parties du monde, avec leurs proprietz & appartenances...* [Bazel]: Henry Pierre, 1552. Тексты Боэмия и Мюнстера очень сходны, что объясняется общими отчасти источниками, прежде всего сочинениями Матвея Меховского и Энея Сильвия Пикколомини.

¹² *Münster S., Belleforest F. de. Op. cit. P. 1821–1828.*

¹³ О жизни и творчестве А. Тевет см.: *Lestringant F. André Thévet: Cosmographe des derniers Valois. Droz, 1991; Карпенко Е. К. Тевет Андре // Культура Возрождения. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Кн. 2 / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2011. С. 302–303.*

¹⁴ *Thévet A. La cosmographie vniverselle... Illvstree de diverses figvres des choses plvs remarquables veuës par l'auteur, & incogneuës de noz anciens & modernes. Paris: chez Guillaume Chaudiere, 1575. Т. 2. В 1858 г. в Париже князь Августин Петрович Голицын (1824–1875) опубликовал отдельным изданием раздел о Московии из космографии А. Тевет, а также главу о Василии III из другого сочинения — «Достоверные портреты и жизнеописания знаменитых людей» (Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres, 1584) с рядом комментариев. Этим изданием мы и воспользовались: *Thévet A. Cosmographie moscovite / recueillie et publiée par le prince Augustim Galitzin. Paris: J. Techener, 1858.**

¹⁵ *Belleforest F. de. Op. cit. F. 98r.*

¹⁶ *Ibid. F. 98r.*

¹⁷ *Ibid. F. 101r.* Матвей Меховский и Ян Длугош писали о продаже в рабство как вынужденной мере, способе выжить. И. Боэмий (вслед за ним и Ф. де Бельфоре) преподносит это явление как пример ущербности нравственной природы русских. См.: *Кудрявцев О. Ф. «Угнетенные чрезвычайным рабством».* С. 24–25.

¹⁸ *Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 16. У С. Герберштейна в латинском варианте — Nali, слобода Наливки (Герберштейн С. Указ. соч. С. 133).*

¹⁹ *Belleforest F. de. Op. cit. F. 101r; Thévet A. Cosmographie moscovite... P. 20. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 128.*

²⁰ *Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 39.*

²¹ *Belleforest F. de. Op. cit. F. 97v; Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 149–151.*

²² *Belleforest F. de. Op. cit. F. 97v.*

²³ *Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 152.*

²⁴ *Ibid. P. 151.*

²⁵ Павел Йовий также отмечал, что московиты не занимаются философией, астрономией, «настоящей медициной», но ведут летописи и имеют переводные истории Александра Македонского и римских императоров (*Павел Йовий. Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII / пер. А. И. Малеина, О. Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 282*). Иоганн Фабри писал, что училища у московитов есть, но малочисленны, в них изучают в основном «священные науки» на русском, мало кто знает иностранные языки, кроме греческого, на котором читают отцов церкви (*Фабри И. Религия московитов / пер. О. Ф. Кудрявцева // Там же. С. 198–199*).

²⁶ *Belleforest F. de. Op. cit. F. 98v.*

²⁷ *Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 135.*

²⁸ *Belleforest F. de. Op. cit. F. 100v. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 119–120.*

²⁹ *Belleforest F. de. Op. cit. F. 100v. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 121.*

³⁰ *Матвей Меховский. Указ. соч. С. 114; Альберт Кампенский. О Московии / пер. О. Ф. Кудрявцева, С. Г. Яковенко // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 102; Павел Йовий. Указ. соч. С. 271; Герберштейн С. Указ. соч. С. 133. Заметим, что лишь Павел Йовий*

стремился осмыслить деревянное городское строительство в позитивном ключе, не без восхищения подчеркивая крепость, дешевизну и быстроту возведения домов.

³¹ Belleforest F. de. Op. cit. F. 97v; Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 17–18.

³² Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 18–19.

³³ Belleforest F. de. Op. cit. F. 99v.

³⁴ Ibid. F. 99r.

³⁵ Ibid. F. 100r. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 109.

³⁶ Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 122.

³⁷ Ibid. P. 124.

³⁸ Ibid. P. 125.

³⁹ Ibid. P. 143.

⁴⁰ Belleforest F. de. Op. cit. F. 100r; Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 143.

⁴¹ См.: Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя. С. 9–11.

⁴² Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 135.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Belleforest F. de. Op. cit. F. 97v.

⁴⁵ Ibid. F. 97v. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 75.

⁴⁶ Belleforest F. de. Op. cit. F. 100r.: «Tous Moscovites tant grands soyent ils, se confessent les Clopes, c'est à dire esclaves du Duc, ainsi que les Turcs en usent à l'endroit de leur Monarque». Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 113.

⁴⁷ Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 109–111.

⁴⁸ Ibid. P. 110. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 75.

⁴⁹ Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 148. Ср.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 113.

⁵⁰ Так, например, Ф. де Бельфоре пишет о дикарях Африки — «ихтиофагах», которые, «имея человеческий вид, живут все же так же грубо, как звери» (Belleforest F. de. Op. cit. F. 17r). А. Теве характеризует северных соседей Руси как «природных варваров, грубых умом, очень необщительных, телосложения сходного с тем, которое имеют скифы [они же татары] в Азии» (Thévet A. Cosmographie moscovite. P. 3).

⁵¹ Название сочинения точнее было бы перевести как «Метод легкого изучения *историй*».

⁵² [Bodinus J.]. I. Bodini advocati Methodus, ad facilem historiarum cognitidem. Parisijs: apud Martinum Iuuenem, 1566. P. 323–324.

⁵³ Ibid. P. 325. Беатрис Рейнолдс передает этноним «пунийцы» (Poeni) словом «мавры» (Moors) (Bodin J. Method for easy comprehension of history / tr. by B. Reynolds. New York: Columbia University Press, 1945. P. 273), в русском переводе стоит этноним «муры» (Боден Ж. Метод легкого познания истории / пер., коммент. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000. С. 271).

⁵⁴ Poe M. Op. cit. P. 169–174.

⁵⁵ Хотя Боден не упоминает имя С. Герберштейна, он является для него непосредственным источником в 22 случаях упоминаний о Московии и москвитях. Что касается других источников, то это была «Космография» Себастьяна Мюнстера (упоминается в тексте 2 раза). Известны были Бодену и сочинения Павла Йовия и Матвея Меховского, а также публицистика, циркулировавшая по всей Европе (Poe M. Op. cit. P. 170–171).

⁵⁶ Термин la Monarchie seigneuriale стал, видимо, результатом рецепции Ж. Боденом французского перевода «Политики» Аристотеля, сделанного Луи Ле Руа (1568). Ле Руа использовал термин empire seigneurial при переводе слова despoteia.

⁵⁷ Ж. Боден не раскрывает, что он имеет в виду под «справедливой войной». Термин *bellum justum* встречается впервые у Цицерона (О государстве. III. 23 (35); см.: Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. М.: Наука, 1966. С. 65), был калькой с греческого *δίκαιος πόλεμος* (Аристотель. Политика I. 3. 1256b 25–27; см.: Аристотель. Политика // Сочинения:

В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 389), означал войну ради самозащиты и мира, более справедливо-го порядка (что не исключало завоевания «варварских» народов, не способных к полноценной гражданской жизни).

⁵⁸ *Poe M. Op. cit. P. 156.*

⁵⁹ Поясним, что, вольно трактуя Аристотеля, Ж. Боден выделял три формы монархии: «монархия царская, или законосообразная» (*la Monarchie royale, ou legitime*), «монархия сеньориальная» (*la Monarchie seigneuriale*) и «монархия тираническая» (*la Monarchie tyrannique*). «Монархия царская, то есть законосообразная, есть та, в которой подданные повинуются законам монарха, а монарх — законам природы, сохраняя за подданными естественную свободу и собственность на имущество»; «монархия сеньориальная есть та, в которой государь стал господином над имуществом и людьми по праву оружия и справедливой войны, правя подданными, словно отец семейства своими рабами»; «тираническая монархия есть та, в которой монарх, презрев законы природы, обращается со свободными людьми как с рабами и с добром подданных как со своим собственным» (*Bodin J. Les Six livres de la Republique... Plus l'Apologie de René Herpin. Avec vn discours et responses du mesme autheur aux Paradoxes du Sieur de Malestroit sur le rehaussement et diminution des monnoyes, et le moyen d'y remedier. Lyon, 1593. P. 273*). На первый взгляд, монархии сеньориальная и тираническая близки по своей сути, поэтому Ж. Боден специально подчеркивает их существенное различие: «И не должно называть монархию сеньориальную — тиранической, ибо не есть неподобающе, чтобы суверенный государь победил в доброй и справедливой войне своих противников и сделался господином над имуществом и людьми по праву войны, правя своими подданными как рабами, так же как отец семейства является господином своих рабов и их имущества и распоряжается ими по праву народов. Однако государь, который посредством войны или посредством других несправедливых способов сделает людей свободных своими рабами и воспользуется их имуществом, — не есть монарх сеньориальный, но есть истинный тиран» (*Ibid. P. 274*).

⁶⁰ *Poe M. Op. cit. P. 173.*

⁶¹ О жизни и творчестве Луи Ле Руа см.: *Самотовинский Д. В.* Луи Ле Руа, или *Ludovicus Regius*, из Кутанса (портрет французского гуманиста XVI века) // *CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения* / отв. ред. В. М. Тюленев. Иваново, 2009. Вып. 2. С. 173–188.; *Он же.* Ле Руа Луи // *Культура Возрождения. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Кн. 1. С. 73–75; Gundersheimer W. L. The Life and Works of Louis Le Roy. Geneva, 1967. О политических взглядах Л. Ле Руа см.: Эльфонд И. Я. Политические воззрения французского гуманиста Л. Леруа // Проблемы истории, идеологии и культуры. Саратов, 1992. С. 39–56.*

⁶² *Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1988. С. 444.*

⁶³ Французское королевство для Н. Макиавелли (Государь. Гл. IV) — образец аристократической монархии, а Османская империя — неограниченной (см.: *Макиавелли Н. Указ. соч. С. 312*). Но и то, и другое государство рассматривалось им в положительном контексте, как местопребывание «доблести» в настоящее время.

⁶⁴ *Les Politiques d'Aristote, esuelles est montrée la science de gouverner le genre humain en toutes espèces d'estats publiques. Traduites de Grec en François, avec expositions prises des meilleurs Auteurs... par Loys Le Roy dict Regius. Paris, 1576. P. 380.*

⁶⁵ Сочинение переиздавалось в 1568 (2 издания), 1570, 1571, 1579 и 1588 гг. Мы пользовались изданием: *Le Roy L. Consideration sur l'histoire françoise et l'universelle de ce temps, dont les merveilles sont succinctement recitées. A la Royne Mere du Roy. Ensemble un Traicté de l'origine, antiquité, progrès, excellence, & utilité de l'art politique: des législateurs plus renommez qui l'ont pratiquée, & des auteurs illustres qui en ont escrit, spécialement de Platon & Aristote, avec le sommaire & conference de leurs Politiques. Paris, 1568.*

⁶⁶ *Ibid. P. 17.*

⁶⁷ *Ibid. P. 18.*

⁶⁸ *Le Roy L.* De la vicissitude ou variété des choses en l'univers, et concurrence des armes et des lettres par les premières et plus illustres nations du monde, depuis le temps où a commencé la civilité, et mémoire humaine jusques à présent. Paris, 1575. Сочинение переиздавалось во Франции (1576, 1577, 1579, 1583, 1584) и в других странах на национальных языках: было переведено на итальянский Эрколе Като (1585, 1592) и на английский Робертом Эшли (1594). Мы воспользовались современным изданием, являющимся точным воспроизведением первого издания: *Le Roy L.* De la vicissitude ou variété des choses en l'univers / éd. par Ph. Desan. Paris, 1988. См. также наши переводы отдельных книг (глав): *Леруа Л.* О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной [книга VIII] / пер., коммент., предисл. Д. В. Самотовинского // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты)* / отв. ред. И. В. Кривушин. Иваново, 2000. С. 253–268; *Он же.* О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной [книга XII] / пер., коммент., предисл. Д. В. Самотовинского // *Возрождение: общественно-политическая и историческая мысль, человек в гуманизме* / под ред. Н. В. Ревякиной. Иваново, 2003. С. 111–124.

⁶⁹ Специально об исторической концепции Л. Ле Руа см.: *Huppert G.* The Idea of Perfect History: Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Urbana, 1970; *Dubois C.-G.* La conception de l'histoire en France au XVIe siècle (1560–1610). Paris, 1977; *Desan Ph.* La philosophie de l'histoire de Loys Le Roy // *Corpus: Revue de Philosophie*. 1989. № 10. P. 171–201.

⁷⁰ *Le Roy L.* De la vicissitude... P. 118.

⁷¹ *Ibid.* P. 367.

⁷² Автор или наборщик допустили ошибку. Очевидно, что следует читать: «Новгород нижний, Чернигов».

⁷³ Имеются в виду события Ливонской войны (1558–1583). Рига и Ревель так и не были захвачены московским войском. Сведения об их взятии являются характерными примерами преувеличений в массовом сознании европейцев успехов московитов. См.: *Bunne P. Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 27.

⁷⁴ *Le Roy L.* De la vicissitude... P. 360–361.

⁷⁵ Ни в одном известном нам источнике не приводится подобных цифр.

⁷⁶ Ср.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 75.

⁷⁷ *Le Roy L.* De l'excellence du gouvernement royal, avec exhortation aux François de persévérer en iceluy, sans chercher mutations perniceuses. Paris, 1575. F. 13r.

⁷⁸ *Ibid.*

⁷⁹ *Les Politiques d'Aristote...* P. 12–13.

⁸⁰ *Le Roy L.* De l'excellence du gouvernement royal... F. 8v–9r.

⁸¹ *Les Politiques d'Aristote...* P. 187.

⁸² *Ibid.* P. 30.

⁸³ *Ibid.* P. 40.

⁸⁴ *Ibid.* P. 231.

⁸⁵ *Ibid.* P. 6.

⁸⁶ *Аристотель.* Указ. соч. С. 477.

⁸⁷ *Les Politiques d'Aristote...* P. 200–201.

⁸⁸ *Ibid.* P. 201.

⁸⁹ Политика. VII. 6: «Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии» (*Аристотель.* Указ. соч. С. 601).

⁹⁰ Там же: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями» (*Аристотель.* Указ. соч. С. 601).

⁹¹ *Le Roy L.* De la vicissitude... P. 46.

⁹² Les Politiques d'Aristote... P. 10.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ *Le Roy L.* De la vicissitude... Ch. XI.

⁹⁵ *Le Roy L.* Des troubles et differens advenans entre les homes par la diversité des religions: ensemble du commencement, progresz, et excellence de la Chrestienne. Lyon, 1568. P. 6. Или: *Ле Рюа Л.* О смутах и раздорах, происходящих между людьми из-за различия религий / пер. Д. В. Самогвинского // Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. Приложение к ежегоднику «Средние века». Вып. 3. М., 2008. С. 155–156.

⁹⁶ *Le Roy L.* De la vicissitude... P. 104.

⁹⁷ *Le Roy L.* Des troubles et differens... F. 3r.; *Ле Рюа Л.* О смутах и раздорах... С. 151–152.

⁹⁸ *Le Roy L.* De l'excellence du gouvernement royal... F. 15v.

ОБРАЗ МОСКОВИИ И СИБИРИ ВО «ВСЕМИРНОЙ КОСМОГРАФИИ» (1575) АНДРЕ ТЕВЕ¹

Е. К. Карпенко

Варварством называют то, что непривычно. Ведь, говоря по правде, у нас, по-видимому, нет другого мерила истинного и разумного, как служащие нам примерами и образцами мнения и обычаи нашей страны. Тут всегда и самая совершенная религия, и самый совершенный государственный строй, и самые совершенные и цивилизованные обычаи.

Мишель Монтень. Опыты. Кн. 1. Гл. XXXI

Космография XVI века: у истоков языка географической науки

XVI в. — это не только эпоха расцвета европейской культуры, не только эпоха революционных изменений в системе знания и веры, но также эпоха великих географических открытий, когда происходит знакомство, а затем политическое и экономическое освоение европейцами иных культурных миров. Одной из форм подобного освоения, ставшей возможной благодаря развитию книгопечатания и издательского дела, являются иллюстрированные издания, так называемые космографии. Эти издания носили одновременно и справочно-информационный, и развлекательный характер; способствовали расширению кругозора и создавали коллективные представления европейцев о далеких странах.

Космография — это прежде всего культурно-просветительский проект², который опирается на два основных источника: античную традицию, представленную авторитетами Страбона (ок. 64 до н. э. — ок. 23 до н. э.) и Клавдия Птолемея (ок. 100 — ок. 160), и практическую картографию мореплавателей и путешественников. Как отмечает Франк Лестренган, в эпоху Ренессанса само слово «космография» приобрело несомненную популярность, оно часто встречается как у практиков-мореплавателей, далеких от книжной образованности и изъясняющихся на «вульгарных» языках, так и у ученых, обновляющих античную географию³. «Космографом» называют и писателя-популяризатора, который приспособливает знание древних к интересу своих

современников, и путешественника-практика, владеющего техническими навыками, достаточными для того, чтобы картографировать местность.

Самая известная из космографий XVI в., подготовленных на основе античных и современных книжных источников, была написана немецким гуманистом Себастьяном Мюнстером (1488–1552). Его «*Cosmographia Universalis*» издавалась, дополнялась, переводилась на европейские языки на протяжении всей второй половины XVI в.⁴, по количеству изданий эту книгу превосходила только Библия. Во Франции «*Cosmographia*» Мюнстера публиковалась шесть раз. Последнее переиздание было подготовлено Франсуа де Бельфоре (1530–1583) и вышло в Париже под названием «*La Cosmographie universelle de tout le monde*» в 1575 г. В том же году в Париже была издана еще одна космография, ее автором был Андре Теве. К моменту издания «*La Cosmographie universelle*» Теве был уже известен как писатель-путешественник, автор «*Cosmographie de Levant*» («Космография Леванта», 1554, 1556) и «*Les singularitez de la France antarctique autrement nominee Amerique*» («Особенности Антарктической Франции или Америки», 1558), имел статус «космографа короля» и хранителя королевского кабинета редкостей. Об известности и несомненной популярности его первых космографий косвенно свидетельствует Мишель Монтень в своих «Опытах» (1580): «Нам нужны географы, которые дали бы точное описание местностей, где они побывали. Но, имея перед нами то преимущество, что они собственными глазами видели, например, Палестину, они стремятся воспользоваться этою привилегией и порассказать, сверх того, обо всем в мире» (1, XXXI).

Теве задумывал свою космографию в противопоставление труду Мюнстера и совместно с Бельфоре работал над реализацией этой идеи до тех пор, пока последний не «предал» своего коллегу, взявшись за дополненное переиздание книги немецкого автора.

В чем же заключалось это противопоставление? В чем принципиальное отличие космографии Теве от одноименного труда его оппонента?

«Космография» Мюнстера–Бельфоре являлась сборником сведений по истории, географии и этнографии известных регионов земного шара, почерпнутых из авторитетных в силу традиции книжных источников⁵. Ее структура соответствовала требованиям библейской истории: мир начинался с акта творения и разворачивался перед читателем в историческом времени. Космографические тексты Теве, напротив, являются текстами — свидетельствами личного опыта, пусть даже такие свидетельства часто приобретают риторический характер и опираются на книжные источники. Структура «Всемирной космографии» Теве определена физической географией, текст подчинен пространственной, а не временной (исторической) логике.

Пространственная логика требует применения принципа «автопсии»⁶, то есть принципа независимого вездесущего взгляда, способного мгновенно, вне исторической последовательности событий, охватить земной шар. Этот

принцип определяет не только организацию текста, но и способы выражения и изображения. В качестве источников Теве ссылается не на книжные авторитеты, даже когда дает прямые цитаты, но на свидетельства очевидцев: анонимных моряков и путешественников. Именно на языке далеких от книжной культуры людей обращается к своему читателю Андре Теве. Принцип автопсии отражен и в иконографии некоторых иллюстраций, помещенных в «Космографии»: сам Теве или его респонденты становятся участниками изображаемых событий, туристами, наблюдающими ту или иную достопримечательность⁷.

Всеохватывающий и вездесущий взгляд, удостоверяющий истинность рассказанного факта, является не единственным основанием космографического описания, пространственное единство универсума достигается за счет риторического обращения к математической географии Птолемея. Для каждого значимого фрагмента мира Теве указывает географические координаты: долготу и широту. Эта техническая и часто неточная информация, тем не менее, связывает мир в географическое целое⁸ и предназначена для того, чтобы убедить читателя в достижимости и достоверности сообщаемых сведений. Еще один удостоверяющий не только слова, но и высокий статус автора риторический жест — предваряющие текст хвалебные оды, написанные известными поэтами эпохи, среди них Ронсар, Дю Белле, Баиф и др.

Замечу также, что книга Теве — это дорогой издательский проект; его полное название — «Всемирная космография Андре Теве, королевского космографа. Иллюстрированная различными изображениями наиболее замечательных вещей, увиденных Автором, неизвестных ни древним, ни современникам» («*Cosmographie Universelle d'André Thévet Cosmographe du Roy. Illustrée de diverses figures des choses les plus remarquables veuës par l'Auteur, & incongneuës de nos Anciens & Modernes*»). Издание in folio содержит более тысячи листов, состоит из двух частей, по два тома в каждой; каждая часть имеет кожаный переплет, отделанный позолоченной канвой. Каждый том содержит описание одной части света: Африки, Азии, Европы и Америки соответственно. Каждую часть предваряет карта, занимающая разворот. Книга богато иллюстрирована гравюрами по дереву⁹, некоторые из них цветные. «Космография» была издана в Париже; в качестве издателя на разных экземплярах указаны либо Пьер Люилье (Pierre L'Huillier), либо Гийом Шодьер (Guillaume Chaudière), которые разделили королевскую привилегию на издание.

Итак, «Космография» Андре Теве — это масштабный издательский проект, отвечавший спросу читателей-современников на литературу об освоенном в итоге великих географических открытий земном шаре. Проект возник из стремления утвердить новые эмпирические основания географического и хорографического описания в противовес «Космографии» Мюнстера–Бельфоре. Справедливости ради, стоит отметить, что Теве, как и его оппоненты, активно пользуется книжными источниками и свидетельствами, особенно

в описании тех мест, где он никогда не бывал; это касается прежде всего разделов, посвященных Африке и Азии. В силу этого обстоятельства для современных исследователей его текст интересен заметками о географии, экономике, этнографии Америки (регион современной Бразилии), которые основаны главным образом на его личном опыте.

Что же касается северо-восточного направления, а именно Московии и Сибири, о которых Теве пишет «понаслышке»¹⁰, то здесь автор «Космографии» не оригинален¹¹. Его основным источником являются «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, которого он дословно переписывает, не давая, однако, никаких ссылок и указаний на издание, которым он пользовался¹². Кстати, у его оппонента Бельфоре находим и ссылки на Герберштейна, и упоминание об Антоне Виде (Anthoine Vuied — орфография Бельфоре)¹³.

Несмотря на явную вторичность «Космографии» Теве как документа второй половины XVI в. о Московии и Сибири, тем не менее, ее текст является важным свидетельством того, как читающие французы могли бы представлять себе этот регион. Как отмечает О. Ф. Кудрявцев: «Какие именно представления о России XVI в. становятся стереотипными, лучше всего показывают не специальные, а общие сочинения по космографии. Они не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной, ни новизной сообщаемой информации, тем не менее интересны тем, что позволяют выявить общепринятый взгляд на тот или иной предмет. В качестве своего рода справочной литературы они имели наибольшее хождение среди образованных кругов Европы»¹⁴.

Европейская ли Московия? География и хорография региона

В «Космографии» Теве Московии и принадлежащим ей восточным землям отводится около двадцати листов третьего тома в разделе, посвященном Европе, после описания Константинополя. Фрагмент включает главы VIII–XII книги XIX: «О Европейской Сарматии и той ее части, которая называется Московия»; «Продолжение описания, об идоле Stata-baba¹⁵ и чудовищных зверях этой страны», лист 847v содержит иллюстрацию Золотой бабы (Stata-baba); «О Литве»; «О религии», лист 853v содержит портрет Ивана I (Калиты) и «Чем московиты отличаются от римской церкви и еще об их религии»¹⁶.

Теве помещает описание Московии за историей взятия Константинополя турками не случайно, такая нарративная последовательность отражает волновавшие европейцев, в частности французов, вопросы относительно северо-восточного региона, а именно:

- можно ли считать Московию частью Европы, а московитов — европейцами;
- о греческом христианстве московитов и вере народов, ими покоренных;
- о восточной угрозе.

Его ответы не оригинальны, но они позволяют оценить общие представления обывателей об этих проблемах, а также по возможности определить источник, в пользу которого Теве делает выбор, сообщая те или иные сведения.

Что касается источников, то, как уже отмечалось, основным текстом являются «Записки о Московии» Герберштейна. Теве обращается к Герберштейну за этнографическими и историческими свидетельствами и в большинстве случаев транслирует его оценку и точку зрения. Однако можно с уверенностью предположить, что Теве пользуется и другими источниками: «Географией»¹⁷ Птолемея и «Трактатом о двух Сарматиях»¹⁸ Матвея Меховского, а еще картами, которые могли быть в его распоряжении, поскольку он был хранителем королевского кабинета редкостей. К примеру, он мог располагать картой Антона Вида и/или картой Энтони Дженкинсона (ок. 1537 и 1562¹⁹; ил. 1 и 2 соответственно), а также картами из изданий Герберштейна (ил. 3). Карты могли служить Теве наглядным материалом при создании описания наряду с книжными сведениями: иначе говоря, географическое содержание текста является следствием обработки визуальной информации карт²⁰. Так, название главы VIII «О Европейской Сарматии», а также указание географических координат этого региона позволяют предположить, что Теве работал не только с текстом, но и с картой (ил. 4) Птолемея²¹, вероятно, знал текст Меховского и карту Вида. Уточняя вслед за Птолемеем географию региона, «разделяющего Азиатскую Скифию и Европу», Теве пишет:

На Востоке ее граница проходит по *goulfe de Negropoli*, протянувшемуся до озера Сиваш (*Sescan*), по реке Танаис или Дон с истоком на Меридиане вплоть до неизвестной Северной земли. На Западе Вистула отделяет ее от Германии, а также Сарматские горы, из которых вытекает эта река на шестьдесят четвертом градусе шестьдесят шестой минуте долготы и шестьдесят четвертом градусе пятьдесят восьмой минуте широты. На Юге [граница проходит по] Валахии и четверти Черного моря (*Mer Maiour*) до истоков Борисфена, который теперь называют Днепр (*Neper*). На Севере по Сарматскому морю и Северной земле, которую называют неизвестной (840v)²².

Искаженная орфография топонимов²³, указание на Меридиан и отсутствие как в описаниях, так и на многих современных Теве картах Московии географических координат²⁴ свидетельствуют о том, что автор, вероятно, сравнивал и сопоставлял разные описания и карты, примеряя координаты Птолемея к наглядному материалу и прибегая в собственном описании к той орфографии топонимов, которую ему удавалось рассмотреть на картах²⁵.

Итак, положительный ответ Теве на вопрос о «европействе» московитов обосновывается и географически, и текстуально. Однако этнографическая картина, которую предлагает своему читателю Теве, противоречива в оценках и определениях. Это можно объяснить разнородностью этнографических источников: а именно попыткой переработать и соединить точки зрения «книжника» Меховского и свидетеля-очевидца Герберштейна. Пр процитирую:

И поскольку начиная с самого Азовского моря (Paluz Meotides) в этой стране нет ничего кроме больших и дремучих лесов, то образ жизни Татар, такой же как и у Сарматов, которые так близки московитам, что их не разделяет ничего кроме реки *Azach*. Я буду рассказывать об их общих нравах, когда буду говорить о Московитах, а они истинные сарматы, ведь то, что называют просто Сарматией, называют также малой Татарией, народ там придерживается магометанства, а севернее язычества, те, кто живет вдоль моря, подчиняются Туркам, другие Московитам, Империя которых простирается дальше Дона (841r).

И далее Теве пересказывает общие места европейской легендарной истории о скифах, с которыми в тех местах сталкивались Цезарь, а до него Александр Македонский и которые теперь «стали называться татарами» (841r). Следы этих походов сохранились на картах Птолемея: на страсбургской карте 1513 г. в центре Рифейских гор изображена Арка Александра, а юго-восточнее Арка Цезаря²⁶. Теве также коротко упоминает историю нашествия гуннов, отмечает, что Московиты или русские произошли от племени Роксоланов, оговариваясь, между прочим, что история не является предметом его повествования.

Дальнейшее описание городов Московии представляет сжатое, за счет сокращения исторических описаний, и выборочное изложение «Записок» Герберштейна без прямых ссылок и указаний на первоисточник и в несколько измененной последовательности. Этимология, топография и архитектура Москвы, а также климатические условия, болезни и нравы, хитрость московитов переписаны из Герберштейна. Вслед за австрийским дипломатом Теве рассказывает о «виднеющихся» недалеко от Москвы «домишках, где раньше располагался город Naly, что означает «Налей выпить», поскольку выпивать дозволялось только несколько дней в году, и чтобы русские и московиты не скучали, князь постановил пить в том месте, когда захочется». Описывая архитектуру столицы, Теве добавляет, что в центре города находится княжеский замок, «построенный итальянцами, а не этими варварами». Он также указывает, что вся власть в городе принадлежит князю, для порядка ночью дежурит охрана, которая имеет право задерживать всех прохожих, «бить их и отправлять в тюрьму». Таким образом, Москва предстает «городом бандитов и лжецов». В дополнение к Герберштейну Теве сравнивает Москву с Каиром: она кажется больше, чем есть на самом деле за счет садов, огородов и полей, находящихся в городских дворах (841v — 842v)²⁷. Таким образом, если географически Московия в «Космографии» Теве и является восточной частью Европы, то порядки и нравы народов, ее населяющих, представлены как «варварские».

Заимствуя у Герберштейна хорографию остальных провинций Московского государства²⁸, Теве изредка добавляет сведения неизвестного происхождения, а также изменяет орфографию топонимов. Так, во фрагменте, посвященном Владимиру, автор сообщает о реке Клязьме (*Clesme*), что «она берет свое начало в городе под названием *Lenovu*²⁹». Название же Нижнего Новгорода, «последнего христианского города» на Востоке, он записывает тремя разными способами: Nouogardie, Novigorod, Novigrod, в то время как Гербер-

штейн — Nowogardia inferior, Niderneugarten. Написание Новгорода Великого у Теве — Nevuagart, Novui-gorod; Оконцкий лес, который «скифы называют Yeriphanovv», он записывает, в отличие от Герберштейна, «Oconiez-kilies»³⁰. Эти искажения возвращают нас к предшествующему тезису о возможных картографических источниках, с которыми Теве сверял текст.

Кроме того, работая с текстом Герберштейна, Теве зачастую придает легендарным и недостоверным сведениям интонацию засвидетельствованного факта. Так, к примеру, в «Записках» читаем:

Что же касается жертвенников Александра [и Цезаря], о существовании которых в этих местах упоминают очень многие писатели, то я не мог узнать ничего наверняка ни про них, ни про развалины как от туземцев, так и от прочих, кто весьма часто бывал в тех местах. И воины, которых государь, по обычаю, каждый год держит там на карауле с целью разведки и обороны от татарских набегов, на мой вопрос об этих жертвенниках тоже отвечали, что никогда не видели и не слыхали ничего подобного. Однако они не отрицали, что видели близ устьев Малого Танаиса (minor Tanais, clain Tanais) в четырех днях пути от Азова, возле места Великий Перевоз (Velikiprewos), у С(вятых) гор (S. montes, heilige Berge), какие-то мраморные и каменные статуи и изваяния (138).

Неопределенность, с которой Герберштейн рассказывает о легендарных античных памятниках, подменяется в тексте Теве на свидетельство неопределенного очевидца, уточненное географическим местоположением:

Я знаю московитов, которые были там в охранительном гарнизоне из-за Татар и которые видели на горе, они ее называют Святой, некие мраморные статуи и образы на колоннах, что позволяет мне думать, что это место древние называли жертвенниками Александра. Это место расположено на 68 градусов долготы и 57 градусов широты (844r).

Такая подмена может быть объяснена тем, что Теве черпает в первую очередь сведения из карт, считая их наглядным документом, а к ним уже приспособливает «книжную» информацию. Кроме того, описание легендарных мест, объектов и существ может быть также понято в рамках указанных выше вопросов. Так присутствие, пусть даже в исторической ретроспективе, греков и римлян на южной территории Европейской Сарматии феноменологически приближает этот регион к европейскому миру. Совсем иную картину представляет Теве, описывая северо-восточный регион Московского государства.

Северо-Восточная Сибирь: область воображаемого

В XVI в. знания европейцев о Северо-Восточной Сибири и о народах, проживавших в этом регионе, оставались крайне скудными, опирались на книжные сведения древних и дорожки московитов. На один такой дорожник, получивший в науке название «югорского», ссылается Герберштейн:

Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мной из доставленного мне русского дорожника³¹. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверняка от какого-нибудь такого человека, который бы видел все это собственными глазами [впрочем, всеобщая молва утверждает, что это действительно так], все же мне не хотелось ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей (161).

Недостаточность достоверных сведений, а также их искажение, порожденное трудностями вербального и визуального перевода и интерпретации, все это сделало Сибирь пространством легенд, распространившихся в европейской географической литературе XVI в.

Особую популярность приобрела легенда о так называемой Золотой бабе. Об идоле сообщают Матвей Меховский³², якобы узнавший о ней от пленных москвитов, Герберштейн³³, Мюнстер, а за ними и другие авторы, в том числе и Тевет; ее многократно изображают на картах Московии, как важную достопримечательность. Я не буду касаться вопроса об источниках этой легенды и ее достоверности; остановлюсь лишь на описании идола, каким его представляет читающим французам Андре Тевет, тем более что это описание должно служить наглядным подтверждением тезиса о дикости и необразованности уральских народов.

У Тевет читаем:

На гребне Земного пояса находится Статуя, которую местные называют Stata-baba, что означает Золотая Старуха; она находится в провинции Обдора, которая хорошо заселена, простирается до Севера и граничит с землями русского Князя. Это идол, которого русские считают божеством, падая перед ней на землю, вы можете ее видеть на представленном рисунке, сделан в виде сидящей женщины, которая на коленях держит сына. Увидев, как она скорбит о своем ребенке, вы сказали бы, что она скорее похожа на Фаустину, держащую ребенка между коленей, как на той старинной монете, где написано *Pietas*, около нее и другой ребенок, как говорят, внук. Или на ту, которая представлена на монете Антонина Пия, где изображены двое детей в руках его жены и двое других в стороне, показывая набожность и религию древних римлян³⁴. Однако ничего не известно ни об истории, ни о причинах возведения этой Статуи. Как бы там ни было, я думаю, что должна быть какая-то жрица (*épanteresse*), которая творила бы чудеса и колдовство над этими фигурами. Местные утверждают, что там есть инструменты, издающие звуки наподобие трубы. Я думаю, что это происходит из-за постоянных ветров, которые сотрясают эти инструменты, что объясняет непрекращающийся звук, как в трубах органа, поскольку они приводятся в движение ветром, то издают звук и звенят, не переставая, потому что всякий звук производится воздухом, проникающим в самые тонкие и узкие отверстия.

Эти народы, я имею в виду не христиан, настолько дикие, что поклоняются этому идолу и приносят ей в дар все, что оказалось под рукой, полагая, что их путешествия и дела будут идти лучше, и передают это [обычай] от отца к сыну. К ним несколько раз посылали священников, чтобы те проповедовали, но они их убили, поступая так, как им вздумается. Есть и другие статуи в горах и пещерах, которым они поклоняются. Один польский сеньор дал мне в городе Philippopolis³⁵ изображение статуи, он видел ее своими глазами и по местному обычаю стоял перед ней на коленях вместе с другими (847v — 848r).

Описание Теве сопровождается рисунком (ил. 8), на котором изображена статуя сидящей на пьедестале, склонившись над ребенком, женщины, одетой на римский манер. На пьедестале имеется надпись «Tata Baba». За спиной статуи виднеется архитектурная конструкция, напоминающая одновременно ниши римских нимфеев и греческие стелы, перед ней молящиеся босые бородастые «дикари». Можно даже предположить, что стоящий на коленях лицом к зрителю-читателю человек и есть тот самый сеньор, о котором говорит Теве. На заднем плане — обнесенный крепостной стеной город. Изображение должно удостоверить слова автора, служить наглядным документом.

Однако необходимо задаться вопросом об источнике изображения и описания. Еще раз отмечу, что Теве ссылается на полученный им от поляка рисунок идола. Я буду исходить из того, что этот рисунок есть не что иное, как изображение на карте, поскольку никакими иными изображениями Золотой бабы мы не располагаем. Нам известны несколько изображений идола, с которыми мог бы работать Теве. Эти изображения существуют на картах, о которых я уже коротко упоминала выше. Так, на карте Антона Вида (1537, *ил. 1*) Золотая баба представлена в образе стоящей на пьедестале женщины с ребенком на руках, к которой идут на поклон местные жители³⁶. На картах, сопровождающих издания «Записок» Герберштейна³⁷, идол представлен в виде статуи женщины с копьем или жезлом в руке и короной на голове. В «Космографии» Мюнстера приводится карта, где вместо статуи женщины изображена колонна с животным наверху и подписью «Abtgott» (1544, 1559, *ил. 9*). На карте англичанина Энтони Дженкинсона (1562, *ил. 2*) статуя Золотой бабы показана в виде стоящей женщины в римской драпировке с младенцем на руках и стоящим рядом ребенком. Именно это изображение кажется иконографически близким упомянутому Теве образу Фаустины с детьми (*ил. 7*).

Но почему Теве выбирает именно такой тип изображения? Очевидно, что он должен был знать карты, по крайней мере, Герберштейна и Мюнстера и мог также знать карту Вида, которую упоминает в своей «Космографии» Бельфоре. Я думаю, что иконография Золотой бабы у Теве является синтезом трех источников. В первую очередь это письменное свидетельство Герберштейна, а именно «статуя в виде старухи, держащей на коленях (in gremio) сына», образ, неразрывно связанный в ренессансном сознании с темой оплакивания Христа. Но поскольку речь идет о языческом культе, то и прообраз его должен был бы быть языческим. Римские монеты времен расцвета империи с изображением Фаустины Старшей и надписью PIETAS, а также монеты той же Фаустины с четырьмя детьми, которые Теве наверняка хранил в королевском кабинете редкостей, как нельзя лучше отвечают этой задаче. И, наконец, карты с изображением идола, которое он, вероятно, соотносил с монетами,

выбирая наиболее «достоверный» вариант. Если это предположение верно, то Теве должен был бы опираться на карты Вида и Дженкинсона, поскольку они более других отвечают указанным выше требованиям. Изображения с карт Герберштейна расходятся с описанием, поэтому они вряд ли использовались Теве как иконографический источник, а, скорее, как географический и информационный. Об этом свидетельствует, в частности, транскрипция названия идола у Теве: *Stata baba*, которую нельзя считать типографской опечаткой, поскольку такая транскрипция встречается и в тексте, и в маргиналии, и на рисунке. Такая запись названия могла возникнуть как следствие работы Теве с картой из «Записок» Герберштейна 1556 г. (Кордт, карта XII), где под изображением приведена запись названия, которую очень легко принять за *STATATA BABA*. Можно сделать вывод о том, что именно с этим изданием Герберштейна работал Теве, а также о том, что он больше доверял карте, чем тексту, то есть в данном случае соотносил текст с картой, а не наоборот.

Таким образом, изображение в «Космографии» Теве легендарного идола соответствовало понятному европейцам иконографическому сюжету, имевшему долгую традицию и помещенному в иные символические рамки: статуя вне храма, челобитное моление верующих, отсутствие священников.

Помимо легенды о Золотой бабе, Теве переписывает из Меховского и Герберштейна упоминания о других пугающих чудесах: о племени «едящих самих себя» самоедов, о лукоморах, о прожорливой росомахе «величиной с восьмимесячного теленка», об амфибии, об ужасном звере Colkeof, величиной с английского дога³⁸. Этот дикий бестиарий, приправленный идолопоклонством северо-восточных варваров и суровым климатом региона, где «до сих пор живут татары и совершают набеги» (848v), должен был вызывать у читающего обывателя по меньшей мере страх, поддерживая и транслируя тем самым представление о восточной угрозе.

О невежестве, княжеской власти и вере московитов

Две завершающие главы раздела о Московском государстве посвящены христианской религии московитов, обычаям и обрядам, а также праву и власти. Источником сведений и здесь является Герберштейн: из «Записок» приводятся выдержки о десятинах, праздниках, ведении войны и вооружении, о браках, о зависимом от мужчин положении женщин, о рабстве, о венчании на царство. Православную литургию Теве сравнивает с тем, что видел в Иерусалиме. Фрагмент о религии московитов без купюр переписан из Герберштейна³⁹, за исключением политически и идеологически важной вставки о захвате турками и египтянами Иерусалима, что явилось угрозой восточно-

му христианству. «Это была такая угроза, что даже несторианцы, абиссинцы и армяне, спасая жизнь, покинули Иерусалим, откуда ранее бежали греки и римляне, но благодаря щедрости Людовика XII все трудности оказались позади» (855г). После этого замечания следует сокращенное до упоминания описание войны с литовцами при Иоанне и описание царствования Василия, взятое также из Герберштейна (*ил. 10*). Теве уточняет, что жестокость, с которой правил Василий, позволяет сравнить его с правителями Африки и Эфиопии, отмечает, что в Московии власть и могущество князя безграничны и почитаются выше власти церковной: «митрополит не шевельнется перед князем, так же как муфтий перед великим Турком» (855г). Однако, продолжает Теве, «как бы там ни было, они, несомненно, христиане, хоть и отделенные от римской католической церкви. Причина разъединения так слаба и незначительна, что ее легко привести к согласию; их князя даже об этом просили, но, говорят, Папа был слишком строг в ответе»⁴⁰ (855г).

Что же касается религиозных различий между западным и восточным христианством, то о них Теве рассуждает, отталкиваясь от сведений и документов, приведенных у Герберштейна. Так, к примеру, Герберштейн дословно переводит на латынь и немецкий, кое-где несколько сокращая текст, послание киевского митрополита Иоанна II Продрома (1080–1089) антипапе Клименту III (1080–1100), написанное в 1088–1089 гг. Теве же не переписывает и не переводит на французский язык этот текст, но оспаривает его тезисы, пытаясь показать, что различия в церковных обрядах между европейцами и москвитями несущественны, что они являются следствием искажений, допущенных в греческих текстах, и что москвитов без труда можно обратить в католическую веру: «греки не настолько их обучили и образовали, чтобы своими книгами католики не привели бы их к истине» (856г).

Таким образом, текст Теве формирует двойственное отношение к Московии: с одной стороны, это политическая и военная сила, разделяющая христианскую Европу и мусульманский Восток. Эта сила направлена не только на Восток, но и на Запад. Представление о Московии сформировано под влиянием культурной памяти о варварском нашествии гуннов, преемниками которых изображаются москвиты. Теве пишет: «Оттуда [из Югры] пришел король Аттила, который опустошил Европу и остановился в Венгрии. Москвиты этим хвастаются, а их князь претендует на Польшу и Литву, поскольку раньше они были ему подчинены и платили дань, о чем князь надеется однажды договориться с Венгрией. Я хочу, чтобы они это сделали и чтобы они с Турком напали друг на друга, а нас оставили бы в мире» (848г). С другой стороны, москвиты, хотя и необразованный и склонный к жизни в рабстве народ, все же христиане, и при определенных усилиях со стороны католического образованного сообщества религиозные разногласия между ними и европейцами могут быть преодолены, при условии согласия москвитов признать истинность католической веры и авторитет Римской церкви.

Заключение

«Всемирная космография» Теве, в отличие от других его космографических работ, особого успеха у современников не имела. Религиозное и политическое противостояние во Франции, в ситуации которого Теве вынужден был искать поддержки у враждующих политических сил, а также обвинения в плагиате — все это способствовало тому, что его тексты были забыты, а большая часть трудов так и осталась в рукописях. О возрождении интереса к творчеству Теве можно говорить лишь в середине XIX в. в связи с исследованиями истории естественных наук, в данном случае географии, и в XX в. в связи с исследованиями доколумбовых культур Америки и истоков культурного колониализма.

В 1858 г. в Париже католик и сторонник объединения церквей, популяризатор и публицист князь Августин Петрович Голицын (1823–1875) издал книгу на французском языке под названием «*Cosmographie moscovite*», где собрал опубликованные Теве фрагменты, касающиеся Московского государства. Помимо раздела из «Всемирной космографии» он включил также в книгу биографию великого князя Василия Ивановича⁴¹, сопроводив издание пространством введением и собственными уточняющими комментариями. На русский язык из Теве М. П. Алексеевым был переведен и откомментирован совсем небольшой, менее листа, фрагмент о Сибири и издан в 1932 г. в сборнике «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей». Спустя восемьдесят лет тексты Теве, посвященные Московскому государству, остаются все еще непрочитанными и неизвестными российской исторической науке, для которой они могли бы быть интересны не столько как документальные свидетельства, но как источник коллективных представлений и стереотипов о Московии и населяющих ее народах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке философского факультета НИУ-ВШЭ.

² Об этом см.: *Lestringant F. L'Atelier du cosmographe ou l'image du monde à la Renaissance*. Paris, 1991.

³ *Lestringant F. Le déclin d'un savoir. La crise de la cosmographie à la fin de la Renaissance // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1991. № 2. P. 244.

⁴ «*Cosmographia Universalis*» Мюнстера была впервые издана на немецком языке в 1544 г., до конца XVI в. переведена на латынь, французский, итальянский, чешский языки. До 1650 г. книга издавалась, по меньшей мере, 46 раз. Подробно об этом см.: Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Кн. 1. С. 352–354. Также см. комментированный перевод фрагментов о России и карты в издании: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 317–345.

⁵ Об источниках Мюнстера, а также о роли античных авторов в формировании географических представлений эпохи Ренессанса см.: *McLean M. The Cosmographia of Sebastian Münster*:

Describing the World in the Reformation. Aldershot, 2007 (особенно: Ch. 2. Sixteenth Century Cosmography: Its Sources, Development and the Extent of Its Ambitions. P. 45–143).

⁶ Этот термин использует Франк Лестренган, уточняя метод работы космографа с материалом см.: *Lestringant F. L'Atelier du cosmographe...* P. 251.

⁷ Так, на нескольких иллюстрациях Теве представлен как бородатый мужчина в плаще и широкополой шляпе: к примеру, иллюстрация гробницы Артемиды с острова Родос (I. P. 207r), иллюстрация арки Антонина Пия в Троаде (P. 250r), гробницы Цицерона (II. P. 790v).

⁸ См. геометрическую модель земного шара в: *Thévet A. Cosmographie universelle*. Paris, 1575. T. I. Livre I. P. 2v. Доступно: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626690f/f52.image>.

⁹ Всего 228 гравюр.

¹⁰ Во фрагменте «Космографии», посвященном Московии и Сибири, Теве прибегает к свидетельству личного опыта другого, к примеру: «один москвит мне клялся...» или «один польский сенёр уверял меня, что видел ее много раз...» (II. IX. P. 848r).

¹¹ Это уже отмечали исследователи фрагмента о Московском государстве. См., к примеру, вводную заметку М. П. Алексеева к переводу фрагмента из Теве о Сибири (Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. I. С. 137–142).

¹² Об изданиях «Записок» Герберштейна см.: *Герберштейн С. Записки о Московии*. М., 1988. С. 47–48.

¹³ См.: *Belleforest Fr. de. La cosmographie universelle de tout le monde*. Paris, 1575. Описание Московии: Livre III. P. 1822–1828. Упоминание о «Записках» Герберштейна см.: маргиналия — с. 1823, в тексте — с. 1827; упоминание Антона Вида — с. 1826.

¹⁴ *Кудрявцев О. Ф.* «Угнетенные чрезвычайным рабством»: об одном стереотипе восприятия русских европейцами первой половины XVI в. (по материалам конференции) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 24.

¹⁵ Я сохранила орфографию источника. Stata-baba — так Теве называет легендарного идола Золотую бабу; о ней речь пойдет далее.

¹⁶ Листы 840v — 859r.

¹⁷ Первое издание «Географии» Птолемея с картами вышло в Болонье в 1477 г. Книга регулярно переиздавалась в крупнейших типографиях Европы. Наиболее полным считается Базельское издание Себастьяна Мюнстера 1540 г.

¹⁸ Об изданиях и переводах «Трактата» см. введение С. Анненского к изданию: *Мамвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л. 1936.

¹⁹ В. А. Кордт датирует карты ок. 1537 и 1562 гг. соответственно. См.: *Кордт В. А.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899 (Репринт: 2009); о картах Дженкинсона и их датировках см.: *Осинов И. А.* Антоний Дженкинсон и карта России 1562 г. Сыктывкар, 2008.

²⁰ О подобном методе работы с картами см.: *Осинов И. А.* Описания российского государства XVI века: влияние картографических материалов на нарративные источники. Сыктывкар, 2009.

²¹ См. 8-я карта Птолемея, издано в Страсбурге 1513 г.

²² Здесь и далее перевод с фр. Е. К. Карпенко по изданию 1575 г.

²³ Помимо названного в цитате Сиваша, Новгород (в данном случае Нижний) он записывает как Nouogardie, Novigorod, Novigrod, в то время как Герберштейн — Nowogardia inferior, Niderneugarten Olbie. Упоминаются также города Strapenot («потому что он совсем рядом с морем, 57 градусов долготы и 49 широты»), Chabardi, Cremin, Nigropoli, река Бок (Boq), исток которой на горе Реуса.

²⁴ См.: *Кордт В. А.* Указ. соч.

²⁵ Можно предположить, что помимо полномасштабных карт Теве использовал и дешевые дорожные атласы, карты которых делались небрежно, надписи искажались или опускались.

²⁶ На карте Азиатской Сарматии расположение объектов иное, арка Цезаря находится у гор, а заменившие арку колонны Александра на юго-востоке. См. *ил. 5*.

²⁷ Ср.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 132–234.

²⁸ Дословно из Герберштейна переписан фрагмент на с. 134–140 (1988); в сокращении даны описания провинций центрального, западного и северо-восточного регионов Московского государства.

²⁹ На карте Герберштейна (Венеция, 1550) близ истока Клязьмы указан город Iuricu, то есть Юрьев. Можно предположить, что искажение Теве, объясняется качеством шрифта и полиграфии карты.

³⁰ Ср. у Герберштейна Okonitzkilies и Ieriphanowlies соответственно (Указ. соч. С. 137).

³¹ О дорожнике см.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 164. Сн. 523.

³² Меховский в трактате дважды упоминает идола: «За землею, называемою Вяткою, при проникновении в Скифию находится большой идол *Zlotababa*, что в переводе значит золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо» (III. 1. С. 117). И далее: «Один старейший историк, описавший приход венгров, сообщает, что, по рассказам югров или венгров, они, идя из Югры к Меотидским болотам, в пределах Белой России видели ледяного идола. Этот автор утверждает, что в день Рождества Христова пошел ледяной град и образовал фигуру девы, держащей младенца в венце, а затем изображение младенца стало постепенно таять и уменьшаться, пока, наконец, ко дню Обрезания Иисуса Христа все не растаяло. Образ девы, казалось, сделанный из льда, местные жители пытались растопить, зажегши костры, но огонь ничего не растопил. Этот образ можно видеть в пределах области, именуемой Вятка, за Московией. Зовут его до сего дня “золотая старуха” или иначе *Zlota baba*, как я уже говорил при описании Сарматии». (III. 2. С. 121). См.: *Матвей Меховский.* Указ. соч.

³³ У Герберштейна читаем: «Золотая Баба (*Slata baba*), то есть Золотая Старуха — это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (*Obdora*), на том (*ulterior, jenig*) берегу. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой Старухи — это статуя в виде старухи, держащей на коленях (*in gremio*) сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра» (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 161).

³⁴ Ил. 6 и 7 соответственно.

³⁵ Филиппополь — город в Болгарии, современное название Пловдив.

³⁶ Подробнее о карте Вида, а также содержащихся на ней надписях см. перевод и комментарий О. Ф. Кудрявцева в сб.: Россия в первой половине XVI века: взгляд из Европы. С. 307–316.

³⁷ Стоящая женщина с копьем изображена на карте, гравированной Гиршфогелем, 1546 г., на базельской карте 1556 г. На венской карте 1557 г. изображена сидящая женщина, которая держит в левой руке ребенка, а в правой жезл. На венецианской карте Гастальдо 1550 г. изображение идола отсутствует.

³⁸ Этот небольшой фрагмент публиковался на русском языке. См.: Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Т. I. С. 142–143. С расширенными комментариями доступно на: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Tevet/text.phtml?id=3416>.

³⁹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 60–67.

⁴⁰ Видимо, Теве имеет в виду приведенные у Герберштейна обращение Василия III к папе по поводу присвоения титула императора, а также копию грамоты, адресованной папе митрополитом Иоанном, о различии веры. См.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 75–76, 92–95 (соответственно).

⁴¹ Теве опубликовал эту биографию в 1584 г. в сборнике биографий знаменитых людей. См.: *Thévet A.* Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres. Paris, 1584. P. 389r–391v.

РУССКАЯ ТЕМА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН XVI в.

И. Я. Эльфонд

Общественная мысль во Франции на протяжении всей эпохи гражданских войн XVI в. особое внимание уделяла проблеме тирании и деспотического государства. Все споры велись, по сути, не о приоритете республики над монархией, а о преимуществах ограниченной монархии над неограниченной. В силу этого особое значение приобретают споры вокруг того, какие же государства в Европе можно считать деспотическими, и последние фактически идентифицируются с неограниченной монархией. Не меньшее место в спорах занимал образ *tyrannus quod exercitum* «тирана по образу действий», то есть законного государя, правящего подобно тирану. Поэтому во многих сочинениях встречаются упоминания о русской истории, причем, за исключением событий эпохи царствования Ивана Грозного, говорится о русском государстве в самых общих чертах. Вопрос об отношении французских мыслителей к истории Руси фактически не поднимался в историографии вообще, поскольку они опирались на сведения, полученные из сочинений иноземцев, посетивших Москву. Но их суждения и в особенности оценки достаточно оригинальны и связаны с учением о тирании.

Самым ранним из них по времени можно считать высказывание гуманиста Л. Леруа в своего рода политическом обзоре современных событий «Рассмотрение французской и всеобщей истории нашего времени» (1567). Автор определяет как наиболее типичные черты современного ему человечества варварство и жестокость и в качестве одного из самых показательных примеров приводит деятельность Ивана Грозного в Ливонской войне. Характерно, что всю ответственность за эту войну французский историк-гуманист возлагает на Московское государство: «следует ли даже упоминать о тех жестокостях, которые московиты совершали в Ливонии и Литве»¹. Ливонская война ставится им в один ряд с наиболее крупными социально-политическими катаклизмами века, а подданные Московского государства объявляются столь же жестокими, как турки. Это не мешает Леруа отметить мощь Московского государства, однако он упоминает его исключительно в контексте с восточными государствами, наряду с Китаем и Османской Портой (а также с древними восточными деспотиями). При этом он указывает, что известно о нем (как и о

Китае) французам стало относительно недавно. Характерно, что Московское государство по характеру своей политики и специфике повседневной жизни с самого начала уподобляется французскими политическими теоретиками и историками именно Османской Порте.

Аналогично оценивалось Московское государство и в дальнейшем. Негативное отношение к Московскому государству, вероятно, еще более усилилось после кратковременного царствования герцога Анжуйского (будущего Генриха III) в Речи Посполитой, в тот исторический момент являвшейся одним из главных противников Московского государства. Не слишком дружеское отношение к славянам в целом и в особенности к их быту и нравам, вынесенное из Польши окружением Генриха и отчетливо проявившееся в знаменитом стихотворении Ф. Депорта «*Adieu à la Pologne*», распространялось и на еще более далекую и еще более дику (в представлении французов) Московию. Даже в трудах крупнейшего политического теоретика эпохи Ж. Бодена Московское государство объявляется варварским, автор считает его сеньориальной монархией, где правитель «распоряжается благодаря абсолютной власти жизнью и собственностью своих подданных»². Московия у Бодена приравнена к Османской Порте. Важнейшим моментом в оценках сущности Московского государства для выдающегося мыслителя является юридический статус граждан. В представлении Бодена все подданные Московского царя являются несвободными лицами, и вывод о близости к Османской Порте основан на том, что в этом государстве «граждане сами называют себя “холопами”, словом, которое мы переводим как “раб”»³. При этом в оригинальном тексте Бодена стоит русское слово «холоп», написанное латинскими буквами (*cholor*).

Эти оценки, естественно, еще более заостряются у идеологов тираноборчества. Для авторов знаменитого «Иска к тиранам» неограниченная власть короля — «близкая родственница тирании»⁴ и воплощением деспотизма являются в Европе два государства — Московия и Турция. А государство такого рода — это «объединение разбойников»⁵.

Если Московское государство для французских мыслителей — это прежде всего воплощение принципа деспотизма и жестокости, а также агрессор, то образ его правителя приобретает особый колорит. Можно сказать, что после издания в 1582 г. книги А. Поссевино французы после долгих поисков наконец-то обрели подлинный образ государя-тирана.

Особое внимание судьбе Ивана Грозного уделит известный историк-эрудит Э. Пакье. Образ государя-тирана в его сочинениях приобретает особый смысл — Пакье считал тиранов последователями Макиавелли, с учением которого связывал все бедствия Франции. Макиавеллистами у него в равной мере оказывались Карл V, Манфред Гогенштауфен и даже франкская королева Фредегонда⁶. Характерно и вообще-то нетипично его обращение в поиске примеров монархов-тиранов на Восток. Так, Пакье обращается к истории Византии и, в частности, рисует колоритнейший образ византийского импе-

ратора Андроника I. Но Андроник клеймится им как тиран — узурпатор власти, который сверг законного монарха и, захватив власть, реализовал ее для удовлетворения собственных прихотей и жестокости. Андроник — открытый тиран, уже по способу прихода к власти. Однако все вышеприведенные примеры, по мнению Пакье, характеризуют тирана — узурпатора власти, то есть тот тип тиранов, которые уже в представлении Бартоло Сассоферрато не заслуживали никакого снисхождения, а потому выступление против них было легализовано.

Однако для политической мифологии во Франции 80-х гг. XVI в. гораздо более актуален оказался образ тирана по образу действий, то есть образ законного монарха, правящего как тиран, как своего рода воплощение всех мыслимых пороков, антитеза идеалу монарха. Логично, что его разрабатывали по преимуществу противники королевской власти. Сначала этим занимались (не слишком активно) теоретики тираноборчества, но после того, как их предводитель Генрих Наваррский стал наследником французского престола, *héritier présomptif*, тираноборцы переходят на легитимистские позиции и отказываются от разработки столь благодатной темы. Трактовка образа *tyranus quod exercitum* во Франции этой эпохи по преимуществу связана с публицистикой сторонников Лиги, и именно в ней, по сути, идентифицируется образ тирана по образу действий с образом царствующего монарха, то есть Генриха III. Однако Пакье выражал интересы партии политиков и стоял на строго выраженных легитимистских позициях, то есть не обращался к данной проблеме в целях обоснования доказательства правомерности выступления против династии Валуа и лично Генриха III.

В своем трактате «Рассуждения о государе» он отчетливо формулирует типологические черты государя-тирана. И сам факт обращения к образу монарха-тирана уже заставляет задуматься над причинами такого поворота. Возможно, историк соблазнился бы, как добрый католик, сюжетами, навеянными историей Османской Порты, но судьба предоставила ему иной шанс.

Русская история в его исторических сочинениях не присутствует, Пакье — историк-эрудит, который занимается исключительно историей своей родины, в крайнем случае обращается к фактам истории стран, тесно связанных с судьбами Франции (Англия или итальянские государства). Но по мере развития войн и углубления политической конфронтации в стране растет и его тревога за судьбы родины, и в его знаменитых письмах, где он обращается к историческому опыту разных стран Европы, появляется документ, полностью посвященный личности и царствованию Ивана Грозного.

Это письмо было издано вместе с остальными в 1619 г., вскоре после смерти Пакье (1615), и никогда не изучалось историками или исследователями общественной мысли. Оно датировано 1587 г. и адресовано одному из людей мантии (некому д'Эпесу). Это письмо ценно и тем, что в нем отразились эмоциональное состояние гуманиста, его непосредственное восприятие и оценки

фактов, полученных из только что прочитанной им книги (явно произведения А. Гваньини)⁷. Первое издание его, как известно, вышло в свет на латинском языке в Кракове в 1578 г. и вполне могло быть известно во Франции 80-х гг. XVI в. Тональность письма, отбор фактов и оценки автора не оставляют сомнений в отношении позиции Пакье. Он просто шокирован («никогда чтение книги мне не доставляло таких мучений»⁸) как содержанием книг («речь идет только о пожарах, пепле, убийствах, разрушении, резне и многом другом куда хуже перечисленного»), так и самим фактом существования подобной тирании.

Гуманист лишает Ивана Грозного даже его христианского имени — в письме фигурирует «Басилид [по-гречески — сын Василия. — И. Э.], король Московии»⁹. Пакье начинает изложение событий его биографии с общих оценок, сразу же выдавая свое отношение к изученному фактическому материалу: «Я не думаю, что природа когда-либо порождает подобное чудовище»¹⁰. С точки зрения Пакье, даже хрестоматийные примеры тиранов, почерпнутые из истории римской империи, не могут сравниться по масштабам своей деятельности с Иваном Грозным: «Калигула, Домициан, Коммод — всего лишь хвастунишки, если их сравнивать по жестокости с ним»¹¹. По сути, все дальнейшее изложение представляет собой подборку фактов, характеризующих невероятную жестокость московского государя, его подозрительность и отсутствие в Московском государстве законов и правосудия (даже подлинной христианской веры). Интерпретация им текста Гваньини вполне оригинальна, Пакье, создавая свои мифы, вполне способен поправлять Гваньини, добавлять измышленную информацию, иначе расставлять акценты и просто выдумывать какие-то факты для сгущения красок и создания поистине inferнального образа русского государя. Он рассматривает деятельность государя московского как в международных делах, так (и это вполне соответствует изложению Гваньини) и во внутренних. Изложение событий еще более своеобразно, чем у оригинала, которым он воспользовался. Пакье отбирает лишь отдельные факты, приводимые итальянцем в его книге, в соответствии со своей концепцией личности и правления Грозного.

Большое внимание историк уделяет событиям Ливонской войны. Одним из первых обвинений Пакье является «нерыцарское» поведение Ивана Грозного при взятии городов: «Если он захватывал город (а делал это часто), то предавал всех выдающихся граждан города мечу, а женщин и дев — на поругание солдатам»¹². Пакье оговаривает, что подданные других государей подвергались такому же обращению, и все это шокировало больше жителей западных государств, чем подданных Ивана Грозного: «не было конца столь чудовищным жестокостям, их совершалось бесчисленное множество во время завоеваний в Германии, Готии, Польше, Ливонии, Турции и Татарии»¹³. Поражает географический диапазон информации Пакье относительно завоевательных походов с участием Грозного.

Примеры жестокости Грозного тщательно отбираются, и, что очень непривычно для Пакье, особо выделяется разнузданность царя в отношении женщин. Быть может, он полагал, что наибольшее бесчестие и унижение подданные испытывали при виде поругания женщин; во всяком случае, он особо выделяет ситуацию при взятии Альденорда (можно только гадать, какой именно ливонский город имелся гуманистом в виду), когда, по его сообщению, «насилию подверглись пятьсот девиц в присутствии их матерей, причем те и другие могли видеть друг друга»¹⁴. Тема страданий женщин у Пакье всплывает еще раз; он повествует о неких дамах, которые «благочестиво оплакивали казненных» и подверглись за это жестокой каре: «он их подверг публичному позору, а затем повелел избить и вырвать им ногти»¹⁵.

Пожалуй, больше всего Пакье потрясают новгородские события; в его изображении произошло тотальное уничтожение всех жителей без исключения: «он позволил им помолиться, и перебил всех мужчин, женщин и детей, и даже не пощадил и домашних животных»¹⁶. Детали этих убийств приводятся достаточно своеобразные: «семьсот женщин было утоплено, бояре были перебиты в том месте, где они собирались на заседания, а священников истребляли прямо в церквях». Итоги, правда, он описывает, называя довольно скромную цифру: в Новгороде «он перебил 2 770 человек из знатных людей, не считая простого народа»¹⁷. Названная цифра точно совпадает с приведенной в тексте «Описания Московии» А. Гваньини.

От описаний событий политического характера, доказывающих тиранический образ правления и варварство как самого Грозного, так и его сподвижников, Пакье переходит к описанию страшных деталей судеб отдельных людей, ставших жертвами правителя-тирана. Можно отметить, что он толком не знал имен и транскрипций, но при этом последовательно подчеркивал контраст между высоким социальным статусом казненного и степенью жестокости казни.

В числе первых жертв произвола царя он называет некоего Михаила Виску (Michel Viscoul). Пакье сообщает, что этот «один из главных советников» был обвинен по ложному доносу «как замышляющий против государства»¹⁸. Для гуманиста удивителен сам факт слепой веры доносу. По рассказу Пакье о чудовищном наказании (жертву разрезали по кусочкам заживо) можно установить ее подлинное имя (печатник Висковатый)¹⁹. Однако к подлинному страшному факту русской истории французский историк добавляет еще более жуткий момент (может быть, навеянный гибелью адмирала Колиньи) — кто-то из дьяков (Пакье употребляет термин «секретарь») не просто позорно искалечил жертву, лишив ее гениталий, но, желая угодить царю, «отнес властелину» столь своеобразное доказательство расправы²⁰.

Пакье сознательно отбирает материал, способный потрясти читателя. Из множества жертв террора он называет еще некоего Ивана Петровара (с отчествами у Пакье трудности — вместо Петровича он пишет «Петровар»,

а Висковатого называет Михаилом по имени его отца), по его сведениям, «наместника России». Схема изложения одинакова — Пакье все время говорит о ложном обвинении, на сей раз в государственной измене «lèse majesté», и дикой расправе с заподозренным человеком. Он подробно рассказывает, как тиран приказал одеть жертву (конюшего [не наместника] И. П. Челяднина) в царские одежды, посадить на трон и казнить после этого (согласно Пакье, его также разрезают заживо на куски)²¹. Но к этому рассказу историк опять прибавляет от себя неизвестную деталь (может быть, путая имена и судьбы жертв): «его беременную жену убили, а дочерей обесчестили и казнили вслед за матерью»²². Вероятно, щекочущие нервы детали и приводятся для того, чтобы доказать отсутствие всякой правовой основы в действиях Ивана Грозного. В конце концов, французские казни той эпохи тоже были достаточно жестокими (а зверства Варфоломеевской ночи еще не стерлись в памяти поколения), но они осуществлялись, как правило, по приговору суда в соответствии с законом, а не в соответствии с большой фантазией и измышлениями правителя. В данном случае речь идет еще и о весьма специфическом суде («соучастники» И. П. Челяднина, как известно, были казнены вообще без суда²³), который с точки зрения юриста и назвать-то нельзя иначе, чем трагическим фарсом.

Особое негодование у Пакье как у юриста вызывают кары без суда, а также несоответствие наказания проступку. Если речь идет о государственных преступлениях, то и во Франции наказание было жестоким. Но он отмечает, что Иван Грозный приговорил к смерти одного из дьяков (*secrétaire*) за то, что тот купил красивого мула по дорогой цене, откомментировав свое решение тем, что такое животное достойно монарха. Не менее возмутительно, с точки зрения гуманиста, и то, что «один из ближайших фаворитов был предан пытке, затем смерти за то, что тот, когда царь угостил его чаркой вина, выпил его не одним глотком, а двумя». Сами примеры достаточно мелки, речь идет не о прославленных именах, но Пакье гневно восклицает: «Да были ли в истории подобные примеры более жестокого наказания, чем это?»²⁴

Гуманист неоднократно оговаривает, что смерть и буквальное мученичество людей определялись не их реальными проступками, но болезненной подозрительностью монарха. Так, он приводит пример гибели одного из членов Частного совета Телятина (*Telatinne*), который уклонился от обеда у царя из-за пирушки с друзьями. Из-за этого поступка он «был заподозрен в заговоре», а в результате «предан смерти был не только Телятин и весь его дом, но и вся родня за то, что они якобы приняли участие в этом измышленном заговоре»²⁵ (а заодно и все присутствовавшие на пирушке лица). Следует отметить, что Пакье меняет информацию Гваньини, у последнего не приводится имя персонажа. Имя, схожее с приведенным Пакье, упоминается у Падерборна, а не у Гваньини, и это заставляет предположить, что Пакье черпал свои сведения о московских делах не только из сочинения итальянца.

Характерно, что гуманист повышает статус главного героя этого рассказа — секретарь в изображении Пакье становится членом Частного совета. Мотив ситуации он дает другой: Гваньини говорит о любопытстве казенного человека; по сути, из текста источника Пакье заимствовал исключительно сведения об очередной массовой расправе по ничтожному поводу и приписал ее подозрительности царя. Да и факт установления опричнины и последующего террора он объясняет именно этим: «По возвращении он приказал перебить всех, кого он только заподозрил в том, что те говорят о нем дурно»²⁶. Тем самым юридической основой смертного приговора становилось подозрение, нередко при отсутствии малейших доказательств вины.

Особая бесчеловечность связана, по мнению Пакье, с отношением царя к собственным родным. Для Франции (в отличие от англичан) действительно казнь принца крови — дело небывалое (даже немногочисленные смертные приговоры, вынесенные судом, не исполнялись). Королевская кровь священна, поэтому-то гуманиста поражает отношение Ивана Грозного к собственным родным. Впрочем, он его обвиняет в систематическом истреблении родственников, в изображении историка после казней верных слуг тиран казнил «затем своего брата и двоюродных братьев». Хотя Юрий, брат Ивана Грозного, в силу своих физических недостатков не мог быть конкурентом старшему брату, историк все же обвиняет царя еще и в том, что тот «умертвил своего родного брата Юрия, его жену и детей»²⁷. Эта информация также представляет собой весьма вольную интерпретацию текста Гваньини. Об убийстве Юрия у Гваньини речи нет, и едва ли Грозный убил своего немощного брата, хотя действительно в 1569 г. приказал утопить его вдову, постригшуюся в монахини. Гваньини, не упоминая имени, говорит об убийстве Владимира Старицкого (также весьма вольно трактуя события). Пакье, таким образом, усиливает преступление Грозного, приписывая ему братоубийство и заклеив печатью Каина.

Венцом действий тирана историк считал сыноубийство. Фрагмент этот очень краток, он опускает всю трогательную «домашнюю» сцену столкновения из-за невестки, описанную Поссевино, и констатирует только сам факт: «он убил Ивана, своего сына; Иван — старший сын, в будущем поддержка отца в старости»²⁸. Гуманист объясняет этот поступок «бешеной яростью» отца, а значит, государь-тиран совершенно не способен сдерживать свои порывы и владеть собой. Однако причины этой бешеной ярости определены теми же мотивами, что и в отношении остальных жертв: манией преследования. Спонтанная ярость в изображении Пакье была обусловлена тем, что «из-за подозрения в заговоре» он и «ударил палкой царевича», к этому Пакье добавляет, что считает данное происшествие карой Божией, поскольку все случилось, когда, «в конце концов, Бог ослепил его глаза»²⁹.

К числу особо преступных деяний Грозного он относит также его пренебрежение нормами *ius gentium*. Таковым он полагает, во-первых, нарушение

норм международного права в ходе завоеваний. Не менее серьезным является обвинение в игнорировании уже сложившихся дипломатических норм: Грозный «нарушал в отношении послов, направленных к нему другими государями, все положения международного права»³⁰. Упоминается и о недопустимом обращении с правителями, принявшими его покровительство. Все рассуждения Пакье подчеркивают, что само правовое сознание в России тогда отличалось от европейского. В этой связи характерен эпизод, приведенный в письме и относящийся к 1578 г. Речь идет о заложниках, «более 400 знатнейших пленных, которых он захватил в завоеванной стране». Царь полюбопытствовал, желают ли они вернуться на родину. Этот вопрос Пакье расценивает как политическую провокацию, согласно его изложению заложники и «не предполагали, что это ловушка, куда их хотят заманить». Но показательное описание дальнейшего хода событий. С точки зрения историка, образованные европейцы (а речь идет о знати, «вельможах и дамах») высшим благом в полном соответствии с установками гуманистов почитают свободу («сеньоры и дамы ответили, что они ничего так не ценят, как свободу»). Для Ивана Грозного подобная позиция не только совершенно чужда, «он воспринял это как оскорбление»³¹, вследствие чего предал заложников казни. Собственно говоря, Пакье создает свою вольную вариацию — в сочинении Гваньини есть только рассказ о казни пленных. Жертвы не бросают вызов тирану, прославляя свободу, и вообще царь и близко к ним не приближался и не общался. Коварные речи в оригинале ведут его приспешники. Пакье создает свой особый миф, опирающийся на гуманистические представления о свободе.

Пакье подчеркивает, таким образом, разницу в менталитете европейцев и подданных самого Грозного. А ведь речь идет не о почетных гостях, а о пленниках, которые «содержались в темных тюрьмах», казалось бы, их стремление покинуть тюрьму логично. Но менталитет москвитян, согласно Пакье, иной. Они не приучены к сопротивлению и покорствуют тирану, вероятно, не случайно он упоминает, что на царя не было покушений. Привычка к подобной покорности и стала причиной неадекватной реакции Ивана Грозного на заявление пленников. И тем более не случайно Пакье приводит эпизод, связанный с установлением опричнины. В изложении гуманиста Грозный, покинув столицу вместе с сыновьями, направил к жителям Москвы нескольких вельмож, с тем чтобы выяснить позицию населения и сообщить, что в случае, если те захотят нового царя, он «добровольно откажется от своей короны». Однако народ не пожелал избавиться от тирана, но вместо этого «к нему отправили нескольких лиц, пользовавшихся почетом, чтобы умолять его вернуться»³². Новым витком казней, таким образом, население оказалось обязано собственному решению. Пакье подводит к мысли, что подобная тирания может существовать лишь при условии полной покорности подданных независимо от их ранга. И именно такой менталитет народа способствует тирании и жестокости.

Совершенно неожиданным и малодостоверным представляется упоминание о гибели «канцлера (!) Кассазена (Cassasin)». У Гваньини речь идет о некоем Казарине Дубровском, которого по ложному навету убили. Но Пакье меняет текст источника: в оригинале речь идет о казни чудом избежавшего гибели вместе с отцом сына Дубровского, казненного невероятным способом, детально описанным автором. У Пакье рассказ опирается, скорее, на французский опыт; по сведениям Пакье, жертву «разорвали на части четыре лошади»³³. Если учесть, что автор в трактате «Изыскания о Франции» детально повествует об аналогичной казни франкской королевы Брунгильды, а современники Пакье были свидетелями четвертования убийцы герцога Гиза Польтро де Мере, то можно допустить, что автор либо считал четвертование одинаковым повсюду, либо просто перевел латинский термин привычным для французов образом. Это не мешает ему упомянуть и о московской экзотике, по его словам, Василид «содержал четырех медведей» для развлечения в виде травли ими народа³⁴. Последнее замечание доказывает, что, согласно Пакье, в России законов и правосудия не имелось и любой человек мог оказаться жертвой царского произвола или своеобразного развлечения. Тем самым он последовательно показывает, что в Московском государстве воля или желание государя стояли выше законов или же последние отсутствовали вообще.

С точки зрения Пакье, подобное судопроизводство ничего общего не имеет с правосудием: оно должно вершиться в соответствии с законом и судебными органами. По этой причине даже казни по делам, связанным с оскорблением величества, он оценивает не как «акт правосудия», а как «варварство»³⁵. Станным для юриста выглядит и то, что царь не просто присутствовал при казнях (это было нормой и во Франции), но при этом «восхвалял мастерство своих палачей, создающих шедевр» (речь идет о четвертовании).

Самого же Ивана Грозного Пакье изображает подлинным чудовищем, для которого не существует ни жалости, ни милосердия, ни каких бы то ни было человеческих чувств. Так, рассказывая о судьбе Басмановых (не называя имени), историк считает, что убийство сыном отца и сохранение за это убийце жизни «оказалось величайшим милосердием, которое было им (Грозным) даровано»³⁶.

Террор ему представляется еще более ужасным, поскольку сопровождается лицемерием Грозного и перед людьми, и перед Богом. Грозный успокаивает свои жертвы перед гибелью: «Он обратился к ним с ласковыми речами, а потом приказал умертвить всех выдающихся государственных деятелей»³⁷. Явно о лицемерии государя свидетельствует и изложение Пакье истории установления опричнины, в частности, он упоминает и о предложении Ивана Грозного искать нового монарха, и о том, что «он готов отказаться от своей короны».

Лицемерие перед Богом он связывает с тем, что «этот злосчастный тиран хочет принести покаяние»³⁸. Однако, по мнению Пакье, даже эти попыт-

ки — извращение сущности покаяния, так как само «покаяние превращалось в жестокость». У Пакье вызывает ужас и возмущение отношение царя к вере и Богу: согласно ему, «после каждого зверства он (Грозный) воздавал хвалу Богу. Да еще и сам осуществлял богослужение, подобно патриарху»³⁹. Последнее для убежденного католика Пакье абсолютно немыслимо, хотя он и не комментирует эти факты. Явно кошунственным он считает и любое насилие в храмах, поэтому вводит эпизод с тем, как был схвачен и ввергнут в оковы прямо во время молитвы в церкви князь Ростовский, что стало прелюдией к его казни. Пакье явно перечисляет эти факты и факты казни духовенства как свидетельства надругательства над верой и церковью.

В силу этого гуманист выражает удивление долготерпением Бога и не в силах понять, как нечто подобное на протяжении длительного времени не только не имело кары, но, напротив, дела такого тирана процветали. Пакье даже отмечает, что первые две книги вызвали лично у него «крайнее раздражение», вплоть до того, что гуманист «скрежетал зубами и топал ногами». Это состояние вызывалось недовольством автора безнаказанностью всех преступлений государя-тирана. Он риторически вопрошал: «Как Господь мог допустить, чтобы этому противоестественному чудовищу позволялось так долго процветать, и он даже не испытал никаких покушений»⁴⁰. Рассказывая о блестящей победе русских войск над крымским ханом, он искренне недоумевает: «Я не в силах понять, почему такой великий успех выпал на долю самого презренного человека на земле»⁴¹.

И чуть ли не с облегчением гуманист отмечает, что (наконец-то!) он нашел доказательства справедливой божественной кары этой тирании: «В 3 книге я обнаружил полный поворот его фортуны». Этим божественным воздаянием Пакье явно считает поражение в Ливонской войне. Его описание конца войны проникнуто нескрываемым торжеством: «Стефан Баторий, новый король Польши, вернул земли Ливонии, завоеванные Грозным, и разбил его в сражении, заставив бежать и ввергнув его в пучину отчаяния»⁴².

Выводы автор делает в соответствии с оценками, приводимыми им в начале своего письма. Иван Грозный предстает как воплощение жестокости и тирании, это «новый Ирод», который «не ведал ни закона, ни веры, если его увлекала жестокость», достойно показавший, что он — «истребитель невинного народа»⁴³.

И снова встает вопрос: почему историк столь детально, опираясь на сведения, почерпнутые у других авторов и явно непроверенные, уделяет этому сюжету столько внимания. Едва ли французам в 1587 г. были так интересны детали зверств, происходивших еще недавно в далекой Московии. Образ «le roi-tyran» был сформирован в общественной мысли Франции задолго до 1580-х гг., и Московия уже была признана наряду с Турцией воплощением деспотии. Ответ на вопрос, почему Пакье (кстати, очень далекий от тираноборчества и Лиги) не просто прочитал чужое сочинение, но сам именно в этот

момент обратился к страшным страницам истории другого народа и образу государя-тирана, да еще приукрасив его, можно дать лишь с учетом даты и появлением прозвища «новый Ирод». В 1587 г. лигерская публицистика быстро наращивала темпы пропаганды, направленной против Генриха III. Анаграмма имени Henri de Valoi (Генрих Валуа) как «Vilain Herode» («Злобный Ирод») уже широко использовалась.

Вероятнее всего, Пакье решил продемонстрировать французам, каков же облик подлинно жестокого и неистового правителя, подлинного Ирода в лице далекого московского (к тому же уже почившего) государя, а также чего стоит правовая система в подобном государстве. Поэтому-то образ его потребовал крайнего сгущения красок: Пакье явно отбирал в доступных ему источников (в основном сочинениях А. Поссевино и А. Гваньини) наиболее яркие, поражающие разум и чувства среднего грамотного француза, ошеломляющие, даже шокирующие детали, да еще по мере возможности дополнял их от себя, создавая явно приукрашенный миф о государе-чудовище. Но в этом конденсате ужасов и варварства отсутствует описание самой страшной казни (также практиковавшейся в Москве): сажание на кол применялось даже в отношении представителей высшей знати (судьбы князей Д. Шевырева и Б. Тулупова). Очевидно, гуманист все же не сумел перейти грань, за которой описание вызывало бы уже не сочувствие к жертвам, а омерзение. Впрочем, недалеко от подобных упоминаний ушла изложенная им история (отсутствующая в его источнике) о дьяке, которому был предложен выбор между жестокой смертью и чудовищным, фантасмагорическим унижением (предложением съесть человеческое мясо), которое мог изобрести только мозг безумца.

В изображении Пакье Иван Грозный предстает как инкарнация жестокости, деспотизма и бесчеловечности. Эти оценки закрепились во французской культуре надолго, но впоследствии лигеры связали вопрос о типологии государства с личностью правителя. Известный католический проповедник Лиги Ж. Буше, судя по всему, не был большим эрудитом в вопросах русской истории, но именно для него Иван Грозный — создатель новой формы власти, человек, который осуществил трансформацию государственности в тиранию: «великий герцог Московский Иван Базилиад... превративший свою государственную власть в жесточайшую тиранию»⁴⁴.

Таким образом, французская политическая мысль последовательно, предельно негативно и нелицеприятно оценивала как само Московское государство, так и его правителя. Крайне тенденциозные оценки были определены прежде всего потребностями и задачами политической пропаганды, создания образа «государя-тирана». Именно этим и объясняются обращение к русской истории и трактовка образа Ивана Грозного. Характерна апелляция к особому менталитету подданных Московского царства, которые противопоставляются в своей покорности и долготерпении европейцам, что и обеспечивает возникновение и продолжительность тирании. Не менее существенно, что глав-

ным показателем деспотизма становится не только неограниченность власти правителя, но и отсутствие правосудия, что беспрепятственно предоставляет возможность для проявлений жестокости и лицемерия со стороны правителя и извращает даже его религиозные чувства. Но и оценки самого Московского государства достаточно негативны: оно наряду с Османской Портой выступает как антитеза правовому государству, как государство деспотическое. Русская тема возникает во французской политической полемике исключительно в связи с антииранской и антидеспотической пропагандой; изложение и оценки не только русской государственности, но и менталитета и образа жизни чаще всего носят общий негативный характер и нередко связаны с конструированием историко-политических мифов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Leroy L.* Consideration sur l'histoire française et l'universelle de cette temps dont les merveilles sont recitées á tres vertueuse et excellente Dame madame Catherine Royne de France, mère du Roy tres-crestien Charles IX du nom. Lyon, 1567. P. 8.

² *Bodin J.* Les six livres de la Republique. Paris, 1578. P. 200.

³ *Ibid.* P. 202. Боден почти дословно цитирует сочинение А. Гваньини. См.: *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С 55.

⁴ [*Du Plessy-Mornay Ph., Languet H.*]. De puissance legitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince. Genève, 1581. P. 139.

⁵ *Ibid.* P. 197.

⁶ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. Paris, 1643. P. 707, 708, 778.

⁷ Использовалось издание: *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997.

⁸ *Pasquier E.* Les lettres. Paris, 1619. Vol. I. L. XI. Ep. 17. P. 722.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.* P. 723.

¹³ *Ibid.* P. 728, 729.

¹⁴ *Ibid.* P. 722. Мысль о том, что поругание рода сопровождалось бесчестьем женщин, судя по всему, присутствовала в чудовищных наказаниях Грозного за измену. Об этом свидетельствует факт, упомянутый Дж. Горсеем (французы его либо не знали, либо не сочли возможным привести), — казнь княгини Анны Тулуповой и ее сына, а также личные комментарии Грозного по этому поводу. См.: *Levin E.* Sex and society in the world of the Orthodox Slavs. 900–1700. Ithaca; London, 1995. P. 227.

¹⁵ *Pasquier E.* Les lettres. Vol. I. L. XI. Ep. 17. P. 724. Вероятнее всего, речь идет о боярынях и служанках княгини Евдокии Старицкой. См.: *Карамзин Н. М.* Предания веков. М., 1987. С. 588.

¹⁶ *Pasquier E.* Les lettres. Vol. I. L. XI. Ep. 17. P. 724.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.* P. 725.

¹⁹ *Ibid.* См.: *Скрынников П. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 165.

²⁰ *Pasquier E.* Les lettres. Vol. I. L. XI. Ep. 17. P. 725.

²¹ *Ibid.* P. 727. Речь идет явно о конюшом И. П. Челяднине. См.: *Скрынников П. Г.* Указ. соч. С. 141.

²² *Pasquier E.* Les lettres. Vol. I. L. XI. Ep. 17. P. 727. Возможно, Пакье спутал Челяднина с другим казненным — казначеем Фуниковым.

²³ «Сообщники» Челяднина — нарвский воевода М. М. Лыков, свияжский воевода Катыв и казанский воевода Троекуров — были казнены безо всякой судебной процедуры, даже пародии на нее (*Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 141).

²⁴ *Pasquier E.* Les lettres. Vol. I. L. XI. Ep. 17. P. 726.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 727.

²⁷ Ibid. P. 725. Единственный сын Юрия Василий умер в младенчестве.

²⁸ Ibid. P. 730.

²⁹ Ibid. P. 729.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. P. 723.

³² Ibid. P. 727.

³³ Ibid. Явно, что ни сам Пакье, ни его источник не сведущи в русских должностях. Канцлер — это «печатник», но о казни Висковатого речь уже шла выше.

³⁴ Ibid. P. 728.

³⁵ Ibid. P. 725.

³⁶ Ibid. P. 728.

³⁷ Ibid. P. 724.

³⁸ Ibid. P. 726, 727.

³⁹ Ibid. P. 726.

⁴⁰ Ibid. P. 729.

⁴¹ Ibid. P. 727.

⁴² Ibid. P. 729.

⁴³ Ibid. P. 730.

⁴⁴ *Boucher J.* Sermons de la simlée conversion et nullité de la pretendue absolution de Henri de Bourbon, Prince de Bearn. Paris, 1593. P. 22r.

ТРАКТАТ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО «DE CIVILITATE MORUM PUERILIUM» И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVII в.

И. Л. Григорьева

XVII в. в истории России был ознаменован цивилизационным кризисом, сопровождавшим ее вступление в стадию перехода от Средневековья к Новому времени. «Сдвиг общественных отношений... привел к переустройству жизни московского государства, что сказалось и в явлениях его культуры. Установилось более тесное общение с Западом, повлекшее за собой внедрение его культурных особенностей. Византинизм потерял безраздельность своего авторитета. Поднялось и сознание сил своей национальности. Национальное направление выразилось, с одной стороны, в мощной переработке культуры Запада, с другой, — в страстной защите старинной культурной традиции»¹.

Оценивая место XVII столетия в истории русской литературы, Д. С. Лихачев сближает его по значению с эпохой западноевропейского Возрождения². Необходимо, однако, отметить, что отнюдь не художественная литература и тем более не поэзия сыграли при этом решающую роль. Как пишет В. С. Румянцева, становлению новых направлений в русской культуре в первую очередь способствовала творческая деятельность книжников, благодаря которой произошло не разрушение, а обогащение древнерусской культурной традиции³.

Русская духовная культура XVII в. как объект научного исследования, несмотря на обилие посвященных этому столетию исторических трудов, относится к числу малопознанных⁴. Одной из причин такого казуса, на наш взгляд, является распространенное в современном мире негативное отношение к византийскому наследию. Примеры подобного отношения приводит В. П. Рябушинский в своих трудах, посвященных наиболее важным аспектам русской социокультурной традиции. Вот пример из наиболее характерных: «Один балтийский немец, лютеранский пастор, писал: “Православие — низшая форма христианства”»⁵. «История византологии является любопытнейшим примером отсутствия, при известных условиях, беспристрастности в науке. “Византиец”, “византийство” — выражения эти и по сейчас почти ругательные»⁶. Их обычно употребляют, отмечает он, имея в виду «отжившую манеру думать и чувствовать»⁷. Между тем Русь получила прививку культуры, много более древней, чем западноевропейская. «Это

восточно-христианская культура, то есть сиро-египетская, преломленная в призме классической Эллады, и все это прошедшее через горнило Учения Христа, что главное. Можно назвать эту культуру и византийской, особенно для времен после потери Восточно-Римской империей Египта и Сирии, то есть после VII века»⁸. В год пятисотлетия падения Константинополя В. П. Рябушинский писал: «Ко времени падения Константинополя в нем скопилось громадное наследство... Наследство это в значительной степени не пропало, а в распределении его приняли участие, главным образом, две стороны — православный Восток, главным образом Россия, — он взял мудрость, и Запад, в частности Италия, — Запад взял разум, мирскую ученость, греческие рукописи, философию, классических авторов, поэтов, ученых и т. д. ...Если иные будут праздновать 500-летие конца Византии, мы, православные, будем праздновать начало новой эры ее жизни»⁹.

Разумеется, при изучении истории духовной жизни многое зависит от избранной исследователем методологии. Позитивизм, в частности, как метод исторических исследований служит при изучении подобных сюжетов далеко не лучшим подспорьем. Примером применения марксистской методологии является научное творчество крупного отечественного историка-религиоведа А. И. Клибанова, занимавшегося изучением феномена русских ересей и средневековой народной культуры. В своей последней монографии «Духовная культура средневековой Руси» историк отмечал сложность оценки XVI–XVII вв. ввиду «неразвитости, диффузности самого исторического процесса»¹⁰. В XVII в. в России шел, по его мнению, эволюционный культурный процесс, «запечатлевший приметы возрожденческой культуры»¹¹. «Вслед уходящей в прошлое “католической Европе” уходила в прошлое, поступью медленной и тяжелой, средневековая Русь. Начинался новый период русской истории... движение по отношению к высшим идейным ценностям, носителями которых выступали творцы и продолжатели гуманистической культуры...»¹² Рассматривая гуманизм как «поливариантное явление», А. И. Клибанов считал одним из его вариантов «гуманистическое христианство» — реформационные движения в России¹³. Гипотеза Г. М. Прохорова о Православном возрождении, трактующая исихазм как культурно-историческое явление, давшее стимул русскому возрождению¹⁴, казалась ему совершенно неприемлемой¹⁵. Ученица А. И. Клибанова Л. А. Черная отмечает переходный характер русского XVII в., считая самым существенным вкладом западноевропейской культуры в русскую рассматриваемого периода — ренессансный¹⁶. Придавая большое значение начавшемуся в науке процессу «антропологизации знаний», она кладет в основу своего подхода к изучению истории духовной культуры Древней Руси философско-антропологическое учение Макса Шелера, сторонника антично-греческой доктрины человека¹⁷.

Работы современных отечественных ученых-философов, посвященные русскому XVII в., базируются, как правило, на эволюционистском подхо-

де. В обобщающем труде «Философия религии: систематический очерк», написанном в соответствии с «принципом академического объективизма и нейтрализма»¹⁸, Ю. А. Кимелев, отмечая «плюралистичность философии религии», указывает на отсутствие универсальной методологии в религиозно-научных исследованиях¹⁹. «Своеобразие нынешней ситуации в религиоведении в том, что философия присутствует в нем в лице философии науки, а не философии религии. Поэтому современная философия религии не в состоянии выполнять необходимые функции»²⁰. Наиболее влиятельное течение современной западной философии науки, неопозитивизм, признающий единственно возможной формой знания специально-научное знание, плохо подходит для анализа духовной жизни православия. Возможно, поэтому Ю. А. Кимелев отказывается от элементарно развернутой характеристики учения Восточной церкви, а имен, связанных с православной церковной, религиозно-философской и культурной традицией, вовсе не упоминает.

М. С. Киселева, изучающая макротекст древнерусской книжности, использует философский подход Х.-Г. Гадамера²¹, согласно которому — бытие, которое может быть понято, есть язык. Таким образом, главный метод ее исследования — герменевтика: «Текст — предметная область всех гуманитарных наук как наук о культуре, имеющих дело с символическими формами... Предмет нашего исследования — особенность древнерусских текстов»²². М. С. Киселева, подчеркивая значение образовательных учреждений Украины и Польши в деле появления на Руси школьного образования, совершенно «не замечает» значения греческой образовательной традиции, которую к тому же связывает с «несвободой от идеологической нагрузки»²³.

В коллективном труде А. С. Ахиезера, И. М. Клямкина и И. Г. Яковенко «История России: конец или новое начало?», посвященном проблемам истории российской государственности, содержится попытка, с опорой на Карла Ясперса, доказать, что по причине ошибочно выбранных верховной властью духовных ориентиров алгоритмом развития России является хроническое отставание и постоянное заимствование чужого²⁴. Авторы пытаются высмеять «допетровскую культурную архаику». Характеризуя первое осевое время, в которое ввела Россию христианизация, они поясняют читателю, что предельно абстрактные универсальные понятия, появившиеся в ту эпоху, не имеют аналогов в эмпирической реальности. К тому же при этом на Руси был сделан «односторонний акцент на аскетизме»²⁵. В итоге под влиянием «новой веры, спущенной сверху», сформировалось «христианское сознание, не обремененное рациональным мышлением», продолжавшее господствовать у «москвитов» до конца XVII в.²⁶

Совсем иначе выглядят выводы М. Н. Громова, использующего культурно-исторический подход и генетический метод исследования²⁷. Запад, отмечает он, шел путем развития философии, методом понятийного, дискурсивного, логического мышления, развивая традицию Аристотеля, Фомы

Аквинского, порождая рационализм, позитивизм и неопозитивизм²⁸. На Руси мы видим философствование в стиле Платона, соединенное под влиянием кирилло-мефодиевской традиции с литературным процессом, образно-художественной и символической интерпретацией бытия и человека. «Россия всегда была на переломе, евразийским местом пересечения разных интересов, территорией, которая нужна многим другим народам»²⁹.

На сходных идейных позициях находился А. М. Панченко, в целом разделявший представления о характере древнерусской культуры, свойственные Д. С. Лихачеву. Ученый иронически относился к сетованиям по поводу «пресловутой “московитской” отсталости»³⁰. Оценивая противостояние русской старины (веры) и новой культуры (интеллекта), он толковал его в понятиях христианского неоплатонизма, по Псевдо-Дионисию Ареопагиту. Защитники церковной старины держались, по его мнению, за платоновско-платиновскую идею совершенной красоты, не поддающейся восприятию чувствами, «внешним» разумом; свойственное им понятие света как онтологически-гносеологической категории, объединяющей свет видимый и свет духовный (благо, истина, нравственное совершенство и красота), противостояло понятию света как просветительства и образования, «прогоняющего тьму невежества», поборниками которого были сторонники победы интеллекта над верой. «Духовный свет Древней Руси» был объявлен ими не имеющим ценности. «Отрицаются музыка, иконы, фрески, навыки общения, одежда, праздники, традиционные институты (юродство), вся национальная аксиоматика»³¹. По-разному понимали сторонники веры и сторонники интеллекта также проблему времени. Человеческое бытие в целом трактовалось древнерусской культурой как эхо прошедшего — событий прошедшего, которые отождествлялись с вечностью. Поэтому «обновление» воспринималось не как новаторство и преодоление традиций, а как движение с постоянной оглядкой на идеал, который находится в вечности. Новые же учителя провозгласили единое цивилизационное время, упраздняя различия между вечностью и бренным существованием³².

Языковед и культуролог В. М. Живов обратил внимание на существующее в историографии искажение подлинного характера русского XVII в. в результате «петровской мифологии», трактующей древнерусскую культуру как период невежества и клерикализма³³. В отличие от мнений Н. С. Трубецкого, Д. С. Лихачева и Д. Д. Оболенского, полагавших, что древнерусская культура — результат трансплантации византийской, В. М. Живов вслед за Ф. Томсоном утверждает, что на Русь был перенесен лишь ее фрагмент, а именно — культура провинциального византийского монастыря³⁴. Сутью культурного процесса русского XVII в. В. М. Живов считает переход от Средневековья к современности, а причиной этого перехода — религиозную и нравственную реформу первой половины столетия, целью которой было восстановление моральных ценностей, разрушенных Смутой. Эта религиозная реформа может

быть в какой-то мере уподоблена Реформации и Контрреформации³⁵. «При таком подходе мы получаем вместо западного влияния в виде запоздалого и странного Ренессанса понятную в своих истоках реформацию культурного сознания»³⁶. Высказанное В. М. Живовым мнение любопытно: радикальная реформация культурной системы Древней Руси явилась итогом «религиозного ригоризма» «боголюбцев» и их предшественников³⁷.

В. С. Румянцева отмечает, что, несмотря на всю значимость эмпирического подхода как необходимого предварительного этапа исследования, культуру далекого прошлого следует рассматривать в ракурсе, отличном от эмпирического. Пониманию характера религиозного мировоззрения способствует культурно-психологический подход, который, по ее наблюдениям, находится еще в стадии формирования³⁸. В качестве убедительного аргумента В. С. Румянцева приводит мнение Филиппа Ариеса, полагающего, что с изменением общественного сознания меняются формы религиозности³⁹. Складывается впечатление, что исследователь пытается по-новому поставить проблему сути и границ процесса секуляризации. В. С. Румянцева справедливо подчеркивает влияние святоотеческого наследия «на развитие интеллектуальных и образовательных тенденций в древнерусской культуре и литературе XVII века»⁴⁰. «Обращение к греко-византийскому наследию, богословскому и просветительскому, русской культурной элитой воспринималось духовно без противопоставления православию»⁴¹.

Как известно, древнерусская книжность была основой вероисповедной и литургической практики, а также вплоть до последней трети XVII в. имела значение социокультурного института образования. Литургическое достоинство церковнославянского языка, созданного Кириллом и Мефодием, предопределило первенствующую роль словесности у православных славян. На христианском Востоке значение литургии всегда было очень большим, гораздо большим, чем на Западе. «Великой привилегией России было принять христианство от Византии тогда, когда последняя достигла вершины своего литургического развития»⁴². Творцами православного церковного обряда были Отцы Церкви — Василий Великий и Иоанн Златоуст. На Руси существовал обычай благоговейного молчания перед священными книгами, толкования на которые считались уже осуществленным делом великих Отцов Церкви. В России была только одна типография — Московский Печатный двор, поскольку книга как «соборный акт» не должна была отражать чье-то мнение. (С 1653 г. царь передал Печатный двор в ведение Патриархии.) Книга была подобна иконе: текст, написанный на церковнославянском языке, обладал абсолютной сакральностью, а страница книги имела свою философию. Согласно учению филологов-исихастов Тырновской школы, утверждавших, опираясь на Псевдо-Дионисия Ареопагита, тождество слова и обозначаемого им явления, текст богослужебной книги — «средник», который обрамляют поля, рассматривался как прямая проекция неба на бrenную землю, «где

вечные истины сияют неизреченным светом»⁴³. Поэтому церковнославянским языком овладевали пассивно — путем чтения и заучивания наизусть. Книжник, непременно имевший духовный сан, считал своими учителями самих Отцов Церкви. Между чтением и молитвой существовала тесная связь: для понимания текста нужна молитва. Отсутствие школы предполагало и отсутствие учебников. Первым на русские земли общеевропейское отношение к грамматике как к началу учения привез Максим Грек, оказавший бесспорное влияние на появление «старших» азбуковников, которые в XVII в. стали первыми учебниками для наставления детей чтению и письму. Азбуковники, род словарей, предназначенных для «рачительных читателей священных текстов», сложились в конце XVI в.⁴⁴ По типу они примыкали к западноевропейским словарям, составленным в XVI–XVII вв., и объясняли иноязычные и архаические слова, встречающиеся в славянских книгах. Наиболее ранние из словарных сводов (глоссарии) находят в изборниках богословского содержания, сборниках толкований Отцов Церкви. Таким образом, в истоке формирования текста азбуковника лежал Изборник⁴⁵. Книга, к тексту которой составлялся такой глоссарий, содержащий и другой словарный материал, становилась средоточием разнообразных словарных сводов. Такими «собираателями» словарных материалов были Псалтирь⁴⁶, Лествица, Кормчая, Хронограф и, возможно, другие книги. Одним из вероятных источников азбуковников, которые служили также двуязычными греческо-русскими словарями, является «Речь тонкословия греческого» — написанное русским автором в XV в. руководство к разговорам на греческом языке⁴⁷. Это одна из немногих лексикографических основ азбуковников, источник имеющих в них греческих слов.

К середине XVII в. на первый план в духовной и культурной жизни России вышла проблема образования, тесно связанная с реформой, проводимой патриархом Никоном (1652–1666). Согласно представлениям, существовавшим на Руси, Никон принадлежал к числу имевших духовные полномочия «учительных людей», к которым относились архипастыри во главе с митрополитом, а потом — патриархом⁴⁸. Примечательна характеристика, данная этому церковному деятелю Н. И. Костомаровым: «Любимец Алексея Михайловича не мог вполне сделаться московским Петром Могилою. Ему негде было приобрести и усвоить ясных и сильных убеждений о необходимости просвещения, о научном образовании... Он был вполне русский человек своего времени, и если и был благочестивым, то в старом русском смысле... Буква богослужения приводит к спасению; следовательно, необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильнее»⁴⁹. Трудно не согласиться с В. С. Румянцевой, пытающейся пересмотреть подобные оценки личности и деятельности патриарха Никона как не соответствующие принципам и подходам современной исторической науки⁵⁰.

Патриарх Никон, видевший свою цель в том, чтобы поднять авторитет духовенства и реализовать просветительские идеи ревнителей благочестия, «боголюбцев», призывавших к нравственному оздоровлению народа, приложил большие усилия к расширению конфессиональных границ для учения и знания. По его просьбе ученый эмигрант Арсений Грек, технический эксперт Никона, участник всех его начинаний в области просвещения, купил в Новгороде через новгородских купцов на личные деньги патриарха более ста томов греческих и греко-латинских книг, печатных и письменных, среди них: Гомер, Гесиод, Геродот, Фукидид, Демосфен, Аристотель, Феокрит, Эсхил, Софокл, Аристофан, Плутарх, Пиндар, Гален, Порфирий и другие античные авторы, а также книги по грамматике, риторике, медицине, греко-латинские словари⁵¹. Эти книги составили личную библиотеку Никона. В числе манускриптов и печатных книг, привезенных «старцем» Арсением Сухановым из инициированной Никоном поездки в православные монастыри Греческого Востока, были, кроме уже упомянутых: сборник басен Эзопа, письма Пифагора, «Биографии софистов» Филострата, «Речи» Аристида, сочинения Павсания, Дионисия Галикарнасского, Диона Хризостома, Гермеса Трисмегиста, Аристотеля со схолиями Порфирия и Аммония, Георгия Гемиста Плифона и др.⁵² Кроме того, печатное дело, которым Никон руководил лично, остро нуждалось «в унификации текста, высоком качестве переводов, развитии грамматических форм, обогащении лексики и совершенствовании книжного стиля»⁵³. Необходимо было также улучшить кадры духовенства.

Известно, что цивилизационный кризис, переживаемый Россией на пороге Нового времени, имел трагические последствия: от трети до четверти ее населения не приняло церковных реформ и ушло в раскол. «Путь секуляризированной личности нового времени прошел в XVII в. для части русских людей через эсхатологическую мистерию — через экспансию обрядового времени в обыденное, через разрушение границ между профанным и сакральным миром»⁵⁴. Первые самосожжения начались в 1666–1667 гг.; их эпидемия охватила всю первую половину XVIII в.

Перед лицом распространения ересей, возникавших из искаженного восприятия Писания, богослужебных книг и произведений патристики, в России началось формирование регулярной школы. К этому времени в стране уже произошла революция в области книжного дела, когда на смену индивидуальному изготовлению манускриптов пришло тиражное книгопечатание, а издателем-монополистом выступило государство. Возникла нужда в квалифицированных справщиках, обладавших основательным знанием греческого языка, а также хорошей богословской подготовкой.

Фактическим руководителем «книжной sprawy», средоточием которой стал Московский Печатный двор, был иеромонах Епифаний Славинецкий (ок. 1600–1673), «один из крупнейших деятелей отечественной культуры XVII века»⁵⁵. Получивший образование в Киевской братской школе и про-

долживший его (предположительно) в Краковском университете, он был прислан в Москву из Киева (в ответ на просьбу царя Алексея Михайловича) в числе учителей греческого и латинского языков — трех «старцев» киевского братского Богоявленского монастыря. Ученик Епифания, инок Евфимий, сообщает о своем учителе ценные сведения: «Призван в царствующий град Москву из Киева лета 1649 благочестивейшим Великим Государем царем и Великим князем Алексием Михайловичем, Всея Великия и Малыя и белыя России самодержцем, ради научения словенороссийскаго народа детей еллинскому наказанию, некто иеромонах, именем Епифаний Славинецкий, муж многоученый, не токмо грамматики и риторики, но и философии и самая фелогии известный бысть испытатель и искуснейший разсудитель, и опасный перетолковник греческаго, латинскаго, славенскаго и польскаго языков. Иже, достоверно, сочени в царствующем граде Москве книгу Лексикон, Триглыссон, еллиннославнолатинский, и книги святых Афанасия Великаго, Василия Великаго, Григория Феолога, Иоанна Дамаскина... и иныя, от еллинска на славенский диалект переложи, и многая Словеса сочини»⁵⁶.

Несмотря на скудость сведений о домосковском периоде жизни Епифания, сама его принадлежность к верным сторонникам и помощникам патриарха Никона, выраженное грекофильство указывают на связь его ранней биографии с деятельностью западнорусских братских школ, находившихся тогда под эллинославянским влиянием. Ревнителями православной культуры на русском Западе XVI в. были московские изгнанники. Среди них — ученик Максима Грека, «византийский гуманист» князь Андрей Курбский (1528–1583), лелеявший идеал словено-греческой православной культуры, противопоставляемой им польской «барбарии»⁵⁷. Он стоял у начала церковнославянского возрождения в Литовской Руси⁵⁸, звал вернуться к истокам вероучения и собирался заново переводить великих Отцов Церкви IV в. Прот. Георгий Флоровский подчеркивает значительность культурно-богословского подъема Западной Руси конца XVI в. и его связь с Греческим миром⁵⁹. Он указывает, что Острожская Библия была «сознательно обоснована на греческом тексте»⁶⁰, что Острожское училище (академия) было устроено, скорее всего, по греческому образцу, а в числе его учителей были греки. По его мнению, князь Константин Острожский хотел создать в Остроге славяно-греческий культурный центр, в противовес римской униатской коллегии св. Афанасия⁶¹. Греческое влияние слабеет в западнорусских землях только во второй половине XVII в.⁶²

Примерно в 1652–1667 гг. Епифаний пребывал в патриаршем «Старомосковском» Чудовом монастыре. В этот самый плодотворный период его жизни он поддерживал связь с кружком ревнителей благочестия; благодаря царскому духовнику Стефану Вонифатьеву был представлен царю Алексею Михайловичу⁶³. О взглядах Епифания Славинецкого мы узнаем из его сочинений, в числе которых ораторская проза⁶⁴. Первой из речей, произнесен-

ных им в Москве, была похвала Иоанну Златоусту, пользовавшемуся на Руси огромным авторитетом. «Боголюбец» Иван Неронов всегда держал при себе «Маргарит» Иоанна Златоуста и зачитывал его народу в храмах⁶⁵. К числу характерных особенностей поучений Епифания принадлежит использование приемов древнерусской литературы и верность нравственным принципам православия⁶⁶. По его мнению, зло состоит в том, чтобы делать зло, а не в том, чтобы его претерпевать. Эта мысль из поучений «старца» перекликается с высказыванием патриарха Филарета (Романова) (1619–1633): «Если вы побыете неприятеля — будете свободны, если будете побиты — от Бога примете венец»⁶⁷. Епифаний следовал нравственным правилам, определенным для монахов высоко чтившимся на Руси Василием Великим, епископом Кесарийским. По словам Епифания, монах должен быть обязательно нестяжателен, «ничтоже на земле стяжите», его украшают «мудрование, правда, целомудрие, мужество, разум, любовь, нищелюбие, вера в Христа, безгневство, странничество». В «Слове к иереям» он заявляет: «Не можете Богу работать и мамоне»⁶⁸. Как и патриарх Никон, Епифаний имел прочную духовную связь с ревнителями благочестия, «боголюбцами», расцвет деятельности которых пришелся на середину XVII в. — время появления киевского «старца» в Москве.

Антагонистом Епифания Славинецкого был Симеон Полоцкий (1629–1680), «крупнейший деятель отечественной культуры нового типа»⁶⁹, тайный униат и член ордена базилиан, профессиональный писатель («Ума излишком, аж негде девати, / Купи кто хочет, а я рад продати»)⁷⁰. Не случайно его ученик Сильвестр Медведев видел «понос России» в отсутствии в ней культуры по западноевропейскому образцу, считая, что русскую культуру нужно строить заново, «как бы на пустом месте»⁷¹. «Так в XVII веке родилось русское западничество, родилось европоцентристское пренебрежение к средневековой Руси»⁷².

Д. С. Лихачев и Г. М. Прохоров, пытаясь защитить от искажений смысл культуры средневековой Руси, писали в середине 1980-х гг.: «В последнее время за рубежом активизировались попытки дискредитировать древнерусскую культуру как якобы культуру невежества и даже мракобесия. Конечно, это говорят и пишут “мудрецы века сего”, глухие к слишком для них простому и человеческому голосу древнерусской культуры. Причина же, по которой, на их взгляд, эта культура недостаточно интеллектуальна, простовата, как раз в том, что она стремилась быть не только умной, но и мудрой. Разум, знания ценились очень высоко: “Ничто же разума есть честнейше, ибо разум свет есть душе словесние, такожде пакы неразумие тма есть” (“Диалектика” Иоанна Дамаскина). Человек по нерадивости неразумный хуже бессловесного животного, “невежество злее согрешения” — это были общие оценки. Но ясно виделась и страшная опасность, которую представляет ум, ускользающий из-под контроля нравственности. Подвижники — юродивые в жизни и Иванушки-дурачки в сказках — как раз и обнажали безумие эмансипированного разума»⁷³.

Епифаний Славинецкий видел высшую мудрость и высшее благо в «греческом учении», отделяя византийскую книжность от «философии внешней». В сочинении «Люди сидящей во тме, видеша свет велии», направленном против невежд, хулящих учение и просвещение⁷⁴, он прославляет «учения греческого луч»⁷⁵. Епифаний, фактически руководивший работой Печатного двора, исходил из тех же принципов филологической критики текста, что и Максим Грек⁷⁶, идеолог церковного мышления Московской Руси. Его произведения, близкие по подходам к Псевдо-Дионисию Ареопагиту, Симеону Новому Богослову и Григорию Паламе, оказали большое влияние как на развитие русской религиозной жизни в целом, так и на религиозное возрождение XVII в. Неудивительно поэтому, что Епифаний Славинецкий в числе немногих мыслителей XVII в. остался на позициях Максима Грека в качестве противника «аристотелевских силлогизмов»⁷⁷.

Значительное место в переводческой деятельности Епифания Славинецкого занимали творения Отцов Греко-Восточной Церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Максима Исповедника⁷⁸, а также труды по новому переводу Библии. Правда, возглавляемый им переводческий кружок подготовил только перевод Нового завета, сделанный «с многих древних книг рукописных и печатных»⁷⁹. Помимо исправления текста Библии, предполагалось, что он будет обучать «еллиногреческому» языку. Вместе с тем, по-видимому, правильно устроенной школы под руководством Епифания Славинецкого в Москве не существовало⁸⁰.

Целью Никоновской реформы было единство в вере Русской и Греческой Церквей. Сложилось представление о тождестве греческого и церковнославянского языков, которые вследствие их функционального параллелизма понимались как идеальное целое, две ипостаси одной и той же сущности. Предполагался как бы единый «еллинославянский» язык, который реализовывался либо как греческий, либо как церковнославянский. Основной языковой установкой Епифания Славинецкого было максимальное уподобление церковнославянского языка греческому. При этом образцом для него служил новопечатный греческий библейский текст. В XVII в. его переводы считались образцовыми и ставились в один ряд с трудами Максима Грека. Благодаря Епифанию Славинецкому утвердилась ориентация литературного языка на нормы грамматических и лексикографических руководств, а также лингвистический характер «книжной справки».

В связи с вышесказанным неудивительно, что именно Епифаний Славинецкий познакомил Русь XVII в. с творчеством Эразма Роттердамского, который, будучи также филологом и богословом, посвятил изданию Библии и Отцов Церкви многие годы. Попутно отметим, что сочинения Эразма были знакомы уже князю Андрею Курбскому. В. В. Калугин находит аллюзии из «Адагий» в «Истории о великом князе Московском»⁸¹. В кружке Курбского для сборника сочинений Иоанна Златоуста «Новый Маргарит» было пере-

ведено жизнеописание Иоанна Златоуста «слагателя жития его Герасмуса Ретородама»⁸².

Полагают, что именно Епифанию Славинецкому принадлежит «Гражданство обычаев детских» — переложение на русский язык знаменитого педагогического трактата Эразма Роттердамского «*De civilitate morum puerilium*» («О приличии детских нравов»), написанного для малолетнего сына герцога Адольфа Бургундского Генриха и впервые вышедшего в свет в 1526 г.⁸³ Это переложение было предположительно выполнено Епифанием Славинецким во время его пребывания в кремлевском Чудовом монастыре, где он (до 1667 г.) руководил кружком переводчиков, и предназначалось царским детям, прежде всего наследнику престола царевичу Алексею⁸⁴. Оно было сделано с одной из обработок трактата Эразма, распространенных в Европе в XVI–XVII вв. Впервые появившаяся в Базеле в 1538 г. под названием «*Civilitas morum Erasmi, in succinctas et ad puerilem aetatem cum primis appositae quaestiones, Latinas et Germanicas, digesta et locupletata, per Reinhardum Hadamarium*» («Эразмовы правила поведения, изложенные и дополненные Рейнгардом Гадамарским в кратких и наиболее доступных для детского возраста вопросах на латинском и немецком языках»), она принадлежит немецкому гуманисту Рейнгарду Лорихию Гадамарскому, придавшему трактату Эразма катехизическую вопросно-ответную форму⁸⁵. (Сам трактат Эразма «*De civilitate morum puerilium*» был впервые переведен в России лишь в конце XVIII в.⁸⁶)

Появление русского переложения знаменитого педагогического трактата великого европейского гуманиста, цитаты из которого к этому времени разошлись по всей Европе, связано с возникновением в России учебных заведений, образцом для которых служили школы православных братств запада Руси. Порядок и содержание обучения в таких школах (некоторые из них были интернатного типа) отразили тексты известных учебных руководств («Школьное благочиние», «Домострой» и др.)⁸⁷. Подобие западнорусских братских школ были учебные заведения, созданные в Москве (1685) и Новгороде (1706) учеными греческими иеромонахами Иоанникием и Софронием Лихудами⁸⁸.

Учитывая плодотворные педагогические усилия Лихудов и пригласившего их в Новгород митрополита Иова (планировавшего осуществить в Новгороде и новый перевод Библии), вполне закономерным представляется появление здесь фрагментов из сочинения Эразма в составе сборника смешанного содержания конца XVII в. (ОР РНБ. Соф. 1208. Л. 1–87)⁸⁹, найденного в середине XIX в. в библиотеке Новгородского Софийского собора И. К. Куприяновым⁹⁰. Они вошли составной частью в азбуковник (л. 44–87), озаглавленный составителем «Каталога российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора» «Детей преднаказание или букварь славенский вместе с греческим... с наставлениями учащихся, сочиненный по примечаниям Лихудами, или Арсением Греком, или кем-нибудь из учеников Лихудовых»⁹¹. В этой рукописи, уже введенной нами в научный оборот⁹²,

находятся статьи разного содержания, что характерно для сборников — «типичного и примечательного явления нашей средневековой литературы»⁹³. «Надо иметь в виду, — пишет А. С. Орлов, — что средневековая русская книжность состояла преимущественно из сборников, небольших, так сказать, энциклопедий или хрестоматий, заключавших в себе статьи, объединенные каким-либо отдельным жанром, или составленных бессистемно, как бы взамен целой библиотеки разных произведений»⁹⁴.

На титульном листе азбуковника (л. 44) — его название, на греческом и «славенском» языках: «Παίδων Προταίδεία»; «Детей преднаказание», которое может быть переведено как «Начальный курс обучения для отроков». Посobie начинается силлабическими виршами о пользе учения: «Цветы бывають дети благих родителей / Цветы и ученицы благих учителей... Не хотяй трудолюбно юний учитеся / Пределно о том старь будет стыдитесь» (л. 44 об. — 46 об.). Предисловие «Тщаливому читателю въ Господе радоватися» (л. 47–50) наставляет читать Писание для обретения мудрости, а также чтобы не впасть в ересь. Ведь «невежда Бога прогневляетъ и чести лишается», «учение светъ, а не учение тма» (л. 47 об.). «Инде безумно написася, а инде и ересь невежно внесеся. Виждь, любимиче, каковы плоды не учения, каковы ветви неведения, каково древо неразумия» (л. 49 об.). «Сихъ убо ради всехъ сочинися сей алфавитарий (или букварь) с малою и нуждною орфографиею славенскою отчасти и греческою» (л. 49 об.). Сразу за предисловием — «Из слова Епифания Славинецкого егоже начало “Люди сидящей во мгле”» (л. 51): «Возлюбите наказание, возлюбите мудрость. Ненавистник истинны тмою ненависти ослепленный не видит ясныя учения греческаго лучи, еуже мрачная неведения тма разрушается, восток и запад озаряется, север и юг просвещается и вся селенная облиставается» (л. 51–52 об.). Основная часть азбуковника — «Алфавитарь: Ради учения малых детей Увещание учителемъ» (л. 52 об. — 54) — начинается с «Молитвы входа во училище» («Открой Господи очи моя и уразумею чудеса от закона твоего...») (л. 55 об.). В ней излагается элементарный курс грамматики церковнославянского языка, предполагающий также знакомство с греческим языком (л. 56–74 об.). Затем идет рекомендация учителю научить «отроча» следующим молитвам: «Отче наш» (л. 75); Символ веры (л. 75 об. — 76), «Богородице Дево радуйся» (л. 76 об.). Заключительный раздел азбуковника озаглавлен: «Созрепие христианского учения. Ради малых детей» (л. 76 об. — 80 об.). «Подобаест отрочу обучатися кунно, еже услышати гласы звона. От сна востати и помышляти быти архангельскую трубу, гласящую последних телес восстание к суду поживших и воздаянию. Таже восстав от сна знаменует себе самого отрок знаменiem честнаго и животворящего креста тремя первыми персты десныя руки кунноже приглаголя словесно и мысленно и делню Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Таже одеався ризами и умыв лице, на благодарение богу воздвигшему его, обратитесь требствуешь, яко убо сподо-

бися здравствуя... востати от одра. Таже положив три великия и простертыя поклоны пред иконою владычнею благоговейно ити ко храму дому молитвы благочинным ступанием ниже скоро текий, ниже убо ступая по желбу чрепокожному: но средний и царственнейший». Затем отроку положено посетить храм: «О еже кая отрок в церкви стоя блюсти и во уме обращаться». Далее повторяется текст «Молитвы входа во училище» (л. 78), и лишь затем идут фрагменты из «Гражданства обычаев детских» (л. 79 об. — 80 об.).

Примечательно, что из 164 правил, содержащихся в тексте «Гражданства», в азбуковник вошло лишь 6⁹⁵:

«О обычаех во училищи:

В.: Во училищи како долженствуют пребывати дети?

О.: Долженствуют любити молчание и воздержание, никим шептанием и беседами невежливыми пресецати чтения, стерещися должны, да не воспримут достойного наказания, егда будут наказуемы в должностях своих, гордо да не отвещают и не влекутся всякого возвышения и злобе словес или досады, облекутся же во остроумия охотное и податное ко учению, всегда прилежно ушесы готовыми да слушают проповеданному им усердно да внемлют, иже им учитель повесть да не препустят мимо ушес и еже услышат, яко некое сокровище.

В.: Что должныствуют творити дети, егда из училища отпустятся?

О.: Скоро в дом да не спешат, не бегом потекут, яко усмошевцы спешащие на торжище; не должныствуют воплстовати, яко оный стентор; ниже мятеж некий творити аки неиствующии кони, егда взыгратися им, ниже паки бегати подобает яко скоту семо и овамо, аще что в дому повелится им творити и содеяти, ко учению же паки не чрез понуждение, но усердно да возвратятся⁹⁶.

«О ложи или ложнице:

В.: Вечер пришед в ложницу или в спальную храмину, что долженствует творити отрок?

О.: На святые молитвы да вдастся... и прежде, неже на очеса сладкий сон примет, на память все дела и мысли яже сотвори во оный день.

В.: В начале что имать памятовати отрок в ложнице своей?

О.: Молчание, честность и стыд сих вещей и востая и ложася никогда же имать забывать что егда будет ничто же не обычай, но ничтоже бесстыдно сотворит: ничтоже пред очесы человеческими обнажит еже обыкновение и естество сокровенно имети хочет.

В.: На ложи каковое приличество долженствует хранить детище?

О.: Прежде, неже главу возложит на возглавие, чело и перси знаменем креста стало знаменует... никого же да огорчит своим многословием мирно да лежит превращающася не имать себе обнажити и клеветы развещающа одежды да не огорчает.

В.: Како долженствует спати лежи отрок?

О.: Не на нос, ниже взнак, но первее на правый бок да возляжет и руце крестообразно сложив да защищает перси знамением креста святого, положив правую руку на левое рамо, левую же на правое.

В.: Что имать детище, егда порану встанет от ложа?

О.: Молитвою день да начнет: ничто же прежде да творит, дондеже первее главу учешет, лице умыет и усто руками измыет и воспоет слава тебе боже наш, слава тебе...»⁹⁷

Сразу за этим правилом в азбуковнике идет «полунощница» (текст утренних молитв): «Слава тебе, Боже наш, слава тебе. Царю небесный утешителю... трисвятое, пресвятая троице, Отче наш, от сна восстав, благодарю тебя святая Троице, и прочая: посему начало по обычаю полунощных» (л. 80 об.)⁹⁸. Затем азбуковник рекомендует: «Посем родителем или ближним и приятелем поздравствовати на благоденствие с честным и низжайшим поклонением. Таже ити в училище или в дому сести и упразднитеся подобающее время в прочитании священных писаний... и время препровождати не праздну ниже в глумлениях, дондеже достигнет часть ястия: и тогда богу помолитися молитвою Отче наш: и тако ясти честно и благоговейно, благодаря богу о даемых потребных. Не прочитав же кому молитвы Отче наш, никакоже дерзати ясти и зело юншъ сый» (л. 80 об. — 81). И далее: «На трапезе же велицей сел еси, не разверзи на ней гортани твоя. Яждь яко человек предложенное тебе и не разгребай, да не возненавидеши; престани первый и не пресыщайся, И аще посреде многих сел еси, первейший их не простири руки твоя» (л. 81 — 81 об.). Правила поведения на трапезе в азбуковнике лаконичны и имеют мало общего с правилами поведения на пирах, изложенными в трактате Эразма «О приличии детских нравов»⁹⁹, а также в «Гражданстве обычаев детских» (раздел «О беседе») ¹⁰⁰.

Заканчивается азбуковник, как и начинается, синтактическими виршами: похвалой розге — «Розгою дух всесвятый, дети, бити велит / Зане розга здравия, ниже мало вредит. Разум во главу детей розга погоняет... Розга, дети, святому учит писанию / Розга же наказует и послушанию» (л. 82 об. — 83) и нравоучительной беседой — «Нравонаказание стихами сложено / Детей ко учению всячески потребно» (л. 84–87).

Знаменитый педагогический труд Эразма Роттердамского, «крупнейшего теоретика педагогики XVI века и крупнейшего теоретика гуманистической педагогики вообще»¹⁰¹, сделавшего «светскую книгу орудием широкого воспитания»¹⁰², оказался очень осторожно — фрагментарно, с тщательным выбором — включенным в письменный памятник допетровской Руси конца XVII в., тесно связанный по жанру и характеру с традициями древнерусской культуры. Возможно, прав прот. Димитрий Предеин, полагающий, что из всех ренессансных мыслителей Эразм, «пожалуй, наиболее близок к Православию»¹⁰³. «Вообще в бурный век Ренессанса и гуманизма, когда средневековые устои христианского благочестия были расшатаны и надломлены,

личность Эразма Роттердамского является отрадным примером соединения просвещеннейшего ума с искренней, сердечной верой во Христа»¹⁰⁴. Попутно отметим, что протестантская теология XVIII в. ценила в наследии Эразма возможность сделать протестантизм «религией свободы», решив спор между Лютером и Эразмом в пользу последнего¹⁰⁵.

На наш взгляд, этот азбуковник, оставшийся вне поля зрения В. С. Румянцевой¹⁰⁶, нуждается в дополнительном изучении. Тем не менее его культурологическое значение уже может быть определено. Представляется, что он связан с религиозным подъемом середины XVII в., который, с известными оговорками, может быть назван «Православным возрождением». Братья Лихуды, деятельность которых отражает этот письменный памятник, были носителями традиций исихастского богословия¹⁰⁷. «С гуманизмом исихазм неожиданно роднит одна черта: как тот, так и другой величайшее значение придают процессу здешней, земной, а не загробной жизни», — отмечает Г. М. Прохоров¹⁰⁸. «Разницу же мировосприятия “гуманиста” и “исихаста” можно уподобить разнице эвклидова и неэвклидова (Лобачевского–Римана) пространства. В мире гуманиста есть перспектива, и бесконечность в нем иллюзорна и бесконечно далека. Для исихаста же бесконечность (“божественная энергия”) рядом, в нем... Во всяком случае, разница этих мировосприятий имеет отношение к разнице в “пространствах” мира восточноевропейской иконописи и того мира, который был уже зачат на западе Европы Петраркой (другом и учеником Варлаама) и который зримо сформируется под кистями живописцев Ренессанса»¹⁰⁹. В связи с этим особенно необходимо отметить, что грубейшей ошибкой является попытка Б. Н. Митюрова соотнести содержание азбуковника из Новгородской школы братьев Лихудов со взглядами пуританина и утилитариста Дж. Локка (1632–1704)¹¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVII вв. М.; Л., 1945. С. 338.

² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 206–207.

³ Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. М., 2010. С. 25.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010. С. 323.

⁶ Там же. С. 227.

⁷ Там же. С. 311.

⁸ Там же. С. 299–300.

⁹ Там же. С. 328–329.

¹⁰ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 278.

¹¹ Там же. С. 275.

¹² Там же. С. 296.

¹³ Там же. С. 275.

- ¹⁴ Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. XXIII. С. 86–108; Он же. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 3–17. См. также: Он же. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 9.
- ¹⁵ Клибанов А. И. Указ. соч. С. 111.
- ¹⁶ Черная Л. А. Проблема человека в русской культуре XVII в.: влияние гуманистических идей // Культурные связи в Европе эпохи Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2010. С. 201.
- ¹⁷ Черная Л. А. История культуры Древней Руси. М., 2007. С. 5–23.
- ¹⁸ Кимелев Ю. А. Философия религии: систематический очерк. М., 1998. С. 6.
- ¹⁹ Там же. С. 29.
- ²⁰ Там же. С. 31.
- ²¹ Киселева М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 7.
- ²² Там же. С. 7–8.
- ²³ Там же. С. 212–216.
- ²⁴ Ахмезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 157.
- ²⁵ Там же. С. 82.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Громов М. Н. Образ человека в русской философии // Актуальные проблемы современности сквозь призму философии: Сборник докладов. Великий Новгород, 2007. Вып. 1. С. 44–51.
- ²⁸ Там же. С. 53.
- ²⁹ Там же. С. 56.
- ³⁰ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры (XVII — начало XVIII века). М., 2000. С. 12.
- ³¹ Там же. С. 50.
- ³² Там же. С. 63–65.
- ³³ Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры (XVII — начало XVIII века). С. 465.
- ³⁴ Там же. С. 461.
- ³⁵ Там же. С. 482.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 465.
- ³⁸ Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. С. 43, 79 (примеч. 102).
- ³⁹ Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории: сб. ст. М., 1977. С. 240. См. также: Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. С. 41.
- ⁴⁰ Там же. С. 21.
- ⁴¹ Там же. С. 23.
- ⁴² Рябушинский В. П. Указ. соч. С. 318.
- ⁴³ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 115.
- ⁴⁴ Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963. С. 141.
- ⁴⁵ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI–XVII вв. Л., 1975. С. 224.
- ⁴⁶ См., в частности: Псалтирь в святоотеческом изъяснении. Свято-Успенская Почаевская Лавра, изд. 2011.
- ⁴⁷ Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. С. 321, 328, 376, 389.
- ⁴⁸ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 37.
- ⁴⁹ Костомаров Н. И. Патриарх Никон // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 2 кн. Репринт. воспроизв. изд.: СПб., 1873–1888. М., 1991. Кн. 2. Вып. 4–5. С. 168–169.

- ⁵⁰ Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. С. 64–66.
- ⁵¹ Переписная книга домово́й казны патриарха Никона // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 15. С. 117–134.
- ⁵² Белокуров С. Арсений Суханов // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1891. Кн. 2. С. 44.
- ⁵³ Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. С. 25.
- ⁵⁴ Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры (XVII — начало XVIII века). М., 2000. С. 381.
- ⁵⁵ Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 243.
- ⁵⁶ Евфимий, инок. Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. СПб., 2006. С. 53–54.
- ⁵⁷ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия // Из истории русской культуры (XVII — начало XVIII века). С. 267.
- ⁵⁸ Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 277.
- ⁵⁹ Флоровский Г., прот. Указ. соч. С. 272.
- ⁶⁰ Там же. С. 267.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. С. 274.
- ⁶³ Румянцева В. С. Епифаний Славинецкий (нач. 1600–1675) // Исторический лексикон. XVII век. М., 1998. С. 218–221.
- ⁶⁴ Елеонская А. С. Человек и Вселенная в ораторской прозе Епифания Славинецкого // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. М., 1989. С. 201–217.
- ⁶⁵ Панченко А. М. О русской литературе // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. М.; СПб., 2005. С. 380.
- ⁶⁶ Елеонская А. С. Указ. соч. С. 202.
- ⁶⁷ Первоиерархи Русской Православной Церкви. СПб., 2009. С. 23.
- ⁶⁸ Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. С. 62.
- ⁶⁹ Громов М. Н., Козлов Н. С. Указ. соч. С. 244.
- ⁷⁰ См.: Тарский И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 59. Цит. по: Громов М. Н., Козлов Н. С. Указ. соч. С. 245.
- ⁷¹ Панченко А. М. О русской литературе. С. 373–374.
- ⁷² Там же. С. 374.
- ⁷³ Лихачев Д. С., Прохоров Г. М. К читателям // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М., 1985. С. 8. Ср.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 291–322.
- ⁷⁴ Елеонская А. С. Указ. соч. С. 208.
- ⁷⁵ Румянцева В. С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. С. 62.
- ⁷⁶ Калугин В. В. Указ. соч. С. 259.
- ⁷⁷ Черная Л. А. История культуры Древней Руси. С. 209.
- ⁷⁸ Румянцева В. С. Епифаний Славинецкий. С. 220.
- ⁷⁹ Там же. С. 221.
- ⁸⁰ Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 47.
- ⁸¹ Калугин В. В. Указ. соч. С. 63.
- ⁸² Там же. С. 63, 293. См. также: Revunenkov N. V. Erasme en Russie // Dutch Revue of Church History. Leiden, 1991. Vol. 71. № 2. P. 129–156.
- ⁸³ Епифаний Славинецкий. Гражданство обычаев детских // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., 1985. С. 314–330; Алексеев М. П.

Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология: Сб. ст. М., 1958. С. 275–336.

⁸⁴ Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов // Педагогика. 1995. № 4. С. 83. (Вступительная статья В. С. Румянцевой).

⁸⁵ Эразм Роттердамский. Указ. соч. С. 84–94.

⁸⁶ Эразма Роттердамского молодым детям наука, как должно себя вести и обходиться с другими и Иоанна Лудовика руководство к мудрости. Для пользы обучающегося в Московской славяно-греко-латинской академии юношества. М., 1788. См. также: Эразма Роттердамского молодым детям наука, как должно себя вести и обходиться с другими. Книжница о приличии детских нравов // *Меньшиков В. М.* Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса: Учебное пособие. М., 1995. С. 72–95.

⁸⁷ Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. С. 282–294, 280–282, 305.

⁸⁸ См., в частности: *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 года / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 77–94. См. также: *Григорьева И. Л.* Гуманитарная составляющая семи свободных искусств: От античной образовательной традиции к школьной (схоластической) // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 года. Великий Новгород, 2009. С. 93–98; *Салоников Н. В.* Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНО и архива СПб ИИ РАН // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Третьи Лихудовские чтения». Великий Новгород, 31 мая — 2 июня 2010 года (в печати).

⁸⁹ Приношу сердечную благодарность П. А. Медведеву за уточнение датировки сборника.

⁹⁰ *Куприянов И.* Материалы для истории русской педагогики // ЖМНП. 1856. Январь. Ч. 89. С. 32–35.

⁹¹ Каталог российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора // *Абрамович Д. И.* Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. I. С. XXXIII.

⁹² *Григорьева И. Л.* Новгородская культура XVI–XVII вв. и традиции ренессансного гуманизма (к вопросу об идеях и произведениях Эразма Роттердамского в России) // НИС. 1999. № 7(17). С. 115–118; *Grigoryeva I. L.* The Ideas of Renaissance Humanism in the Novgorodian Culture from the 16th to 18th Centuries and the Creative Work of Erasmus of Rotterdam // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». С. 17–21. См. также: *Григорьева И. Л.* К вопросу о характере одного рукописного учебного пособия Новгородской школы братьев Лихудов (Соф. собр. ОР РНБ) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М.: РГГУ, 2012. С. 248–250. Публикацию двух небольших фрагментов азбукownika под названием «Алфавитарь — преднаказание детям» см.: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. С. 349.

⁹³ *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI–XVII вв. С. 211.

⁹⁴ *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 46.

⁹⁵ *Епифаний Славинецкий.* Указ. соч. № 143, 145, 159–163. С. 328–330.

⁹⁶ Там же. № 143, 145. С. 328. Ср.: ОР РНБ. Соф. 1208. Л. 78 об. — 79.

⁹⁷ *Епифаний Славинецкий.* Указ. соч. № 159–163. С. 329–330. Ср.: ОР РНБ. Соф. 1208. Л. 79 об. — 80 об.

⁹⁸ См.: Полунощница во вся дни // Часослов. М., 2008. С. 3–24.

⁹⁹ Ср.: Эразма Роттердамского молодым детям наука... С. 83–90 (Глава четвертая. О пирах). См. также: Эразмовы правила поведения, изложенные и дополненные Рейнгардом Гадамарским в кратких и наиболее доступных для детского возраста вопросах на латинском и немецком языках // *Эразм Роттердамский.* Указ. соч. С. 88–92 (раздел «О застолье»).

¹⁰⁰ *Епифаний Славинецкий*. Указ. соч. С. 321–326.

¹⁰¹ *Меньшиков В. М.* Указ. соч. С. 11.

¹⁰² Там же. С. 18.

¹⁰³ *Предеин Д.* Введение в философию: учебник для православных духовных школ / протоиер. Димитрий Предеин. СПб., 2009. С. 96.

¹⁰⁴ Там же. С. 98.

¹⁰⁵ *Кассирер Э.* Философия Просвещения. М., 2004. С. 181. См. также: *Kaegi W.* Erasmus im achtzehnten Jahrhundert // *Gedenkschrift zum 400. Todestage des Erasmus von Rotterdam*. Basel, 1936. S. 205–227.

¹⁰⁶ *Румянцева В. С.* Епифаний Славинецкий и «Правила поведения для юношества» Эразма Роттердамского // *Исторический вестник*. Воронеж, 2000. № 1 (15). С. 79–86; *Она же*. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века.

¹⁰⁷ См.: *Григорьева И. Л., Мельников Д. В.* К вопросу о византийской традиции в богословии братьев Лихудов // *Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Вторые Лихудовские чтения»*. Великий Новгород, 24–26 мая 2004 года. Великий Новгород, 2009. С. 26.

¹⁰⁸ *Прохоров Г. М.* Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. С. 93.

¹⁰⁹ Там же. С. 94.

¹¹⁰ Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. С. 356.

К ИСТОРИИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «БРИТАНИИ» УИЛЬЯМА КЕМДЕНА В БИБЛИОТЕКЕ ПАТРИАРХА НИКОНА

Н. А. Болдырева

Распространенное в историографии убеждение в том, что допетровская Россия была практически полностью исключена из процесса культурно-информационного обмена с Европой, уже не раз подвергалось критике. Напротив, сегодня подчеркивается крайняя заинтересованность русских правителей в получении новых данных о западных странах. Появление в Москве значительного количества зарубежной литературы в переводах способствовало активному распространению этих сведений в кругах интеллектуальной и управленческой элиты Московского государства.

В отдельную группу переводных трудов исследователи выделяют сочинения географического содержания¹. Среди них особое место занимает историко-топографический трактат известнейшего английского ученого, антиквара Уильяма Кемдена «Британия». Он появился в России в составе атласа Яна Виллема Блау (1596–1673) «Theatrum orbis terrarum sive atlas novus». Атлас был переведен с латыни на русский язык в середине XVII в. под заглавием «Позорища всея вселенныя, или Атлас новый в немъже начертания и описания всех стран издана суть»². Это роскошное издание, полное новейшей на тот момент информации не только о европейских странах, но также об Америке, Азии и Африке, с красочными картами, было опубликовано в Амстердаме; его последняя часть, включавшая в себя описание Англии, Шотландии и Ирландии, увидела свет в 1645 г. Русский перевод атласа в четырех томах с вкладной патриарха Никона хранится сегодня в отделе рукописей Государственного исторического музея, в собрании бывшей Синодальной библиотеки³, хотя известны и другие списки, в частности вступительной главы первой части⁴. Так сложилось, что исследователи больше обращали внимание на первые три тома в силу разных вопросов, которыми они задавались⁵, а о последней четвертой части атласа Блау писали вскользь, хотя наличие перевода «Британии» Кемдена в библиотеке патриарха Никона может стать предметом отдельного значительного исследования. В данной работе предпринята попытка кратко суммировать информацию об этой рукописи, которую можно почерпнуть при изучении самого текста, в описях патриаршего имущества

и Синодальной библиотеки XVII–XIX вв., а также в литературе начиная со второй половины XIX в. и до наших дней.

Уильям Кемден (1551–1623) родился в Лондоне в семье Сэмпсона и Елизаветы Кемден. Отец Уильяма, художник по профессии, приехал в Лондон из Личфилда, чтобы здесь продолжить свою карьеру, и стал членом Гильдии художников по витражам. Мать Уильяма Кемдена была родом из Кумберлендов, знатной семьи, гордившейся своими древними корнями⁶. Получив хорошее образование в нескольких учебных заведениях Англии (школа при Госпитале Христа, школа Святого Павла, колледж Магдалины, Оксфорд, Пемброк-колледж), однако так и не получив степени бакалавра искусств, в 1571 г. будущий антикварий перебрался в Лондон, где начал кропотливую работу по сбору материала для своего первого монументального труда — «Британии», который был издан в 1586 г.⁷ Книга была принята весьма благосклонно и английскими читателями, и английскими учеными и принесла Кемдену славу специалиста по древностям Британии. В 1580–1590-х гг. Уильям Кемден стал одним из самых авторитетных исследователей в Англии. Вокруг него спланивается знаменитое Общество антиквариетов, а с получением заказа от Елизаветы I на создание «Анналов» ее правления (изданы в 1615 г.), за написанием которых пристально следил сам король Яков I, иногда даже требовавший принести ему фрагменты рукописи для личного ознакомления, исследователь приобрел статус официального королевского историографа. Он состоял в переписке с лордом-казначеем Англии лордом Берли, библиофилом и антиквариетом Робертом Коттоном, публицистом, писателем и историком епископом Френсисом Годвином, юристом, историком права, антиквариетом и политическим деятелем Джоном Селденом⁸ и другими. Достаточно долгое покровительство лорда Берли и расположение королевы позволили ему не думать о добывании денег на жизнь и полностью посвятить себя истории⁹. Патронат всесильного министра Берли открывал ученому доступ к архивным материалам, которыми он активно пользовался при написании своих трудов.

В 1593 г. Кемден занял кресло декана Вестминстерского колледжа, но через 4 года был вынужден отказаться от этого места в связи с назначением на должность одного из герольдмейстеров (гербовых королей)¹⁰. В 1622 г. он вел в Оксфорде курс лекций по истории. В последние годы, несмотря на тяжелую болезнь, практически полностью парализовавшую его, антикварий продолжал редактировать свои рукописи, собирая материалы по истории Британии. Он умер 9 ноября 1623 г. на 73 году жизни и был похоронен в Вестминстерском аббатстве, неподалеку от Чосера, причем в последний путь ученого сопровождало огромное число людей, как знатных пэров, так и простых студентов лондонских колледжей. Эпитафия, посвященная великому исследователю, гласила:

Кемден! Пестователь древности
И светоч для последующего века.

Сам Кемден признавался, что уже в школе его заинтересовала древность, и позже, учась в колледже, он старался посвятить любимому занятию все свободное время. Он много путешествовал по Англии, собирая материалы для своего исследования. В 1577 г. произошла знаменательная встреча, которая фактически утвердила Кемдена во мнении, что его труд будет полезен для английской науки. Речь идет о знакомстве Уильяма Кемдена с известным фламандским картографом Абрахамом Ортелием¹¹, который посетил Лондон и, побеседовав с молодым исследователем и познакомив его со своими картографическими изысканиями, посоветовал ему систематизировать собранный материал, дабы «прославить свою страну через деяния героев древности»¹². Не случайно, что авторское предисловие к «Британии» начинается благодарностью в адрес фламандского картографа: «Великий восстановитель древней географии Абрахам Ортелиус тридцать лет назад весьма серьезно убеждал меня ознакомиться весь мир с древним государством Британии, а именно, возратить Британию древности, а древность — Британии; обновить то, что является старым, проиллюстрировать то, что является неясным, разрешить то, что является сомнительным»¹³. Последовав совету друга, Кемден начал активно работать над созданием объемного и подробного описания Британии, и в 1586 г. книга была издана на латыни: «*Britannia, sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberiae, et Insularum adjacentium ex intima antiquitate Chorographica Descriptio*».

Последующие издания выходили с достаточно коротким промежутком времени: в 1587 г. уже появилось второе издание, такого же объема, но с доработанными маргиналиями; третье — в 1590 г., и его факсимиле было отпечатано во Франкфурте и выпущено снова в 1616 г.; четвертое, в четырех томах, — в 1594 г.; пятое, посвященное королеве Елизавете, — в 1600 г., причем именно в нем впервые появились статьи, описывающие древние монеты бриттов, римлян и англосаксов, 4 карты и зарисовка Стоунхенджа; шестое и последнее при жизни Кемдена издание было отпечатано в 1607 г. Оно посвящалось королю Якову I и в дополнение получило карты, выполненные известными специалистами по картографии К. Сэкстоном и Дж. Норденом¹⁴. Впервые на английский язык «Британию» переложил Филемон Холланд, причем частично под диктовку самого автора. Два издания книги, основанных на этом переводе, появились в 1610 и 1637 г.¹⁵

Главная цель Кемдена — подробное и как можно более полное описание Британии, при создании которого наиболее ярко проявилась специфика антикварного подхода в изучении «портрета» английского государства. Антиквария интересуют все аспекты жизни того или иного графства или города: территориальное разграничение, особенности природы, сословная структура общества (исследователь излагает происхождение каждого звания и придворной должности), история институтов власти, например парламента, история Англии в целом и каждого населенного пункта в частности, история английского языка и т. д. «Я проследил древние деления Британии и представил об-

ший перечень государств, юридических судов этих процветающих королевств Англии, Шотландии и Ирландии. Я определил границы каждого графства (хотя и не с точностью до дюйма) и проанализировал природу почвы, и места величайшей древности, и кем были герцоги, эрлы и бароны»¹⁶, — писал Кемден. Само повествование о Британии дается в виде путешествия автора по ее графствам с подробным указанием количества миль и времени, потраченного на переход из одного города в другой¹⁷. Каждый раздел, посвященный одной из ее территорий, открывается подробной картой, на которой скрупулезно отмечены все города, селения, возвышенности, переправы и т. д. «Карты весьма желательны и востребованы в этой работе; поскольку не только украсят ее, но и также будут активно использоваться, как такие карты во всех исследованиях подобного рода, особенно когда они улучшаются и объясняются описанием мест»¹⁸, — считал антикварий.

Источниковедческая база «Британии» поражает своим размахом. Не случайно Кемдена называют человеком «универсального знания». Сам антикварий так характеризует свои изыскания: «Я приобрел некоторое знание старого бриттского и саксонского языков для того, чтобы мне было легче; я объехал почти всю Англию и в каждом графстве консультировался с людьми, знающими и лучше всех разбирающимися в этих вопросах. Я прилежно прочитал наших авторов, так же как и греческих и латинских, кто хотя бы упоминает название Британии. Я проанализировал публичные акты королевства, церковные регистры, библиотеки, акты, достопамятности и мемориалы церквей и городов»¹⁹.

Количество письменных источников, использованных Кемденом, очень велико. Это и античные авторы (Геродот, Плиний, Тацит и т. д.), и средневековые (Беда, Гильдас, Матвей Парижский, Ранульф Хигден, Эдвард Холл и т. д.), и его ближайшие предшественники (Полидор Вергилий, Джон Бейл, Джон Фокс, Джон Лиланд, Джон Стау, Рафаил Холинshed и т. д.). Уильям Кемден вводит в употребление совершенно новый тип информации — статистические данные по Англии, почерпнутые из таких источников, как, например, «Книга Страшного Суда» (опись земельных владений в Англии, составленная для Вильгельма Завоевателя в 1085–1086 гг.).

Надписи, оставленные предками на памятниках материальной культуры — стенах домов, церквей, надгробиях, предметах обихода и т. д., также интересуют Кемдена. Антикварий не только приводит оригинальную запись и ее перевод, но иногда предлагает читателю зарисовку того или иного фрагмента, демонстрируя незаурядные навыки палеографии.

Материальная культура волнует исследователя еще больше — во вступительных статьях к «Британии» он анализирует древние монеты: их форму, рисунок, вес, место и время распространения.

Вместе с новыми типами источников антикварий освоил и иные методы работы с ними, их анализа и способов извлечения подлинной информации.

Исследователи называют Кемдена основателем «критической обработки источника в английской историографии»²⁰. «Кемден, занимаясь — в лучших традициях Ренессанса — топографией и археологией Британии, показал, как забытая история может быть реконструирована на основании определенных данных, точно так же как естествоиспытатели, работавшие в то же время, строили на основании своих данных научные теории»²¹.

Учитывая все вышеперечисленное, становится понятным, почему «Британия» Уильяма Кемдена вошла в состав «Нового атласа» Блау в издании 1640–1645 гг. И то, что атлас Блау был создан на основе труда его предшественника Абрахама Ортелия, друга Кемдена, подвигнувшего антиквария на создание его историко-топографического трактата, делает этот факт еще более символичным.

Поскольку «Новый атлас» долгое время оставался самым полным изданием новейшей информации практически обо всех странах и континентах, известных в то время, интерес к нему в Московском государстве и желание перевести вполне понятны. А. И. Соболевский предполагал, что отбор книг для перевода делался государем или патриархом с помощью рекомендаций «служилых иноземцев»²². В данном случае перевод трактата Блау и «Британии» Кемдена был заказан именно главой Русской Православной церкви.

Русский перевод «Британии» представляет собой 624 листа южнорусской скорописи, на бумаге с водяными знаками типа «голова шута с семью зубцами» в переплете XVII в. (доски в коже с золотым тиснением)²³. На внутренней стороне верхней крышки переплета скорописью написано «Книга Вританния», а чуть выше киноварью — «Videtur seculi 17», что считается пометой Афанасия Скиады, профессора эллино-греческой школы в Москве, составившего описание греческих рукописей Синодальной библиотеки, изданное в 1723 г. На листах 6–13 — вкладная патриарха Никона: «Лета 7189 (1661) сию книгу положил в дом Святого живоносного Воскресения Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа Новаго Иерусалима смиренный Никон, Божией милостью патриарх. А кто восхощет ю усвоити, яко же Ахарь, сын Хармиев²⁴, или утаить, яко же Анания и Сапфира²⁵, да отимет от него Господь Бог святую свою милость, и затворит двери святых щедрот своих, и да придет на него не благословение, а клятва, и казнь Божия душевная и телесная, в нынешнем веце и в будущем вечная мука, а кто сие писание каким злым умыслением испишет от книги сея, да испишет его имя Господь Бог от книги животныя». Такая формула была одной из двух возможных, которую использовал либо сам патриарх, либо его писцы при надписывании книг, вкладывавшихся главой Русской Православной церкви в Воскресенский монастырь²⁶ (ил. 1).

Почерк четвертого тома совпадает с почерком рукописи третьего, где на первом листе есть киноварная помета: «Превод [перевод] Исаяи товарища Епифаниева». Это дает возможность нам вслед за другими исследователями считать, что обе части атласа Блау были переведены одним и тем же чело-

веком. Сама же надпись о «Епифаниевом» товарище отсылает нас к имени одного из самых образованных людей в Москве того времени, Епифания Славинецкого. Прибыв из Киевского братского монастыря в Москву в 1649 г. по приглашению Алексея Михайловича для участия в книжной справе, на протяжении многих лет он занимался переводами книг не только богословского, но и светского содержания, вплоть до анатомии человека. А поскольку новейшие географические, экономические и исторические данные были крайне важны для государя и патриарха, то в круг переводимых трактатов попал и «Atlas novus» Блау с включенным туда описанием Британии Кемдена. Сам Епифаний Славинецкий перевел первый и частично второй том этого труда. Другую часть второго тома перевел Арсений Сатановский, также официально приглашенный из Киева московским государем.

И о Епифании Славинецком, и об Арсении Сатановском известно достаточно, чего нельзя сказать о третьем участнике работы над переводом атласа — Исaйе. К. В. Харлампович в своем исследовании «Малороссийское влияние на великорусскую культурную жизнь», говоря о приходе малороссийского духовенства на территорию России в середине XVII в., опираясь на архивные данные за 1651 г., пишет, что из Путивля начиная с августа стали отсылать «без задержки» в Москву выходцев из разных малороссийских обителей. «Так были отправлены явившиеся... 5 сентября межигорские монахи... старцы Исаия, Карион, Иоанникий... и т. д.» Они были доставлены в столицу 24 сентября. «Межигорские старцы помещены были в андреевском монастыре»²⁷. Имеется в виду Андреевский Преображенский монастырь в Пленницах. Харлампович сделал предположение, что этот старец и мог быть тем «товарищем Епифаниевым», переводившим с ним атлас Блау, так как он тоже был малороссом: «Об этом заключаем из языка перевода, характеризующегося полонизмами и южноруссизмами»²⁸.

Поскольку и Межигорский Спасо-Преображенский монастырь, находившийся на правом берегу Днепра, и московская Андреевская обитель в Пленницах были крупными культурными центрами середины XVII в., воспитавшими немало ученых мужей, можно вполне допустить, что эта догадка верна. В Преображенский монастырь в Пленницах «принимали только по царскому именному указу и далеко не всех желающих... Поселиться здесь могли только «учительные» люди, знавшие языки и науки»²⁹. Здесь в 1656 г. Федором Ивановичем Ртищевым была основана школа европейского образца как для взрослого населения, так и для детей³⁰. И. Е. Забелин считал, что Епифаний Славинецкий по прибытии в Москву какое-то время, до переезда в Чудов монастырь в Кремле, жил именно в Андреевском монастыре³¹. Здесь он мог познакомиться и с Исaией, с которым поддерживал отношения и в дальнейшем, как минимум во время перевода четырехтомного атласа Блау.

Исследователи также дискутируют на предмет более точной датировки перевода атласа Блау, называя 1655–1657 гг. (Б. Е. Райков³²) или чуть более

широкий промежуток времени — середину 50-х гг. XVII в. (Н. А. Казакова³³). Латинский оригинал был издан в Амстердаме в 1640–1645 гг. Кстати, это было определено благодаря переводу вступительной части именно к трактату Кемдена, сделанному Исайей, где тот добросовестно указывает имя издателя «Иоанн Влаев» (то есть Иоанн Блау, сын Виллема Блау) и год издания этого тома — 1645 г. Нас смущает лишь одно: сохранившийся четвертый том — черновик с многочисленными исправлениями старца, кляксами и т. д., и что важно — скорее всего, чистовика этого тома никогда не существовало, иначе вкладная Никона была бы помещена именно на парадный вариант текста, переписанный либо полууставом, либо четкой скорописью, как случилось с предыдущими тремя томами. Это дает нам возможность предположить, что перевод части, сохранившей «Британию», был закончен ближе к 1658 г., когда имущество Никона уже было описано, опальному патриарху было разрешено переправить его в Воскресенский монастырь, и переписать трактат набело просто не успели. По какому-то недоразумению многие исследователи называют четвертый том атласа чистовиком³⁴, и здесь нам хотелось бы исправить эту неточность.

В описи домового казны Никона 1658 г., составленной боярином князем А. Н. Трубецким, окольничим Р. М. Стрешневым и дьяком А. Дуровым, в разделе «Въ верху въ каменныхъ полатахъ домовое» встречаем: «Семь книгъ в белыхъ кожахъ, болшие печатные на Латынскомъ языке, и въ томъ числе по скаске Старца Арсения Грека, книга описание всеа земли, книга описание жъ всехъ частей поморские земли, две книги козмографии третье части, одна съ прибавкою, книга вторая часть земли козмографии жъ, две книги четвертой части той же козмографии»³⁵.

Б. Е. Райков, державший в руках один из печатных латинских оригиналов в отделе картографии Государственной публичной библиотеки (сегодня — Российская национальная библиотека) в Санкт-Петербурге, описывает их вид именно так — большие книги в обложке, обтянутой белой кожей. Но в данной переписи сведений о переводах атласа нам не встретилось. И хотя исследователь считает, что Епифаний и его «товарищи» преподнесли перевод Никону до 1658 г.³⁶, можно допустить, что это было не так и что переводы дошли до патриарха позднее, по крайней мере перевод «Британии» Кемдена.

Итак, в 1661 г. патриарх Никон вкладывает свое книжное собрание в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь, но уже в 1674 г. из Патриаршего приказа в Новый Иерусалим поступило распоряжение «книги письменные и харатейные, и латинские и греческие, пересмотря, взять к Москве»³⁷. В 1675 г. в Кремль вернулось около 500 печатных и рукописных книг³⁸. В то же время была составлена опись привезенной библиотеки в алфавитном порядке. В ней отдельно отмечен привоз 28 февраля 1676 г. дьяком Иваном Постником 38 книг, которые были взяты из Воскресенского монастыря царским духовником, протоиереем Благовещенского собора Андреем. Среди них находились «Книга часть Италии, в дещь писана уставом», «Книга часть Галлии писме-

ная, в десь» и «Книга “Вританнии” часть, письмо белорусское»³⁹, то есть второй, третий и четвертый тома атласа Блау.

На полях напротив частей с описанием Италии и Британии стоит помета «у Тимофея», которая потом была зачеркнута, и рядом дописано «взята». Упомянутый здесь Тимофей — иеромонах Тимофей, основавший при поддержке Алексея Михайловича и патриарха Иоакима в Москве греческое училище, которое по его местоположению обычно называют типографским. Ректор училища всячески пополнял его библиотеку, в том числе и за счет Патриаршей ризницы. Таким образом, интересующая нас рукопись попадает в число 15 книг, взятых Тимофеем из Патриаршей библиотеки на протяжении 1681–1685 гг., из которых 14 книг (вместе с «Вританией») затем были возвращены в Кремль в январе 1686 г., когда состоялась передача Патриаршей ризницы новому ризничему Тихону Воинову⁴⁰.

В дальнейшем перевод «Британии» разделил общую судьбу Синодальной библиотеки, он упоминается во всех описях XIX в., например у Саввы: «Англии историко-статистическое описание. Перев. на белорусск. наречии. 1645–1661 — № 41, Белорус. Скрп, 624 л., автограф переводчика»⁴¹ и т. д., а в 1920 г. в составе рукописного собрания был передан в Исторический музей, Отдел рукописей, где хранится и по сей день.

Текстологический анализ рукописи при подробном его изложении может стать предметом отдельного исследования, поэтому в данной работе мы коснемся этого аспекта вкратце. Исайя следует структуре трактата Кемдена, практически полностью воспроизводя описание всех территорий Британии, обращая пристальное внимание на цифры и «статистические» данные (количество населенных пунктов, церквей и т. д.), которые английский антикварий приводит в своем труде. Это имело особое значение, ведь в русском переводе атласа Блау карты — самое ценное, что в нем было для его современников и потомков, — отсутствуют. Пожалуй, единственное, чем «товарищ Епифаниев» иногда пренебрегает, — это многочисленные поэтические вставки, столь интересные для Кемдена. Их Исайя переводит далеко не всегда или переводит, но не целиком.

Язык перевода, как отметил А. И. Соболевский, ученый церковнославянский и уже в силу этого тяжелый. Он включает полонизмы и южнорусизмы⁴², которые были естественны для выходцев из Киева. Знание латыни у Исайи было на высочайшем уровне, текст содержит крайне небольшое количество исправлений и дополнений на полях. Но для нас также представляет собой интерес появление в переводе грецизмов (например, само название трактата «Вританния»), что дает возможность говорить о том, что старец знал и греческий язык.

Сам текст перевода не раз приближается к буквальному. Некоторые термины фактически транслитерируются: *dux* записывается как *дукс*, а мера площади *hide* как *гид*. Но вместе с тем наблюдения над текстом свидетельствуют,

что переводчик относился к своему труду с ответственностью и вдумчивостью⁴³. Для Исайи *county, shire* — комитство, *prince* — властитель царский, *sheriffe* — местокомит, *province* — епархия, *dioceses* — области духовные или церковные, *kingdom* — царство. Часто он сохраняет латинский корень при переводе слова, особенно географического названия: in the province of Yorke — во епархии Ебораценской (от *lam.* — Eboracum), Лондон — Лондинен и т. д. Слово Parliament для ученого мужа середины XVII в. не вызывает тех трудностей, которые были у его предшественников, по сложившейся уже к этому времени традиции чаще всего он переводит его как «парламент».

Любопытно, что в дальнейшем популярностью у московских книжников пользовался не только трактат в переводе на русский, но и латинский оригинал: «Оригинальный текст... — латинская книга в 15 частях, в 1683 г. снесена была из “Мастерской палаты” в Посольский приказ, дьякам и толмачам, которым необходимо было обращаться к иностранным сочинениям»⁴⁴.

Итак, можно с полной уверенностью сказать, что судьба рукописного перевода «Британии» сложилась далеко не тривиальным образом. Бурные социально-политические процессы в Англии середины XVII в. стимулировали повышенный интерес русской интеллектуальной и управленческой элиты к историко-топографическому описанию этой страны и сведениям об ее государственном устройстве. Переведенная по заказу патриарха Никона как часть «Нового атласа» Блау, вложенная в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь в черновом списке, возвращенная в Москву и востребованная в дальнейшем «Британия», безусловно, была важна для главы Русской Православной церкви, его ближайшего окружения, а также для образовательных учреждений Москвы в качестве законченной, самостоятельной работы. Новейшие достижения позднеренессансной исторической науки и английской антикварной мысли, воплощенные в труде Уильяма Кемдена, были высоко оценены московскими книжниками, и их использование в различных целях еще раз подтверждает факт активного участия допетровской России в культурно-информационном обмене с европейскими государствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Все лучшие западноевропейские труды географического содержания были у нас переведены» (Алексеев М. П. Англо-русские литературные связи. М., 1982. С. 48).

² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 60.

³ 1 т.: Син. 779 — черновой список, Син. 19 — чистовой список; 2 т.: Син. 781 — черновой список, Син. 112 — чистовой список; 3 т.: Син. 780 — черновой список, Син. 204 — чистовой список; 4 т.: Син. 41.

⁴ Именно в этих вступительных главах в России впервые было опубликовано гелиоцентрическое учение Н. Коперника. Подробнее см.: Райнов Т. И. Наука в России XI–XVII вв. М., 1940; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947.

⁵ См., например: *Райков Б. Е.* Указ. соч.; *Казакова Н. А.* Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985.

⁶ *Kendrick T. D.* British Antiquity. London, 1950. P. 143.

⁷ *Levy F. J.* The making of Camden's Britannia // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1964. T. 26. № 1. P. 70.

⁸ Dictionary of national biography. London, 1886. Vol. 8. P. 283.

⁹ *Fussner F. S.* The historical revolution: English historical writing and thought, 1580–1640. London, 1962. P. 230–231.

¹⁰ Clarencieux king of arms.

¹¹ *Trevor-Roper H.* Queen Elizabeths first historian. William Camden and the beginnings of English “civil history”. London, 1971. P. 8.

¹² The life of Mr. Camden // *Camden W.* Britannia. London, 1722.

¹³ «The great Restorer of old Geography, Abraham Ortelius, thirty years ago, did very earnestly sollicite me to acquaint the World with the ancient State of Britain, that is, to restore Britain to Antiquity, and Antiquity to Britain; to renew what was old, illustrate what was obscure, and settle what was doubtful» (Mr. Camden's preface).

¹⁴ См.: *Helgerson R.* The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16.

¹⁵ Последующие издания вышли в 1695, 1722, 1753, 1772, 1789, 1806 и 1971 гг. (репринтное издание 1695 г.). Также известно, что в 1733 г. «Британия» печаталась как приложение к одной из газет, настолько широка была аудитория желающих с ней ознакомиться. См.: *Richardson R. C.* William Camden and the Re-discovery of England // Transactions. Leicestershire Archaeological and Historical Society. Leicester, 2004. Vol. 78. P. 113.

¹⁶ Mr. Camden's preface // *Camden W.* Op. cit.

¹⁷ См.: *Camden W.* Op. cit. P. 33, 69, 143 et passim.

¹⁸ Mr. Camden's preface// Ibid.

¹⁹ «I got some insight into the old British and Saxon Tongues for my assistance; I have travell'd almost all over England and have consulted in each County the Persons of best skill and knowledge in these matters. I have diligently perus'd our own Writers; as well as the Greek and Latin who mention at least tittle of Britain. I have examin'd the publick Records of the Kingdom, Ecclesiastical Registers, and Libraries, and the Acts, Monuments and Memorials of Churches and Cities» (Ibid.).

²⁰ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. М., 1980. С. 463. Примеч. 16.

²¹ Там же. С. 58.

²² *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 45.

²³ *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970–1973. Ч. I. Описание № 735.

²⁴ Ахан сын Хармия, согласно 7 Книге Иисуса Наввина, тайно скрыл в земле ценности, оставшиеся после падения Иерихона, чем навлек на себя гнев Божий и был побит камнями вместе со своей семьей, а их тела в дальнейшем вместе с имуществом были сожжены в долине к северу от Иерихона, получившей отсюда название Ахор.

²⁵ Член первохристианской иерусалимской общины Анания и его жена Сапфира упоминаются в «Деяниях святых апостолов» (5: 1–11). Они предприняли попытку обмануть апостолов и утаить часть вырученных средств, за что их постигает Божья кара: оба внезапно умирают.

²⁶ Л. М. Костюхина при анализе Воскресенского собрания выявила три почерка: самого Никона и двух других людей, писцов (*Костюхина Л. М.* Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник. 1960. М., 1962. С. 273). Формула, подобная той, что использована на листах «Вританнии», прослеживается на 33 рукописях Воскресенского собрания. Поскольку вкладная на интересующей нас рукописи не автограф патриарха, можно предположить, что это был один из двух писцов, которые помогали готовить книги к вкладу в Новоиерусалимский монастырь.

- ²⁷ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую культурную жизнь. Казань, 1914. С. 66.
- ²⁸ Там же. С. 141. К. В. Харлампович делает свои выводы, характеризуя только третий том атласа Блау, не четвертый.
- ²⁹ Румянцева В. С. Ртищевская школа // ВИ. 1983. № 5. С. 180.
- ³⁰ Румянцева В. С. Андреевский училищный монастырь в Москве в XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. М., 1999. С. 299.
- ³¹ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 305.
- ³² Райков Б. Е. Указ. соч. С. 121. Примеч. 2.
- ³³ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 167.
- ³⁴ Например: Райков Б. Е. Указ. соч. С. 121. Примеч. 2; Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 2. С. 118.
- ³⁵ Переписная книга домово́й казны патриарха Никона // Временник ОИДР. 1852. № 15. С. 107.
- ³⁶ Райков Б. Е. Указ. соч. С. 121–122.
- ³⁷ Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты. М., 2002. С. 18.
- ³⁸ Савва. Указатель для обозрения Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки, составленный ризничим, магистром архимандритом Саввою. М., 1855. С. 10.
- ³⁹ Опись книгам, взятым в Патриаршую Ризную казну, составленная 1675 года монахом Евфимием и иеродиаконном Иакинфом, и роспись книг, взятых в Патриарший разряд и переданных в книгохранилище // ЧОИДР. 1847. Кн. 5. С. 17.
- ⁴⁰ Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве. М., 2009. С. 122.
- ⁴¹ Савва. Указ. соч. С. 154.
- ⁴² Соболевский А. И. Указ. соч. С. 62.
- ⁴³ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 167.
- ⁴⁴ Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки. Сер. ист. наук. Л., 1948. Вып. 15. № 95. С. 67.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ИКОНОГРАФИИ XVI в.: ПОЛЕМИКА С «ЛЮТОРОВОЙ ЕРЕСЬЮ»?¹

Э. С. Смирнова

XVI век — время исключительно интенсивных перемен в политической и культурной жизни Московской Руси. Великокняжеский (впоследствии царский) двор, равно как и митрополит с его окружением, стремились подчеркнуть ведущую роль Московского государства в православном мире, выявить значение национального наследия для жизни страны. Большое внимание уделяется священным изображениям: это и предписания иконописцам с уточнением и разъяснением иконографии (в Постановлениях Стоглавого собора 1551 г.)², и масштабное перемещение древних икон, рукописей, элементов храмового убранства в Москву из старых русских центров, а более всего из Новгорода³, и борьба с остатками еретических движений, элементами которых было непризнание истинности и святости икон.

Такие явления зависят в основном от особенностей русской действительности, от путей политического и культурного развития самой Руси. Однако некоторые новшества русской иконографии, одни — достаточно известные в среде историков искусства, другие — мало замеченные, могут быть истолкованы и как ответ на внешние факторы, на идеологию западноевропейской Реформации. Эта идеология подразумевала, напомним, не только отрицание истинности священных изображений, но и непризнание чудес, святых чудотворцев, поклонения реликвиям. Негативное отношение к данной концепции неоднократно выражено в русских письменных источниках — в разного рода полемических сочинениях, в частности, принадлежащих Максиму Греку («Слово о поклонении святых икон противу являшагося в немцах иконоборца Лютора») ⁴, а также в Никоновской летописи. Такая реакция должна была быть тем более интенсивной, что Древняя Русь и в византийский, и в поствизантийский период выделялась среди всех регионов православного мира исключительным отношением к иконному образу, остро воспринимаемому и как средство контакта с горним миром, и как один из способов наставления в вере, и как чудотворящая святыня⁵.

Задача статьи — обратить внимание на европейский контекст некоторых явлений русской культуры XVI в., не принятый во внимание в литературе по

истории русского искусства. Приведем некоторые тексты. В 1561 г. московский митрополит Макарий получает от константинопольского патриарха Иоасафа обширное послание, обличающее «злославимую и пагубную и богомерскую Люторскую ересь». Вот что сказано там об интересующей нас проблеме: «...о проклятии Лютори: неверием не поклоняетесь божественным и святым иконам... Поклоняемся и святому Божию образу, еже есть святой убрис нерукотворенный образ... и святому образу Пречистыя Богоматери, иже написал богогласный Лука... и поклоняемся святым иконам всех святых Божиих угодник, и образы их верно и честно почитаем за их ради святость...»⁶

В ноябре 1563 г., перед военным походом на Полоцк, формулируются причины военных действий: «безбожная Литва, поклонение святых икон отвергыше, святые иконы пощепали и многая поругания святым иконам учинили, и церкви розорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше, и Люторство восприявши...». Овладев Полоцком, царь молится там в соборе Св. Софии перед сохранившимися тогда, по счастью, древними иконами⁷. До нас дошли и новгородские предания о хищении иноверцами православных икон, которые в чужом мире использовались неуважительно (например, в качестве двери) и были спасены православными⁸.

Некоторые новшества, сложившиеся в XVI в. в русской иконографии, приобретают особую выразительность именно с учетом «антилютеровской» борьбы. Намечаются три разновидности таких новаций. Одна связана с акцентуацией истинности образа Христа; другая — с темой истинности образа Богоматери; третья утверждает почитание святителя Николая Мирликийского как чудотворца.

* * *

1. Чтобы оценить новшество, появившееся в русском искусстве в XVI в. в связи с иконографией Христа, необходимо обратиться к определенной ее разновидности — изображению лика Спасителя на плате, которое в обиходе и в науке о русском искусстве обозначается как «Спас Нерукотворный»⁹.

Изображение лика Христа, запечатлевшегося без участия человеческих рук («нерукотворно») на плате, который был послан от Спасителя эдесскому царю Авгарю, а затем повторилось и на кирпиче («керамиде», в русском варианте встречается «на чрепии»), уже в глубокой древности нашло яркое воплощение в христианском искусстве. Как известно, после торжественного перенесения Св. Мандилиона в Константинополь в 944 г. во всем православном мире углубляется его почитание в качестве подлинного изображения Спасителя, как свидетельства истинности воплощения Христа. Изображения Св. Мандилиона и Св. Керамиды занимают важное место в программе византийских храмовых росписей.

В византийской иконографической традиции сопроводительные надписи при этих изображениях, помимо именующей («IC XC»), указывают на свя-

ценную реликвию — «Το ἅγιον μανδήλιον», или «Το ἅγιον κεράμιον», то есть на основу, несущую изображение. В славянских государствах на Балканах эта формула повторяется, причем дается ее славянский перевод: «Святой Убрус», «Святой Плат», «Святая Керамида». В русских стенописях XII–XIV вв. изображения Нерукотворного Спаса сопровождаются такими же надписями, греческими или славянскими, по форме соответствующими общевизантийской традиции, поскольку монументальные росписи исполнялись тогда по преимуществу приезжими мастерами.

Что касается иконописи, то в византийском мире изображения Спаса Нерукотворного весьма редки. Два памятника в Италии — в Ватикане (в Липсаноtheке Папского дворца) и в Генуе (в монастыре Сан-Бартоломео дельи Армени) — являются частями драгоценных реликвариев, которые, по преданию, непосредственно связаны со святынями Эдессы и Константинополя¹⁰. Лишь в поствизантийский период число икон с изображением лика Христа возрастает, но в слабой степени. Для византийского периода, до середины XV в., мы знаем лишь одно исключение: так называемый Ланский образ — икону приблизительно второй четверти XIII в. с изображением лика Христа на плате неизвестного происхождения, попавшую уже вскоре после ее создания в собор города Лана во Франции, несущую на себе не греческую, а славянскую сопроводительную надпись¹¹. Формула этой надписи — «ОБРАЗ ГОСПОДЕНЬ НА УБРУСЕ» (вместо указания только на сам «убрус», то есть плат), как и сам факт изображения Нерукотворного Спаса на иконе, а не в стенописи, являются уникальными для византийского мира XIII в.¹²

Между тем в русской культуре изначально сложилась иная традиция, нежели та, которая господствовала в византийском мире. Если в русских стенописях долгое время сохранялась византийская система сопроводительных надписей, обозначавших несущую основу, священную реликвию, то в русской иконописи такая композиция обозначалась иначе: как «ОБРАЗ» Спаса, а не как ткань или керамида. Именно такие формулировки дошли до нас и в русской письменности. В Киево-Печерском патерике (первая треть XIII в.) говорится: «...поклонишася нерукотворенному образу Господа нашего Иисуса Христа...»¹³. В Новгороде в грамоте князя Изяслава Мстиславича 1134 г. сказано: «...к Добрыне улицы к Образу Святому...»¹⁴, то есть к известному храму «Святого Образа», как называет его Первая Новгородская летопись. Аналогичные формулировки использованы в связи с другой новгородской церковью Св. Образа — «на Поле». В 1463 г. упомянута «церковь... во имя Образа Господня нерукотворенного, во славу Божию и образу Господню...»¹⁵ Примечательно, что в Новгороде стояли два храма, посвященных Святому Образу, и это не находит аналогий в других областях византийского мира.

Приведенные русские формулы — это перевод соответствующих оборотов греческих текстов. В их основе лежит Сказание X в. о перенесении святыни из Эдессы в Константинополь; затем, согласно консультации О. В. Ло-

сево́й, сыграли свою роль греческие Синаксари, а затем, очевидно, русские Прологи и Месяцесловы. Следует отметить, что в Сказании X в. употребляется и слово «εἰκόν», и слово «μορφή» (то есть «икона» и «форма», изображение как слепок), а в русском переводе и то, и другое переводится как «образ». Заглавие Сказания гласит: «Περί τῆς αἰτίας καὶ ἀχειροποιήτου θείας εἰκόνης Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν...» («О святой и нерукотворенной божественной иконе (образе) Иисуса Христа Бога нашего...»). А начало текста следующее: «Περί τῆς ἐν Ἐδέσῃ ἀχειροποιήτου καὶ θείας μορφῆς Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ ἡμῶν...» («Об Эдесском нерукотворенном и божественном образе Христа, истинного Бога нашего...»)¹⁶.

Данная иконография изначально играла большую роль в русской культуре именно как свидетельство истинности образа Спасителя. Изображения Спаса Нерукотворного в иконописи распространяются на Руси по меньшей мере в XII в.¹⁷ На новгородской двусторонней иконе XII в. в ГТГ надпись при этом изображении отсутствует¹⁸: вероятно, она была на несохранившемся окладе¹⁹. На более поздних иконах с такой же иконографией преобладают те надписи, которые утверждают истинность, подлинность изображения. На иконе рубежа XIII–XIV вв. из Введенской церкви в Ростове, на нижнем поле — «ОБРА[З] Г[ОСПОД]А БОГА И СПАСА [ИСУСА ХРИСТА]»²⁰. Такой же текст — на иконе конца XV в. из старообрядческого собрания (ГТГ)²¹. На псковской иконе XV в. в Смоленском музее это «ОБРАЗ Г[ОСПОД]А НАШЕГО [ИСУСА Х[РИСТ]А»²² (ил. 1). Более краткий вариант — «ОБРА[З] СПАСО[В]» на русской иконе начала XVI в. в монастыре Ксенофонтос на Афоне²³.

На других русских иконах встречаются и иные формулировки. Иногда это только именующие надписи «ИС ХС», а иногда мы видим надписи, прославляющие победу Христа над смертью²⁴. Есть и такие, где упоминается «УБРУС» или «МАНДИЛИОН», явно под впечатлением византийской традиции²⁵. Однако надписи с термином «ОБРАЗ» играли ведущую роль, благодаря чему идея истинности изображения Христа на плате была акцентирована с особой силой еще до того, как русское государство столкнулось с идеологией протестантов, с отрицанием священных изображений с их стороны.

Принимая во внимание сложившуюся русскую традицию, представляется чрезвычайно важным, что с XVI в. формула надписи на русских иконах дополняется: пишется не просто «образ» (то есть «икона», «изображение»), но включается слово «НЕРУКОТВОРЕННЫЙ», то есть созданный без участия человеческих рук, а потому бесспорный и истинный. Таковы, например, икона первой половины XVI в. из Великого Устюга (ГТГ) с надписью, местами читающейся лишь по остаткам букв: «НЕРУКОТВОРЕННЫЙ [утрачено] ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА РАСПЯТАГО»²⁶; икона XVI в. из собрания И. С. Остроухова (ГТГ): «ОБ[РАЗ] НЕРУКОТВОРЕННЫЙ»²⁷; икона около середины XVI в. в Великоустюж-

ском музее: «ОБРАС НЕРУКОТВОРЕННЫ ОБРАЗ ГА БГА СПА НАШЕГО ИС ХА»²⁸; северная икона конца XVI в. в собрании А. Д. Липницкого с надписью: «НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ Г[ОСПОД]А Б[А] ИС[УС]А ХР[ИС]ТА НАШЕГА»²⁹ (ил. 2); икона конца XVI в. в Костромском музее с надписью: «НЕРУКОТВОРЕННЫЙ ОБРАЗ Г[ОСПОД]А Б[ОГ]А Н[А]ШЕГ[О] ИС[УСА] Х[РИСТА]».

От XVII в. русских произведений с такими надписями сохранилось много. Во второй половине этого столетия на иконах мастеров Оружейной палаты, представляющих официальную художественную традицию, и особенно на произведениях ее ведущего мастера — Симона Ушакова, вновь иногда воспроизводится греческая формула («ΤΟ ΑΓΙΟΝ ΜΑΝΔΙΛΗΟΝ»). Возможно, в этом косвенно отразилось стремление Русской церкви вернуться к общеправославным нормам — стремление, получившее столь яркое выражение в деятельности патриарха Никона.

Формула — «Нерукотворенный Образ» — не изобретена на Руси, а взята из греческой письменной традиции, как перевод слова «αχειροποίητος». Но в качестве сопроводительной надписи на иконах с изображением лика Христа на плате она не была принята в православном мире — ни в византийский, ни в поствизантийский период. Иначе говоря, тема почитания икон и истинности святых образов, издавна остро подчеркивавшаяся в русской православной культуре, в XVI в. приобретает новые акценты.

Следует, однако, учесть, что начиная приблизительно со второй половины — конца XV в. тема святости Нерукотворного Образа нашла свое выразительное воплощение в еще одном славянском регионе поствизантийского мира, в западноукраинских землях, которые когда-то являлись частью Галицко-Волынского княжества, а с XIV в. оказались под властью Польши. Интересующие нас иконы написаны на досках, сильно вытянутых по горизонтали и игравших видную роль в интерьере храмов. В центре каждой из них помещается изображение Спаса Нерукотворного, а по сторонам нередко — сцены, изображающие историю Эдесского образа³⁰. Центральное изображение таких икон имеет две особенности. Во-первых, чрезвычайно важную роль в композиции играет изображение плата, широкого, с крупными складками и орнаментом. Ангелы, стоящие по сторонам, расправляют складки ткани, тем самым подчеркивая значимость Плата. Во-вторых, крупные надписи на этих иконах содержат формулу «ОБРАЗ НЕРУКОТВОРЕННЫЙ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА», тем самым указывая не только на святость Мандилиона, но и на истинность Святого Образа (ил. 3). В такой иконографии совмещаются как общевизантийские интонации, ставящие акцент на значении Мандилиона, так и характерные для Древней Руси, выявляющие истинность самого образа.

Недостаточная изученность материала не позволяет определить, имели ли место какие-либо внешние импульсы для возникновения иконографии за-

падноукраинских произведений и сопроводительных надписей на них, или эти особенности явились результатом внутренней эволюции местной культуры. Возможно, между этими областями и Северо-Восточной Русью, превратившейся в Московское государство, существовали более активные культурные связи, чем мы сейчас знаем.

* * *

2. Обратимся к иконографии Богоматери. В отличие от изображений Христа, истинность которых определяется Нерукотворным Образом, изображение Богоматери, согласно преданию, было создано человеком — евангелистом Лукой. В русском искусстве изображения св. Луки-иконописца сохранились начиная с первой трети XV в.; самое раннее — миниатюра новгородского Евангелия (РГБ. Ф. 247. Рогожск. № 138. Л. 144 об.³¹). Св. Лука обращен вправо, он держит икону Богоматери на коленях, за спиной — персонификация Божественной Премудрости, направляющей руку художника. Аналогичные изображения — в новгородском Евангелии 1480–1490-х гг. (БАН. 13.1.26. Л. 195 об.; *ил. 4*); в миниатюре XVI в., вклеенной в старопечатное Евангелие 1644 г. из Владимиро-Суздальского музея, и в ряде других³². Характерна плотная, нагруженная композиция, крупность фигур, придвинутых к переднему плану, что придает изображению впечатляющую внушительность и силу. Интересно, что в ранних русских композициях Лука представлен не только как художник, но и как евангелист — со свитком, книгой, инструментами для письма.

Около середины XVI в. русская иконография св. Луки-иконописца резко меняется. Ее развитие перемещается из Новгорода в Москву, где складываются два иконографических варианта, причем в каждом случае используются мотивы западноевропейских композиций, имеющих контрреформационную, антипротестантскую направленность³³.

Первый вариант новой русской иконографии фигурирует в иллюстрациях Сказаний о чтимых иконах Богородицы — Владимирской и Тихвинской (и ее предшественницы — Лиддской). Написание иконы Богоматери Владимирской евангелистом Лукой показано в миниатюре Лицевого летописного свода (ок. 1568–1576 гг.) во Втором Остермановском томе (БАН. 31.7.30. Л. 465³⁴; *ил. 5*). Поражают новые, изменившиеся по сравнению с миниатюрами Евангелий пропорции, некрупные легкие фигуры, диагональные ритмы. Перед нами памятник нового этапа в истории русской средневековой живописи. Основные иконографические новшества здесь следующие. Нет никаких напоминаний о том, что св. Лука был составителем Евангелия: ни свитков, ни книг, ни чернил. Он показан только как художник, занятый своим делом. Лука чуть привстает, его поза — непринужденная, в левой руке — чашечка с краской. Как же передается истинность создаваемого им образа? Убрав изображение Божественной Премудрости, составители новой московской иконографической программы вво-

дят фигуру Богоматери, которая своим присутствием гарантирует истинность образа. Более того, в данной миниатюре Богородица не только присутствует (на втором плане), но и словно принимает работу Луки — икону, которую он ей показывает. Контроль над работой художника осуществляет сама Богородица, что также является залогом подлинности Ее образа.

Налицо переплетение новой московской иконографии с западноевропейскими мотивами. В ситуации межрелигиозных споров, «антилютеровских» настроений западноевропейская иконография стремится опровергнуть иконоборческое учение Реформации. В западноевропейской живописи XVI в. приобретают новую популярность и остроту композиции со св. Лукой, пишущим изображение Богоматери. Эти композиции призваны показать, с одной стороны, творческую роль св. Луки — покровителя живописцев, передать его непринужденную позу художника, а с другой — продемонстрировать Божественное вдохновение, гарантирующее истинность создаваемого Лукой Богородичного изображения. Так, в картине Яна Госсарта (ок. 1520; Вена, Художественно-исторический музей, Галерея живописи) св. Лука представлен коленопреклоненным перед пюпитром, на котором стоит создаваемая картина; Богородица с Младенцем являются ему в облаках, а руку Луки — большая редкость в европейской живописи — направляет ангел³⁵.

В картине, как считается, круга Рафаэля, в Академии Св. Луки в Риме, св. Лука или полусидит, или стоит перед пюпитром, не полностью выпрямившись, в левой руке у него — горшочек с краской; слева — явившаяся ему Богородица с Младенцем, справа — юноша, очевидец события³⁶ (ил. 6).

Аналогичные композиции со св. Лукой-художником, хотя и более скупые и схематичные, появляются в русских циклах истории Богоматери Тихвинской (Лиддской), которая, как известно, получила на Руси исключительную популярность в XVI в.³⁷ (ил. 7). Пожалуй, более всего (разумеется, по схеме) сцены написания иконы Богоматери Лиддской св. Лукой похожи, хотя и в зеркальном отражении, на упомянутую картину круга Рафаэля: чуть согнутые ноги художника, чашечка в руке, стоящая Богородица.

Другой вариант русского отклика на иконоборческие идеи Реформации восходит к иному прототипу и зависит от европейских произведений лишь через посредство греческого образца. Около 1560–1567 гг. знаменитый греческий иконописец Доминикос Теотокопулос (Эль Греко) изобразил евангелиста Луку-иконописца не в старой византийской традиции — в строгой чинной позе, выпрямившись, за мольбертом, а с элементами западноевропейской иконографии: непринужденная поза художника-творца, а в небесах — ангел, его вдохновляющий, своим присутствием подтверждающий истинность создаваемого изображения (ил. 8). Этот образ знаменитого мастера рассматривается в зарубежной византистике как антипротестантский, содержащий контрреформационную направленность³⁸. В русской иконописи сохранились реплики этой иконографии, правда, уже XVII и начала XVIII в.: например,

икона второй половины XVII в. из собрания В. П. Гурьянова (нынешнее местонахождение неизвестно)³⁹ и икона начала — первой половины XVIII в. из б. собрания М. Е. Елизаветина⁴⁰ (ил. 9). Совпадают даже детали из иконы Эль Греко: положение ног св. Луки, диагонально расположенная скамейка под столом, на ней — ящичек с красками. Трудно сомневаться в том, что эти русские иконы XVII и XVIII вв. являются повторениями произведений XVI в., восходивших к иконе Эль Греко, и отражают антилютеровскую позицию Русской Церкви того времени.

* * *

3. Обратимся к образу св. Николая Мирликийского.

В 1553 г. на специальном церковном «соборе» разбирали воззрения еретика Матвея Башкина. В его взглядах, в том числе включавших и отрицание иконопочитания, историки усматривают влияние идеологии западноевропейской Реформации, а сам Башкин рассказывал, что свои идеи он воспринял от «латынинов» из Литвы⁴¹.

Единомышленники Башкина — бывший игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий, а также некие Перфир Малой и Сава Шах — были вызваны на диспут к царю и митрополиту, где выяснилось, что они считают «баснями», то есть выдумками, все церковные правила и постановления церковных соборов и что они «всех чюдотворцов, верующих во Христа и чюдеса творящих, похулили». Однако как раз в то время, когда шел спор у митрополита, в Кремле, в стоявшей там церкви св. Николая Гостунского, свершилось чудо исцеления от находившейся там иконы св. Николы: «И в которое время у митрополита истязались с Перфиром о чюдотворцех, еже глаголют святаго Николу проста мужа, и в то время Никола Гостуньский чюдотворец в храме своем у своего образа простил сына боярского, разслаблена руками и ногами, тулянина Григорья Сухотина: на молебне во един час здрав стал». Исцеленного привели к митрополиту на собор «и прославиша Бога, истинного Христа нашего, и угодника его Николу... и богохулных еретиков зле посрамиша»⁴².

Следующий эпизод, когда чудесами от икон, и в первую очередь от иконы св. Николы, опровергается «Люторова вера», происходит во время Ливонской войны. В мае 1558 г. русские войска штурмом взяли Ругодив (Нарву) во время пожара, и выяснилось, что пожар случился из-за «немчина», который стал разводить огонь для варки пива, взяв в качестве растопки икону св. Николая. Войдя в город, русские воеводы нашли эту икону, чудом спасенную от огня, а также увидели, что «на великом пламени образ Пречистые лежит лицом на огонь, и образ взяли ничим не връжен, а в другом месте нашли Николин образ». После этого события царь Иван Грозный направил в Ругодив архиепископа Новгородского, чтобы «обновити его [Ругодив. — Э. С.] от веры Латыньские и Люторовы, и утвердити в вере непорочней христианьской пра-

вославной»⁴³. Иконы из Ругодива торжественно привезли в Москву, что изображено, в частности, в миниатюрах Лицевого летописного свода и во фресках церкви Николы Надеина в Ярославле.

На протяжении XVI в. в России совершаются чудотворения от многих икон св. Николая, а одну из них — «образ Николы чудотворца Великорецкого» — в 1555 г. торжественно приносят в Москву. Там икону помещают на почетном месте в Успенском соборе Московского Кремля, от нее происходят многочисленные исцеления, ее живопись обновляет сам митрополит Макарий, который был «иконному писанию навычен», с этой иконы делаются многочисленные копии «мерой и подобием», и от этих копий вновь совершаются чудотворения. Одна из таких копий торжественно ставится в специально выстроенный придел нового Покровского храма «что на Рву» (собор Василия Блаженного) на Красной площади в Москве⁴⁴. Складывается почитание и других образов св. Николая, например, того, который прославился в селе Гостунь, бывшей Калужской губернии. Он был принесен в Москву, где для него в 1506 г. была возведена церковь⁴⁵.

Итак, изображения св. Николая, как видно из текстов летописи, играли видную роль в борьбе Русской Церкви с протестантами, отрицавшими почитание святых и не верившими в их чудотворения.

Можно указать еще на два факта. Святитель Николай прославлен в христианском мире своими чудотворениями, что отражено в житийных и богослужебных текстах. Но в искусстве, в том числе в русском до XVI в., изображение святителя Николая Мирликийского обычно сопровождается надписями «АГИОС НИКОЛА» или «СТЫИ НИКОЛА». (Мне известно только одно исключение — икона конца XIV в. в Новгородском музее⁴⁶.) Между тем с XVI в. в русском искусстве при изображениях св. Николая преобладает эпитет «ЧЮДОТВОРЕЦЬ». Учитывая жаркие споры того времени относительно истинности чудотворения святых, вряд ли такую перемену можно считать случайной.

Одним из ярких свидетельств «программности» русской иконографии XVI в. служит создание нового типа изображения св. Николая — «с ангелами и чудесами». Этот иконографический извод лишь недавно был замечен исследователями и введен в научный оборот⁴⁷. Лучшая из нескольких сохранившихся икон этого типа находится в частном собрании в Лондоне. В центре помещено погрудное изображение св. Николая, причем нижний край фигуры слегка закруглен, что позволяет увидеть намек на так называемый круглый образ Николы, который, по преданию, исцелил в 1113 г. новгородского князя Мстислава. Сам «круглый образ» был в XVI в. увезен в Москву, где впоследствии погиб во время пожара, но в Новгороде сохранялись его копии XVI и XVII вв.⁴⁸ Вверху в центре, над главной фигурой надпись: «НИКОЛАЕ ЧЮ[ДО]ТВОРЕЦЬ».

Фигуры вокруг центрального образа подчеркивают исключительность Мирликийского святителя. В верхних углах представлены Спаситель и

Богоматерь, вручившие Николе, как гласит предание, знаки епископского сана — кодекс Евангелия и омофор; в средней зоне — летящие ангелы, которые несут Николе эти атрибуты; в нижних углах — сцены «Спасение утопающего Димитрия» и «Исцеление бесноватого», напоминающие о чудотворениях св. Николая: спасениях на воде и исцелениях). Чудеса совершаются через посредство ангелов, которые летят к сценам спасения и исцеления, принимая участие в действии. Сопроводительными надписями раскрывается смысл ангельских фигур: ангелы исполняют то, что должно произойти благодаря молитвам св. Николая:

АГГЛЪ [ГОСПОДЕНЬ] ИЗБАВИ ДМИТРИЯ ОТ ПОТОПА МОЛИТВАМИ СГО НИКОЛЫ

АГГЛЪ [ГОСПОДЕНЬ] ИЗГНА БИСА ОТ ЧОЛОВИКА МОЛИТВАМИ СГО НИКОЛЫ

Общий рисунок иконы с крестообразной центральной частью и выделенными угловыми зонами содержит аллюзию и на Крест, и на композицию многих русских окладов напрестольных Евангелий XVI и XVII вв. Произведение содержит апофеоз св. Николая, прославляя его как великого епископа и чудотворца.

Новая иконография св. Николая возникла, судя по многим признакам, в Новгороде, но не успела получить широкого распространения, вероятно, вследствие жестокого разгрома Новгорода войсками Ивана Грозного в 1570 г. Однако до нас дошло несколько примеров икон XVI в. и более позднего времени⁴⁹, а также прорись из старообрядческой среды (ил. 10)⁵⁰.

Подведем итоги. Приведенные изобразительные примеры перекликаются с «антилютеровскими» текстами русской письменности, а новые варианты иконографии св. Луки обнаруживают особенности, взятые из западноевропейских католических образцов антилютеровской направленности. Важную роль играют новации в формулах сопроводительных надписей, что напоминает о необходимости обращать большее внимание на особенности надписей при изображениях, чем это делается сейчас в науке о древнерусском искусстве. На наш взгляд, есть основания видеть связь между новыми иконографическими мотивами, появившимися в русском искусстве в XVI в., и обстоятельствами антиреформационной полемики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные положения данной статьи, за исключением тех, которые касаются Нерукотворного Образа, вкратце опубликованы в ст.: *Смирнова Э.* Некоторые особенности русской иконографии XVI в.: полемика с «Люторовой ересью»? // СΥΜΜΕΙΚΤΑ. Сборник радова поводом четрдесет година Институту за историју уметности Филозофског факултета Универзитета у Београду / Уред. И. Стевовић. Београд, 2012. С. 397–405.

² *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 287, 291, 319–320, 376 и др.

³ *Маханько М. А.* Собираение в Москве древних икон и реликвий в XVI веке и его историко-культурное значение // Искусствознание. Журнал по теории и истории искусства. Вып. 98/1. М., 1998. С. 112–142.

⁴ *Марчалис Н.* Люторъ иже лють. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М., 2009 (особенно с. 182, 190).

⁵ *Smirnova E.* The Veneration Icons in Russian Iconography // Зограф. Т. 26. Споменица Војислава Ј. Бурића. Београд, 1997. С. 121–125; *Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев...» Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007.

⁶ Никоновская летопись под 7069 (1561) г. // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 337.

⁷ Там же. С. 345, 359.

⁸ *Макарий, архимандрит.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 2. С. 74–75; *Поселянин Е.* Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон. СПб., 1901. С. 377–378.

⁹ О своеобразии русской иконографии Спаса Нерукотворного см.: *Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев...» С. 51–105.

¹⁰ Il Volto di Christo / a cura di G. Morello, G. Wolf. [Каталог выставки]. Milano, 2000. Cat. III. 1, III. 2.

¹¹ Ibid. Cat. III. 13. См. также: Byzantium. Faith and Power (1261–1557) / ed. H. C. Evans). New York, 2004. Cat. 95 (текст: A. Weyl Carr).

¹² Уникальностью Ланского образа с точки зрения его иконографических особенностей делает возможным предположить его происхождение не из болгарских или сербских центров (как высказывались исследователи), а из Галицко-Волынской Руси, которая, судя по письменным источникам, поддерживала политические и культурные связи с византийским миром, чем и можно было бы объяснить стилистическое сходство иконы с передовыми течениями его живописи. См.: *Смирнова Э. С.* Некоторые наблюдения над иконописью Галицко-Волынского княжества XIII–XIV веков // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Науковий збірник. Вип. 18. Матеріали XVIII Міжнародної наукової конференції, м. Луцьк, 27–28 жовтня 2011 року. Луцьк, 2011. С. 14–21.

¹³ *Абрамович Д.* Киево-Печерський патерик. Київ, 1931 (фототипическое переиздание: Київ, 1991). С. 176–177. Иконы, в том числе изображение Спаса, были написаны иконописцем Алимпием столь совершенно, что казалось, будто они «Богом написаны суть». Однако термин «нерукотворенный» применен только по отношению к Спасу и, на наш взгляд, характеризует его иконографию.

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 141. (О датировке грамоты: *Янин В. Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. Сборник статей в честь 40-летия научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966. С. 313–324.)

¹⁵ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 212.

¹⁶ *Dobschütz E. von.* Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der althristlichen Literatur. Bd. 18. N.S., Bd. 3. Leipzig, 1899. S. 110**.

¹⁷ См.: Спас Нерукотворный в русской иконе / авт.-сост. Л. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. М., 2005.

¹⁸ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. Кат. 8.

¹⁹ *Стерлигова И. А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М., 2000. С. 136–138.

²⁰ Спас Нерукотворный в русской иконе. Кат. 3.

²¹ Там же. Кат. 14.

²² Там же. Кат. 18.

²³ Kyriakoudis E. N., Minos N., Nikonanos N., Tavlakis I., Mavropoulou-Tsioumi C., Chryschoïdis K. The Holy Xenophontos Monastery. The Icons. Mont Athos, 1999. Fig. 100. P. 226.

²⁴ «ИСУС ХРИСТОС НИКА» на иконе XIV в. из Княжострова (Архангельский музей). См.: Спас Нерукотворный в русской иконе. Кат. 4.

²⁵ Новгородская икона конца XIV в. в Успенском соборе Московского Кремля: «УБРУСЪ ГД БГА СПСА НАШЕГО ІСА ХСА» (Спас Нерукотворный в русской иконе. Кат. 9); две иконы конца XV — начала XVI в. в ГТГ, на одной из них формулировка: «ОБРАЗ С НЕРУКОТВОРНАГО ОБРАЗА НА МАНДИЛ[] БГА СПА НАШЕГО ІСА ХРА» (Спас Нерукотворный в русской иконе. Кат. 16, 17). Русская икона XVI в. в сербском монастыре Хиландар на Афоне, которую исполнил мастер игумен Ефрем, имеет на себе надпись, написанную русскими буквами, но воспроизводящую греческую: «ТО АГИОН ΜΑΝΤΙΛΙΟΝ» (см.: *Петковић С.* Иконе манастира Хиландара. Манастир Хиландар, 1997. С. 57–58, 169 (табл.).

²⁶ Спас Нерукотворный в русской иконе. Кат. 19.

²⁷ Там же. Кат. 21.

²⁸ Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Табл. 234.

²⁹ Спас Нерукотворный в русской иконе. Кат. 27.

³⁰ См.: *Патріарх Димитрій (Ярема)*. Иконопис Західної України XII–XV ст. Львів, 2005. С. 367–378.

³¹ *Смирнова Э. С.* Искусство книги в Средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011. Ил. на с. 262.

³² Там же. Ил. на с. 436, 440–441, 443.

³³ См. об этом: *Смирнова Э. С.* Новоприобретенная икона «Евангелист Лука, пишущий икону Богоматери» в собрании М. Е. Елизаветина и изображения св. Луки-иконописца в православном искусстве Позднего Средневековья. Некоторые замечания // Искусство христианского мира. Сборник статей. Т. XI. М., 2009. С. 320–335.

³⁴ Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. М., 2006. Кн. 7. Ч. 2. Л. 465.

³⁵ *Bischoff C.* Meisterwerke der Gemäldegalerie. Wien; Milano, 2006. Kat. 26. S. 78–79.

³⁶ *Nante A.* Luca Evangelista. Fatti iconografici nella pittura italiana dal Tre al Settecento // Luca Evangelista. Parola e Immagine tra Oriente e Occidente. Catalogo [Padova, Museo Diocesano. 14 ottobre 2000 — 6 gennaio 2001] / a cura di G. Canova Mariani. Padova, 2000. P. 193–194. Fig. 76.

³⁷ Таковы, например: серебряная гравированная дробница из серии пластин, украшавших тканую на престольную пелену Благовещенского собора Московского Кремля (Музей-заповедник «Московский Кремль»; см.: *Вилкова М. В.* Пелена из Благовещенского собора Московского Кремля // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции. [Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Вып. IV. С. 167–175. Ил. на с. 169]; клеймо в иконе 1588 г. в Музее-заповеднике «Ростовский Кремль», вложенной Варлаамом, бывшим ключарем Архангельского собора Московского Кремля, в Борисоглебский монастырь на Устье (Ростовский музей-заповедник; см.: *Вахрина В. И.* Иконы Ростова Великого. М., 2006. Кат. 62); сцена из фрескового цикла 1598 г. с историей Богоматери Тихвинской-Лиддской в соборе Новодевичьего монастыря в Москве. См.: *Келливидзе Н. В.* Сказание о Лиддской-Римской иконе Богоматери в монументальной живописи Москвы второй половины XVI века // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург — Тихвин, 24–27 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 76–77.

³⁸ *Boeckl Chr. M.* The Legend of St. Luke The Painter: Eastern and Western Iconography // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. Bd. LIV. Wien; Köln; Weimar, 2005. S. 24–28.

³⁹ Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых. [Каталог]. М., 1913. С. 43. Кат. № 144. На эту икону-реплику уже обратил внимание М. Хадзидакис. См.: *Χατζηδάκη Μ.* Ο ευαγγελίστης Λουκάς ζωγράφει την

Παναγία // Χατζηδάκη Μ. Δομηνικός θεοτοκόπουλος Κρης. Κείμενα 1940–1990. Αθήνα, 1990. Ε. 136. Πίν. 16.

⁴⁰ Русские иконы из собрания Михаила де Буара (Елизаветина). Каталог выставки. Государственный музей-заповедник «Царицыно», (июнь 2008 — июль 2009) / авт.-сост. Н. И. Комашко, А. С. Преображенский, Э. С. Смирнова. М., 2009. Кат. 70.

⁴¹ См., напр.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 265–274; *Макарий (Веретенников), архимандрит.* Башкин Матвей Семенович // ПЭ. Т. IV. М., 2002. С. 401–403.

⁴² Никоновская летопись под 7661 (1553) г. // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 233.

⁴³ Никоновская летопись под 7066 (1558) г. // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 295.

⁴⁴ *Маханько М. А.* Икона св. Николы Великорецкого в коллекции Амброзиано Венето и почитание чудотворного образа в XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1997. М., 1998. С. 240–251.

⁴⁵ Воскресенская летопись под 1506 (7015) г. // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 247.

⁴⁶ Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008. Кат. 17 (авт. описания Е. В. Гладышева).

⁴⁷ *Smirnova E.* «Saint Nicholas the Wonderworker with Angels and Miracles». A new image of Saint Nicholas of Myra in Russian art of the 16th century (icon from a private collection in London): Статья на сайте Музея русской иконы в г. Клинтон, США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.museumofrussianicons.org/pdf/JournalOfIconStudies/SmirnovaSaintNicholas_midres.pdf. Этот же текст на русском: *Смирнова Э. С.* «Святой Николай Чудотворец с ангелами и чудесами». Новый образ святителя Николая Мирликийского в русском искусстве XVI века (икона из частного собрания в Лондоне) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции. 2010 (в печати).

⁴⁸ Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. Кат. 5 (автор описания В. Д. Сарабьянов).

⁴⁹ В Третьяковской галерее (см.: *Антонова В. И., Мнёва Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. М., 1963. Кат. 534). В Русском музее (см.: Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея / науч. ред. И. Д. Соловьева. СПб., 2006. Кат. 64; в том же музее, как сообщается в цитированном каталоге, хранится еще одна икона XIX в., также из собрания Ф. М. Плюшкина, с немного измененной иконографией).

⁵⁰ Старообрядчество Самарского края. История и культура / сост. П. В. Половинкин, М. В. Кожевникова. Самара, 2007. Кат. 20. С. 19.

К ПРОБЛЕМЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЖИВОПИСНЫХ ОБРАЗЦОВ XVI–XVII вв. В ПЕЙЗАЖНЫХ ФОНАХ РУССКИХ ИКОН XVII в.

С. А. Кирьянова

Тема заимствований из западноевропейских образцов в русской иконописи и фресках является одной из самых популярных для исследователей XVII в., ей посвящено большое количество научных трудов¹, однако все они касаются преимущественно иконографии и лишь изредка затрагивают тему деталей второго плана.

Как известно, примерно с середины XVII в. в Москве и некоторых городах Поволжья получили большое распространение западноевропейские гравированные Библии, Евангелия и гравюрные листы, изданные преимущественно в Голландии. Подобные Библии использовались иконописцами в качестве образцов.

Определен круг гравированных Библий, бытовавших на Руси и оказавших воздействие на русские иконы. Очевидно, что гравированные Библии и листы могли пробудить у русских мастеров интерес к пейзажу, поскольку он играет в них большую роль, однако очевидно, что сами формы пейзажа в русском искусстве рассматриваемого периода, его стиль могут быть основаны на чем-то другом.

Известно, что в XVII — начале XVIII в. в живописной мастерской Оружейной палаты Московского Кремля работало большое количество иностранных мастеров, в том числе тех, кто специализировался на пейзаже. Есть сведения о кормовом живописце Петре Ангелесе, художнике «преоспехтирного письма» (ландшафты). Он появился в Москве около 1668 г., став вскоре самым известным в столице «преоспехтирным мастером по полотнам» — художником, работавшим в новом жанре, который явился прообразом жанра архитектурного пейзажа². В мастерскую в 1670 г. поступил поляк Антон Павлов Байковский, о котором известно, что он украшал интерьеры композициями с фруктами, травами, «ленчавтами»³.

К сожалению, если нам довольно точно известен состав гравированных Библий, влиявших на древнерусское искусство, то конкретные живописные памятники, привезенные на Русь в XVII в., мы не знаем. То, что западноевропейские живописные полотна бытовали на Руси, упоминается лишь в редких

случаях. К примеру, у В. В. Голицына «среди различных изображений, висевших на стенах, были две картины: на одной были изображены три сивиллы, на другой — два ангела, между них Младенцы, писаны на полотне»⁴. В собрании А. С. Матвеева описана картина, где «Весна в руках держит цветы»⁵.

Однако приемы лепки живописной формы, а также колорит пейзажей (это относится преимущественно к столичным произведениям, по большей части к пейзажам на иконах Тихона Филатьева, и к северным иконам, мастера которых творили под влиянием стиля Оружейной палаты), отдельные детали напоминают живописные произведения голландских мастеров, о чем практически не упоминается в исследованиях ученых. Хотя А. А. Рыбаков пишет про икону «Иоанн Предтеча в пустыне, с клеймами жития» из БОКМ, что ее «коричневато-зеленоватый колорит напоминает палитру некоторых голландских живописцев того времени, в частности лейденского мастера Яна Ливенса»⁶, необходимо отметить, что Ян Ливенс (1607–1674) прославился прежде всего как портретист (хотя, безусловно, известны и его пейзажные работы, к примеру, картина «Лесной пейзаж» из собрания ГМИИ⁷), а колорит его произведений не выделяется по сравнению с колоритом картин мастеров того же времени и школы.

Проработка листы, умелое владение светом и тенью и грамотное использование световоздушной перспективы, которые появились не вследствие постепенной эволюции, а в достаточно краткий промежуток времени, указывают на то, что для постижения этого мастерства также использовались некие образцы. Гравированные Библии и отдельные листы не подходят на эту роль, хотя бы потому, что они не передают цвет. Существуют отдельные раскрашенные гравированные листы, однако цвета их исключительно локальные, и они не могут передавать фактуру, лепку живописной формы и световоздушную перспективу.

Как известно, нигде пейзаж не имел такого большого значения, как в Голландии и Фландрии. Безусловно, о влиянии голландских пейзажей на изображение природы в иконописи следует говорить с большой долей осторожности, однако если рассмотреть и сопоставить некоторые работы, то можно увидеть поразительное сходство отдельных мотивов на иконах, причем как с картинами, создававшимися приблизительно в одно время с рассматриваемыми русскими пейзажами, так и с полотнами XVI в., то есть значительно более ранними.

Существуют многочисленные сходства в природных формах и мотивах, в архитектуре (каменные арочные мосты, деревянные мосты на сваях, постройки с башнями, дома со ступенчатыми крышами) между изображениями природы на русских иконах и голландскими полотнами. Например, формы в виде сложных многоступенчатых скал, как на иконе «Архангел Михаил, со сценами деяний» начала XVIII в. (ЯГИАХМЗ)⁸, часто встречаются в работах фламандских мастеров XVI в., например на картине Генри мет ле Блеза «Рай»

(ок. 1545, Рейксмузеум, Амстердам)⁹, картине Иоахима Патинира «Св. Иероним на фоне горного пейзажа» (ок. 1520, Национальная галерея, Лондон)¹⁰. Извилистое русло реки, подобное такому, которое представлено в клеймах рамы к иконе «Богоматерь Тихвинская» Кирилла Уланова (1696/1697, МГОМЗ)¹¹, можно увидеть на некоторых картинах, например, на одном из пейзажей Тобиаса Верхакта (1561–1631)¹², учителя Рубенса (первая треть XVI в., частная коллекция; *ил. 1*).

Займствованиа можно проследить даже в мелких и незначительных деталях. Так, встречается, к примеру, мотив деревьев, колеблемых ветром, как на иконе «Великомученик Димитрий Солунский» (кон. XVII в., частное собрание). На иконе «Мученик Иоанн Воин» Михаила Законина (1699, ГТГ)¹³ на фоне представлена природная форма, подобная обрыву, что напоминает некоторые ландшафты на картинах голландских мастеров, например, такая же форма есть на картине последователя Рейсдаля «Пейзаж с домиком фермера» (вторая половина XVII в., музей Фицуильям, Кембридж)¹⁴. На картине Иоахима Патинира «Пейзаж с бегством в Египет» (1524, Королевский музей изящных искусств, Антверпен)¹⁵ представлен мотив лебедей, плавающих в пруду, который часто встречается на работах голландских мастеров и присутствует также и в иконах, например «Св. Иоанн Предтеча в пустыне» (третья четверть XVII в., ЦМиАР)¹⁶, «Св. Димитрий Солунский» (кон. XVII в., частное собрание, Москва)¹⁷, «Св. Иоанн Предтеча в пустыне, со сценами жития» Тихона Филатьева (1689/1690, ГТГ)¹⁸. Могли быть позаимствованы из работ западноевропейских мастеров и такие детали пейзажа, как склонившиеся над краем обрыва деревья, например на створке складня «Иоанн Предтеча — ангел пустыни» (кон. XVII в., ЦМиАР; *ил. 2*). Однако эти моменты иконописцы могли заимствовать как из живописных полотен, так и из гравированных листов, которые имели большое распространение.

Но большое сходство легко обнаружить также в колорите живописных произведений голландских и фламандских мастеров и лучших образцов пейзажей на иконах.

Часто встречающийся на русских иконах тип деревьев — могучие дубы с густыми кронами, например на иконе «Св. Иоанн Предтеча в пустыне» (кон. XVII — нач. XVIII в., ШКМ)¹⁹, также присутствует в огромном количестве пейзажей более ранних голландских мастеров, как на полотне последователя Жилия Конинкслоо «Пейзаж» (сер. XVI в., частная коллекция; *ил. 3*). Приблизительно совпадают в этих работах и приемы лепки живописной поверхности листвы.

На картине Иоахима Патинира «Пейзаж с бегством в Египет» на дальнем плане представлены горы, переданные голубым цветом, их несколько, дальние показаны более светлым тоном. Эти горы и голубая дымка подобны тем, что изображены на иконе «Св. Евстафий Плакида» (ок. 1700) из церкви Ни-

колы «Большой Крест» (ныне в церкви преподобного Сергия Радонежского, Свято-Троицкая Сергиева Лавра).

Золотистая листва, освещенная солнцем, на диптихе Герарда Давида «Сцены в лесу» (ок. 1515, Королевская галерея Маурицхюйс, Гаага)²⁰ напоминает проработанные золотом кроны деревьев на поволжских иконах, например деревья на иконе «Воскресение — Сошествие во ад» из церкви Ильи Пророка в Ярославле (1680-е гг., ЯГИАХМЗ)²¹, на иконах Семена Спиридонова Холмогорца.

Сама же лепка формы, особенно на иконах Тихона Филатьева («Иоанн Предтеча в пустыне» из ГТГ, «Иоанн Предтеча и святитель Николай Чудотворец» из ГТГ и многие другие), Якова Молчанова («Богоматерь Боголюбская» из церкви Иоанна Воина на Якиманке, Москва), напоминает уже более поздние голландские пейзажи, включая даже работы таких прославленных мастеров, как Якоб ван Рейсдаль: «Болото» (1660-е гг., ГЭ)²², «Лесной пейзаж» (1660–1670-е гг., Барберовский художественный институт, Бирмингем), «Дубы и ручей» (1670-е гг., Старая Пинакотекa, Мюнхен)²³, и Александр Кейринкс: «Пейзаж с колесницей Венеры» (частная коллекция; *ил. 4*). Сравнивая голландские пейзажи с изображениями природы на иконах Тихона Филатьева «Иоанн Предтеча в пустыне», «Иоанн Предтеча — Ангел Пустыни»²⁴, можно увидеть сходство в лепке живописной формы, в проработке листьев.

На иконах редко изображается небо, но в тех случаях, где оно присутствует на иконах XVII — первой трети XVIII в., мы чаще всего видим его не ясным, голубым, а темным, пасмурным, как на образах «Св. Иоанн Предтеча в пустыне с клеймами жития» Михаила и Дмитрия Белозерцев, «Преп. Димитрий Прилуцкий, с житием» (третья четверть XVII в., ЯХМ²⁵), клейме «Чудо о видении иконы на воздухе» рамы иконы «Богоматерь Владимирская» (кон. XVII — нач. XVIII в., частное собрание²⁶). Именно пасмурное, темное, предгрозовое небо часто изображают прославленные голландские мастера пейзажа.

Безусловно, все эти детали частично перерабатываются русским мастером, иконография сцен из гравированных Библий тоже никогда не копировалась в точности, досконально, но общие моменты очевидны. Мы не утверждаем, что именно названные произведения влияли на русских иконописцев, это могли быть другие, менее именитые мастера, но основные тенденции были одними и теми же. Мы не знаем, какие конкретно полотна были использованы в качестве образца, однако предлагаем как гипотезу версию о том, что не только композиции гравированных Библий, но и живопись голландских и фламандских мастеров, которую могли видеть иконописцы, впечатления от нее повлияли на изображения пейзажа на иконах.

Таким образом, следует сделать вывод, что сложные пейзажи на русских иконах стали развиваться под влиянием привнесенных на русскую почву зарубежных образцов. Однако, как и в случае с воздействием гравированных Библий на иконографию монументальной живописи и икон, важно понять

и отметить, что русская культура находилась на той стадии развития, когда она была готова воспринять эти воздействия. Рассмотрение пейзажа на русских иконах наводит на мысль о том, что русские изографы были знакомы с какими-то живописными произведениями североευропейских, в частности голландских, мастеров XVI и XVII в. Мы выявили многочисленные примеры схожих мотивов, форм, элементов в полотнах художников и пейзажах иконописи, есть общее и в том, как лепится живописная форма, передается световоздушная перспектива, также существует сходство в колорите.

Вопросом остается то, каким же путем познакомились русские художники XVII в. не с гравированными печатными западноевропейскими изданиями (об этом мы имеем сведения), а с картинами, через которые они могли получить представление не только о композиции, форме и рисунке, но о деталях пейзажа, его цветовом решении в картинах западноевропейских мастеров XVI и начала XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приведем наиболее важные работы на эту тему. Влияние западных гравюров было отмечено еще Д. А. Ровинским в конце XIX в. (*Ровинский Д. А. Русские гравюры и их произведения с 1564 г. до основания Академии Художеств. М., 1870*). Исследованиями гравированных библий много занималась О. А. Белоброва (*Белоброва О. А. Библия Пискаatora в собрании Библиотеки Академии наук СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1987. С. 184–216; Она же. Иллюстрированные библии в русском обиходе второй половины XVII — начала XVIII столетия // Православие в Древней Руси: Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 118–124; Она же. О древнерусских подписях к некоторым нидерландским целноговированным изданиям XVII в. // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 70–81; Она же. Библия Вайгеля в России // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 214–224; Она же. О Библиях с гравюрами в русских библиотеках второй половины XVII — начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 306–322*). Это не полный перечень работ исследовательницы по данной проблеме. Исследования в этой области и поиск новых образцов проводила И. Л. Бусева-Давыдова (*Бусева-Давыдова И. Л. Новые иконографические источники русской живописи XVII в. // Русское искусство позднего Средневековья: Образ и смысл. М., 1993. С. 190–206; Она же. Западно-европейские иллюстрированные издания в русской культуре XVII в. // Книга в пространстве культуры: Тезисы научной конференции. М., 1995. С. 13–16 и др.*). Различные западноевропейские Библии-образцы анализировал А. В. Гамлицкий (*Гамлицкий А. В. Библия Пискаatora, ее издания и иконографические источники // Филевские чтения: Тезисы конференции. М., 1995. С. 19–22; Он же. Западноевропейские лицевые Библии в России XVII–XVIII вв. Владельцы и формы бытования // Филевские чтения: Тезисы конференции. М., 1999. С. 12–15; Он же. Лицевые «Страсти» Леонтия Бунина. К вопросу о западноевропейских образцах русского искусства рубежа XVII–XVIII вв. // Филевские чтения. Вып. X. М., 2003. С. 150–162; Он же. Библейские гравюры Петера Ван дер Борхта: от Антверпена до Ярославля // IX Филевские чтения: Тезисы конференции. М., 2006. С. 20–26*).

² *Павленко А. А. Организация живописного дела в Москве во второй половине XVII — начале XVIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 91.*

³ Там же. С. 100.

⁴ *Бакланова Н. А.* Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Труды ГИМ. Вып. 4. М., 1928. С. 15.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ *Рыбаков А. А.* Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII вв. М., 1995. Кат. 10.

⁷ *Сененко М. С.* Голландия XVII–XIX вв. М., 2000. Кат. 186. С. 210–211.

⁸ *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984. Цв. ил. 67; Русская житийная икона / авт.-сост. Н. И. Комашко, Е. М. Саенкова. М., 2007. С. 18. Ил. на с. 19–21.

⁹ *Serck L.* Henri met de Bles et la peinture de paysage dans les Pays-Bas méridionaux avant Bruegel. Université Catholique de Louvain, 1990. Nr. 1. P. 171–189.

¹⁰ *Falkenburg R. L.* Joachim Patinir: Landscape as an Image of the Pilgrimage of Life. Amsterdam; Philadelphia, 1988. Pl. 7.

¹¹ *Полякова О. А.* Новооткрытый образ Богоматери Тихвинской с чудесами царского изографа Кирилла Уланова // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 1996. Вып. 1. С. 85–88.

¹² Опубликовано: Web Gallery of Art. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wga.hu/frames-e.html?/html/v/verhaech/index.html>.

¹³ Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2009. Ил. 2 на вклейке, с. 32.

¹⁴ *Gerson H., Goodison J. W.* Catalogue of Paintings in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Vol. I: Dutch and Flemish. Cambridge, 1960. P. 113.

¹⁵ *Ibid.* Pl. 3.

¹⁶ *Мельникова [Кириянова] С. А.* Проблема «мотивированного» и «немотивированного» пейзажа в иконописи второй половины XVII – первой трети XVIII в. // XVI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995). Ярославль, 2012. Ил. к ст. № 1.

¹⁷ Святые образы: Русские иконы XV–XX веков из частных собраний / авт.-сост. И. В. Тарноградский. М., 2006. Кат. 44. С. 76–77; *Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемены: Россия семнадцатого столетия. М., 2008. Ил. на цветной вклейке, с. 23.

¹⁸ *Антонова В. И., Мнёва Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. М., 1963. Кат. 927. С. 425–426; Русская живопись XVII–XVIII веков: Каталог выставки. М., 1977. С. 28; Святая земля в русском искусстве: Каталог. М., 2001. Кат. 14. С. 50, 52. Ил. на с. 53.

¹⁹ *Кольцова Т. М.* Искусство Холмогор. М., 2009. Ил. на с. 57.

²⁰ *Friedländer M.* Early Netherlands Painting: Hans Memlinc and Gerard David. Vol. VI. Part II. Leyden, 1971. Pl. 165.

²¹ *Казакевич Т. Е.* Иконостас церкви Ильи Пророка в Ярославле и его мастера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1980. С. 62–63; *Брюсова В. Г.* Указ. соч. Цв. ил. 65.

²² *Тарасов Ю. А.* Голландский пейзаж XVII века. М., 1983. Ил. 113. С. 218; *Walford J. E.* Jacob van Ruisdael and the Perception of Landscape. New Haven; London, 1991. Fig. 140, p. 133; *Slive S.* Op. cit. Fig. 276, p. 203.

²³ *Walford J. E.* Op. cit. Fig. 116, p. 116.

²⁴ *Антонова В. И., Мнёва Н. Е.* Указ. соч. Ил. 151.

²⁵ Ярославский художественный музей: 101 икона из Ярославля. М., 2007. Кат. 38. С. 137. Ил. на с. 68.

²⁶ Святое воинство: Образы небесных защитников в русском искусстве XII – начала XX века: Каталог выставки. М., 2010. Кат. 112. С. 77.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ГИПЕРБОРЕЯ. ПОРТРЕТЫ РУССКИХ ПОСЛОВ РАБОТЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ XVII в.

Т. В. Сони́на

XVII столетие не зря считают «своего рода мостом между Русью Древней и Россией Новой»¹. В «бунташный век», в Смутное время страна не только пережила иноземные вторжения и социальные потрясения; этому периоду она обязана ростом государственной территории, укреплением экономики и утверждением на международной арене в качестве полноправного политического субъекта. Дипломатические сношения с европейскими странами были особенно важны для становления русской культуры. В предшествующий век Россия утратила выход к Балтийскому морю, и только порты Белого моря — сначала Холмогоры, потом основанный в 1584 г. Архангельск — давали возможность добраться до Англии, Испании, Франции и, обогнув Европу, Италии. Путь был долог и труден: помимо бурь путешественников подстерегали турецкие пираты. Можно было ехать и посуху, через Польшу, а это тоже далеко не всегда оказывалось безопасным из-за непрекращавшихся военных действий.

Тем не менее дипломатические визиты в обе стороны были достаточно интенсивными, о чем свидетельствуют прежде всего материалы посольских книг, обширное собрание которых находится в РГАДА. Как указывал Н. М. Рогожин, «источниковедческое исследование посольских книг по существу только начинается»², и к 1995 г. из 766 книг, имеющихся в РГАДА, было опубликовано только 154. Они начинают интересовать теперь не одних лишь историков, так как содержат ценные сведения по лингвистике, этнографии, исторической географии³. Несмотря на специфику этих материалов, обусловленную характером задач, поставленных перед их авторами, они могут представлять известный интерес и для искусствоведа. В группе документов «отпуска» здесь наиболее любопытны «росписи» подарков главам правительств и их приближенным, а в группе «приезд» — статейные списки. Кстати, именно эти отчеты более других привлекали исследователей и чаще других публиковались, хотя не всегда полностью.

Мы обращаемся к документам 1600–1601 гг. — посольство Г. И. Микулина в Англию; 1654 г. — поездка гонца Ф. Ф. Порошина в Берлин; 1656–1657 гг. — посольство И. И. Чемоданова в Венецию; 1662–1663 гг. — П. С. Прозоровско-

го в Англию; несколькими посольствам П. И. Потемкина: 1667 г. — в Испанию и Францию, 1681–1682 гг. — во Францию, Испанию и Англию.

Выбор этих документов (кстати, в большинстве своем широко известных) объясняется тем, что помимо письменных свидетельств мы располагаем портретами послов, выполненными европейскими художниками. Некоторые из них хранятся в европейских музеях, другие — в российских собраниях: ГЭ, ГРМ, ГИМ, Оружейной палате. Почти все они многократно публиковались, но преимущественно как сопроводительный материал к текстам документов. Только один из них — портрет П. И. Потемкина из собрания ГЭ — может считаться относительно изученным; произведения, оказавшиеся не в картинных галереях, а в музеях сугубо исторического характера, в поле зрения искусствоведов попадали мало.

Все рассматриваемые нами портреты относятся ко времени правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, и лишь один из них стоит особняком и восходит к периоду краткого царствования Бориса Годунова. Это портрет Григория Ивановича Микулина (*ил. 1*), который в 1600–1601 гг. вместе с подьячим Иваном Зиновьевым ездил в Англию ко двору Елизаветы I. Статейный список Микулина⁴ известен прежде всего потому, что москвитин стал свидетелем важного политического события — мятежа графа Эссекса. В Англии Микулин пробыл около года и хотя, по-видимому, профессиональным дипломатом не был, так как не упоминается в других «Посольских делах», но имел в этой области опыт⁵ и сумел произвести хорошее впечатление на королеву. Об этом свидетельствуют приглашения на придворные празднества и знаки милости Елизаветы, описанные в статейном списке: 17 ноября посол приглашен на торжества в память воцарения Елизаветы — в день, когда «села яз на королевство»⁶, она неоднократно допускает его к руке⁷, на торжественном обеде посылает ему с кравчим «колач на блюде покрыт ширинкою», а затем непосредственно после себя предлагает «серебряник с водою» для омовения рук⁸, жалует его оленем, которого сама застрелила⁹, и приглашает к участию в охоте¹⁰, а во время приема велит ему «подойти к себе поближе»¹¹ и даже позволяет сидеть в своем присутствии¹². Отчасти это входило в правила дипломатического приема¹³, отчасти объясняется заинтересованностью Англии в торговых связях с Россией. Впрочем, при отъезде посольства королева, известная скупостью, на дары не слишком расщедрилась: 6 кубков, две сулеи, лохань с рукомыльником для посла и подьячему с переводчиком по кубку — все из серебра¹⁴.

Очевидно, Григорий Иванович был достаточно образован, хорошо ориентировался в непривычных условиях и умел располагать к себе людей, что помогло ему завести знакомства в среде английской знати. Известно, например, что в 1604 г. английский посол Томас Смит останавливался на пути из Архангельска в Москву в доме Микулина в Ярославле¹⁵. Существует также письмо (1602) сэра Эдварда Хоби (1560–1617), крупного политического деятеля и

ученого, автора полемических сочинений по теологии, адресованное Микулину и начинающееся словами: «Мой честнейший и дорогой друг» (опубликовано в 1995 г.)¹⁶.

Упомянутый выше портрет хранится в ГИМ. Он неоднократно публиковался¹⁷, но искусствоведческого интереса не вызывал, и путеводители по музею в его отношении предельно кратки: «писан с натуры неизвестным английским художником»¹⁸. Откуда взяты сведения — не указывается¹⁹.

Некоторые данные о происхождении портрета содержатся в статье Н. Чарыкова²⁰, который пишет, что картина была приобретена в Лондоне бывшим российским генеральным консулом в Генуе Смирновым [инициалы не указаны. — Т. С.], который в 1843 г. принес ее в дар государственному канцлеру графу К. В. Нессельроде. Тот, в свою очередь, поместил портрет в Московский главный архив Министерства иностранных дел. При покупке портрета на его обороте находилась надпись на латыни, которая убедила Смирнова в подлинности произведения: «Gregorius Evanowich Mecolin. Imp. Russiae Legatus. 1660». В донесении Смирнова указано, что после приобретения портрет реставрировали и при этом пришлось «пожертвовать частью костюма»²¹. Прежние размеры доски были написаны на ее обороте. Этой записи, как пишет Чарыков, на портрете нет, но есть латинская надпись, перенесенная на нижнюю оборотную часть рамы, которую, очевидно, подобрали сразу после реставрации.

Как видно из вышесказанного, портрет написан на дереве, по словам Чарыкова, маслом, однако А. Новицкий ошибочно пишет, что это — «яичные краски»²², то есть темпера. Судя по современному состоянию доски, на которой хорошо заметны следы вертикальных трещин, он действительно нуждался в серьезной реставрации. Толстый слой покрывного лака положен неровно, в некоторых местах поверхность картины остается матовой, как если бы лака на ней не было вовсе. Живопись сильно потемнела, и лицо посла в раме выглядит отражением в темном зеркале. Но даже при таком состоянии портрета обращает на себя внимание высокое качество его исполнения. Основываясь на латинской надписи и дате, предполагали, что написан портрет был в Англии, потому, естественно, его автором считали английского художника. Впрочем, были попытки приписать работу итальянскому мастеру²³, что, на наш взгляд, не лишено основания. Ни простота общего решения портрета, ни латинская надпись сами по себе не могут свидетельствовать в пользу той или иной европейской школы. Однако прекрасная передача строения головы и лепка форм мягкой светотенью, почти сфумато, вполне сопоставимы с произведениями итальянских мастеров.

Английский исследователь Н. Эванс привел описание внешности русского посла, составленное неким англичанином, видевшим Микулина²⁴. На первый взгляд, оно мало соответствует портрету, так как свидетель говорит о высоком и очень полном человеке с черной бородой. На практике всем из-

вестно, насколько индивидуально восприятие, особенно если оно касается неординарных образов и событий. Из всех вышеприведенных качеств только рост не вызывает сомнений, но его-то и невозможно определить на основании оплечного портрета. Полным Микулин мог показаться благодаря парадному посольскому облачению, в особенности если оно спадало с широких плеч. Судя по посадке головы и мощной шее, Григорий Иванович отличался плотным сложением. Борода на портрете отсутствует, но задержавшийся на 9 месяцев в Англии посол, постоянно бывавший при дворе, вполне мог последовать европейскому обычаю. Цвет глаз свидетель не упоминал, — на портрете он серо-голубой. Поскольку изображение оплечное, костюм занимает в нем незначительное место: черная шапка, опушенная темным мехом, и шитый жемчугом и золотой нитью ворот — почти все, что осталось от изображения темно-красного кафтана, не отвлекают внимания от лица, переданного с сухой объективностью. Внешне спокойное лицо притягивает выражением внутренней собранности, почти настороженности. Посол предстает на портрете умным, властным, даже жестоким человеком, но умеющим держать себя сообразно обстоятельствам. В его облике определенно просматриваются татарские черты: в характерном разрезе глаз со спускающимися на наружные углы складками, очертании бровей и скул, особенно в усах: их подковообразная форма — не столько дань моде, сколько признак этнического типа.

Контакт с чужой культурой не всегда предполагает знакомство с художественными достижениями этой культуры и их последующую оценку. Положение посла, вхожего в высшие слои общества, предоставляет самые широкие возможности для такой оценки, однако то, что появляется на страницах статейных списков, по своему характеру часто мало отличается от описаний, оставленных Афанасием Никитиным. Разумеется, официальные документы составляются на основании определенных правил, и в силу этого может создаться впечатление, что их авторы вообще оставались невосприимчивы ко всем «чудесам» зарубежного мира. Действительно, свидетельства такого рода появляются в статейных списках, как правило, в виде сухого перечня, долженствующего, например, поведать о богатстве или иных возможностях иноземного владыки. Так перечисляет реликвии и ценности П. И. Потемкин, будучи в Вене в 1674 г. и осматривая «казну Его Цесарского величества»: «в той же полате», где хранятся реликвии в золотых ковчегах, он отмечает «образов много старинного греческого и Римского писма»²⁵. Павел Менезус, проехавший годом ранее чуть ли не через всю Италию, только в Венеции кратко описал поразившие его «две лодки большие для приему», в которых «выбито коврами, а покрывка у лодки выбита камкою червчатою»²⁶ (красный шелк), и в Ферраре отведенные послам палаты со стенами, украшенными «бархатом червчатым, а по швам кладены кружева золотные»²⁷. Из всех достопримечательностей Менезус отметил лишь домик Богоматери в Лорето, передав его историю и весьма лаконично описав внешний вид: «тот дом, полатка камен-

ная на одной стене окошко круглое с железной решеткой, длина дому четыре сажени, попереч полтретьи сажени»²⁸. Впрочем, похвала зарубежной архитектуре довольно часто встречается в отчетах: «строенье зело стройно» — обычная формула этой похвалы. Много внимания уделяется садам, изредка встречается описание скульптурных памятников, но почти никогда не говорится о живописи²⁹. Однако, судя по сохранившимся портретам, это не мешало послам позировать художникам.

Среди всех статейных списков того времени, пожалуй, только отчет Василия Богдановича Лихачева, дворянина и Боровского наместника, ездившего в 1659 г. во Флоренцию, выглядит не столько официальным документом, сколько записями восхищенного туриста. Однако этот короткий документ (в издании ДРВ он занимает всего 21 страницу)³⁰, хотя и назван «Статьейным списком», в действительности является «Росписью дороге», где путевые впечатления почти исчерпывают содержание³¹. Собственно статейный список Лихачева опубликован в десятом томе «Памятников дипломатических сношений»³². Возможно, «Роспись» появилась в соответствии с пожеланиями царя, который, очевидно, после ознакомления в предшествующем году с отчетом Чемоданова, который также включает «Статьейный список»³³ и «Роспись дороге»³⁴, хотел как можно больше узнать о «Княжьем дворе» великого герцога Фердинанда.

Портрет Ивана Ивановича Чемоданова (ил. 2), стольника и наместника Переславского, работы Юста Сустерманса (Суттермана), крупнейшего портретиста Флоренции XVII в., хранится в Уффици. Он, пожалуй, самое забытое произведение Сустерманса, которое никогда не экспонировалось на выставках и даже в Генеральном каталоге Уффици (1980) снабжено неверными сведениями³⁵. Так, авторы каталога указывают, что данные о портрете содержатся в книге П. Ботье (1912)³⁶ и в статье Ж. Лавалле в словаре Тиме-Бекера. Однако ни в том, ни в другом сочинении о картине ничего не говорится. Более того, статья Лавалле находится не в 25 томе словаря, как указано в каталоге, а в 32 томе. Третье названное в каталоге издание, в котором действительно упоминается картина, — книга Рускони о галерее Питти за 1937 г.³⁷ Тремя сочинениями и ограничивается литература о портрете, представленная составителями каталога. Дата создания портрета приводится как «около 1657–1658 гг.», хотя именно эта подробность может быть установлена без особого труда и даже без привлечения русских документов. Во флорентинском Государственном архиве имеются материалы, касающиеся пребывания в Италии московского посольства, изданные в сокращении А. Панелла в 1954 г. и полностью А. М. Крино в 1966 г.³⁸

Посольство И. И. Чемоданова и дьяка Алексея Посникова в Венецию отправилось из Архангельска 12 сентября 1656 г. Два с половиной месяца шли морем, нигде не приставая, и 24 ноября³⁹, изрядно потрепанные бурей и едва спасшиеся от турецких пиратов, достигли Ливорно. Здесь, поскольку

ку в Италии того времени латинским языком владело в основном только духовенство, пришлось искать итальянского переводчика. Как далее сообщает Чемоданов, местный «воевода» Антонио Серристоры отправил гонца во Флоренцию с сообщением о прибытии посланников, и великий герцог («Арцыкнязь») выразил желание их принять. Грамоты к Медичи у послов не имелось, так как путь через Флоренцию не был предусмотрен⁴⁰, но это не помешало великому герцогу Фердинанду II и его юному сыну Козимо встретить московитов со всей возможной учтивостью, устроить в их честь обеды и развлечения и отдать им визиты. Во Флоренции Чемоданов со товарищи пробыли недолго — с 26 декабря до 1 января⁴¹, после чего отправились в Венецию через Феррару и Болонью. Вот в течение этих пяти декабрьских дней 1656 г. Юстус Сустерманс и должен был успеть написать портрет заморского гостя. Сам Иван Иванович ни словом не упоминает о том, что ему пришлось позировать придворному художнику. Впрочем, это было делом частным и для России не представлявшим к тому времени ничего необычного⁴². Скорее всего, Иван Иванович долго не позировал, а был запечатлен на рисунке во время приема и беседы с герцогом.

Для Фердинанда и Козимо московский посол представлял интерес не только с точки зрения торговых привилегий, которые они имели (и впоследствии получили на них подтверждение) от русского царя, но и просто как экзотический персонаж, что неудивительно в тот период увлечения редкостями, особенно если учесть, что «со времени Ивана Грозного (1582) в Италии не бывало русских послов. О далекой Московии знали мало и... никаких конкретных бытовых представлений с “московитами” не связывали»⁴³. Вполне возможно, что портрет был исполнен по желанию 14-тилетнего Козимо, на которого общение с послом далекой и таинственной страны должно было произвести впечатление.

В 1713 г. после смерти сына Козимо, великого герцога Фердинанда III (1663–1713), был составлен инвентарь художественных сокровищ Питти (опубликован М. Кьярини в 1975 г.), в котором упоминается «*dipintovi di mano Giusto Suttermans un Imbasciatore moscovita, con berretta con perle, pellicciata in testa, vestito di lungo, con adornam*»⁴⁴. Упомянутые «*berretta*» и «*vestito di lungo*» — парадное облачение посла⁴⁵ — выписаны Сустермансом с большой точностью и прекрасным чувством материала, что всегда отличало мастера, напоминая о его фламандских корнях. Этнографическая достоверность портрета особенно ценна, потому что предметов русского костюма того времени сохранилось очень мало.

Будучи почти исключительно портретистом, Сустерманс не относился к тем из них, кого интересовало эмоциональное или духовное состояние моделей, и редко достигал сколько-нибудь значительного психологизма в передаче образов. Тем более не следует ожидать глубокого проникновения в характер посла, которого художник видел очень короткое время, явно был лишен

возможности беседовать с ним в силу языкового барьера и в котором экзотика происхождения заслоняла все остальные качества. Однако объективный, точный в передаче внешности Сустерманс в лучших своих работах умел запечатлеть настроение модели и через это передать основные черты характера («Портрет Катерины Пуличани», ок. 1670, Уффици) и даже подняться до масштабных обобщений («Портрет Галилея», 1636, Уффици). В образе русского посла прежде всего ощутима некоторая неуверенность, как будто он, согласившись позировать, пошел на уступку и все еще пребывает в сомнении. В то же время в нем угадывается человек умный, проницательный, не лишенный чувства собственного достоинства, то есть обладающий теми чертами, которые не зависят от уровня образованности и типа культуры. Итальянские источники описывают его как очень красивого⁴⁶, еще крепкого мужчину лет 60-ти⁴⁷. На портрете он выглядит моложе, несмотря на усталое выражение лица и запавшие глаза, так как в его черной бороде совсем не заметно седины.

Из итальянских источников известно также, что обеспокоенный успехом России и Швеции в войне с Польшей римский папа стремился наладить контакт с царем и в связи с этим всячески содействовал посольству: разрешил проезд по Папской области, закрытой тогда из-за эпидемии, распорядился о встрече и размещении послов в подвластных ему Болонье и Ферраре и даже собирался переслать им в подарок свой портрет, осыпанный драгоценностями, однако не успел⁴⁸.

Двумя годами ранее написан неизвестным мастером портрет подьячего Федора Федоровича Порошина⁴⁹ (ил. 3). В мае–июле 1654 г. Порошин был отправлен гонцом к Великому курфюрсту Бранденбургскому Фридриху-Вильгельму. Это посольство «стояло в ряду других посольств, направленных в европейские государства для дипломатического обеспечения готовившейся войны с Речью Посполитой. Оно имело целью потребовать от Бранденбурга не оказывать помощи Польше. Порошин должен был также добиться, чтобы курфюрст признал “украинские” добавления в титул царя»⁵⁰. Как замечает П. И. Прудовский, «в середине 1650-х гг. международное значение Бранденбурга было еще невелико; тем не менее отношения России с ним в течение нескольких лет по интенсивности не уступали ее контактам со многими традиционными партнерами»⁵¹. Посольство Порошина было первой российской миссией в Берлин⁵².

О портрете Федора Федоровича сведений очень мало. Практически они сводятся к короткой заметке А. Новицкого: «Во время пребывания Порошина в Берлине с него был написан этот очень хорошей работы портрет, на котором он изображен по пояс, в круглой шапочке, украшенной двумя жемчужными нитями и отороченной мехом, в розовом кафтане и в белой поддевке. Вышина 84 см, ширина 63 $\frac{1}{4}$ ст.»⁵³

В 1909 г., когда вышла статья Новицкого, портрет находился в Королевском замке в Берлине⁵⁴. На фотографии, приведенной в «Старых годах», можно частично прочитать надпись, размещенную в три строчки на парапете:

«Des Moscovitischen Czaren an S Chur. durch. zu Brandenburg / Abgesanter Fiedor Fiedrowitz Poroschnin» — далее идет нечитаемая скоропись мелкими буквами и в конце строчки дата: «den (?) 7 July 1651». Последняя цифра, возможно, просто частично стерта и потому выглядит как единица. Наконец, третья строчка — почти нечитаемые полустертые мелкие буквы.

Общее решение портрета восходит к традиции Возрождения: Порошин изображен по пояс позади узкого парапета, на который он положил руку. Фоном служит довольно суммарно написанный пейзаж. Архаизм композиции странно сочетается со свободной легкой манерой наложения мазка, которая особенно эффектна в моделировке складок костюма, передающей блеск атласной ткани. Широкие прямоугольные застёжки-планки кафтана расшиты жемчугом. Крупный жемчуг украшает и своеобразный головной убор в виде берета, опушенного с одной стороны мехом. Подобный головной убор можно видеть в одной из гравюр, представляющей русские костюмы, в книге Адама Олеария⁵⁵. В целом портрет оставляет впечатление некоторой нарочитости, «ряжености» — подобный эффект обычно появляется в случаях, когда художник обращается к непривычным темам и персонажам. Усиливает впечатление выражение лица Порошина, явно прячущего в усах улыбку. Этим портрет отличается от всех остальных известных нам образов русских послов, всегда сохраняющих достойный строгий вид, согласно предписаниям дипломатического церемониала.

То, что портрет находился в Королевском дворце, говорит в пользу официального заказа, сделанного курфюрстом неизвестному, скорее всего немецкому, художнику.

Следующий по времени создания известных нам картин — портрет стольника, наместника Тульского Петра Семеновича Прозоровского (*ил. 4*). Вместе с дворянином Иваном Афанасьевичем Желябужским и дьяком Иваном Давыдовым он был отправлен в Англию в 1662 г., согласно официальному наказу, для поздравления короля Карла II со вступлением на престол. Более важной и вполне практической целью было получение у английского правительства денежного займа — «ефимков 10 пуд». О ходе переговоров послы подробно поведали в «статейном тайном списке», в недавнее время полностью введенном в научный оборот Н. А. Лузановым⁵⁶. Судя по списку, Петр Семенович справился со своей задачей, несмотря на длительную болезнь и постоянно возникавшие в ходе переговоров сложности. Реакция английской стороны, рассчитывавшей на возвращение привилегий Московской торговой компании, а не на напоминание о поддержке, оказанной Карлу в бытность его в изгнании, выразилась достаточно определенно: если 22 декабря 1662 г. на аудиенции у короля был соблюден весь церемониал и Карл стоя выслушал все восемь речей послов, среди которых были весьма продолжительные, и принял дары, после чего начался парадный обед, то при отъезде посланников никаких торжеств не было, а ответные подарки оказались весьма невысокой стоимости⁵⁷.

Где и кем написан этот групповой портрет, неизвестно. В настоящее время он хранится в ГРМ. Как сообщает А. Лодыженский, его приобрел в Лондоне гофмейстер князь Василий Викторович Кочубей, а его дочь, М. В. Дурново, заказала с него копию, которую в 1877 г. принесла в дар Московскому главному архиву⁵⁸. В настоящее время копия, написанная Н. Ф. Яшем, находится в собрании ГИМ. Впервые в России портрет появился на выставке Общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге в 1870 г. и был опубликован в «Историческом альбоме портретов известных лиц XVI–XVIII вв.»⁵⁹. На выставку портрет представила вдова гофмейстера Елена Павловна Кочубей. В подписи к портрету в альбоме сказано, что на нем изображены посол царя Алексея Михайловича к итальянским владетелям П. С. Прозоровский, его сыновья князья Алексей и Василий и переводчик. По этому поводу Лодыженский замечает, что в Московском главном архиве Министерства иностранных дел такого посольства Прозоровского не значится, но есть документы посольства в Англию⁶⁰. Ошибку можно было бы объяснить тем, что в 1663 г. по завершении миссии в Англии, когда Прозоровский вернулся на родину, его спутники, Желябужский и Давыдов, направились через Францию во Флоренцию и Венецию, но это предположение никак не объясняет появление в подписи имен сыновей посла.

Создание композиции группового портрета всегда нелегкая задача для живописца. Неизвестный мастер, скорее всего английский, стремился объединить персонажей с учетом положения, занимаемого каждым в группе: здесь нет эмоциональных связей, только субординационные. Глава посольства — П. С. Прозоровский — изображен сидящим в кресле, как и подобает старшему по чину и возрасту. Рядом с ним с топориком в руке⁶¹ стоит Желябужский. Дьяк Давыдов⁶², преклонив колена, подает Прозоровскому шапку — непреходящий атрибут парадного посольского наряда. Наконец, за креслом посла виден профиль переводчика А. Форрета. Все вместе можно рассматривать как сцену подготовки к приему.

На первый взгляд, решение композиции полотна не слишком удачно, однако на деле хорошо продумано: уравновешены и крупные объемы, и мелкие детали. В то же время мастер мало справляется с передачей глубины, не слишком точен в рисунке, особенно когда дело касается ракурсов; позы персонажей выглядят «деревянными», а лица невыразительны. Картину пытались отнести к итальянской школе⁶³, но для этого, на наш взгляд, ей не хватает мастеровитости.

Портреты Петра Ивановича Потемкина самые поздние в этом ряду и относятся к 1681–1682 гг., ко времени его последнего путешествия в Испанию и Англию. В первый раз в Испании Потемкин побывал в 1667 г.⁶⁴ — с этого времени началась история регулярных русско-испанских контактов. На вдовствующую королеву Марианну Австрийскую Потемкин произвел благоприятное впечатление. Были оценены и дары — соболя и горностаи. В сдержанном повествовании «Статейного списка» появляется следующий фрагмент:

«И как понесли мехи горностаевы, и в то время Королевское Величество светел учинился, и пришед изволил их смотреть, и шляпу скинул в то время с себя на землю; и Королевино Величество почала безмерно быть светлаж, видя сына своего Королевское Величество весела»⁶⁵.

Потемкин не оставляет описания зала, в котором проходил прием, но можно предположить, что это был Зеркальный зал или Салон зеркал в Старом Алькасаре в Мадриде (разрушен пожаром в 1734 г.). Называемый еще Новым салоном, зал был создан во время перестройки Алькасара при Филиппе IV в 1610–1636 гг. и использовался для аудиенций, в том числе для приема послов. В нем находились самые ценные полотна королевской коллекции, среди которых «Карл V в битве при Мюльберге» Тициана. В своем отчете Потемкин ни словом не упоминает о картинах, которые во множестве украшали залы королевских дворцов; не упоминает он и о монументальных росписях и алтарях, хотя не заметить их, например, во время посещения Эскориала было невозможно. О живописи в статейном списке речь заходит только один раз, поскольку в числе ответных даров — что для нас важно — находились портреты. Как сообщает посол: «...приехал от Королевского и Королевиного Величества Дворянин и привез ко Стольнику Петру две персоны Королевского и Королевиного Величества написаны на полотне»⁶⁶. Потемкин принял портреты с почетом и добавил: «А после того с тем же Дворянином прислали Королевское и Королевино Величества две персоны свои Королевского Величества ко Дьяку Семену Румянцову, и речь оне говорили таковуж, как и Стольнику Петру»⁶⁷. Судя по всему, это произошло 27 мая, поскольку перед этим упоминается, что 26 мая Королевское Величество прислал свою Королевскую грамоту с исправленной титулатурой царя, а следующее событие, когда на Посольский двор приехал казначей, относится уже к 28 мая⁶⁸. Казначей привез Потемкину и Румянцеву по алмазной запоне в золоте от их Королевских Величеств: цена одной 11 500 ефимков, другой — 6 500 ефимков⁶⁹. «Персоны» предназначались в дар царю Алексею Михайловичу. Известны ни автор картин, ни их вид, ни их судьба. Судя по всему, они благополучно прибыли в Москву — в документе от 1675 г. сказано: «У Гишпанского Короля прислано на отпуске, столнику Петру: 2 персоны Королевская да Королевиного на полотне»⁷⁰. Можно предположить, что автором портретов был Карреньо де Миранда, занимавший в то время должность придворного портретиста.

Вторая часть «Статьейного списка» П. И. Потемкина — отчет о пребывании во Франции в 1668 г., наиболее интересна подробным описанием инцидента на таможене в Байонне⁷¹, когда служащие герцога Антуана де Граммона вынудили его заплатить пошлину в 100 дублонов за оклады икон (!). Об утрате этих денег Потемкин упоминал неоднократно вплоть до возвращения их королем перед самым отъездом послов⁷². Впрочем, с особенностями французской таможни Петр Иванович мог познакомиться еще из отчета И. Желябужского. Возможно, обида на местные порядки выразилась в том, что, хотя Потемкин побывал в Лувре,

Версале, Венсенне, Сен-Клу и Сен-Жермене, видел гобеленовую мастерскую знаменитого живописца Ле Брена, посетил оба парижских театра и любовался фонтанами, сообщения его обо всем этом довольно скудны⁷³. Несколько больше дают французские источники. Помощник командира кавалергардского полка и камергер короля сьер де Като подробно описал пребывание русского посольства во Франции в своем дневнике⁷⁴, после отъезда посланников церемониймейстер де Сенто на основании этого дневника составил «мемуар», посвященный посольству⁷⁵. Составитель «мемуара», между прочим, отмечает, что, когда послу что-либо показывали в Париже или вне города, он всегда выражал свое удовольствие, но «никогда ни о чем особенно не отзывался и замечал, что не хочет говорить о Франции, пока он в ней, чтобы его не заподозрили в лести»⁷⁶. Замечает автор «мемуара» и то, что Потемкин, будучи в Версале, «желал все осмотреть»⁷⁷. Сообщает он также, что в числе королевских подарков, привезенных г. Берлизом, были три портрета: короля, королевы и дофина «в парадных платьях, во весь рост», писанные «лучшими живописцами Парижа»⁷⁸. Об этом знаке внимания посол упоминает коротко: «...сентября в 15 день к столынику Петру и к дьяку Семену приезжал от королевского величества з дары пристав де Берлис да с ним товарищ ево де Пей: столынику Петру Ивановичу три персоны, королевского и королевина и королевичева величества, да объяри золотные шестнадцать аршин...»⁷⁹ В перечислении даров за прошлые годы в уже упомянутом документе от 1675 г. о них сказано: «А от французского Короля прислано к нам на отпуске, столынику Петру: 3 персоны, Королевская да Королевина да Королевичева...»⁸⁰ Таким образом, и эти портреты, равно как и испанские, были благополучно доставлены в Россию, но их судьба также неизвестна. Возможно, одним из них был портрет «короля французского, может быть Лудовика XIV»⁸¹, который в 1681 г. находился в хорах царя Федора.

Вторично Францию и Испанию Петр Иванович с титулом наместника Углицкого посетил в 1681 г. Целью посольства были официальное извещение о смерти царя Алексея Михайловича и заключение торгового договора⁸². Во Францию послы прибыли в конце апреля и уже 11 мая выехали в Мадрид. Переговоры успешными не были, а спор о царском титуле привел к тому, что Потемкин даже отказался принять королевскую грамоту. Существует художественное свидетельство этих событий — очень редкий эстамп, на котором представлен прием Людовиком XIV русских послов, состоявшийся в Версале 24 апреля. Поднимаясь по ступенькам трона, Потемкин подносит королю царскую грамоту. За его спиной стоит дьяк Степан Полков, за ним — сын Потемкина Степан Петрович и остальная свита. Внизу гравюры в овальной рамке сцена въезда Потемкина в Версаль. Гравюра хранится в библиотеке Французской академии⁸³, а копия с нее — в собрании Исторического музея⁸⁴. Еще один экземпляр гравюры, но без нижней части, имеется в Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге⁸⁵. Возможно, что гравюра входила в серию: известная нам композиция «Прием Людовиком XIV послов Сиама» чрезвычай-

чайно сходна с нею своим решением. Судя по всему, русские посланники ставились в один ряд с экзотическими персонажами Востока, за которыми можно было признавать все что угодно, кроме цивилизационного равенства.

Пребывание в Мадриде заняло немногим больше месяца — с 25 июля по 9 сентября — и также не принесло особого успеха: стороны так и не договорились о взаимной свободе торговых отношений. Зримым результатом посольства стал большой парадный портрет Потемкина, написанный Карреньо де Миранда⁸⁶. Это самый представительный портрет русского дипломата XVIII столетия из всех существующих и, по мнению испанских искусствоведов, «один из лучших портретов испанской школы того времени»⁸⁷. Уже Антонио Паломино в сочинении «Музей живописи и эталон оптики» (1724) приводил в качестве примера одаренности Карреньо портрет «московитянина, посла, побывавшего здесь около 1682 года»⁸⁸. В XIX в. портрет был хорошо известен в России, он упоминается, например, Д. А. Ровинским⁸⁹, но его история до сих пор неясна, равно как и причины его появления. Вряд ли столь монументальное произведение (204 см × 120 см) было написано без королевского ведома. Картина исполнена за три года до смерти Карреньо (1685), в документах от 1686 г. указано, что она находится в мастерской придворных живописцев в мадридском Алькасаре.

Последним двором, который посольство посетило в вояже 1681–1682 гг., был английский. В Лондон послы прибыли 21 ноября 1681 г. и находились там до 15 февраля 1682 г.

24 ноября состоялась аудиенция у короля, о которой в своем «Дневнике» кратко записал Джон Ивлин: «Я присутствовал на аудиенции русского посла у обоих... Высочеств в Банкуэтинг-Хаусе: вначале внесли подарки... но самым замечательным и экзотическим был сам посол»⁹⁰. Природа этой «экзотичности» была представлена Ивлином, как следует из его дальнейших замечаний, в духе грубого комизма, однако этого нельзя ощутить при взгляде на портрет Потемкина, написанный в то время Годфри Неллером. Очевидно, отношение к посланцу варварской страны было неоднозначным.

О встрече Потемкина с Неллером упоминаний нет (но их нет и в случае Сустерманса, и Карреньо). В настоящее время известны два портрета Потемкина — в собрании Эрмитажа и в Оружейной палате. Оба претендовали на авторство Неллера. Посол изображен на них в том же парадном облачении, шитом жемчугом, в каком предстает на картине испанского мастера, с тем же посохом и в той же позе, но не в рост, а по колено. На обороте эрмитажного портрета (ил. 5) на дублировочном холсте проставлена копия старой подписи: «His Exelency Peter John Potemkin Ambass[a]d[o]r Extraordinary from Czar of Moscovy. 1682. GKneller pinxit»⁹¹. Предполагалось, что портрет происходит из собрания Г. А. Потемкина в Таврическом дворце⁹², откуда в 1792 г. поступил в Эрмитаж. По легенде, владельцы хранили его как память о предке. Так, в каталоге «Россия — Британия» от 2003 г. сказано буквально следующее:

«...вплоть до 1797 г. [! — Т. С.] этот портрет украшал Таврический дворец Потемкиных, хозяева которого хранили его как память о своем знатном предке»⁹³. В недавнее время выяснилось, что портрет, хотя и был в собрании Г. А. Потемкина, числился в каталоге картин, находившихся «в личных покоях князя в Зимнем дворце»⁹⁴. Как видим, о Таврическом дворце речь уже не идет. Кроме того, П. И. Потемкин не являлся родственником Г. А. Потемкина, что, впрочем, не могло помешать числить его таковым.

Портрет из Оружейной палаты очень близок эрмитажному. В уже названном каталоге «Россия — Британия» написано, что он происходит из основного собрания Оружейной палаты и «является второй копией с оригинала Готфрида Кнеллера»⁹⁵. О первой копии, выполненной в середине XIX в. Н. Ф. Яшем, сказано лишь то, что она находилась в Министерстве иностранных дел.

Внесем дополнение и исправление в не совсем точные сведения каталога. Портрет из Оружейной палаты первоначально находился в Мраморном дворце в Петербурге. На его обороте имеется надпись: «Петръ Ивановичъ Потемкинъ бывший посолъ в Лондоне в 1682 г. Изъ Мраморнаго Дворца»⁹⁶. Когда он был передан в Москву — неясно. Качество портрета высокое, и не случайно Д. А. Ровинский считал его подлинником Неллера⁹⁷. Пожалуй, главное отличие московского портрета от эрмитажного в том, что в образе Потемкина меньше внутренней энергии и уверенности, меньше «характера». В настоящее время эта картина считается копией XVIII в.⁹⁸

По-видимому, эрмитажный портрет пользовался успехом: известны исполненные по нему две гравюры XVII в. (на обеих автором картины назван Неллер). Обе упомянуты Д. А. Ровинским⁹⁹ и А. В. Морозовым¹⁰⁰; одна из них, в технике меццо-тинто (черная манера), приписывается А. Блутерингу (Блотелингу), другая — резцом — выполнена Р. Уайтом. Обе гравюры очень редки, и, как указывают оба автора, гравюра Блутеринга не показана даже в полном каталоге его работ, составленном Вессели¹⁰¹. Гравюра резцом лучше передает сходство с портретом Неллера, к тому же и поворот фигуры дан в ту же сторону, что и в картине. Даже суховатость исполнения в определенной мере сближает ее с картиной из Эрмитажа. Фигура помещена в овал, окруженный богатой барочной рамой: в верхней части ее изображены два путти со шкурами зверей, а внизу лев, два леопарда и медведь — все вкупе, очевидно, призвано было подчеркнуть экзотику дикой страны, которая среднему европейцу представлялась, по-видимому, чем-то вроде северного Востока.

В нижней части гравированной рамы помещен овальный медальон, в котором крохотная фигурка того же Потемкина показана в рост. Несмотря на мелкие размеры, в лице посла прекрасно передано сходство с большим портретом. Потемкин выглядит величественно, он стоит, торжественно выпрямившись и отведя в сторону правую руку с посохом, пола его тяжелого облачения как будто отогнута ветром. Фоном служит условный пейзаж, названный в каталоге Эрмитажа «равнинным». Насколько это так, трудно ска-

зять, ибо любое определение подразумевает хоть какие-то детали, но их как раз и нет в немногочисленных мелких штрихах, призванных передать глубину. Это изображение позволяет предположить, что Неллером было выполнено несколько портретов Потемкина и среди них портрет в рост¹⁰². О некоем портрете «князя Потемкина» работы Неллера из собрания графа Оксфорда, появившемся в 1741 г. на распродаже у Кока в Лондоне, сообщал Грейвз¹⁰³.

XVII столетие в России небогато произведениями светской живописи. В отечественном искусстве этого времени нет ничего, что можно было бы сопоставить с работами европейских мастеров даже в смысле тематики. Единственный жанр, связывающий светское искусство Европы и России, — портрет, и появлением таких произведений Россия, преимущественно Москва, обязана отчасти и своим посольствам. Разумеется, не каждое из них привозило картины, подаренные иноземными государями. В число даров входили в основном изделия из серебра, дорогие ткани, ювелирные украшения, иногда оружие. Картины в сравнении со всеми этими предметами обладали существенным недостатком: их трудно было перевозить, не рискуя повредить в долгом пути. К тому же холст, дерево, краски имели невысокую стоимость, и произведение живописи, портретной в первую очередь, обладало ценностью в основном как напоминание о дарившем, как знак его расположения. При таких обстоятельствах важнее всего были сходство и тщательность исполнения, а не эффектность фактуры, мазка, оригинальность композиции. Не случайно авторы портретов, привезенных в Москву, нигде не указываются: важно было, кто изображен, а не кем. Это не означает, что хорошие художники не ценились (история с портретом Алексея Михайловича убеждает в этом)¹⁰⁴, а лишь свидетельствует о том, что представление о живописи как о творчестве и способе постижения мира только начинало складываться.

Подводя итоги, укажем, что из рассмотренных нами немногочисленных статейных списков и других документов выяснилось, что только согласно им в Россию были привезены не менее семи портретов иностранных государей и все они были выполнены первоклассными мастерами. Известно, что привозили и портреты европейских правителей, специально заказанные через дипломатов, как, например, поступил Борис Годунов, пожелавший иметь изображение Рудольфа II¹⁰⁵. Портреты самих послов, как было видно, часто оставались в Европе, но не все. Если посол надолго задерживался за границей, он вполне мог рассчитывать получить в дар или заказать собственное изображение и увезти его на родину. Скорее всего, именно так попал в Россию портрет работы Неллера.

Все рассмотренные нами портреты при разном качестве исполнения имеют и нечто общее — объективность в передаче образов. В этом отношении их интересно сравнить с современными им литературными памятниками, описаниями России, данными иностранцами. Еще И. Билибин в свойственной ему эмоциональной манере отметил, что они описывают Московию «подробно

и добросовестно», но по прочтении этих сочинений остается тягостное впечатление: «Страна эта кажется им кошмарной и дикой. Тяжесть, сонливость и тоска сквозят из каждой строчки. Это — страна пьянства, обжорства, невежества, сна, религиозного фанатизма и блуда»¹⁰⁶. Автор задается вопросом: «Что же, верно ли это?» И отвечает на него: «Да, верно, и совершенно верно. Но верно — и неверно, и более неверно, чем верно.

Что-то главное упущено и просмотрено. А чтобы усмотреть это пропущенное, недостаточно было вкладывать в свои наблюдения над этой неведомой и странной страной только одно добросовестное любопытство; в наблюдениях нет любви к этому открываемому народу; но они, эти путешественники, и не должны были любить чуждую страну, ими посещаемую»¹⁰⁷.

При виде портретов, написанных европейскими мастерами, мы тоже не вправе ожидать какого-либо особого расположения художников к моделям, но ни в одном случае не проявляется сколько-нибудь намеренного подчеркивания негативных черт, желания огрубить образ, усилить его «варварство». Живописцы явно искренне старались как можно точнее зафиксировать облик необычных христиан, говоривших на непонятном языке и покроем одежд напоминавших о Востоке. В этом их задачи совпадали с задачами литераторов. Но если описания путешествий грешили пристрастностью, живопись оставалась зеркалом, ясно отражавшим реальность.

Разумеется, все сказанное выше не закрывает вопроса о влиянии европейского искусства на русскую живопись, и прежде всего парсуну, хотя в последнее время преобладает мнение, что «портрет как культурное и художественное явление вряд ли “вызрел” внутри иконописного искусства. Скорее, имеет смысл говорить о некоей “трансплантации” западноевропейской портретной традиции на благодатную почву “новой культуры” России XVII века»¹⁰⁸. Добавим к цитированному, что развитие русского светского искусства как самостоятельного явления начинается именно с портрета. Об этом свидетельствуют и немногочисленные произведения XVII в., и весомое преобладание портрета в живописи последующего столетия. И именно в области портрета русские художники достигли необычайно высокого уровня — не в смысле эффектной виртуозности письма, а в смысле глубины и психологической точности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаврентьев А. В. «Век парсуны». XVII столетие в русской истории и культуре // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. Каталог выставки. М., 2004. С. 11.

² См.: Рогожин Н. М. Посольские книги конца XV — начала XVIII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reln.ru:8080/members/irh/basa/>; www.votlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html.

³ Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319–346; Сабенина А. М. Статейные списки и их значение для русского языка // Русский язык и источники для его изучения.

М., 1971; Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI–XVII вв. как этнографический источник // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1976.

⁴ Опубликован: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 156–205. О посольстве Микулина писали также: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1853. Т. XI. С. 7; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 8. С. 359.

⁵ Микулин Н. Б. Г. И. Микулин, государственный деятель конца XVI — начала XVII в. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 137.

⁶ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 172–173.

⁷ Там же. С. 167, 200, 202.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Там же. С. 181.

¹⁰ Там же. С. 197–198.

¹¹ Там же. С. 199.

¹² Там же. С. 201.

¹³ Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988. С. 134–135; Дмитриева О. В. Церемония, церемонность и бес-церемонность в королевском застолье елизаветинской Англии // Одиссей. Человек в истории. М., 1999.

¹⁴ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 204.

¹⁵ Белоброва О. А. Микулин Григорий Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. СПб., 1993. С. 350; Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 24–25; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 135.

¹⁶ Богатырев С. Н. «Мой честнейший и дорогой друг Григорий Иванович Микулин». (Письмо английского государственного деятеля к русскому дипломату начала XVII в.) // Отечественные архивы. 1995. № 6. Оригинал письма хранится в РГАДА: Ф. 35. Сношения с Англией. Оп. 1. Д. 30. Л. 118–119. Подлинник.

¹⁷ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 160; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 325; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 83; Россия — Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. Каталог выставки. М., 2004. С. 14.

¹⁸ Государственный ордена Ленина Исторический музей. Путеводитель / под ред. В. Г. Вержбицкого. М., 1975. С. 44. В ряде других путеводителей портрет не упоминается вовсе.

¹⁹ В качестве курьеза можно привести утверждение, что портрет Микулина был подарен Елизавете (I) Борисом Годуновым (!), так как посол чрезвычайно понравился королеве.

²⁰ Чарыков Н. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600–1601 гг. // Древняя и Новая Россия. СПб., 1876. Т. 2. № 8. С. 368–369.

²¹ Там же. С. 369.

²² Новицкий А. Парсунное письмо в Московской Руси // Старые годы. 1909. Июль — сентябрь. С. 400.

²³ Лодыженский А. Н. Посольство в Англию князя Прозоровского, дворянина Желябужского и дьяка Давыдова в 1662: Исторический очерк по документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. М., 1880. С. 453.

²⁴ Evans N. S. The Meeting of the Russian and Scottish Ambassadors in London in 1601 // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. LV. № 4. P. 518.

²⁵ ПДС. Т. III. СПб., 1854. Стб. 1241–1242.

²⁶ Там же. Стб. 1012.

²⁷ Там же. Стб. 1024.

²⁸ Там же. Стб. 1032.

²⁹ Например, И. И. Чемоданов, описывая покои великого герцога Тосканского, говорит: «а все те полаты писаны». ПДС. Т. X. СПб., 1871. Стб. 1161.

³⁰ ДРВ. М., 1788. Т. IV.

- ³¹ Казакова Н. А. Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII века) // ТОДРЛ. Л., 1988. С. 270.
- ³² ПДС. СПб., 1871. Т. X. Стб. 509–670.
- ³³ ДРВ. Т. IV; ПДС. Т. X. Стб. 931–1150.
- ³⁴ ПДС. Т. X. Стб. 1151–1175.
- ³⁵ Gli Uffizi. Catalogo generale. Firenze, 1980. P. 534.
- ³⁶ Bautier P. Juste Suttermans peintre des Medicis. Bruxelles; Paris, 1912.
- ³⁷ Rusconi A. J. La R. Galleria Pitti. Roma, 1937. P. 292.
- ³⁸ Panella A. Ambasciatori Moscoviti in Italia tre secoli fa // Nuova antologia di lettera, arti e scienze. Roma. Anno LXXXIV. Fasc. 1847, 1954. P. 349–372; Crinò A. M. Rapporti culturali, diplomatici e commerciali degli zar di Russia con i granduchi di Toscana e Venezia nei seicento // Annali della facoltà di economia e commercio in Verona. Serie II. 1966. Vol. 1. P. 237–278.
- ³⁹ Здесь и далее даты по старому стилю.
- ⁴⁰ ДРВ. Т. IV. С. 190.
- ⁴¹ Там же. С. 199–200.
- ⁴² Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955.
- ⁴³ Аннинский С. А. Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 году (Впечатления иностранца) // Сборник статей к сорокалетию научной деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 202.
- ⁴⁴ Chiarini M. I quadri della collezione del Principe Ferdinando di Toscana // Paragone. 1975. № 301. P. 73.
- ⁴⁵ «Чемоданов изображен в высокой парчовой шапке, осыпанной жемчугом и отороченной мехом, в шелковом узорчатом халате и малиновом терлике» (Новицкий А. Указ. соч. С. 401).
- ⁴⁶ Аннинский С. А. Указ. соч. С. 208, 210.
- ⁴⁷ Из донесения кардинала Пиньятелли в папскую курию кардиналу Роспильози. См.: Шаркова И. С. Посольство И. И. Чемоданова и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 212; Аннинский С. А. Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁸ Шаркова И. С. Указ. соч. С. 221.
- ⁴⁹ Известно о нем немного, в частности то, что ему принадлежали три крестьянских двора в деревне Либерицы (впоследствии село Люберцы).
- ⁵⁰ Прудовский П. И. Дипломатические отношения России и Бранденбургско-Прусского государства в середине XVII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 20. См. также: Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 35–36.
- ⁵¹ Прудовский П. И. Указ. соч. С. 3.
- ⁵² Там же. С. 5. См. также: Прудовский П. И. К вопросу формирования дипломатического протокола: Россия и Бранденбург в середине XVII века // Вестник архивиста. 2005. № 1(85). С. 252–259.
- ⁵³ Новицкий А. Указ. соч. С. 401.
- ⁵⁴ Взорван в 1950 г.
- ⁵⁵ Приведена в: Билибин И. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. // Старые годы. 1909. Июль — сентябрь. С. 446.
- ⁵⁶ Лузанов Н. А. Тайная миссия посольства П. С. Прозоровского в Англию в 1662–1663 годах // Научная конференция «Россия — Британия». Тезисы докладов.
- ⁵⁷ Лодыженский А. Н. Указ. соч. С. 452.
- ⁵⁸ Там же. С. 453.
- ⁵⁹ Выставка Общества поощрения художеств. Исторический альбом портретов известных лиц XVI–XVIII вв., фотографированный и изданный художником А. М. Лушевым. СПб., 1870. Отд. V. С. 52.
- ⁶⁰ Лодыженский А. Н. Указ. соч. С. 453.

- ⁶¹ Как пишет Лодыженский, это один из тех посольских топориков, «которые до сих пор можно видеть в московской Оружейной Палате»: *Лодыженский А. Н.* Указ. соч. С. 453.
- ⁶² В подписи к копии портрета в ГИМ этот персонаж назван подьячим Ю. Никифоровым.
- ⁶³ *Лодыженский А. Н.* Указ. соч. С. 453.
- ⁶⁴ Спустя 137 лет после появления здесь первых официальных представителей русского государства: подьячего Якова Полушкина, а затем личных представителей Василия III — князя Ивана Ивановича Засекина-Ярославского и дьяка Семена Трофимовича Борисова.
- ⁶⁵ ДРВ. Т. IV. С. 392.
- ⁶⁶ Там же. С. 433.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. С. 434.
- ⁶⁹ Там же. С. 435.
- ⁷⁰ ПДС. Т. V. СПб., 1858. Июль — сентябрь. Стб. 185.
- ⁷¹ ДРВ. Т. IV. С. 467 — 468.
- ⁷² Там же. С. 542.
- ⁷³ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 314–315.
- ⁷⁴ Опубликовано в: *Bibliothèque russe. Nouv. serie. Paris, 1860. Т. III. См.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 432.*
- ⁷⁵ См.: *Galitzin E. La Russie de XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale. Paris, 1855. Русский перевод: Русское посольство при дворе Людовика XIV // Русский вестник. 1863. № 10.*
- ⁷⁶ Русский вестник. 1863. № 10. С. 618.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 620.
- ⁷⁹ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 297; ДРВ. Т. IV. С. 541.
- ⁸⁰ ПДС. Т. V. Стб. 185.
- ⁸¹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетях. Книга первая. Государев двор или дворец. М., 1990. Владимирская типография Госкомитета СССР по печати. С. 263. Московская типография № 4 при Госкомпечати СССР. С. 199.
- ⁸² Все статейные списки посольства П. И. Потемкина и дьяка С. Полкова за 1681–1682 гг. находятся в: РГАДА. Ф. 93. См.: *Казакова Н. А.* Статейные списки русских послов в Испанию XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 150–151.
- ⁸³ *Rambaud A. Recueil des unstructions... Paris. 1890. Т. I. Р. 56 // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 436.*
- ⁸⁴ См.: Государственный орден Ленина Исторический музей. Путеводитель. М., 1975. С. 44. Указано, что это именно «копия», а не «оттиск», «запечатлевшая прием французским королем Людовиком XVI (!) в 1681 г. русского посольства во главе с Потемкиным».
- ⁸⁵ Большая биографическая энциклопедия: http://dic.academic.ru/contens.hsf/enc_biography/
- ⁸⁶ Museo del Prado. Inventario generale de Pinturas. Madrid, 1990. Т. I. Р. 152. № 517.
- ⁸⁷ *Портус Х.* Карреньо де Миранда // Прадо в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 152. Табл. 44.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1824.
- ⁹⁰ The Diary of John Evelyn. Oxford, 1955. Р. 262, 269. См.: С берегов Темзы — на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. Каталог выставки / под ред. А. Брайена, Л. Дукельской. СПб., 1997. С. 164.
- ⁹¹ С берегов Темзы... С. 164.
- ⁹² *Дукельская Л. А., Ренне Е. П.* Английская живопись XVI–XIX века. Каталог // Государственный Эрмитаж. Собрание западноевропейской живописи. Л., 1990. С. 91–92.

- ⁹³ Россия — Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. Каталог выставки. М., 2003. С. 73.
- ⁹⁴ С берегов Темзы... С. 164.
- ⁹⁵ Россия — Британия. С. 73.
- ⁹⁶ *Дукельская Л. А., Ренне Е. П.* Указ. соч. С. 92.
- ⁹⁷ *Ровинский Д. А.* Указ. соч. Стб. 1823.
- ⁹⁸ С берегов Темзы... С. 164.
- ⁹⁹ *Ровинский Д. А.* Указ. соч. № 3. Стб. 1824.
- ¹⁰⁰ *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913. Т. III. С. 973.
- ¹⁰¹ *Ровинский Д. А.* Указ. соч. Стб. 1824; *Морозов А. В.* Указ. соч. С. 973.
- ¹⁰² *Дукельская Л. А., Ренне Е. П.* Указ. соч.
- ¹⁰³ *Graves A.* Art Sales. London, 1921. Vol. 2. P. 98. См.: *Дукельская Л. А., Ренне Е. П.* Указ. соч. С. 92.
- ¹⁰⁴ *Овчинникова Е. С.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁰⁵ *Лаврентьев А. В.* Указ. соч. С. 14.
- ¹⁰⁶ *Билибин И.* Указ. соч. С. 440.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 440–441.
- ¹⁰⁸ *Лаврентьев А. В.* Указ. соч. С. 15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
БАН — Библиотека Российской Академии наук
БОКМ — Белозерский областной краеведческий музей
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДРВ — Древняя российская вифлиофика
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
КВЭ — Культура Возрождения. Энциклопедия
КЭ — Католическая энциклопедия
ПДС — Памятники дипломатических сношений
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭ — Православная энциклопедия
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства
им. Андрея Рублева, Москва
ШКМ — Шенкурский краеведческий музей
ЯХМ — Ярославский художественный музей
ЯГИАХМЗ — Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
ARSI. Opp. NN. — Archivum Romanum Societatis Jesu. Opera Nostrorum
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CFHB — Corpus fontium historiae Byzantinae

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черная Л. А.</i> Европа как «Запад» в русском средневековом восприятии	5
<i>Соловьев С. В.</i> Три града Исидора Киевского: византийский гуманист между Москвой и Римом	18
<i>Кудрявцев О. Ф.</i> Западные известия первой половины XV в. о Руси	31
<i>Хорошкевич А. Л.</i> Идеологема предубеждений «Европы» против Руси и России и наоборот и практика их торговых отношений в XV–XVI вв.	68
<i>Матасова Т. А.</i> Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV — начала XVI в.	76
<i>Акопян О. Л.</i> С «латинянами» против «латинского нечестия»: Максим Грек, Савонарола и борьба с астрологией	92
<i>Мельников Г. П.</i> Русские сюжеты в чешской культуре XV–XVI вв.	103
<i>Доронин А. В.</i> Русские земли на карте немецких гуманистов, 1490–1530 гг.	117
<i>Кудрявцев О. Ф.</i> Святая Русь, или Русская греза доктора Иоганна Фабри	129
<i>Ряуткина Т. М.</i> О том, как в своем глазу не видно бревно, а в чужом видно соринку: восприятие российской действительности английскими путешественниками XVI в.	167
<i>Юсим М. А.</i> Иван Грозный и ренессансные государи	192
<i>Русаковский О. В.</i> Русские послы перед купидонами и венерами: фрагменты «Московии» А. Поссевино в контексте полемики об искусстве эпохи Контрреформации	199
<i>Самотовинский Д. В.</i> Одно из «самых славных государств» мира: Московия в контексте исторической концепции и политических взглядов Луи Ле Руа	217
<i>Карпенко Е. К.</i> Образ Московии и Сибири во «Всемирной космографии» (1575) Андре Теве	238
<i>Эльфонд И. Я.</i> Русская тема во французской политической литературе эпохи гражданских войн XVI в.	252
<i>Григорьева И. Л.</i> Тракта́т Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» и русская культура XVII в.	265
<i>Болдырева Н. А.</i> К истории русского перевода «Британии» Уильяма Кемдена в библиотеке патриарха Никона	284
<i>Смирнова Э. С.</i> Некоторые особенности русской художественной жизни и иконографии XVI в.: полемика с «Люторовой ересью»?	295
<i>Кирьянова С. А.</i> К проблеме западноевропейских живописных образцов XVI–XVII вв. в пейзажных фонах русских икон XVII в.	308
<i>Сонина Т. В.</i> Экзотическая Гиперборея. Портреты русских послов работы европейских художников XVII в.	314
Список сокращений	333

CONTENTS

<i>Chernaya L. A.</i> Perceptions of Europe as exemplary West in Medieval Russia	5
<i>Solovyev S. V.</i> Three cities of Isidore of Kiev: A Byzantine humanist between Moscow and Rome	18
<i>Kudryavtsev O. F.</i> Western reports about Russia in the first half of the 15 th century	31
<i>Khoroshkevich A. L.</i> Trade relations between Rus', Russia and «Europe» during 15 th –16 th centuries: A case study of ideologema of mutual prejudices	68
<i>Matasova T. A.</i> Italian politics of the 15 th and early 16 th centuries in Russian written sources: A case study of perceptions and interpretations	76
<i>Akopyan O. L.</i> With «Latins» against «Latin vice»: Savonarola, Maximos the Greek, and astrology	92
<i>Melnikov G. P.</i> Russian motives in Czech culture of the 15 th –16 th centuries	103
<i>Doronin A. V.</i> Russian lands on German Renaissance maps, 1490–1530	117
<i>Kudryavtsev O. F.</i> «Holy Russia», or Iohann Fabri's Russian reverie	129
<i>Ruyatkina T. M.</i> «Why do you see the speck that is in your brother's eye, but do not notice the log that is in your own eye?» — perceptions of Russia in English sixteenth century travel writings	167
<i>Yussim M. A.</i> Ivan the Terrible and Renaissance princes	192
<i>Rusakovskiy O. V.</i> Russian ambassadors encounter Venuses and cupids: A case study of «Muscovia» by Antonio Possevino in the context of the Counter-Reformation art polemic	199
<i>Samotovinskiy D. V.</i> One of the «most famous realms of the world»: Muscovy in the context of historical and political views of Loys Le Roy	217
<i>Karpenko E. K.</i> Images of Muscovy and Siberia in the «Universal cosmography» by André Thevet	238
<i>Elfond I. Ya.</i> Russian theme in French political literature during sixteenth century Wars of Religion	252
<i>Grigorieva I. L.</i> « <i>De civilitate morum puerilium</i> » of Erasmus and Russian seventeenth century culture	265
<i>Boldyreva N. A.</i> William Camden's 'Britania' and its Russian translation from the library of patriarch Nikon	284
<i>Smirnova E. S.</i> Some peculiar features of Russian sixteenth century cultural life and iconography: a case study of possible polemics with the 'Lutheran heresy'	295
<i>Kiryanova S. A.</i> Identifying landscape archetypes of Western European painting from the 16th and 17th centuries in the 17th century Russian icons' landscape backgrounds: a case study	308
<i>Sonina T. V.</i> Exotic Hyperborea: portraits of Russian ambassadors by European painters of the 17th century	314
List of abbreviations	333

Научное издание

Культура Возрождения

**Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.:
контакты и взаимное восприятие**

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*

Корректор *Л. Ю. Пантина*

В оформлении книги использованы иллюстрации:

1-я сторона обложки —

Исаак Масса. «Карта южной части России, в просторечии Московия» (30-е гг. XVII в.).

Фрагмент

4-я сторона обложки —

Портрет Якоба Ульфельдта, автора сочинения «Путешествие в Россию» (1584–1593).

Неизвестный художник. Замок Фредериксборг

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.12.2013.

Формат 70×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.

Тираж 500 экз. Заказ № 61.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8(499) 685-15-75

Отпечатано

в ОАО «Областная типография «Печатный двор».

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

CULTURE of КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ RENAISSANCE

Сборник составлен в основном по материалам международной научной конференции, прошедшей в Москве 17–18 октября 2011 г. Большое внимание авторы уделили тому, как европейская ренессансная культура воспринимала открываемый ею русский мир и как в свою очередь в России описывали и оценивали то, что находили на Западе. Значительное место в статьях сборника занимает

исследование русско-европейских контактов в области религиозной и философской мысли, науки и искусства, отразившихся в памятниках литературы и художественных произведениях.

Книга иллюстрирована работами мастеров искусства XV–XVII вв.

Издание адресовано всем интересующимся отечественной средневековой и европейской ренессансной культурой.